

2949-2092 (ONLINE)

СИБ
СКРИПТ

TOM 27 N° 2
2025

СибСкрипт = SibScript

СибСкрипт – национальный научный рецензируемый журнал.

Издается с 1999 г. Выходит 6 раз в год.

До 17 февраля 2023 г. – Вестник Кемеровского государственного университета.

Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых журналов Высшей аттестационной комиссии РФ.

Журнал относится к категории K1 в соответствии с Итоговым распределением журналов Перечня ВАК по категориям K1, K2, K3.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Плата за публикацию не взимается. Журнал издается за счет средств Кемеровского государственного университета.

Все научные статьи, соответствующие требованиям журнала, проходят двойное слепое рецензирование.

Сведения о политике журнала, правилах для авторов, архив полнотекстовых выпусков размещены на сайте издания:

<https://sibscript.ru>

Журнал включен в базы данных: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, РИНЦ.

Статьи распространяются на условиях лицензии CC BY 4.0 International License.

Регистрационный номер СМИ: серия ПИ № ФС 77-84812. Выдан Роскомнадзором.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Подписной индекс в интернет-магазине периодических изданий «Пресса по подписке» – 42150.

Учредитель, издатель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Кемеровский государственный университет» (КемГУ).

Адрес учредителя, издателя: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Адрес редакции: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, ул. Красная, 6; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

SibScript is a Russian scientific peer-reviewed.

Founded in 1999. Published 6 times a year.

Until 17 Feb 2023 – The Bulletin of Kemerovo State University.

The Journal is on the Russian List of Leading Peer-Reviewed Journals recommended by the Higher Attestation Commission of the Russian Federation. The Journal belongs to Top Category (K1) of scientific periodicals as classified by the Higher Attestation Commission.

Opinions expressed in the articles published in the Journal are those of their authors and may not reflect the opinion of the Editorial Board.

The Journal is funded by Kemerovo State University. Authors do not have to pay any article processing charge or open access publication fee.

The scientific articles, drawn up according to the rules of the journal, undergo double-blind peer review.

For more information about our publishing politics, instructions for authors, and archives of full-text issues, please visit our website: <https://sibscript.ru>

The journal is registered in the following databases: ErichPlus, DOAJ, Scilit, Ulrich's Periodicals Directory, RSCI.

The articles are distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License.

Registration number: PI no. FS 77-84812. Registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Communications.

ISSN 2949-2122 (print); 2949-2092 (online).

Subscription indices: 42150 – in the online-store of periodicals "Press by subscription".

Founder and publisher: Kemerovo State University.

Address of the founder and publisher: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)58-12-26; rector@kemsu.ru

Editorial Office Address: 6, Krasnaya St., Kemerovo, Kemerovo region (Kuzbass), Russia, 650000; +7(3842)55-87-61; vestnik@kemsu.ru

16+

Серый Андрей Викторович

главный редактор, д-р психол. наук, проф.,
КемГУ (Кемерово, Россия).

Редакционная коллегия

Аникин Александр Евгеньевич

д-р филол. наук, проф., академик СО РАН, Институт
филологии РАН (Новосибирск, Россия).

Бобров Владимир Васильевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Дятко Дмитрий Васильевич

д-р филол. наук, проф., БГПУ им. Максима Танка
(Минск, Беларусь).

Жиличева Галина Александровна

д-р филол. наук, НГПУ (Новосибирск, Россия).

Зиновьев Василий Павлович

д-р ист. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Кобенко Юрий Викторович

д-р филол. наук, проф., ТПУ (Томск, Россия).

Колотов Владимир Николаевич

д-р ист. наук, доцент, СПбГУ (Санкт-Петербург, Россия).

Колпинская Екатерина Глебовна

д-р философии, канд. ист. наук, Университет Эксетера
(Экстер, Великобритания).

Кузнецов Илья Владимирович

д-р филол. наук, доцент, НГТИ (Новосибирск, Россия).

Лукьянов Олег Валерьевич

д-р психол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Лушников Галина Игоревна

д-р филол. наук, проф., ГПА (филиал) КФУ
им. В. И. Вернадского (Ялта, Россия).

Мельник Наталья Владимировна

д-р филол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Микляева Анастасия Владимировна

д-р психол. наук, доцент, РГПУ им. А. И. Герцена
(Санкт-Петербург, Россия).

Молодин Вячеслав Иванович

д-р ист. наук, проф., академик РАН, Институт археологии
и этнографии СО РАН (Новосибирск, Россия).

Налегач Наталья Валерьевна

д-р филол. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Невзоров Борис Павлович

д-р пед. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Васютин Сергей Александрович

зам. главного редактора, д-р ист. наук, доцент, КемГУ
(Кемерово, Россия).

Овчинников Владислав Алексеевич

д-р ист. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Пименова Марина Владимировна

д-р филол. наук, проф., Международный гуманитарный
университет им. П. П. Семенова-Тян-Шанского
(Санкт-Петербург, Россия).

Проскурин Сергей Геннадьевич

д-р филол. наук, проф., НГУ (Новосибирск, Россия).

Резанова Зоя Ивановна

д-р филол. наук, проф., ТГУ (Томск, Россия).

Рудакова Светлана Викторовна

д-р филол. наук, доцент, МГТУ им. Г. И. Носова
(Магнитогорск, Россия).

Серкин Владимир Павлович

д-р психол. наук, проф., Высшая школа экономики
(Москва, Россия).

Терехов Олег Эдуардович

д-р ист. наук, доцент, КемГУ (Кемерово, Россия).

Тюпа Валерий Игоревич

д-р филол. наук, проф., РГГУ (Москва, Россия).

Хахалкина Елена Владимировна

д-р ист. наук, доцент, ТГУ (Томск, Россия).

Хьюитт Карен

магистр гуманитарных наук, проф., Институт
непрерывного образования Оксфордского Университета
(Оксфорд, Великобритания).

Шунков Александр Викторович

д-р филол. наук, доцент, КГИК (Кемерово, Россия).

Эрдэнэболд Лхагвасурэн Салжиуд

канд. ист. наук, проф., Монгольский университет науки
и технологии (Улан-Батор, Монголия).

Юревич Андрей Владиславович

д-р психол. наук, проф., чл.-корр. РАН, Институт
психологии РАН (Москва, Россия).

Яницкий Михаил Сергеевич

д-р психол. наук, проф., КемГУ (Кемерово, Россия).

Andrey V. Seryy

Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Sergey A. Vasyutin

Deputy Editor-in-Chief, Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Editorial board

Alexander E. Anikin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Member of the Russian Academy of Sciences (RAS), Institute of Philology of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Vladimir V. Bobrov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Dmitriy V. Dzyatko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank (Minsk, Belarus).

Lhagvasuren Erdenabold

Ph.D.(Hist.), Prof., Mongolian University of Science and Technology (Ulan Bator, Mongolia).

Karen Hewitt

M.B.E., M.A. (Oxon.), Prof. of Department for Continuing Education, University of Oxford (Oxford, GB).

Elena V. Khakhalkina

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Yuriy V. Kobenko

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk Polytechnic University (Tomsk, Russia).

Vladimir N. Kolotov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Saint Petersburg State University (St. Petersburg, Russia).

Ekaterina Kolpinskaya

PhD in Politics, Cand.Sci.(Hist.), University of Exeter (Exeter, GB).

Iliya V. Kuznetsov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Novosibirsk State Theater Institute (Novosibirsk, Russia).

Oleg V. Lukyanov

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Galina I. Lushnikova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Humanities and Education Science Academy (branch) of V. I. Vernadsky Crimean Federal University (Yalta, Russia).

Natalia V. Melnik

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Anastasiya V. Miklyaeva

Dr.Sci.(Psychol.), Assoc. Prof., Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg, Russia).

Vyacheslav I. Molodin

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Member of the RAS, Institute of Archeology and Ethnography of the Siberian Branch of the RAS (Novosibirsk, Russia).

Natalya V. Nalegach

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Boris P. Nevzorov

Dr.Sci.(Ed.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Vladislav A. Ovchinnikov

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Marina V. Pimenova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., International Humanitarian University named after P. P. Semenov-Tyan-Shansky (St. Petersburg, Russia).

Sergey G. Proskurin

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia).

Zoya I. Rezanova

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Svetlana V. Rudakova

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Nosov Magnitogorsk State Technical University (Magnitogorsk, Russia).

Vladimir P. Serkin

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Higher School of Economics (Moscow, Russia).

Alexander V. Shunkov

Dr.Sci.(Philol.), Assoc. Prof., Kemerovo State Institute of Culture (Kemerovo, Russia).

Oleg E. Terekhov

Dr.Sci.(Hist.), Assoc. Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Valeriy I. Tyupa

Dr.Sci.(Philol.), Prof., Russian State University for the Humanities (Moscow, Russia).

Mikhail S. Yanitskiy

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

Andrey V. Yurevich

Dr.Sci.(Psychol.), Prof., Corresponding Member of the RAS, Institute of Psychology of the RAS (Moscow, Russia).

Galina A. Zhilicheva

Dr.Sci.(Philol.), Novosibirsk State Pedagogical University (Novosibirsk, Russia).

Vasily P. Zinoviev

Dr.Sci.(Hist.), Prof., Tomsk State University (Tomsk, Russia).

Уважаемые читатели и авторы!

Представляемый Вашему вниманию выпуск журнала СибСкрипт содержит научные публикации, посвященные результатам теоретических и эмпирических исследований в области психологической науки и практики. Ставшие уже традиционными для данного выпуска журнала рубрики отражают широкий спектр исследовательского поиска авторов по актуальным для общей психологии и психологии личности, социальной, педагогической и клинической психологии проблемам.

Статьи первого раздела выпуска **Клинико-психологические аспекты социального взаимодействия личности** посвящены анализу психологических особенностей личности в ситуации болезни. В частности, представлены проявления последствий пандемии COVID-19 на различных уровнях функционирования психики человека: в статье О. А. Гуськовой и соавторов верифицируется положение о том, что COVID-19 с поражением легких оказал влияние на состояние психического здоровья представителей мужского пола, выражающееся в сохранении состояния дистресса, избыточных проявлениях тревоги и депрессии; А. В. Солодухин и Д. А. Сидоркин на основании критического обзор исследований использования цифровых технологий при проведении дистанционных педагогических и психокоррекционных мероприятий в условиях пандемии COVID-19 выявляют ряд ограничений и недостатков, среди которых на первый план выступают технические и организационные проблемы. В исследовании, проведенном М. Илич и др. по результатам сопоставления с нормативными данными, выявляются психологические особенности лиц с воспалительными заболеваниями кишечника. А. В. Котельникова и соавторы рассматривают выход человека на пенсию как фактор приверженности к лечению у пациентов с хронической болью в спине. И. О. Логинова и Е. А. Кудашова констатируют значимость фактора устойчивости жизненного мира человека в преодолении вынужденной дефицитарности в ситуации болезни.

В разделе **Онто- и социогенетические аспекты развития и жизнеосуществления личности** представлены статьи, характеризующие психологические и социально-психологические условия, закономерности, особенности, факторы и механизмы, определяющие процессы развития и функционирования личности. Д. С. Безносков на основании результатов эмпирического исследования определяет социально-психологическую структуру правовых

отношений, состоящую из таких компонентов, как доверие к людям и правоохранительным органам, развитое правовое сознание, асертивное поведение, соблюдение правовых норм и принципов справедливости и равенства. В статье Т. В. Капустиной, Р. В. Кадырова и И. С. Ильиной предлагается авторская методика диагностики типа привязанности к матери, рассматриваемого как фактор, оказывающий существенное влияние на развитие ребенка и процессы, связанные с его взрослением. Ю. В. Стряпухина и С. Т. Посохова представили теоретический обзор проблемы феномена созависимости в современных психологических исследованиях.

Раздел **Пространственно-временные и ценностно-смысловые составляющие образа мира и Я-концепции личности** включает публикации, посвященные результатам оригинальных исследований, характеризующих психологические аспекты становления и функционирования феноменов образа мира и личностной Я-концепции. В статье О. Н. Асютиной и Е. В. Бредун выявляется специфика показателей самоорганизации личности, которая может оцениваться по трем значимым факторам: темпоральная одномерность самоорганизации, темпоральная сбалансированность самоорганизации, темпоральная децентрация. В статье Н. А. Булкиной на основании кросс-временного сравнительного анализа представлений о счастье в детском и пожилом возрасте констатируется значение ситуативного контекста данного феномена. Результаты исследования Е. М. Мещеряковой акцентируют внимание на временной перспективе личности как факторе, обуславливающим специфику переживания биографических кризисов и кризиса идентичности в экстремальных условиях жизнедеятельности. В статье М. А. Осетровой и В. П. Серкина представлены результаты многоэтапного изучения не описанного ранее синергетического феномена соприсутствия, которые подтвердили его существование как части психотерапевтического процесса и раскрыли содержательные

аспекты его переживания. Обзорная статья О. И. Чернышовой посвящена анализу классического, неклассического и пост-неклассического аспектов феноменологии понятий *схема тела, образ тела, образ физического Я* в различных психологических направлениях.

Раздел **Психолого-педагогические проблемы развития личности в норме и патологии** посвящен исследованиям, актуализирующим роль условий образовательного и воспитательного процессов в личностном развитии. В статье С. В. Гани, Е. Ю. Брель и З. Р. Хайровой актуализируется роль психологической службы в системе высшего образования, выделяются основные направления деятельности, анализируется актуальное состояние и обозначаются перспективы

развития. О. В. Защирина и П. А. Белимова, актуализируя проблему альтернативной и дополнительной коммуникации в образовательном процессе школьников с нарушением интеллектуального развития, констатируют, что в работе с данной группой детей очевидные преимущества отмечаются у досимволических, низкотехнологичных и высокотехнологичных методов над текстовыми сообщениями. В статье П. Р. Юсупова и А. С. Межиной представлены результаты исследования страхов и тревог у студентов разного профиля обучения в контексте базисных убеждений и когнитивных искажений, на основании которых авторами выделены наиболее ресурсные базисные убеждения, повышающие возможность контроля над страхами и тревогами адаптации в учебном процессе.

Приглашаем к сотрудничеству заинтересованных авторов! Наш журнал открыт для обсуждения новых тем и актуальных проблем психологии.

Dear readers and authors!

This issue of SibScript introduces the results of a wide range of theoretical and empirical research in the field of psychological science and practice, from general personality psychology to its social, academic, and clinical aspects.

The first section contains articles on **Clinical and Psychological Aspects of Social Interaction in medical environment**.

O. A. Guskova et al. studied the consequences of COVID-19 for human psyche to report that male patients with lung damage tend to develop distress, anxiety, and depression later in life. A. V. Solodukhin and D. A. Sidorckin reviewed domestic and foreign publications on digital pedagogy and counselling during the COVID-19 pandemic, revealing numerous technical and organizational problems. M. Ilich et al. profiled an average patient with inflammatory bowel issues. A. V. Kotelnikova et al. describe retirement as an important factor that affects the attitude to treatment in patients with chronic back pain. I. O. Loginova and E. A. Kudashova focus on the stability of lifeworld as a factor in overcoming forced deficiency in patients.

The section of **Ontology and Sociogenetics of Life Fulfillment** describes various psychological and socio-psychological conditions, patterns, factors, and mechanisms that affect personality development and life experience. D. S. Beznosov reports an empirical insight into the socio-psychological structure of legal relations that covers trust in people and law enforcement agencies, legal consciousness, assertive behavior, compliance with legal norms and principles of justice and equality, etc. T. V. Kapustina, R. V. Kadyrov, and I. S. Ilina studied various types of mother-child attachment as an important factor of personality development. Yu. V. Stryapukhina and S. T. Posokhova reviewed the phenomenon of codependency in modern psychology.

Another section describes the **Spatio-Temporal and Value-Semantic Components of Worldview and Self-Concept**.

O. N. Asyutina and E. V. Bredun compared self-organization patterns with temporal one-dimensionality, balance, and decentration. N. A. Bulkina conducted a cross-temporal comparative analysis of the concept of happiness in children and senior citizens in various life contexts. E. M. Meshcheryakova focus on the temporal perspective as a factor of coping with age or identity crises in people who live in extreme climate conditions. M. A. Osetrova and V. P. Serkin present a multi-stage study of the synergetic phenomenon of co-presence as an inherent part of psychotherapy. O. I. Chernyshova compared the classical, non-classical, and post-non-classical approaches to such mental constructs as body scheme, body image, and physical self.

The section of **Psychological and Pedagogical Problems of Personality Development in Normal and Pathological Conditions** describes the norm and pathology of personality in education and upbringing. S. V. Gani, E. Yu. Brel, and Z. R. Khayrova analyzed the role of psychological counseling in the system of higher education. O. V. Zashchirinskaia and P. A. Belimova, who studied academic communication with special children, state the advantages of pre-symbolic, low-tech, and high-tech methods over the traditional text communication. P. R. Yusupov and A. S. Mezhdina compared different groups of university students to link their fears and anxieties with their basic attitudes and cognitive distortions. As a result, they identified the most resourceful attitudes that may facilitate the adaptation to university environment.

We invite new authors to publish articles in novel and current issues of psychology.

Клинико-психологические аспекты социального взаимодействия личности

Медико-психологические особенности проявлений дистресса у мужчин, перенесших COVID-19 с поражением легких

Гуськова О. А., Приленский Б. Ю., Стоянова И. Я., Ярославская Е. И., Авдеева К. С., Петелина Т. И.

149

Психологические особенности лиц с воспалительными заболеваниями кишечника: результаты сопоставления с нормативными данными

Илич М., Зюзина Д. С., Михайличенко Т. Г., Щелкова О. Ю.

163

Выход на пенсию как фактор приверженности к лечению у пациентов с хронической болью в спине

Котельникова А. В., Тихонова А. С., Шалина О. С., Григорьева А. А.

181

Преодоление вынужденной дефицитарности в ситуации болезни пациентами с разной степенью устойчивости жизненного мира

Логинова И. О., Кудашова Е. А.

191

Применение цифровых технологий при проведении дистанционных педагогических и психокоррекционных мероприятий: основные итоги использования в условиях пандемии COVID-19

Солодухин А. В., Сидоркин Д. А.

203

Онто- и социогенетические аспекты развития и жизнеосуществления личности

Социально-психологическая структура правовых отношений

Безносков Д. С.

216

Разработка и апробация опросника для диагностики типа привязанности к матери

Капустина Т. В., Кадыров Р. В., Ильина И. С.

228

Проблема созависимости в современных психологических исследованиях

Стряпухина Ю. В., Посохова С. Т.

247

Пространственно-временные и ценностно-смысловые составляющие образа мира и Я-концепции личности

Темпоральная опосредованность модальности ресурсов самоорганизации личности

Асютина О. Н., Бредун Е. В.

267

Значение ситуативного контекста в представлениях о счастье в детском и пожилом возрасте

Булкина Н. А.

277

Специфика переживания биографических кризисов и кризиса идентичности при различных профилях временной перспективы личности в экстремальных условиях жизнедеятельности

Мещерякова Е. М.

290

Феномен соприсутствия – синергетика консультирования / психотерапии

Осетрова М. А., Серкин В. П.

305

Телесные феномены: классический, неклассический и постнеклассический аспекты

Чернышова О. И.

315

**Психолого-педагогические проблемы развития личности
в норме и патологии**

Основные направления деятельности психологической службы в системе высшего образования: актуальное состояние и перспективы развития

Гани С. В., Брель Е. Ю., Хайрова З. Р.

332

Особенности альтернативной и дополнительной коммуникации в образовательном процессе школьников с нарушением интеллектуального развития

Защиринская О. В., Белимова П. А.

345

Страхи и тревоги студентов разного профиля обучения в контексте базисных убеждений и когнитивных искажений

Юсупов П. Р., Межина А. С.

362

Clinical and psychological aspects of social interaction

Medical and Psychological Distress in Male COVID-19 Survivors with Lung Damage

*Guskova O. A., Prilensky B. Yu., Stoyanova I. Ya., Yaroslavskaya E. I.,**Avdeeva K. S., Petelina T. I.*

149

Psychological Profile of Patients with Inflammatory Bowel Diseases: Comparative Analysis
with Standard Indicators*Ilich M., Zyuzina D. S., Mikhaylichenko T. G., Shchelkova O. Yu.*

163

Retirement as a Factor of Treatment Adherence in Patients with Chronic Back Pain

Kotelnikova A. V., Tikhonova A. S., Shalina O. S., Grigorieva A. A.

181

Coping with Disease-Related Deficiency in Patients with Various Degrees of Life-World Stability

Loginova I. O., Kudashova E. A.

191

Digital Technologies in Distance Pedagogy and Psychocorrection during COVID-19 Pandemic

Solodukhin A. V., Sidorckin D. A.

203

Ontology and Sociogenetics of Life Fulfillment

Socio-Psychological Structure of Legal Relations

Beznosov D. S.

216

New Diagnostic Interview of Mother-Child Attachment Patterns

Kapustina T. V., Kadyrov R. V., Ilina I. S.

228

Codependency in Psychological Studies

Stryapukhina Yu. V., Posokhova S. T.

247

**Spatio-Temporal and Value-Semantic Components of Worldview
and Self-Concept**

Modality of Personal Self-Organization Resources: Temporal Mediation

Asyutina O. N., Bredun E. V.

267

Concept of Happiness in Children and Older Adults: Situational Context

Bulkina N. A.

277

Coping with Biographical and Identity Crises across Different Profiles of Personal Time Perspective
in Extreme Living Conditions*Meshcheryakova E. M.*

290

Phenomenon of Co-Presence: Synergy of Counseling and Psychotherapy

Osetrova M. A., Serkin V. P.

305

Physical Self-Image: Classical, Non-Classical, and Post-Non-Classical Aspects

Chernyshova O. I.

315

**Psychological and Pedagogical Problems of Personality Development
in Normal and Pathological Conditions**

Psychological Support in Higher Education: Major Activities, Status, and Prospects

Gani S. V., Brel E. Yu., Khayrova Z. R.

332

Alternative and Augmentative Communication in Class for Children with Intellectual Disabilities

Zashchirinskaia O. V., Belimova P. A.

345

Fears and Anxieties in Students of Different Majors: World Assumptions and Dysfunctional
Relationships*Yusupov P. R., Mezhina A. S.*

362

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/oujdw>

Медико-психологические особенности проявлений дистресса у мужчин, перенесших COVID-19 с поражением легких

Гуськова Ольга Александровна

Тюменский кардиологический научный центр – филиал
Томского национального исследовательского медицинского
центра РАН, Россия, Тюмень
Тюменский государственный медицинский университет,
Россия, Тюмень
eLibrary Author SPIN: 3472-4063
<https://orcid.org/0000-0001-8552-1646>
Scopus Author ID: 57304726400
guskovaoa@infarkta.net

Приленский Борис Юрьевич

Тюменский государственный медицинский университет,
Россия, Тюмень
eLibrary Author SPIN: 4215-8030
<https://orcid.org/0000-0002-5449-5008>
Scopus Author ID: 57330662000

Стоянова Ирина Яковлевна

Томский национальный исследовательский медицинский центр
РАН, Россия, Томск
Национальный исследовательский Томский государственный
университет, Россия, Томск
eLibrary Author SPIN: 5048-1557
<https://orcid.org/0000-0003-2483-9604>
Scopus Author ID: 57193702114

Ярославская Елена Ильинична

Тюменский кардиологический научный центр – филиал
Томского национального исследовательского медицинского
центра РАН, Россия, Тюмень
eLibrary Author SPIN: 6413-5590
<https://orcid.org/0000-0003-1436-8853>
Scopus Author ID: 36459379400

Авдеева Ксения Сергеевна

Тюменский кардиологический научный центр – филиал
Томского национального исследовательского медицинского
центра РАН, Россия, Тюмень
eLibrary Author SPIN: 8239-3942
<https://orcid.org/0000-0002-2134-4107>
Scopus Author ID: 57426927100

Петелина Татьяна Ивановна

Тюменский кардиологический научный центр – филиал
Томского национального исследовательского медицинского
центра РАН, Россия, Тюмень
eLibrary Author SPIN: 5896-5350
<https://orcid.org/0000-0001-6251-4179>
Scopus Author ID: 6507194861

Аннотация: С начала пандемии COVID-19 отмечались повышенная частота заражения среди мужчин, более тяжелое течение вирусного заболевания, что приводило к стрессу и тревоге. Цель – определить факторы, влияющие на выраженность состояния стресса у мужчин на протяжении 2-х лет после поражения легких при COVID-19 в рамках психических характеристик и аспектов соматического состояния. Лица мужского пола ($n = 41$; возраст – 55 ± 11 лет) через 3, 12 и 26 месяцев после выздоровления от COVID-19 с поражением легких прошли диагностику с помощью GAD-7, PHQ-9 и ШВС-10 и обследованы кардиологом. Через 26 месяцев проведена диагностика эмоционально-личностной сферы (ИТТ, ССП, SCL-90-R и 5PFQ). У обследованных увеличился индекс массы тела, выраженность тревоги, депрессии и стресса не изменились. Выраженный дистресс определен у 31,7 % обследованных, для которых характерны копинги *конфронтация* и *бегство-избегание*. Данный показатель коррелирует с факторами *экстраверсия – интроверсия* ($r = 0,356$; $p = 0,022$) и *эмоциональность – сдержанность* ($r = 0,535$; $p < 0,001$). Выраженность стресса повышалась под влиянием тревоги через 3 месяца после выздоровления, зависела от интенсивности депрессии и поражения легких в остром периоде через год после выздоровления, повышалась при увеличении личностной тревоги и уменьшении использования копинга *планирование решения проблем* через 2 года после выздоровления. Общий индекс дистресса зависит от показателей личностной тревоги и ИМТ через 3 месяца после выздоровления. Выраженность стресса у мужчин, перенесших COVID-19 с поражением легких, не превышает нормативный уровень напряжения, при этом у 1/3 лиц данной группы отмечаются признаки дистресса. Тревога и депрессия представляют значимые факторы, повышающие интенсивность стрессовой реакции на протяжении 2-х лет после выздоровления. Факторами, повышающими выраженность дистресса,

являются усиление напряжения конфронтации и бегства-избегания, большая выраженность личностных характеристик *эмоциональность, экстраверсия* и повышенная личностная тревожность.

Ключевые слова: мужчины, COVID, стресс, тревога, депрессия, личность, копинг

Цитирование: Гуськова О. А., Приленский Б. Ю., Стоянова И. Я., Ярославская Е. И., Авдеева К. С., Петелина Т. И. Медико-психологические особенности проявлений дистресса у мужчин, перенесших COVID-19 с поражением легких. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 149–162. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-149-162>

Поступила в редакцию 27.01.2025. Принята после рецензирования 02.04.2025. Принята в печать 07.04.2025.

full article

Medical and Psychological Distress in Male COVID-19 Survivors with Lung Damage

Olga A. Guskova

Tyumen Cardiology Research Center, Tomsk National Research Medical Center, Russian Academy of Sciences, Russia, Tyumen

Tyumen State Medical University, Russia, Tyumen

eLibrary Author SPIN: 3472-4063

<https://orcid.org/0000-0001-8552-1646>

Scopus Author ID: 57304726400

guskovaoa@infarkta.net

Boris Yu. Prilensky

Tyumen State Medical University, Russia, Tyumen

eLibrary Author SPIN: 4215-8030

<https://orcid.org/0000-0002-5449-5008>

Scopus Author ID: 57330662000

Irina Ya. Stoyanova

Tomsk National Research Medical Center, Russian Academy of Sciences, Russia, Tomsk

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 5048-1557

<https://orcid.org/0000-0003-2483-9604>

Scopus Author ID: 57193702114

Elena I. Yaroslavskaya

Tyumen Cardiology Research Center, Tomsk National Research Medical Center, Russian Academy of Sciences, Russia, Tyumen

eLibrary Author SPIN: 6413-5590

<https://orcid.org/0000-0003-1436-8853>

Scopus Author ID: 36459379400

Kseniya S. Avdeeva

Tyumen Cardiology Research Center, Tomsk National Research Medical Center, Russian Academy of Sciences, Russia, Tyumen

eLibrary Author SPIN: 8239-3942

<https://orcid.org/0000-0002-2134-4107>

Scopus Author ID: 57426927100

Tatyana I. Petelina

Tyumen Cardiology Research Center, Tomsk National Research Medical Center, Russian Academy of Sciences, Russia, Tyumen

eLibrary Author SPIN: 5896-5350

<https://orcid.org/0000-0001-6251-4179>

Scopus Author ID: 6507194861

Abstract: During the COVID-19 pandemic, men proved to be more susceptible to the virus and demonstrated a more severe disease progress, which led to stress and anxiety. This research describes the factors affecting the stress severity in men as part of mental and somatic status during two years after lung damage induced by COVID-19. It included 41 male survivors (55 ± 11 y.o.) of COVID-19. The respondents were diagnosed for anxiety (GAD-7), depression (PHQ-9), and stress (PSS-10), as well as examined by a cardiologist 3, 12, and 26 months after recovery. After 26 months, their emotional-personal sphere was examined for anxiety (ITT), coping (SSP), distress (SCL-90-R), and personality traits (5PFQ). While the body mass index had increased, the severity of anxiety, depression, and stress remained the same. A strong distress was detected in 31.7% of former COVID-19 patients with prevailing confrontation and escape-avoidance coping. This index correlated with such factors as extraversion vs. introversion ($r=0.356$, $p=0.022$) and emotionality vs. restraint ($r=0.535$, $p<0.001$). Three months after recovery, the stress severity increased as a result of anxiety. One year after recovery, it depended on the intensity of depression and lung damage in the acute period. Two years after recovery, it increased at high personality anxiety and low planning coping. The overall distress index correlated with personality anxiety and body mass index three months after

recovery. The severity of stress did not exceed the normal stress level, while every third man in this group showed signs of distress. The intensity of stress reaction during two years after recovery depended on the degree of anxiety and depression. Anxiety and depression proved to be significant factors increasing the stress reaction intensity during two years after recovery from COVID-19. The distress factors included strong confrontation and escape-avoidance strategies, as well as such personality traits as emotionality, extraversion, and anxiety.

Keywords: male patients, COVID-19, stress, anxiety, depression, personality, coping

Citation: Guskova O. A., Prilensky B. Yu., Stoyanova I. Ya., Yaroslavskaya E. I., Avdeeva K. S., Petelina T. I. Medical and Psychological Distress in Male COVID-19 Survivors with Lung Damage. *SibScript*, 2025, 27(2): 149–162. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-149-162>

Received 27 Jan 2025. Accepted after peer review 2 Apr 2025. Accepted for publication 7 Apr 2025.

Введение

Пандемия COVID-19 привела к увеличению распространенности стресса и тревоги у заболевших [Аленина и др. 2021; DiSabato et al. 2021; Donzella et al. 2021; Gewirtz-Meydan, Lassri 2022; Kempuraj et al. 2020; Lakhan et al. 2020; Staneva et al. 2022]. В качестве факторов ухудшения здоровья отмечаются социальная изоляция, неопределенность течения болезни, распространение противоречивой информации [Екимова и др. 2021; Стоянова и др. 2022]. У заразившихся вирусом SARS-CoV-2 повышенные уровни стресса связаны с сочетанием травмы заболевания и информационного воздействия [Быховец 2023; Tacchini-Jacquier et al. 2022].

Несмотря на то что реагирование на стресс направлено на восстановление гомеостаза в организме и запуск психологических механизмов, увеличивающих шансы на выживание в трудной ситуации [Tsigos, Chrousos 2002], проявления дистресса связаны с негативными последствиями, представленными сердечно-сосудистыми заболеваниями (ССЗ), в частности артериальной гипертонией, повышением массы тела и депрессивными состояниями [Быховец, Падун 2019; Васин, Лобаскова 2015; Гольская и др. 2021; Грехов и др. 2017; Демина, Глазева 2018; Коневцев, Родионова 2022; Липунова 2014; Мишкевич 2019; Никитина 2022; Обносков 2023; Смолева 2020; Трошихина, Манукян 2017; Akil, Nestler 2023; Osborne et al. 2020; Rosenqvist et al. 2025; Steptoe, Frank 2023; Xie et al. 2021].

С начала пандемии COVID-19 отмечались повышенная частота заражения среди мужчин, более тяжелое течение вирусного заболевания и вероятность смертельного исхода [Fairweather et al. 2023], что объясняется их генетическими и гормональными особенностями, а также особенностями социального функционирования и образа жизни [Paschou et al. 2022]. Существует взаимосвязь между снижением

уровня тестостерона и осложненным течением COVID-19 [Камалов и др. 2023]. У переболевших мужчин чаще по сравнению с женщинами встречаются злоупотребление алкоголем, малоподвижный образ жизни, отклонения в пищевом поведении. При этом состоящие в браке представители мужского пола в большей степени склонны к нарушениям образа жизни [Le et al. 2024].

Нездоровый образ жизни, проявляющийся в частом употреблении алкогольных напитков и медикаментов, курении, недостаточной физической активности, приводит к гиперактивации гипоталамо-гипофизарно-надпочечниковой оси и общему системному воспалению [Mandelli et al. 2023]. Данные нарушения являются признаками стресса, депрессии и коморбидных с ними состояний [Hassamal 2023]. Таким образом, очевидно выраженное негативное взаимовлияние факторов, ухудшающих здоровье на физическом и психологическом уровнях.

В период пандемии были зафиксированы изменение отношений внутри семей и рост количества инцидентов домашнего насилия в отношении женщин [Новосёлова 2022]. Внимание исследователей чаще направлено на помощь и исследование факторов восстановления здоровья пострадавшей стороны, но необходимо учитывать, что агрессивное поведение является формой дезадаптивного совладания со стрессовой ситуацией, нарушающей психологическую стабильность индивида [Tordjman 2022].

Характерными для мужчин стресс-факторами являются проблемы материально-финансового характера и внезапная необходимость изменения планов [Муртазина 2018], которые в полной мере наблюдались при COVID-19. Среди факторов, повышающих уязвимость к формированию стрессовых расстройств, Н. В. Соловьевой с соавторами выделены

генетические, обусловленные скоростью разложения кортизола и восстановления психики, наличие ССЗ и эндокринных заболеваний, органических поражений головного мозга, влияющих на психическую гибкость. Психологические факторы представлены пассивной жизненной позицией, частым использованием копинга *избегание*, недостатком социальной поддержки, исходно повышенным уровнем стресса и др. [Соловьева и др. 2020]. Повышенные уровни тревоги у представителей мужского пола отмечались при активном использовании религиозного копинга, поиске эмоциональной поддержки и принятии как стратегиях совладания [Cholankeril et al. 2023]. В большей степени подвержены стрессу, вызванному обстоятельствами пандемии, мужчины, которым свойственны высокая непереносимость неопределенности и отрицание [Palma et al. 2022].

Положительно на психическое состояние влияют механизмы защиты *самоконтроль* и *изоляция* [Ibid.]. Стресс выражен меньше при применении стратегий проактивного совладания, стратегического планирования и рефлексивного преодоления, направленных на формирование и достижение целей. Но в период пандемии при социальной изолированности и ограничениях наиболее доступная форма совладания представлена поиском инструментальной поддержки в виде интереса к информации различного содержания [Куфтяк, Бехтер 2020].

Понятие дистресса введено Г. Селье, который обозначил данный феномен как адаптационный стресс, связанный с негативными эмоциями. Ученым выделены мобилизующие (запускают оптимальную адаптационную реакцию) и патогенные (превышающие адаптационный потенциал личности) дистрессоры [Станишевская 2020]. Дистресс связан с соматическим функционированием, приводит к развитию ряда заболеваний и выступает в роли дополнительного фактора стресса. Декомпенсация и переход стресса в дистресс обусловлены личностными особенностями и определенными поведенческими стратегиями, проявляющими себя при недостатке стрессоустойчивости и жизнестойкости. С медицинской точки зрения дистресс рассматривается в качестве отдельной терапевтической мишени, воздействие на которую увеличит шансы на достижение успеха при лечении пациентов соматического профиля [Морозова и др. 2016].

Мы предполагаем, что COVID-19 с поражением легких оказал влияние на состояние психического здоровья представителей мужского пола. Это проявляется в повышенной выраженности и сохранении состояния дистресса, избыточных проявлениях тревоги и депрессии. Психологическая дезадаптация имеет характерную для мужчин специфику, связанную с особенностями функционирования эмоционально-личностной сферы и характеристиками соматического здоровья.

Цель исследования – определить факторы, влияющие на выраженность состояния стресса у мужчин на протяжении 2-х лет после поражения легких при COVID-19 в рамках характеристик личности, особенностей эмоционального реагирования и аспектов соматического состояния. Задачи:

- 1) оценить распространенность и выраженность проявлений дистресса, нарушений эмоционального и соматического состояния и определить характеристики личности мужчин, перенесших COVID-19;
- 2) исследовать взаимосвязи между полученными данными;
- 3) выделить факторы, оказывающие наибольшее влияние на интенсивность дистресса.

Методы и материалы

В работе представлены результаты обследования 41 представителя мужского пола в возрасте 55 ± 11 лет. Все пациенты подписали информированное согласие на участие в научных программах. В рамках «Проспективного наблюдения пациентов, перенесших COVID-19-ассоциированную пневмонию» (протокол № 159 от 23.07.2020 одобрен локальным этическим комитетом) обследование проводилось через 3, 12 и 26 месяцев после выздоровления от COVID-19 с поражением легких.

На приеме медицинского психолога пациенты заполнили анкету, включающую скрининговые шкалы оценки признаков тревоги (GAD-7), депрессии (PHQ-9)¹ и стрессового состояния (ШВС-10) [Абабков и др. 2016]. Результаты шкал представлены балльными значениями, где повышение суммарного балла соответствует большей выраженности нарушения психоэмоциональной сферы.

Клинико-анамнестические данные и информация по сердечно-сосудистому здоровью получены

¹ Instructions for Patient Health Questionnaire (PHQ) and GAD-7 Measures. URL: https://PHQandGAD7_InstructionManual.pdf (accessed 15 Dec 2024).

врачом-кардиологом. Показатели тяжести перенесенного COVID-19, представленные продолжительностью госпитализации и выраженностью поражения легких по результатам компьютерной томографии (КТ), получены из выписных эпикризов после лечения в моногоспитале.

Через 26 месяцев после выздоровления пациенты ответили на вопросы анкеты в соответствии с протоколом исследования «Описание и оценка копинг-стратегий и отношения к состоянию здоровья у пациентов, перенесших доказанную COVID-19-ассоциированную пневмонию» (протокол № 177 от 18.01.2022 одобрен локальным этическим комитетом). Анкета состояла из клинических опросников, направленных на изучение эмоционально-личностной сферы: интегративный тест тревоги и тревожности (ИТТ) [Бизюк и др. 2005], способы совладающего поведения (ССП) [Вассерман и др. 2009], шкала оценки психопатологической симптоматики и дистресса (SCL-90-R) [Тарабрина 2001], и пятифакторного опросника личности (5PFQ) [Хромов 2000]. Результаты всех опросников имеют вид количественных показателей, которые в соответствии с методическими руководствами могут быть категоризованы.

В данной работе использованы обобщенные выводы опросников ИТТ и SCL-90-R, представленные в виде обобщенных показателей личностной и реактивной тревоги, и общего индекса тяжести дистресса соответственно. Превышение полученных показателей индекса наличного симптоматического дистресса значений нормы ($0,51 \pm 0,02$) приняты нами за наличие выраженного дистресса.

Данные исследования обработаны с помощью пакета программ IBM SPSS Statistics 26. Проверка нормальности распределения данных осуществлялась

с применением критерия Шапиро-Уилка. Данные, имеющие нормальное распределение, представлены в виде среднего значения со стандартным отклонением ($M \pm SD$), имеющие распределение, отличное от нормального, – в виде значения медианы с интерквартильным размахом ($ME [25;75]$). Критерий Фридмана с поправкой на множественные сравнения использован для сопоставления количественных показателей в динамике. Различия между группами пациентов определены с помощью критерия Манна-Уитни. Наличие взаимосвязей между количественными переменными выявлено с помощью корреляции Спирмена. Влияние на выраженность реакции стресса определено методом линейной регрессии с пошаговым включением независимых переменных.

Результаты

На протяжении периода наблюдения у обследованных мужчин выраженность стрессовой реакции значимо не изменилась (табл. 1). Интенсивность проявлений тревоги и депрессии также не имела значимых различий между показателями на контрольных точках. Сердечно-сосудистые заболевания выявлены у 87,8 % обследованных при включении в исследование. Отсутствовали изменения по распространенности (95,1 % и 94,7 % на второй и третьей контрольных точках) и количеству коморбидных ССЗ. У обследованных мужчин значимо увеличился индекс массы тела (ИМТ) при сопоставлении данных на первой контрольной точке и на последующих. Пациенты пребывали в моногоспитале в связи с COVID-19 в среднем 14 [11;18] дней, поражение легких по данным КТ составило 54 ± 21 %.

В течение наблюдения значимо увеличились показатели ИМТ. В результате психологической диагностики,

Табл. 1. Динамика клинико-психологических показателей мужчин после COVID-19

Tab. 1. Clinical and psychological indices in male COVID-19 survivors

Показатель	3 месяца	12 месяцев	26 месяцев	p
Выраженность стресса	20,00 [14,00;24,00]	21,00 [17,00;26,00]	19,00 [15,00;25,00]	0,342
Интенсивность признаков тревоги	2,00 [0;3,00]	2,00 [0;5,00]	1,00 [0;4,00]	0,365
Интенсивность признаков депрессии	3,00 [0;5,00]	3,00 [1,00;5,00]	2,00 [0;4,00]	0,087
Количество коморбидных ССЗ	2,00 [1,00;3,00]	2,00 [1,00;3,00]	2,00 [1,00;3,00]	0,654
Индекс массы тела	29,84 [28,00;31,18]	31,00 [29,00;33,00]	30,80 [28,10;32,00]	$0,006^{3-12}$ $0,002^{3-26}$ $> 0,050^{12-26}$

проведенной через 2 года после выздоровления, превышающие норму значения индекса наличного симптоматического дистресса определены у 31,7 % обследованных. Выраженность данного показателя составила 0,39 [0,22;0,60]. Личностные характеристики имеют следующие показатели по шкалам:

- *экстраверсия – интроверсия* – 51,00 [47,00;55,00],
- *привязанность – отдаленность* – 63,00 [57,00;67,00],
- *контролирование – естественность* – 63,00 [60,00; 68,00],
- *эмоциональность – сдержанность* – 44,00 [36,00; 48,00],
- *игривость – практичность* – 49,00 [44,00;54,00].

По шкалам *привязанность – отдаленность* и *контролирование – естественность* определено превышение средних значений, что соответствует преобладанию характеристик привязанности и контролирования в данной группе мужчин. Показатели остальных шкал характеристик личности находятся в диапазоне средних значений. Баллы обобщенных показателей по ИТТ составили 7,00 [4,00;12,00] для реактивной и 9,00 [4,00;13,00] для личностной тревоги. Значения напряжения копинг-стратегий составляют:

- для конфронтации – 7,00 [6,00;9,00],
- дистанцирования – 9,00 [6,00;11,00],
- самоконтроля – 12,00 [10,00;15,00],
- поиска социальной поддержки – 9,00 [7,00;11,00],
- принятия ответственности – 7,00 [5,00;8,00],
- бегства-избегания – 9,00 [6,00;11,00],
- планирования решения проблем – 13,00 [10,00; 16,00],
- положительной переоценки – 11,00 [9,00;12,00].

У пациентов с наличием выраженного дистресса определены более высокие показатели по шкале

характеристик личности *контролирование – естественность*, выраженности личностной и реактивной тревоги (табл. 2).

При выраженном дистрессе пациентам свойственно значимо большее напряжение копинг-стратегий *конфронтация, дистанцирование и бегство-избегание* (рис. 1).

Между полученными показателями определен ряд корреляционных взаимосвязей средней силы. Выраженность стрессовой реакции в первой контрольной точке прямо взаимосвязана с интенсивностью тревоги ($r = 0,547$; $p < 0,001$) и депрессии ($r = 0,559$; $p < 0,001$) и обратно взаимосвязана с продолжительностью госпитализации ($r = -0,326$; $p = 0,037$).

На второй контрольной точке выраженность стрессовой реакции коррелировала с интенсивностью тревоги ($r = 0,350$; $p = 0,025$) и депрессии ($r = 0,413$; $p = 0,007$), а также имела обратную взаимосвязь с выраженностью поражения легких ($r = -0,431$; $p = 0,006$).

На третьей контрольной точке определены ассоциации между стрессовой реакцией и интенсивностью тревоги ($r = 0,633$; $p < 0,001$) и депрессии ($r = 0,515$; $p = 0,001$), реактивной и личностной тревогой ($r = 0,632$; $p < 0,001$; $r = 0,673$; $p < 0,001$ соответственно), общим индексом тяжести дистресса ($r = 0,626$; $p < 0,001$), шкалами личностных характеристик *контролирование – естественность* и *эмоциональность – сдержанность* ($r = -0,437$; $p = 0,004$; $r = 0,474$; $p = 0,002$ соответственно), копинг-стратегиями *конфронтация* ($r = 0,380$; $p = 0,014$), *бегство-избегание* ($r = 0,382$; $p = 0,014$) и *планирование решения проблем* ($r = -0,398$; $p = 0,010$). Также определены взаимосвязи с клиническими характеристиками ИМТ ($r = 0,340$; $p = 0,029$) и продолжительностью госпитализации ($r = -0,340$; $p = 0,030$).

Табл. 2. Сравнительная характеристика показателей личностной сферы у мужчин через 2 года после COVID-19

Tab. 2. Comparative analysis of personality sphere indicators in male COVID-19 survivors two years after recovery

Показатель	Есть дистресс (n = 13)	Нет дистресса (n = 28)	p
Личностная тревога	18,00 [16,00;22,00]	8,00 [3,00;10,00]	< 0,001
Реактивная тревога	16,00 [11,00;23,00]	6,00 [3,00;9,00]	< 0,001
Шкала <i>экстраверсия – интроверсия</i>	53,46 ± 9,16	50,89 ± 6,73	0,318
Шкала <i>привязанность – отдаленность</i>	60,15 ± 9,99	61,53 ± 7,25	0,618
Шкала <i>контролирование – естественность</i>	59,92 ± 9,45	64,32 ± 6,21	0,083
Шкала <i>эмоциональность – сдержанность</i>	48,61 ± 6,94	38,71 ± 10,61	0,004
Шкала <i>игривость – практичность</i>	49,69 ± 6,55	49,07 ± 6,87	0,786

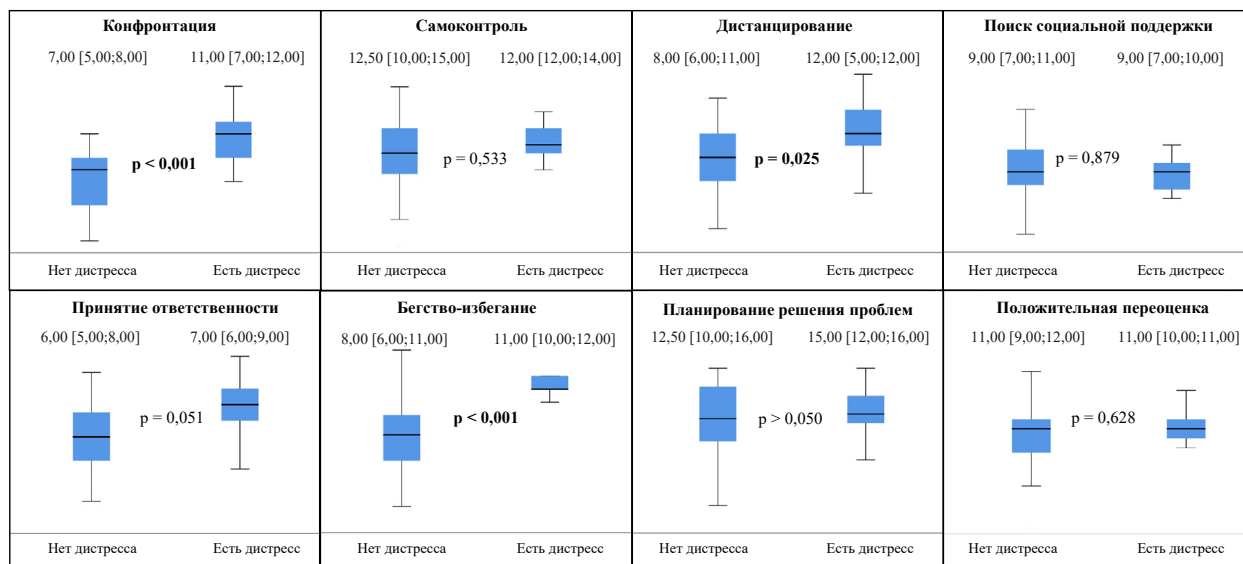

Рис. 1. Сравнительная характеристика напряжения копинг-стратегий у мужчин через 2 года после COVID-19

Fig. 1. Comparative analysis of coping strategies tension in male COVID-19 survivors two years after recovery

Общий индекс дистресса ассоциирован с выраженностью стрессовой реакции, интенсивностью проявлений тревоги и депрессии, а также ИМТ на всех трех точках исследования. Определена взаимозависимость дистресса от общих показателей личностной и реактивной тревоги, копинг-стратегий *конфронтация* и *бегство-избегание*, показателей шкал личностных характеристик *экстраверсия – интроверсия* и *эмоциональность – сдержанность* (рис. 2).

Для определения факторов, оказывающих значимое влияние на выраженность реакции стресса, проведен регрессионный анализ. Через 3 месяца после выздоровления на выраженность стресса наибольшее влияние оказывала интенсивность тревоги ($R^2 = 0,423$; $B = 1,268$; $p < 0,001$). Через год после выздоровления исследуемый показатель зависел от интенсивности депрессии и поражения легких в остром периоде заболевания ($R^2 = 0,453$; $B = 0,868$; $p < 0,001$ и $B = -0,122$; $p < 0,001$ соответственно). Через 2 года после выздоровления повышение выраженности стресса связано с увеличением значений показателей личностной тревоги и уменьшением использования копинг-стратегии *планирование решения проблем* ($R^2 = 0,683$; $B = 0,780$; $p < 0,001$ и $B = -0,664$; $p < 0,001$ соответственно). Значения общего индекса тяжести дистресса находятся в прямой зависимости от показателей личностной тревоги и ИМТ через 3 месяца после выздоровления ($R^2 = 0,813$; $B = 0,048$; $p < 0,001$ и $B = 0,026$; $p = 0,001$ соответственно).

Обсуждение

Показатели выраженности стрессовой реакции и нарушения эмоционального состояния у мужчин на протяжении 2-х лет после COVID-19 с поражением легких не превышают нормативные значения и не изменились значимо за период наблюдения. Напряжение копинг-стратегий в целом по данной группе свидетельствует об отсутствии выраженного стресса. Несмотря на отсутствие выраженного стресса и его признаков в форме повышенных значений тревоги, депрессии и напряжения копинг-стратегий, для 1/3 обследованных пациентов характерно состояние дистресса. Такой результат объясним применением различных диагностических инструментов, представляющих разные аспекты состояния психики. Опросник ШВС-10 позволяет оценить субъективное восприятие уровня напряженности ситуации. SCL-90-R широко применяется для оценки психологических проблем и психопатологической симптоматики в рамках дистресса [Xie et al. 2021].

Дистресс взаимосвязан с восприятием ситуации как стрессогенной, что подтверждается результатами корреляционного анализа, включающего выраженность стрессовой реакции, проявлений тревоги и депрессии. Особенности восприятия определяются характеристиками личностного функционирования, в данном случае представляющими собой склонность к повышенной эмоциональности и экстраверсии, копинг-стратегии *бегство-избегание*

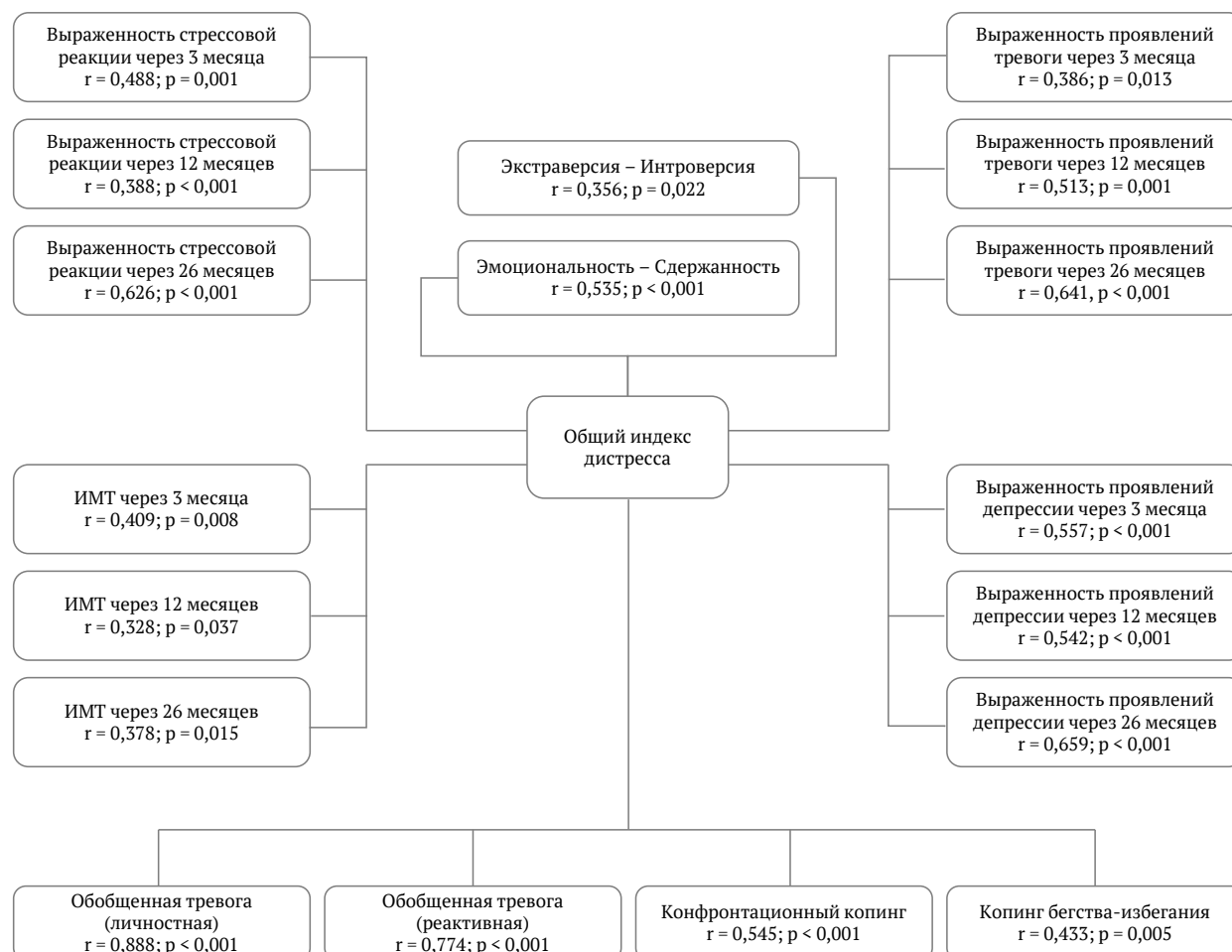

Рис. 2. Корреляционные взаимосвязи общего индекса дистресса у мужчин через 2 года после COVID-19

Fig. 2. Correlations of total distress index in male COVID-19 survivors two years after recovery

и конфронтация и более высокие показатели тревожности. В литературе описана взаимосвязь между выраженной психопатологической симптоматикой, представленной эмоциональной нестабильностью, раздражительностью, повышенной тревожностью, проявлениями симптомов депрессии и возможным личностным неблагополучием, нарушением адаптации [Аленина и др. 2021].

Интересны данные, полученные при изучении дистресса и психопатологической симптоматики при наличии соматического заболевания. Проявления психопатологической симптоматики при заболевании, угрожающем жизни, в рамках нормы проявляются в виде аффективных нарушений и снижения принятия социальной поддержки, основанных на сомнениях в значимости и ценности собственного Я, эмоциональной неустойчивости

и предрасположенности к снижению фону настроения, дисфории, замкнутости в себе [Никитина 2022]. Если рассматривать COVID-19 как перенесенную угрозу для жизни, то повышение дистресса может быть обусловлено наличием интерперсонального конфликта между свойственной личности экстраверсией и приобретенными в результате адаптации к состоянию здоровья застенчивости и необщительности. Это соответствует данным А. Staneva и соавторов, которые выявили прямую взаимосвязь между дистрессом и экстраверсией с нейротизмом при COVID-19 у мужчин старшего возраста [Staneva et al. 2022].

Состояние дистресса на уровне личности характеризуется тревогой, вызывающей неопределенность и истощение [Обносов 2023]. Интенсивность тревоги, сигнализирующей об изменении конкретной

ситуации, зависит от личностной тревожности [Грехов и др. 2017], которая обуславливает взаимосвязь между посттравматическим стрессом и дезадаптивным совладанием [Быховец, Падун 2019; Трошихина, Манукян 2017]. Эмоциональность как характеристика темперамента проявляется в тревожности и переживаемой тревоге, которые тем не менее возможно изменить, в частности при улучшении навыков эмоционального интеллекта [Васин, Лобаскова 2015; Демина, Глазева 2018].

Дезадаптация эмоциональной сферы, отвечающей за приспособление индивида, организацию простых и сложных форм поведения, сопровождается нарушением саморегуляции, чрезмерной насыщенностью аффекта, повышением напряжения [Липунова 2014], что является самостоятельным стрессогенным фактором. Экстраверсия отражает тенденцию к преобладанию аффективного компонента в когнитивной сфере [Мишкевич 2019]. При экстраверсии наблюдается выраженная конфронтация, а бегство-избегание – при нейротизме [Коневцев, Родионова 2022], что в полной мере сопоставимо с результатами нашего исследования. Таким образом, от личностных характеристик зависит частота использования определенных копинг-стратегий.

Корреляция между тяжестью перенесенного COVID-19 и выраженностью стрессовой реакции объяснима с биомедицинской позиции: вирус SARS-CoV-2 приводит к воспалению нервной ткани и повышает выраженность стресса [DiSabato et al. 2021; Kempuraj et al. 2020]. В нашем исследовании определена обратная направленность взаимосвязи, которая свидетельствует о преимущественно психологическом воздействии заболевания и особенностях функционирования эмоциональной сферы обследованных.

Обращает на себя внимание взаимосвязь ИМТ со стрессом и значимое повышение массы тела у обследованных пациентов. Вероятно, это результат стресс-индуцированного заедания, реализуемого в качестве копинг-стратегии [Rosenqvist et al. 2025]. Для перенесших вирусное заболевание характерны сложности со сном [Donzella et al. 2021], которые, предположительно, опосредуют ассоциацию повышения ИМТ со стрессом [Гольская и др. 2021]. Необходимо дальнейшее изучение данного вопроса в рамках медико-психологических исследований, поскольку проведенная работа не показала однозначного ответа.

Несмотря на то что большинство пациентов исследования страдают ССЗ, взаимосвязь между кардиологической патологией и состояниями стресса и дистресса в данной работе не определена.

Ограничения исследования

В нашей работе учтены некоторые аспекты соматического состояния и особенности психической сферы мужчин, перенесших COVID-19, при отсутствии информации о социальном положении, которая может дополнить список факторов, приводящих к дистрессу. Социальная поддержка, получаемая человеком, важна для поддержания психосоматического здоровья, а психическая дезадаптация усиливается при наличии социального стресса [Смолева 2020]. Лица, переживающие дистресс в связи с COVID-19, сообщали об одиночестве и финансовых затруднениях [Gewirtz-Meydan, Lassri 2022]. Относительно небольшой объем выборки не дает полной информации о влиянии сопутствующей соматической патологии на психоэмоциональное состояние перенесших заболевание.

Заключение

Выраженность стресса у мужчин, перенесших COVID-19 с поражением легких, зависит от эмоциональности и направленности эмоций, но не превышает нормативный уровень напряжения на протяжении 2-х лет после выздоровления, при этом у 1/3 лиц данной группы отмечаются признаки дистресса. Обследованные используют весь спектр стратегий совладания, что подтверждает отсутствие выраженной стрессовой реакции. Пациенты с выраженным дистрессом характеризуются повышенной личностной тревожностью, эмоциональностью и экстраверсией, интенсивно используют конфронтацию и бегство-избегание, склонны к увеличению массы тела.

Тревога и депрессия представляют значимые факторы, повышающие интенсивность стрессовой реакции на протяжении 2-х лет после выздоровления. Факторами, повышающими выраженность дистресса, являются усиление напряжения конфронтации и бегства-избегания, большая выраженность личностных характеристик *эмоциональность* и *экстраверсия* и повышенная личностная тревожность.

Результаты исследования позволяют оценить вклад психологических факторов в формирование дистресса. Важно обратить внимание, что большинство данных факторов являются модифицируемыми.

Возможны терапевтическое воздействие на признаки дезадаптации эмоциональной сферы в виде симптоматической психотерапии, а также формирование и улучшение навыков эмоциональной саморегуляции и самоподдержки. Работа с копинг-стратегиями, направленная на снижение частоты и интенсивности применения конфронтации и избегания, и акцент на актуализацию когнитивных копингов представляются полезными для повышения стрессоустойчивости лиц мужского пола.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. А. Гуськова – набор материала, обработка данных, подготовка текста. Б. Ю. Приленский – подготовка текста: доработка и редактирование. И. Я. Стоянова – подготовка текста: доработка и редактирование. Е. И. Ярославская – разработка концепции, администрирование проекта, подготовка текста: доработка и редактирование. К. С. Авдеева – набор материала, подготовка текста. Т. И. Петелина – научное руководство по планированию и проведению исследования.

Contribution: O. A. Guskova was responsible for data collection, data processing, and drafting. B. Yu. Prilensky revised and proofread the manuscript. I. Ya. Stoyanova revised and proofread the manuscript. E. I. Yaroslavskaya developed the research concept and supervised the research, as well as revised and proofread the manuscript. K. S. Avdeeva was responsible for data collection and drafting. T. I. Petelina supervised the research design and implementation.

Литература / References

- Абабков В. А., Барышникова К., Воронцова-Венгер О. В., Горбунов И. А., Капранова С. В., Пологаева Е. А., Стуклов К. А. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2016. № 2. С. 6–15. [Ababkov V. A., Barisnikov K., Vorontzova-Wenger O. V., Gorbunov I. A., Kapranova S. V., Pologaeva E. A., Stuklov K. A. Validation of the Russian version of the questionnaire "Scale of perceived stress-10". *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, 2016, (2): 6–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ualwvl>
- Аленина О. К., Диденко А. В., Бохан Н. А. Характеристика спектра психопатологических проявлений у пациентов, перенесших инфекцию COVID-19. *Бюллетень медицинской науки*. 2021. № 1. С. 39–44. [Alenina O. K., Didenko A. V., Bokhan N. A. Characteristics of the spectrum of psychopathological manifestations in patients who have suffered COVID-19 infection. *Bulletin of Medical Science*, 2021, (1): 39–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hvoobc>
- Бизюк А. П., Вассерман Л. И., Иовлев Б. В. Применение интегративного теста тревожности (ИТТ). СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2005. 23 с. [Bizuk A. P., Wasserman L. I., Iovlev B. V. *Application of the Integrative Anxiety Test (IAT)*. St. Petersburg: BPRI, 2005, 23. (In Russ.)]
- Быховец Ю. В. Стресс от невидимых информационных угроз и его последствия. *Консультативная психология и психотерапия*. 2023. Т. 31. № 3. С. 132–166. [Bykhovets Yu. V. Stress of invisible information threats and its consequences. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2023, 31(3): 132–166. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2023310307>
- Быховец Ю. В., Падун М. А. Личностная тревожность и регуляция эмоций в контексте изучения посттравматического стресса. *Клиническая и специальная психология*. 2019. Т. 8. № 1. С. 78–89. [Bykhovets Yu. V., Padun M. A. Personal anxiety and emotion regulation in the context of study of post-traumatic stress. *Clinical Psychology and Special Education*, 2019, 8(1): 78–89. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2019080105>
- Васин Г. М., Лобаскова М. М. Природа взаимосвязей темперамента с эмоциональными и поведенческими проблемами. *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2015. Т. 8. № 4. С. 103–114. [Vasin G. M., Lobaskova M. M. The nature of the correlation between temperament and emotional and behavioral problems. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya*, 2015, 8(4): 103–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrdhqp>
- Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Исаева Е. Р., Трифонова Е. А., Щелкова О. Ю., Новожилова М. Ю. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2009. 38 с. [Wasserman L. I., Iovlev B. V., Isaeva E. R., Trifonova E. A.,

- Shchelkova O. Yu., Novozhilova M. Y. *Methods for psychological diagnosis of ways of coping with stressful and problematic situations of the individual*. St. Petersburg: BPRI, 2009, 38. (In Russ.)]
- Гольская А. И., Мирзоева Р. К., Черник О. В., Осипова А. С., Бердыш Д. С. Нарушение сна и основные причины возникновения инсомнии. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2021. № 4-2. С. 108–112. [Golskaya A. I., Mirzoeva R. K., Chernik O. V., Osipova A. S., Berdysh D. S. Sleep disorders and the main causes of insomnia. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2021, (4-2): 108–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/itbbca>
- Грехов Р. А., Сулейманова Г. П., Адамович Е. И. Роль тревоги в психофизиологии стресса. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 11: Естественные науки*. 2017. Т. 7. № 1. С. 57–66. [Grekhov R. A., Suleymanova G. P., Adamovich E. I. The role of anxiety in psycho-physiology of stress. *Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 11: Estestvennye nauki*, 2017, 7(1): 57–66. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu11.2017.1.7>
- Демина Н. С., Глазева М. А. Взаимосвязь эмоционального интеллекта и тревоги у студентов факультета клинической психологии. *Психология, социология и педагогика*. 2018. № 4. [Demina N. S., Glaseva M. A. The correlation between emotional intelligence and anxiety in clinical psychology students. *Psikhologiya, sotsiologiya i pedagogika*, 2018, (4). (In Russ.)] URL: <https://psychology.snauka.ru/2018/04/8547> (accessed 20 Nov 2024). <https://elibrary.ru/xnspsp>
- Екимова В. И., Розенова М. И., Литвинова А. В., Котенева А. В. Травматизация страхом: психологические последствия пандемии COVID-19. *Современная зарубежная психология*. 2021. Т. 10. № 1. С. 27–38. [Ekimova V. I., Rozenova M. I., Litvinova A. V., Koteneva A. V. The fear traumatization: Psychological consequences of COVID-19 pandemic. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2021, 10(1): 27–38. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100103>
- Камалов А. А., Нестерова О. Ю., Мареев В. Ю., Орлова Я. А., Мареев Ю. В., Беграмбекова Ю. Л., Павлова З. Ш., Плисюк А. Г., Самоходская Л. М., Мершина Е. А., Охоботов Д. А., Стригунов А. А., Цурская Д. Д. Андрогенный статус мужчин при тяжелом течении COVID-19: роль тестостерона и дигидротестостерона [в рамках программы ОСНОВАТЕЛЬ (Особенности течения новой коронавирусной инфекции и варианты терапии больных в зависимости от андрогенного статуса)]. *Урология*. 2023. № 3. С. 78–86. [Kamalov A. A., Nesterova O. Yu., Mareev V. Yu., Orlova Ya. A., Mareev Yu. V., Begrambekova Yu L., Pavlova Z. Sh., Plisyk A. G., Samokhodskaya L. M., Merzhina E. A., Ohobotov D. A., Strigunov A. A., Tsurskaya D. D. Androgenic status of men with severe COVID-19: The role of testosterone and dihydrotestosterone [within the program FOUNDER (features of a new coronavirus infection course and options therapy depending on the androgenic status)]. *Urologiya*, 2023, (3): 78–86. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18565/urology.2023.3.78-86>
- Коневцев И. В., Родионова Е. А. Экстраверсия и нейротизм как факторы выбора копинг-стратегий. *Проблемы теории и практики современной психологии*: Всерос. (с междунар. уч.) науч.-практ. конф. (Иркутск, 29–30 апреля 2022 г.) Иркутск: ИГУ, 2022. С. 66–69. [Konevtsev I. V., Rodionova E. A. Extraversion and neuroticism as choice factors for coping strategies. *Problems of theory and practice of modern psychology*: Proc. All-Russian (with Intern. Participation) Sci.-Prac. Conf., Irkutsk, 29–30 Apr 2022. Irkutsk: ISU, 2022, 66–69. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/akxhzy>
- Куфтяк Е. В., Бехтер А. А. Стресс и проактивное совладающее поведение в период пандемии COVID-19: данные он-лайн опроса. *Медицинская психология в России*. 2020. Т. 12. № 6. [Kuftyak E. V., Bekhter A. A. Stress and proactive coping behavior during COVID-19 pandemic: An online survey. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, 2020, 12(6). (In Russ.)] URL: http://medpsy.ru/mpjr/archiv_global/2020_6_65/nomer05.php (accessed 8 Nov 2024). <https://elibrary.ru/zpryh5>
- Липунова О. В. Эмоции, поведение и личность как психологическая проблема. *Современные проблемы науки и образования*. 2014. № 6. [Lipunova O. V. Emotions, behavior and personality as a psychological problem. *Modern problems of science and education*, 2014, 6. (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=15507> (accessed 18 Nov 2024). <https://elibrary.ru/tgrcff>
- Мишкевич А. М. Экстраверсия в разных теориях личности. *Пензенский психологический вестник*. 2019. № 1. С. 52–69. [Mishkevich A. M. Extroversion in different theories of personality. *Penza psychological newsletter*, 2019, (1): 52–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17689/psy-2019.1.4>

- Морозова М. А., Алексеев А. А., Рупчев Г. Е. Психологический дистресс и его значение для практикующего врача (на примере неврологической практики). *Неврология и ревматология. Приложение к журналу Consilium Medicum*. 2016. № 2. С. 85–89. [Morozova M. A., Alekseev A. A., Rupchev G. E. Psychological distress and its significance for practicing doctor (in example of neurological practice). *Nevrologiia i revmatologiia. Prilozhenie k zhurnaluu Consilium Medicum*, 2016, (2): 85–89. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yosooz>
- Муртазина И. Р. Восприятие повседневных стрессоров и копинг-стратегии жителей Санкт-Петербурга и Архангельска: сравнительный анализ. *Мир науки*. 2018. № 6. [Murtazina I. R. Perception of daily stressors and coping strategies among residents of Saint-Petersburg and Arkhangelsk: Comparative analysis. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 2018, (6). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/79PSMN618.pdf> (accessed 4 Dec 2024). <https://elibrary.ru/yjybyd>
- Никитина Д. А. Дистресс и психопатологическая симптоматика при соматическом заболевании: особенности проявления в границах нормы. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2022. Т. 10. № 4. [Nikitina D. A. Distress and psychopathological symptoms in somatic disease: Features of manifestation within the limits of the norm. *World of Science. Pedagogy and psychology*, 10(4). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/47PSMN422.pdf> (accessed 4 Dec 2024). <https://elibrary.ru/huribz>
- Новосёлова Е. Н. Влияние пандемии COVID-19 на социальные практики здоровьесбережения и ментальное здоровье россиян. *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 2022. Т. 28. № 1. С. 238–259. [Novoselova E. N. Impact of the COVID-19 pandemic on social health-saving practices and mental health of Russian citizens. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sociologija i politologija*, 2022, 28(1): 238–259. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24290/1029-3736-2022-28-1-238-259>
- Обносков В. Н. Тревожность как проявление стресса. *Наука и Образование*. 2023. Т. 6. № 1. [Obnosov V. N. Anxiety as a manifestation of stress. *Nauka i Obrazovanie*, 2023, 6(1). (In Russ.)] URL: <http://opusmgau.ru/index.php/see/article/view/5517/5438> (accessed 18 Nov 2024). <https://elibrary.ru/bzjbne>
- Смолева Е. О. Социальный стресс и стратегии его преодоления: анализ концепций и моделей. *Социальное пространство*. 2020. Т. 6. № 3. [Smoleva E. O. Social stress and its coping strategies: Analysis of concepts and model. *Social Area*, 2020, 6(3). (In Russ.)] <https://doi.org/10.15838/sa.2020.3.25.3>
- Соловьева Н. В., Макарова Е. В., Кичук И. В. «Коронавирусный синдром»: профилактика психотравмы, вызванной COVID-19. *ПМЖ*. 2020. № 9. С. 18–22. [Solovieva N. V., Makarova E. V., Kichuk I. V. "Coronavirus syndrome": Prevention of psychotrauma caused by COVID-19. *RMJ*, 2020, (9): 18–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jlqcan>
- Станишевская Ж. Стресс, индивид, личность. От дистресса к эустрессу. *Studia Humanitatis*. 2020. № 1. [Staniszewska Z. Stress, person, personality. From distress to eustress. *Studia Humanitatis*, 2020, 1: 16. (In Russ.)] URL: https://st-hum.ru/sites/st-hum.ru/files/pdf/staniszewska_z.pdf (accessed 18 Nov 2024). <https://elibrary.ru/qmlqrx>
- Стоянова И. Я., Гуткевич Е. В., Лебедева В. Ф., Иванова А. А., Бохан Н. А. Психологические факторы, наносящие транснациональный урон общественному психическому здоровью населения в период пандемии. *Сибирский вестник психиатрии и наркологии*. 2022. № 1. С. 46–56. [Stoyanova I. Ya., Gutkevich E. V., Lebedeva V. F., Ivanova A. A., Bokhan N. A. Psychological factors causing transnational hazard to the public mental health during a pandemic. *Siberian Herald of Psychiatry and Addiction Psychiatry*, 2022, (1): 46–56. (In Russ.)] [https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-1\(114\)-46-56](https://doi.org/10.26617/1810-3111-2022-1(114)-46-56)
- Тарабарина Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса. СПб.: Питер, 2001. 272 с. [Tarabarina N. V. *Practical work on the psychology of post-traumatic stress*. St. Petersburg: Piter, 2001, 272. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vojuuf>
- Трошихина Е. Г., Манукян В. Р. Тревожность и устойчивые эмоциональные состояния в структуре психоэмоционального благополучия. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика*. 2017. Т. 7. № 3. С. 211–223. [Troshikhina E. G., Manukyan V. R. Anxiety and stable emotional states in the structure of psycho-emotional wellbeing. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology and Education*, 2017, 7(3): 211–223. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztlsqf>
- Хромов А. Б. Пятифакторный опросник личности. Курган: Курганский гос. ун-т, 2000. 23 с. [Khromov A. B. *Five-factor personality questionnaire*. Kurgan: Kurgan State University, 2000, 23. (In Russ.)]

- Akil H., Nestler E. J. The neurobiology of stress: Vulnerability, resilience, and major depression. *Proceeding of the National Academy of Sciences of the United States of America*, 2023, 120(49). <https://doi.org/10.1073/pnas.2312662120>
- Cholankeril R., Xiang E., Badr H. Gender differences in coping and psychological adaptation during the COVID-19 pandemic. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2023, 20(2). <https://doi.org/10.3390/ijerph20020993>
- DiSabato D. J., Nemeth D. P., Liu X., Witcher K. G., O'Neil S. M., Oliver B., Bray C. E., Sheridan J. F., Godbout J. P., Quan N. Interleukin-1 receptor on hippocampal neurons drives social withdrawal and cognitive deficits after chronic social stress. *Molecular Psychiatry*, 2021, 26: 4770–4782. <https://doi.org/10.1038/s41380-020-0788-3>
- Donzella S. M., Kohler L. N., Crane T. E., Jacobs E. T., Ernst K. C., Bell M. L., Catalfamo C. J., Begay R., Pogreda-Brown K., Farland L. V. COVID-19 infection, the COVID-19 pandemic, and changes in sleep. *Frontiers in Public Health*, 2021, 9. <https://doi.org/10.3389/fpubh.2021.795320>
- Fairweather D., Beetler D. J., Di Florio D. N., Musigk N., Heidecker B., Cooper L. T. Jr. COVID-19, myocarditis and pericarditis. *Circulation Research*, 2023, 132(10): 1302–1319. <https://doi.org/10.1161/CIRCRESAHA.123.321878>
- Gewirtz-Meydan A., Lassri D. A profile analysis of COVID-19 stress-related reactions: The importance of early childhood abuse, psychopathology, and interpersonal relationships. *Child Abuse & Neglect*, 2022, 130(1). <https://doi.org/10.1016/j.chiabu.2021.105442>
- Hassamal S. Chronic stress, neuroinflammation, and depression: An overview of pathophysiological mechanisms and emerging anti-inflammatories. *Frontiers in Psychiatry*, 2023, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsy.2023.1130989>
- Kempuraj D., Selvakumar G. P., Ahmed M. E., Raikwar S. P., Thangavel R., Khan A., Zaheer S. A., Iyer S. S., Burton C., James D., Zaheer A. COVID-19, Mast Cells, Cytokine Storm, Psychological Stress, and Neuroinflammation. *The Neuroscientist*, 2020, 26(5-6): 402–414. <https://doi.org/10.1177/1073858420941476>
- Lakhan R., Agrawal A., Sharma M. Prevalence of depression, anxiety, and stress during COVID-19 pandemic. *Journal of Neurosciences in Rural Practice*, 2020, 11(4): 519–525. <https://doi.org/10.1055/s-0040-1716442>
- Le L. T. H., Hoang T. N. A., Nguyen T. T., Dao T. D., Do B. N., Pham K. M., Vu V. H., Pham L. V., Nguyen L. T. H., Nguyen H. C., Tran T. V., Nguyen T. H., Nguyen A. T., Nguyen H. V., Nguyen P. B., Nguyen H. T. T., Pham T. T. M., Le T. T., Nguyen T. T. P., Tran C. Q., Quach H. L., Nguyen K. T., Duong T. V. Sex differences in clustering unhealthy lifestyles among survivors of COVID-19: Latent class analysis. *JMIR Public Health and Surveillance*, 2024, 10. <https://doi.org/10.2196/50189>
- Mandelli L., Milaneschi Y., Hiles S., Serretti A., Penninx B. W. Unhealthy lifestyle impacts on biological systems involved in stress response: Hypothalamic-pituitary-adrenal axis, inflammation and autonomous nervous system. *International Clinical Psychopharmacology*, 2023, 38(3): 127–135. <https://doi.org/10.1097/YIC.0000000000000437>
- Osborne M. T., Shin L. M., Mehta N. N., Pitman R. K., Fayad Z. A., Tawakol A. Disentangling the links between psychosocial stress and cardiovascular disease. *Circulation: Cardiovascular Imaging*, 2020, 13(8). <https://doi.org/10.1161/CIRCIMAGING.120.010931>
- Palma E. M. S., Reis de Sousa A., Andrade de Moraes F., Evangelista Luz R., Freitas Neto Á. L., Lima P. P. F. Coping moderates the relationship between intolerance of uncertainty and stress in men during the COVID-19 pandemic. *Revista da Escola de Enfermagem da USP*, 2022, 56. <https://doi.org/10.1590/1980-220X-REEUSP-2021-0303>
- Paschou S. A., Psaltopoulou T., Halvatsiotis P., Raptis A., Vlachopoulos C. V., Dimopoulos M.-A. Gender differences in COVID-19. *Maturitas*, 2022, 161: 72–73. <https://doi.org/10.1016/j.maturitas.2022.03.004>
- Rosenqvist E., Kiviruusu O., Berg N., Konttinen H. Stress-induced eating and drinking and their associations with weight among women and men during 30-year follow-up. *Psychology & Health*, 2025, 40(1). <https://doi.org/10.1080/08870446.2023.2192240>
- Staneva A., Carmignani F., Rohde N. Personality, gender, and age resilience to the mental health effects of COVID-19. *Social Science & Medicine*, 2022, 301. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2022.114884>
- Steptoe A., Frank P. Obesity and psychological distress. *Philosophical Transactions of the Royal Society B. Biological Sciences*, 2023, 378(1888). <https://doi.org/10.1098/rstb.2022.0225>

- Tacchini-Jacquier N., Bonvin E., Monnay S., Verloo H. Perceived stress, trust, safety and severity of SARS-CoV-2 infection among patients discharged from hospital during the COVID-19 pandemic's first wave: A PREMs survey. *BMJ Open*, 2022, 12(6). <https://doi.org/10.1136/bmjopen-2021-060559>
- Tordjman S. Aggressive behavior: A language to be understood. *L'Encéphale*, 2022, 48(Suppl_1): S4–S13. <https://doi.org/10.1016/j.encep.2022.08.007>
- Tsigos C., Chrousos G. P. Hypothalamic-pituitary-adrenal axis, neuroendocrine factors and stress. *Journal of Psychosomatic Research*, 2002, 53(4): 865–871. [https://doi.org/10.1016/s0022-3999\(02\)00429-4](https://doi.org/10.1016/s0022-3999(02)00429-4)
- Xie Q., Liu X.-B., Xu Y.-M., Zhong B.-L. Understanding the psychiatric symptoms of COVID-19: A meta-analysis of studies assessing psychiatric symptoms in Chinese patients with and survivors of COVID-19 and SARS by using the Symptom Checklist-90-Revised. *Translational Psychiatry*, 2021, 11. <https://doi.org/10.1038/s41398-021-01416-5>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/tdbxap>

Психологические особенности лиц с воспалительными заболеваниями кишечника: результаты сопоставления с нормативными данными

Илич Мария

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, Санкт-Петербург
eLibrary Author SPIN: 3727-8012
<https://orcid.org/0000-0002-2403-1974>
ilich.mariya@mail.ru

Зюзина Дарья Сергеевна

Санкт-Петербургский государственный институт психологии
и социальной работы, Россия, Санкт-Петербург
eLibrary Author SPIN: 2029-6266
<https://orcid.org/0009-0007-7627-9449>

Михайличенко Татьяна Геннадьевна

Санкт-Петербургский государственный институт психологии
и социальной работы, Россия, Санкт-Петербург
eLibrary Author SPIN: 3377-4878
<https://orcid.org/0009-0008-7186-3117>

Щелкова Ольга Юрьевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, Санкт-Петербург
Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии
и неврологии имени В. М. Бехтерева, Россия, Санкт-Петербург
eLibrary Author SPIN: 6796-7520
<https://orcid.org/0000-0001-9444-4742>
Scopus Author ID: 6506644008

Аннотация: Роль психологических факторов в развитии, течении и лечении пациентов с воспалительными заболеваниями кишечника (ВЗК) изучена недостаточно, хотя очевидно, что хронический характер течения и тяжелая симптоматика оказывают влияние на эмоционально-аффективный статус, социальное функционирование, индивидуально-психологические особенности преодоления стресса болезни. В связи с этим актуальным является проведение комплексного психологического исследования пациентов с ВЗК и сравнительного анализа их психодиагностических показателей с отечественными нормативными тестовыми данными для организации обоснованной и целенаправленной психологической помощи и эффективного сопровождения лечебного процесса пациентов с ВЗК. Цель – определить психологические особенности лиц с воспалительными заболеваниями кишечника. Исследован 61 пациент с ВЗК: 24 (39,4 %) мужчины, 37 (60,6 %) женщин; средний возраст – $30,29 \pm 9,94$. Использованы психодиагностические методы: Интегративный тест тревожности (ИТТ); Шкала воспринимаемого стресса (ШВС-10); Большая пятерка (BIG V); Способы совладающего поведения (ССП); Смыслжизненные ориентации (СЖО). Сравнительный анализ показателей эмоционального состояния выявил существенное преобладание в группе пациентов с ВЗК показателей ситуативной тревоги ($p < 0,001$) и личностной тревожности ($p < 0,001$) (методика ИТТ), общего показателя субъективно воспринимаемого стресса ($p < 0,001$) и показателя *перенапряжение* ($p < 0,001$) (методика ШВС-10). Анализ базисных черт личности (методика BIG V) показал, что в группе пациентов с ВЗК более выраженными по сравнению со средней «нормой» являются черты, измеряемые шкалой *самосознание* ($p < 0,001$), и менее выраженные – шкалами *экстраверсия* ($p < 0,01$), *эмоциональная стабильность* ($p < 0,001$) и *личностные ресурсы* ($p < 0,01$). В группе пациентов с ВЗК преобладают показатели методики SSP, характеризующие структуру копинг-поведения: самоконтроль ($p < 0,001$), поиск социальной поддержки ($p < 0,001$), принятие ответственности ($p < 0,001$), планирование решения проблемы ($p < 0,001$), положительная переоценка ($p < 0,05$). Анализ показателей ценностно-мотивационной направленности личности (методика СЖО) в группе мужчин с ВЗК выявил снижение по сравнению с нормативной мужской выборкой показателей: цели в жизни ($p < 0,001$), процесс жизни ($p < 0,001$), результативность жизни ($p < 0,01$), локус контроля – Я ($p < 0,01$), общий показатель СЖО ($p = 0,001$). В группе женщин с ВЗК выявлено снижение ($p < 0,05$) показателя *процесс жизни*, что отражает неудовлетворенность актуальной жизненной ситуацией. По данным сравнительного анализа с отечественными нормативными психодиагностическими показателями, пациенты с ВЗК характеризуются высоким уровнем эмоционального напряжения (тревоги и воспринимаемого стресса), преобладанием в структуре личности черт ответственности и организованности, приверженности стереотипам в сочетании с высокой личностной тревожностью и эмоциональной неустойчивостью, широким спектром активных

копинг-стратегий и недостаточностью личностных ресурсов копинга, особенно у мужчин с ВЗК. Полученные данные могут быть использованы при психологическом сопровождении лечения пациентов с ВЗК.

Ключевые слова: воспалительные заболевания кишечника, ситуативная тревожность, личностная тревожность, стресс, структура личности, копинг-стратегии, копинг-ресурсы, смысловые ориентации

Цитирование: Илич М., Зюзина Д. С., Михайличенко Т. Г., Щелкова О. Ю. Психологические особенности лиц с воспалительными заболеваниями кишечника: результаты сопоставления с нормативными данными. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 163–180. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-163-180>

Поступила в редакцию 29.09.2024. Принята после рецензирования 17.12.2024. Принята в печать 23.12.2024.

full article

Psychological Profile of Patients with Inflammatory Bowel Diseases: Comparative Analysis with Standard Indicators

Mariya Ilich

St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 3727-8012

<https://orcid.org/0000-0002-2403-1974>

ilich.mariya@mail.ru

Tatiana G. Mikhaylichenko

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,

Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 3377-4878

<https://orcid.org/0009-0008-7186-3117>

Daria S. Zyuzina

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work,

Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 2029-6266

<https://orcid.org/0009-0007-7627-9449>

Olga Yu. Shchelkova

St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg

V. M. Bekhterev National Medical Research Centre for Psychiatry

and Neurology, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 6796-7520

<https://orcid.org/0000-0001-9444-4742>

Scopus Author ID: 6506644008

Abstract: Chronic inflammatory bowel diseases and their severe symptoms are a serious stress factor that affects the emotional and social status of patients. However, the role of psychological factors in the development, course, and treatment of inflammatory bowel diseases remains understudied. This comprehensive analysis of psychodiagnostic indicators of patients with inflammatory bowel diseases and the standard data for healthy people could facilitate targeted psychological assistance and effective treatment support. The research included 61 patients with inflammatory bowel diseases, 51 patients with Crohn's disease, and 10 patients with ulcerative colitis (39.4% men, 60.6% women; 30.29 ± 9.94 y.o.) The psychodiagnostic methods and questionnaires included The State-Trait Anxiety Inventory, The Perceived Stress Scale, The Big Five Inventory, The Ways of Coping Questionnaire, and The Purpose in Life Test. The comparative analysis of emotional state indicators revealed strong situational anxiety ($p < 0.001$) and personal anxiety ($p < 0.001$), as well as high subjective stress ($p < 0.001$) and the overstrain indicator ($p < 0.001$). The analysis of basic personality traits showed that the traits measured by the self-awareness scale ($p < 0.001$) were more pronounced than those measured by the scales of extroversion ($p < 0.01$), emotional stability ($p < 0.001$), and personal resources ($p < 0.01$). The coping behavior test demonstrated self-control ($p < 0.001$), search for social support ($p < 0.001$), responsibility acceptance ($p < 0.001$), solution planning ($p < 0.001$), and positive reappraisal ($p < 0.05$). The male patients had low indicators for life goals ($p < 0.001$), life process ($p < 0.001$), life performance ($p < 0.01$), locus of I-control ($p < 0.01$), and the overall life purpose ($p = 0.001$). The women had low indicators ($p < 0.05$) for life process, which signified dissatisfaction with the current life situation. In general, the patients with inflammatory bowel diseases had a high level of emotional tension (anxiety and subjective stress), personal anxiety, and emotional instability, with responsibility and organization being the prevailing personality traits; they adhered to stereotypes and demonstrated a wide range of active coping strategies with poor personal coping resources, especially in men. The data obtained can be used to improve the psychological support of patients with inflammatory bowel diseases.

Keywords: inflammatory bowel disease, situational anxiety, personality anxiety, stress, personality structure, coping strategies, coping resources, purpose in life

Citation: Ilich M., Zyuzina D. S., Mikhaylichenko T. G., Shchelkova O. Yu. Psychological Profile of Patients with Inflammatory Bowel Diseases: Comparative Analysis with Standard Indicators. *SibScript*, 2025, 27(2): 163–180. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-163-180>

Received 29 Sep 2024. Accepted after peer review 17 Dec 2024. Accepted for publication 23 Dec 2024.

Введение

На сегодняшний день в медицине нет единого мнения об этиологии воспалительных заболеваний кишечника (ВЗК) и о роли психологических факторов в развитии, течении и лечении данных заболеваний. К ВЗК относятся болезнь Крона и язвенный колит, считающиеся одними из наиболее сложных комплексных заболеваний для современной гастроэнтерологии. В лечении ВЗК врачи придерживаются современной концепции, называемой лечением до достижения цели. Данная концепция включает в себя, с одной стороны, достижение долгосрочного эффекта от лечения (поддержание ремиссии), профилактику осложнений заболевания, уменьшение частоты госпитализаций и снижение числа операций. С другой стороны, ставятся задачи улучшения качества жизни пациентов и снижения инвалидизации пациентов с хроническими заболеваниями [Шелыгин и др. 2023a; 2023b].

Биопсихосоциальная концепция здоровья и болезни позволяет рассматривать ВЗК не только как медицинскую проблему, но и как результат сложного взаимодействия различных факторов (клинико-биологических, психологических и социальных). Такой подход способствует более эффективному лечению и улучшению качества жизни пациентов, обеспечивая целостное понимание и системный подход к больному человеку.

Данные зарубежных исследований показывают, что у пациентов с ВЗК часто наблюдаются изменения в эмоционально-аффективной сфере [Fracas et al. 2023], в частности высокий уровень тревожности и депрессии [Успенский и др. 2022; Yuan et al. 2021], что может быть связано с хроническим характером течения заболевания и его негативным влиянием на различные аспекты жизни болеющего [Abdelaty 2024; Askar et al. 2021; Dávid et al. 2023].

По данным научных исследований, у пациентов с ВЗК тревожность может быть намного более выражена в сравнении со здоровыми людьми, что связано со следующими факторами: непредсказуемость течения заболевания – обострения могут происходить

внезапно, что может вызывать чувство страха перед будущим и опасения неспособности контроля над своим состоянием; усугубление тревоги социальными и профессиональными последствиями, вызванными ВЗК, – страхом потери работы и социальных контактов, ограничениями в повседневной жизни [Илич, Щелкова 2023].

Хронический стресс является распространенной проблемой среди пациентов с ВЗК [Black et al. 2024; Laoudi et al. 2020]. Он может возникать из-за соматических симптомов, таких как интенсивная боль в пределах брюшной полости, диарея, императивные позывы к дефекации и другие симптомы, вызывающие чувство беспокойства и дискомфорта и значительно снижающие качество жизни [Swaminathan et al. 2022]. Стресс может быть спровоцирован социальной ситуацией, в которой пациенты могут испытывать чувство стыда и вины, изоляции и недовольства своим телесным состоянием [Eugenicos, Ferreira 2021], что может приводить к ухудшению общего психического состояния и с течением времени негативно отразиться на психосоматическом и психосоциальном уровнях функционирования [Araki et al. 2020; Gostoli et al. 2024; Mitropoulou et al. 2022]. Важно отметить, что у пациентов с ВЗК в активной стадии заболевания могут быть психопатологические симптомы, которые не наблюдаются в ремиссии [Eldridge, Raine 2022; Leone et al. 2019].

В современной научной литературе недостаточно изучены личностно-характерологические особенности пациентов с ВЗК, однако они оказывают значительное влияние на то, как пациенты справляются с заболеванием и его последствиями [Илич, Щелкова 2023]. В структуре личности пациентов с ВЗК выявлена чувствительность к стрессу, многие пациенты обладают низкой стрессоустойчивостью, что затрудняет адаптацию к хроническому заболеванию [Petrik et al. 2021].

По данным зарубежной научной литературы, у пациентов с ВЗК стратегии совладания со стрессом

(копинг-стратегии), являясь центральным механизмом адаптации личности к болезни, оказывают значительное влияние на психическое состояние (симптомы дистресса) и качество жизни [Marín-Jiménez et al. 2017]. Эффективные стратегии совладания со стрессом, связанным с заболеванием, также влияют на взаимодействие с социальным окружением [Щербатых 2024, Martino et al. 2023].

Индивидуальный смысл жизни для пациентов с ВЗК может меняться в зависимости от их опыта борьбы с болезнью. Столкновение с хроническим заболеванием может привести к переосмыслению жизненных приоритетов и ценностей. Установление новых смыслов и целей может помочь пациентам справляться с вызовами, связанными с заболеванием.

Адаптация к ВЗК может быть сложной, и многие пациенты могут не справляться с психологическим бременем болезни, что определяет необходимость психологической помощи. Как показывают специальные исследования, лечение пациентов с ВЗК требует особого подхода со стороны медицинских работников. Важно учитывать не только физические симптомы, но и психологическое состояние пациентов, чтобы обеспечить комплексную терапию и поддержку [Илич, Щелкова 2023; Askar et al. 2021; Sun et al. 2019]. Психологическая помощь может значительно улучшить общее состояние и качество жизни пациентов с ВЗК [Marín-Jiménez et al. 2017]. Поэтому важно участие медицинского психолога в процессе диагностики, лечения и реабилитации пациентов, в изучении психологических характеристик (эмоционального состояния, стресса, личностно-характерологических особенностей, стратегий и ресурсов психологического преодоления стресса болезни) для своевременного оказания профессиональной психологической помощи пациентам с ВЗК.

В современной отечественной научной литературе последних лет наблюдается интерес к исследованиям пациентов с ВЗК, представлены результаты нескольких исследований эмоционально-аффективной сферы [Бакулин и др. 2023; Болотова и др. 2023; Успенский и др. 2022], качества жизни [Болотова и др. 2023; Илич, Щелкова 2023], приверженности к лечению [Бабаян и др. 2022], восприятия болезни [Огарев и др. 2023] пациентов с ВЗК. Несмотря на это, настоящая работа является одной из первых в России, посвященных сравнению с нормативными психодиагностическими показателями (эмоционального состояния, базисных черт личности, стратегий и личностных ресурсов стресс-преодолевающего поведения),

полученными на российских выборках пациентов с ВЗК, что определило цель, задачи и новизну исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в дополнении представлений о психологических характеристиках лиц с ВЗК новыми данными, что составляет научный интерес для дальнейших исследований. Интеграция полученных научных знаний даст возможность определять и отслеживать динамику психологического состояния пациентов с ВЗК.

Цель – определить психологические особенности лиц с воспалительными заболеваниями кишечника. Исследование заключалось в сравнении показателей эмоционального состояния, базисных черт личности, стратегий и личностных ресурсов стресс-преодолевающего поведения пациентов с ВЗК с нормативными психодиагностическими показателями, полученными на российских выборках.

Методы и материалы

Исследование проведено на базе Городского центра диагностики и лечения ВЗК Городской клинической больницы № 31, г. Санкт-Петербург. Протокол исследования одобрен Этическим комитетом Санкт-Петербургского отделения Российского психологического общества (Протокол № 25 от 26.10.2023).

Характеристика выборки

Критерии включения в выборку исследования: диагнозы – болезнь Крона (K50) и язвенный колит (K51), поставленные врачом-гастроэнтерологом согласно Международной классификации болезней десятого пересмотра (МКБ-10); совершеннолетний возраст; информированное согласие пациента на участие в психологическом исследовании.

Критерий исключения: невозможность прохождения психологического исследования в связи с когнитивными нарушениями или выраженной астенией.

Социально-демографические сведения. В исследовании принял участие 61 пациент с подтвержденным диагнозом ВЗК, из них 24 (39,4 %) мужчины и 37 (60,6 %) женщин. Возраст респондентов – 18–56 лет, средний возраст составил $M = 30,29$, $\sigma = 9,94$.

Преобладали лица с высшим (57,45 %) и неоконченным высшим (21,27 %) образованием, 21,28 % – со средним образованием. Более половины пациентов (58,30 %) имели постоянную или временную работу, 18,75 % – учились, 22,92 % – не работали. Большинство пациентов (59,52 %) имели собственную семью (состояли в официальном или незарегистрированном

браке), 35,72 % не состояли в браке (проживали самостоятельно или в родительской семье), 4,76 % пациентов разведены.

Клинические сведения. В исследованной группе большинство пациентов (51 человек, 83,6 %) имели диагноз болезнь Крона; 10 человек (16,4 %) – язвенный колит. Длительность заболевания с момента постановки диагноза составила $M = 4,28$, $\sigma = 3,85$. Во время проведения исследования 65,95 % пациентов находились в состоянии ремиссии, у 34,05 % наблюдался рецидив заболевания. Осложнения ВЗК выявлены у 73,91 % человек. Сопутствующие заболевания: 61,38 % – другие заболевания гастроэнтерологического профиля (гастрит, дуоденит, гепатит, панкреатит и др.), 11,88 % – заболевания кожи (дерматит, экземы), 9,27 % – заболевания суставов, 10,18 % – заболевания сердечно-сосудистой системы, 7,29 % – другие заболевания систем и органов. 19,2 % пациентов имели значительный дефицит массы тела на фоне заболевания, у 26,8 % диагностирована анемия от легкой до тяжелой степени. 23,91 % пациентов, кроме основного фармакологического лечения, получали психофармакологическое лечение в связи с тревожным и тревожно-депрессивным состоянием. 90,1 % получили психологическую помощь.

Психодиагностические методы

Для сбора клинико-психологических данных проводилось структурированное интервью. Был использован комплекс тестовых (стандартизованных) психологических методов, соответствующих цели и задачам исследования.

1. Интегративный тест тревожности (ИТТ) применялся для оценки выраженности тревоги в актуальном эмоциональном состоянии, а также тревожности как устойчивой индивидуально-психологической характеристики. Авторами ИТТ были получены средние баллы по общим показателям ситуативной и личностной тревожности в нормативной группе (540 здоровых лиц в возрасте 22–55 лет). Между мужчинами и женщинами в нормативной группе не были выявлены статистически значимые различия ситуативной и личностной тревожности. По возрасту (в группе взрослых) и по отдельным компонентам тревожности в нормативной группе анализ не проводился. Представлены диапазоны шкальных оценок (станайнов), характеризующих низкий, нормальный (средний) и высокий уровни выраженности тревоги / тревожности по возрасту и полу [Бизюк и др. 2014].

2. Шкала воспринимаемого стресса (ШВС-10) выявляет субъективную оценку выраженности стресса в течение последнего месяца и усилия, направленные на его преодоление. Авторами адаптации проведена полная психометрическая проверка ШВС-10 и получены средние нормативные оценки для трех шкал методики на российской выборке (175 мужчин и женщин 18–54 лет). Различия по полу и возрасту в нормативной группе не выявлены [Абабков и др. 2016].

3. Личностный опросник «Большая пятерка» (BIG V) используется для изучения индивидуально-психологических особенностей и структуры личности. Разработанная методика BIG V направлена на выявление этих пяти глобальных факторов личности и, соответственно, включает пять биполярных шкал, названия которых соответствуют полюсу высоких значений [Первин, Джон 2001; Goldberg 1992].

4. Тест-опросник «Способы совладающего поведения» (ССП) для изучения стратегий стресс-преодолевающего поведения (копинга) является адаптированным и стандартизованным на отечественной выборке (1627 здоровых лиц в возрасте 18–60 лет). Результаты выражаются в стандартизованных Т-баллах при среднем значении $M = 50$ и стандартном отклонении $\sigma = 10$ [Вассерман и др. 2014].

5. В психологических исследованиях тест-опросник «Смысложизненные ориентации» (СЖО) используется для выявления ценностно-мотивационной направленности личности, которая непосредственно связана с осознанием смысла собственной жизни, а также для выявления личностных ресурсов преодоления жизненных трудностей (внутренних копинг-ресурсов). Автором методики были получены статистические характеристики шкальных оценок на российских нормативных выборках мужчин и женщин (200 человек в возрасте 18–29 лет) [Леонтьев 2006].

Необходимо отметить, что возраст в нормативных выборках по методикам ИТТ [Бизюк и др. 2014], ШВС-10 [Абабков и др. 2016], СПП [Вассерман и др. 2014] варьировался сопоставимо с исследуемой группой лиц с ВЗК. Средние ($M \pm \sigma$) значения по возрасту в нормативных выборках в данных методиках отсутствуют. По методике СЖО возрастной диапазон нормативной выборки значительно меньшего размаха (средние ($M \pm \sigma$) значения в литературе не представлены) в сравнении с выборкой лиц с ВЗК.

В исследовании применялись математико-статистические модели представления данных и методы дескриптивной статистики. Полученные данные обработаны с использованием пакета программного

обеспечения Excel Microsoft 365 для Windows 11. Результаты количественной оценки представляются с показателем стандартного отклонения ($M \pm \sigma$); также был проведен частотный анализ номинативных признаков. В качестве статистических методов были использованы λ -критерий Колмогорова – Смирнова, одновыборочный t-критерий Стьюдента и t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

Одновыборочный t-критерий Стьюдента применялся при сравнении данных лиц с ВЗК с данными, полученными на российских нормативных выборках, и позволил статистически оценить существование значимых различий между средним ($M \pm \sigma$) значением выборки лиц с ВЗК и известным средним ($M \pm \sigma$) значением нормативной группы.

Формулирование гипотез при сравнении данных пациентов с ВЗК и нормативной выборки было проведено следующим образом: нулевая гипотеза (H_0) – среднее значение выборки лиц с ВЗК не отличается от среднего значения нормативной выборки. Альтернативная гипотеза (H_1) – среднее значение выборки лиц с ВЗК отличается от среднего значения нормативной выборки.

T-критерий Стьюдента рассчитан по формуле, также была вычислена степень свободы для одновыборочного t-критерия. Полученная t-статистика сравнивается с критическим значением из таблицы распределения t-Стьюдента на уровне значимости $p \leq 0,05$. Если t-статистика превышала критическое значение, нулевая гипотеза была отвергнута, что означало, что среднее значение выборки лиц с ВЗК статистически значительно отличалось от нормативной выборки.

Методом λ -критерия Колмогорова – Смирнова был проведен сравнительный анализ показателей методики СЖО между группами мужчин и женщин с ВЗК, поскольку показатели методики СЖО мужчин с ВЗК в значительной степени отличались от нормативных, а у женщин с таким же диагнозом таких различий обнаружено не было. Применение t-критерия Стьюдента для независимых выборок было возможно, т. к. распределение не отличалось от нормального при проверке данных мужчин и женщин с ВЗК по методике СЖО.

Результаты

Эмоциональное состояние

Исследование тревоги (как преходящего эмоционального состояния) и тревожности (как устойчивой черты личности) пациентов с ВЗК проводилось с помощью

экспресс-диагностического ИТТ. Анализ полученных данных включал несколько этапов.

На первом этапе был определен уровень выраженности актуальной тревоги у исследованных пациентов с ВЗК. Выявлено, что у пациентов с ВЗК среднегрупповой показатель выраженности ситуативной тревоги (СТ-С) соответствует среднему уровню. По субшкалам, характеризующим компоненты ситуативной тревоги: эмоциональный дискомфорт (ЭД), астенический компонент (АСТ), фобический компонент (ФОБ), тревожная оценка перспективы (ОП), реакции социальной защиты (СЗ) – не были выявлены высокие значения баллов (станайнов) у пациентов с ВЗК.

По шкале оценки тревожности как личностно-типологической характеристики (СТ-Л) был выявлен среднегрупповой показатель, соответствующий высокому (≥ 7 станайнов) уровню. По субшкалам СТ-Л было определено следующее: только значение показателя субшкалы АСТ-Л соответствовало высокому уровню; по значения субшкалы ОП-Л – в пределах верхней границы средненормального уровня, по остальным субшкалам шкалы ситуативной тревожности (СТ-С) – ЭД-Л, ФСТ-Л и ФОБ-Л – показатели соответствовали средненормальному уровню (4–6 станайнов).

На втором этапе показатели методики ИТТ пациентов с ВЗК были сопоставлены с нормативными данными (табл. 1). Таблица 1 демонстрирует высоко статистически значимое превышение показателей шкал СТ-С и СТ-Л у пациентов с ВЗК по сравнению с нормативной группой, что свидетельствует о том, что уровень актуальной тревоги, внутреннего дискомфорта, напряжения, а также уровень личностной тревожности, готовности воспринимать широкий круг ситуаций как угрожающих в группе пациентов с ВЗК значительно выше, чем в нормативной выборке.

Дополнительно в группе пациентов с ВЗК был проведен анализ частоты встречаемости отдельных уровней выраженности СТ-С и СТ-Л и их компонентов (табл. 2). В таблице 2 можно увидеть средние значения в станайнах ($M \pm \sigma$) по каждой из шкал и субшкал ИТТ.

Частотный анализ встречаемости отдельных уровней выраженности ситуативной тревоги и ее компонентов показал, что у 45,92 % пациентов с ВЗК выявлен высокий общий уровень тревоги (СТ-С) и у половины пациентов определяется высокий уровень показателей АСТ-С и ОП-С. Для этих пациентов характерны выраженное психическое напряжение,

Табл. 1. Статистические характеристики шкальных оценок методики ИТТ в группе пациентов с ВЗК (n = 61) и здоровых лиц (n = 540)

Tab. 1. State-Trait Anxiety Inventory scores in patients with inflammatory bowel diseases (n = 61) vs. control (n = 540)

Шкалы ИТТ	Пациенты с ВЗК		Норма		t	p
	М	σ	М	σ		
Ситуативная тревожность (СТ-С)	18,16	9,34	11,91	4,58	5,225531	0,00001
Личностная тревожность (СТ-Л)	22,29	8,29	11,91	4,58	9,775506	0,00001

Табл. 2. Распределение частот встречаемости различных уровней ситуативной тревоги и личностной тревожности у пациентов с ВЗК

Tab. 2. Levels of situational and personal anxiety in patients with inflammatory bowel diseases

Показатели методики ИТТ	Значение шкальных оценок (уровень)			
	Низкие	Нормальные	Высокие	Усредненное значение
	n (%)	n (%)	n (%)	М ± σ
СТ-С	12 (19,63)	21 (34,45)	28 (45,92)	5,88 ± 2,55
ЭД-С	24 (39,33)	21 (34,45)	16 (26,22)	4,62 ± 2,83
АСТ-С	10 (16,39)	20 (32,80)	31 (50,81)	6,36 ± 2,41
ФОБ-С	12 (19,68)	26 (42,62)	23 (37,70)	5,44 ± 2,57
ОП-С	14 (22,97)	16 (26,22)	42 (50,81)	5,85 ± 2,49
СЗ-С	17 (27,88)	25 (40,98)	19 (31,14)	5,06 ± 2,74
СТ-Л	1 (1,65)	18 (29,50)	42 (68,85)	7,13 ± 1,84
ЭД-Л	4 (6,57)	18 (29,50)	39 (63,93)	6,72 ± 1,97
АСТ-Л	2 (3,29)	18 (29,50)	41 (67,21)	7,03 ± 1,90
ФОБ-Л	9 (14,76)	23 (37,70)	29 (47,54)	6,11 ± 2,49
ОП-Л	6 (9,84)	13 (21,31)	42 (68,85)	6,91 ± 2,07
СЗ-Л	17 (27,88)	25 (40,98)	19 (31,14)	5,26 ± 2,51

Прим.: ИТТ – Интегративный тест тревожности; СТ-С – ситуативная тревожность; СТ-Л – личностная тревожность; ЭД – эмоциональный дискомфорт; АСТ – астенический компонент тревожности; ФОБ – фобический компонент тревожности; ОП – тревожная оценка перспективы; СЗ – реакции социальной защиты. В методике ИТТ интегративный показатель ситуативной тревожности (СТ-С) и личностной тревожности (СТ-Л) ниже 4 станайнов соответствует низкому уровню; 4, 5 и 6 станайнов – среднему (нормальному) уровню; показатель от 7 станайнов свидетельствует о высоком уровне тревожности. Эти нормативы распространяются также на отдельные компоненты тревожности как актуального эмоционального состояния и как устойчивой индивидуальной черты личности.

повышенная утомляемость, пассивность, страх и отсутствие перспективы лечения, озабоченность будущим на фоне повышенной эмоциональной неустойчивости.

При анализе частот встречаемости различных уровней выраженности личностной тревожности и ее компонентов получены следующие результаты. Для двух третей пациентов с ВЗК (68,85 %) характерен высокий общий уровень личностной тревожности (СТ-Л)

и ее компонентов: ЭД-Л, АСТ-Л и ОП-Л. Полученные данные свидетельствуют о сниженном эмоциональном фоне, озабоченности здоровьем, негативной оценке перспективы и неудовлетворенности жизненной ситуацией, легко возникающей тревоге в значимых социальных ситуациях, в целом о выраженном психастеническом (тревожном и неуверенном) радикале личности.

В соответствии с задачами исследования были проанализированы показатели «Шкалы воспринимаемого стресса» (ШВС-10), отражающие субъективное переживание стресса. В таблице 3 представлены результаты сравнительного анализа показателей методики ШВС-10 пациентов с ВЗК с нормативными данными. Выявлены высоко статистически значимые различия между группой пациентов с ВЗК и нормативной выборкой по общему показателю воспринимаемого стресса и показателю субшкалы *перенапряжение*. В обоих случаях показатели пациентов существенно выше нормативных показателей. Полученные результаты свидетельствуют о том, что пациенты с ВЗК (их субъективная оценка) испытывали более выраженное внутреннее напряжение в течение последнего месяца, чем лица из нормативной выборки. Уровень психологических усилий, затрачиваемых на преодоление стресса (противодействие стрессу), не отличается от нормативного, что может указывать на недостаточную эффективность совладания с негативными эмоциональными переживаниями.

В таблице 4 представлены результаты частотного анализа встречаемости отдельных уровней выраженности показателей воспринимаемого стресса. У подавляющего большинства (93,45 %) пациентов

с ВЗК выявлен высокий и средний общий уровень субъективно ощущаемого (воспринимаемого) стресса. Более половины (65,58 %) пациентов испытывают выраженное эмоциональное перенапряжение, и у большинства пациентов (90,17 %) определяется средний уровень противодействия стрессу, что соответствует нормативным данным [Щербатых 2024].

Таким образом, в структуре эмоционального состояния пациентов с ВЗК определяется средний уровень ситуативной тревоги, который, однако, статистически значимо превосходит соответствующий уровень (показатель СТ-С) в нормативной выборке. Среди компонентов ситуативной тревоги наибольшую выраженность имеет астенический компонент и тревожная оценка перспективы. Выявлен высокий уровень личностной тревожности, значительно превосходящий соответствующий уровень (показатель СТ-Л) в нормативной выборке.

Базисные черты личности

Анализ базисных черт и структуры личности пациентов с ВЗК проводился при помощи методики «Большая пятерка» (BIG V). Проведен сравнительный анализ статистических характеристик шкал методики BIG V в сопоставлении с нормативными

Табл. 3. Статистические характеристики оценок шкал методики ШВС-10 в группе пациентов с ВЗК (n = 61) и здоровых лиц (n = 175)

Tab. 3. Perceived Stress Scale scores in patients with inflammatory bowel diseases (n = 61) vs. control (n = 175)

Показатели методики ШВС-10	Пациенты с ВЗК		Норма		t	p
	М	σ	М	σ		
Общая шкала воспринимаемого стресса	29,71	6,82	24,44	6,58	6,042176	0,00001
Субшкала <i>противодействие стрессу</i>	10,57	3,73	10,82	4,29	-0,514919	0,304251
Субшкала <i>перенапряжение</i>	19,36	4,89	13,62	2,75	9,151893	0,00001

Табл. 4. Распределение частот встречаемости различных уровней воспринимаемого стресса у пациентов с ВЗК

Tab. 4. Levels of perceived stress in patients with inflammatory bowel diseases

Показатели методики ШВС-10	Значение шкальных оценок			
	Низкие	Средние	Высокие	Усредненное значение
	n (%)	n (%)	n (%)	М ± σ
Общая шкала воспринимаемого стресса	4 (6,55)	31 (50,82)	26 (42,63)	29,71 ± 6,82
Субшкала <i>противодействие стрессу</i>	2 (3,27)	55 (90,17)	4 (6,56)	10,57 ± 3,73
Субшкала <i>перенапряжение</i>	2 (3,27)	19 (31,15)	40 (65,58)	19,36 ± 4,89

данными, полученными авторами адаптации методики [Шиндrikов и др. 2020]. Результаты сравнительного анализа представлены в таблице 5.

Рисунок 1 позволяет составить наглядное впечатление о выраженности базисных черт в структуре личности пациентов с ВЗК в сопоставлении с нормативными данными. Между пациентами с ВЗК и тестовой нормативной выборкой получены статистически значимые различия показателей по четырем из пяти шкал опросника Big V, что свидетельствует о существенных различиях отдельных базисных черт личности и между двумя группами (табл. 5, рис. 1). Для пациентов с ВЗК выраженной шкалой стала шкала *самосознание*, а наименее выраженными – шкалы *экстраверсия*, *эмоциональная стабильность* и *личностные ресурсы*. В содержательном плане это означает, что пациенты с ВЗК незначительно отличаются организованностью, ответственностью

и целеустремленностью от лиц из нормативной выборки. Одновременно пациенты с ВЗК по сравнению с «нормой» менее активны и общительны, менее эмоционально устойчивы, а также менее креативны.

На следующем этапе был проведен анализ частоты встречаемости отдельных уровней выраженности базисных черт личности пациентов с ВЗК (табл. 6), который дополнил результаты, представленные в таблице 5 и на рисунке 1. По шкале *экстраверсия* более половины пациентов с ВЗК имеют шкальные оценки *низкие* и *ниже среднего* (54,10 %), в то время как оценки *выше среднего* и *высокие* имеют менее одной четверти пациентов (22,95 %); таким образом, большинство пациентов имеют интровертные черты личности.

По шкале *самосознание* почти половина пациентов (47,53 %) имеют значения оценок *выше среднего* и *высо-*

Табл. 5. Статистические характеристики оценок шкал методики Big V в группе пациентов с ВЗК (n = 61) и здоровых лиц (n = 131)

Tab. 5. Big Five Inventory scores in patients with inflammatory bowel diseases (n = 61) vs. control (n = 131)

Показатели методики BIG V	Пациенты с ВЗК		Норма		t	p
	М	σ	М	σ		
Экстраверсия	25,37	7,19	27,9	4,5	-2,738582	0,004056
Самосознание	29,21	5,60	26,6	5,7	3,643869	0,000281
Сотрудничество	32,57	4,73	32,9	3,4	-0,538566	0,289086
Эмоциональная стабильность	21,34	5,99	24,4	5,5	-3,97789	0,000095
Личностные ресурсы	29,26	5,51	31,0	4,3	-2,460309	0,008389

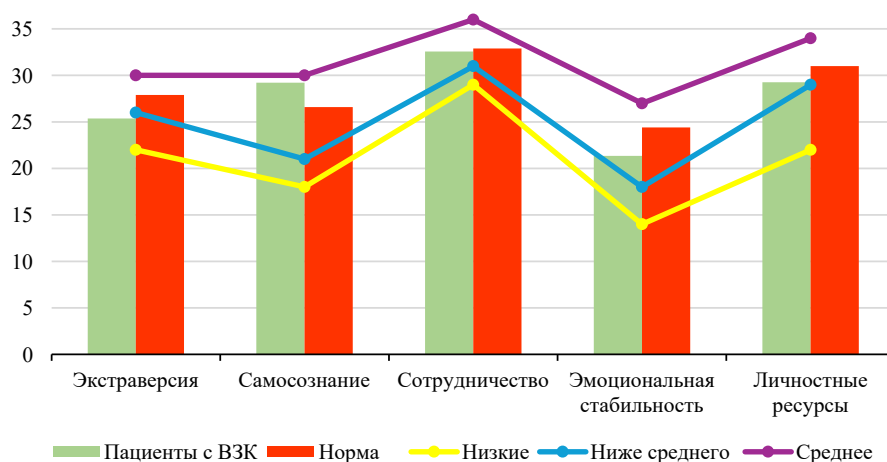

Рис. 1. Средние оценки шкал методики Big V в группе пациентов с ВЗК и нормативной выборки
Fig. 1. Personality structure in patients with inflammatory bowel diseases vs. control

Табл. 6. Распределение частот встречаемости различных уровней выраженности базисных черт личности у пациентов с ВЗК
Tab. 6. Personality traits in patients with inflammatory bowel diseases

Показатели методики BIG V	Значения шкальных оценок				
	Низкие	Ниже среднего	Средние	Выше среднего	Высокие
	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)	n (%)
Экстраверсия	25 (40,98)	8 (13,12)	14 (22,95)	6 (9,83)	8 (13,12)
Самосознание	2 (3,27)	2 (3,27)	28 (45,93)	17 (27,86)	12 (19,67)
Сотрудничество	14 (22,95)	12 (19,67)	18 (29,52)	14 (22,95)	3 (4,91)
Эмоциональная стабильность	7 (11,47)	18 (29,50)	27 (44,26)	7 (11,50)	2 (3,27)
Личностные ресурсы	9 (14,78)	18 (29,50)	17 (27,86)	14 (22,95)	3 (4,91)

кие, которые отражают организованность, требовательность к себе, дисциплинированность, надежность в социальных отношениях. Средние оценки шкалы *сотрудничество* не отличаются от соответствующих оценок нормативной группы по абсолютным показателям. 44,26 % пациентов имеют средние оценки по шкале *эмоциональная стабильность*, а 40,97 % – оценки *ниже среднего* и *низкие*, что, учитывая значимые различия абсолютных показателей шкалы с нормативной выборкой, позволяет говорить о преимущественно эмоциональной неустойчивости, тревожности, нейротизме пациентов с ВЗК.

По шкале *личностные ресурсы* 44,28 % пациентов имеют оценки *низкие* и *ниже среднего*; *средние* оценки имеют 27,86 %; это позволяет сделать вывод о незаинтересованности в саморазвитии большинства паци-

ентов с ВЗК; можно предположить приверженность стереотипам поведения.

Таким образом, приведенные результаты исследования базисных черт личности позволяют сделать вывод, что по сравнению с тестовой нормативной выборкой пациенты с ВЗК более дисциплинированы и требовательны к себе, но менее эмоционально устойчивы и креативны.

Копинг-стратегии

Проведен сравнительный анализ показателей 8 шкал методики ССП пациентов с ВЗК и нормативной выборки (табл. 7, рис. 2). Выявлены статистически значимые различия по пяти шкалам в сравнении с нормативной выборкой. Статистически значимые различия получены по шкалам *самоконтроль*, *поиск*

Табл. 7. Статистические характеристики шкальных оценок методики ССП в группе пациентов с ВЗК (n = 61) и здоровых лиц (n = 1627)

Tab. 7. Ways of Coping scores in patients with inflammatory bowel diseases (n = 61) vs. control (n = 1,627)

Показатели методики ССП	Пациенты с ВЗК		Норма		t	p
	М	σ	М	σ		
Конфронтация	49,13	15,55	50,0	10,0	-0,93812	0,175972
Дистанцирование	50,29	17,09	50,0	10,0	0,134783	0,44661
Самоконтроль	58,11	16,25	50,0	10,0	3,908294	0,000119
Поиск социальной поддержки	62,68	17,91	50,0	10,0	5,532534	0,00001
Принятие ответственности	62,62	19,91	50,0	10,0	4,950886	0,00001
Бегство-избегание	50,11	17,70	50,0	10,0	0,050635	0,479892
Планирование решения проблемы	64,24	22,54	50,0	10,0	4,935628	0,00001
Положительная переоценка	54,18	16,90	50,0	10,0	1,931105	0,029099

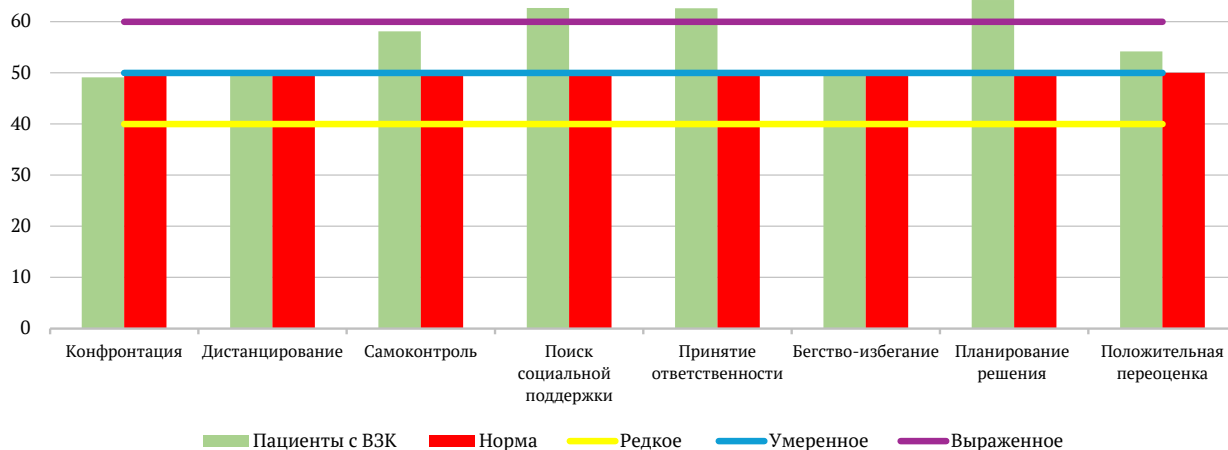

Рис. 2. Средние оценки шкал методики ССП в группе пациентов с ВЗК и здоровых лиц

Fig. 2. Mean scores on Ways of Coping Questionnaire in patients with inflammatory bowel diseases vs. control

социальной поддержки, принятие ответственности, планирование решения проблемы и положительная переоценка. Во всех случаях показатели пациентов с ВЗК превосходили соответствующий нормативный показатель, и в трех случаях (поиск социальной поддержки, принятие ответственности, планирование решения проблемы) показатели выходили за верхнюю границу условного нормативного диапазона ($T = 50 \pm 10$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что пациенты с ВЗК более активно используют различные когнитивно-поведенческие стратегии в стрессовых ситуациях по сравнению со средней нормой. В частности, они более склонны к сдерживанию / подавлению внешних проявлений эмоций при

столкновении с проблемой (самоконтроль), активнее используют внешний ресурс для решения проблемы (поиск социальной поддержки), в большей степени склонны искать источник возникшей проблемы в себе, а не во внешних факторах (принятие ответственности), более склонны к аналитическому, рациональному (неспонтанному) подходу к преодолению проблемы, а также более способны увидеть положительные стороны в объективно плохой ситуации и трактовать их как приобретение нового опыта (положительная переоценка).

В дальнейшем был проведен анализ частоты встречаемости различных уровней выраженности (представленности в поведении) отдельных копинг-

Табл. 8. Распределение частот встречаемости различных уровней выраженности отдельных копинг-стратегий у пациентов с ВЗК

Tab. 8. Individual coping strategies in patients with inflammatory bowel diseases

Показатели методики ССП	Значения шкальных оценок		
	Редкое	Умеренное	Выраженное
	n (%)	n (%)	n (%)
Конфронтация	21 (34,42)	20 (32,79)	20 (32,79)
Дистанцирование	17 (27,86)	24 (39,35)	20 (32,79)
Самоконтроль	7 (11,47)	28 (45,90)	26 (42,63)
Поиск социальной поддержки	7 (11,47)	21 (34,42)	33 (54,11)
Принятие ответственности	11 (18,03)	23 (37,70)	27 (44,27)
Бегство-избегание	17 (27,86)	28 (45,90)	16 (26,24)
Планирование решения проблемы	9 (14,75)	14 (22,95)	38 (62,30)
Положительная переоценка	14 (22,95)	22 (36,06)	25 (40,99)

стратегий в группе пациентов с ВЗК (табл. 8). Частота использования неконструктивной стратегии копинга *конфронтация* равномерно распределена в группе пациентов с ВЗК: примерно одинаковое число лиц склонны как к возбужденному агрессивному поведению в ситуации стресса, так и, напротив, к пассивному уходу от ее разрешения.

Преобладание в структуре копинга умеренной и выраженной частоты использования неконструктивной стратегии *дистанцирование* (в совокупности 72,14 %) свидетельствует о ее значительной представленности в структуре копинг-поведения. Однако абсолютный показатель шкалы *дистанцирование* не отличается от такового в нормативной группе и не выходит за границы нормативного диапазона, что может свидетельствовать об универсальном (типичном для большинства людей независимо от их соматического статуса) характере этой стратегии, ориентированной на нормализацию эмоционального состояния путем обесценивания значимости проблемы.

Стратегия по шкале *самоконтроль* является одной из наиболее часто встречающихся в структуре копинг-поведения пациентов в ВЗК. Большинство пациентов (88,53 %) в проблемных ситуациях склонны к накоплению и подавлению отрицательных эмоций. Сложность проявления эмоций делает поведение недостаточно спонтанным, приближающим к группе лиц с пограничными психическими расстройствами, характеризующихся невротическим сверхконтролем.

Также широко представлена в группе пациентов с ВЗК стратегия *поиск социальной поддержки* (в совокупности 88,53 %). Эта стратегия позволяет пациентам использовать для психологической адаптации ближайшее социальное окружение и информационные ресурсы.

Частота использования пациентами с ВЗК стратегии *принятие ответственности* составляет в совокупности 81,97 %. Абсолютный показатель копинга статистически значимо превосходит нормативный и выходит за его верхнюю границу (более 60 Т-баллов). Это может указывать на способность пациентов к анализу своих действий, направленных на разрешение проблем, связанных со стрессом болезни.

Копинг-стратегия *бегство-избегание* используется половиной пациентов с ВЗК в равных соотношениях по диапазонам *редко* (27,86 %) и *часто* (26,24 %). Это указывает на отсутствие различий показателя между клинической и нормативной группами. В то же время стратегия является одним из самых неконструктивных эмоционально-ориентированных копингов [Laoudi et al. 2020], пациенты с частым ее использованием

(26,24 %) имеют риск к накоплению неразрешенных проблем и снижению психологической адаптации.

Копинг-стратегия *планирование решения проблемы* встречается у пациентов с ВЗК часто (85,25 %), и ее абсолютный показатель превосходит средненормативный. Пациенты склонны к рациональному поведению, целенаправленному анализу возникающих проблем и поиску их возможных решений. У 62,30 % пациентов этот показатель выражен и выходит за верхнюю границу нормативного диапазона.

Копинг-стратегия *положительная переоценка* представлена с высокой частотой встречаемости в изучаемой группе и превосходит средненормативный показатель на статистически значимом уровне. Это свидетельствует о том, что большинство пациентов с ВЗК (77,05 %) в ситуации болезни склонны позитивно переоценивать свое актуальное состояние.

Таким образом, пациенты с ВЗК по сравнению с нормативной выборкой здоровых людей более активно используют весь спектр стратегий стресс-преодолевающего поведения. По сравнению с «нормой» и в общей структуре копинг-поведения пациентов с ВЗК доминируют стратегии *поиск социальной поддержки, принятие ответственности, планирование решения проблемы*.

Смыслоразнозначные ориентации

Для изучения ценностно-мотивационной направленности личности пациентов с ВЗК как одного из важнейших психологических копинг-ресурсов использовался тест-опросник СЖО. Учитывая, что автором методики СЖО получены статистические характеристики (средние значения и стандартные отклонения) шкальных оценок на нормативной отечественной выборке отдельно для мужчин и для женщин [Первин, Джон 2001], сравнительный анализ показателей СЖО проводился также отдельно в группах мужчин (n = 24) и женщин (n = 37), болеющих ВЗК.

В таблице 9 представлены статистические характеристики шкальных оценок методики СЖО мужчин с ВЗК в сопоставлении с нормативными данными для мужчин. По пяти из шести показателей методики СЖО выявляются статистически значимые различия между мужчинами с ВЗК и здоровыми мужчинами. По всем шкалам показатели пациентов с ВЗК оказались существенно ниже нормативных. Это свидетельствует о том, что в целом смыслоразнозначные ориентации, а также связанная с осознанием смысла жизни временная перспектива (цели и планы на будущее, оценка актуальной жизненной ситуации и удовлетворенность пройден-

ным отрезком жизни) менее благоприятны в группе пациентов по сравнению с «нормой». То же можно утверждать в отношении внутреннего локуса контроля: мужчины, болеющие ВЗК, менее интернальны, чем здоровые мужчины. Полученные результаты могут определяться сложным хроническим заболеванием, изменяющим картину мира и самовосприятие, и потенцироваться высоким уровнем тревожности, выявленным в настоящем исследовании.

В таблице 10 представлены статистические характеристики шкальных оценок методики СЖО женщин с ВЗК в сопоставлении с нормативными данными для женщин. По пяти показателям методики СЖО не определяются статистически значимые различия между группой женщин с ВЗК и нормативной выборкой женщин. В отличие от мужчин с ВЗК, в группе женщин различия с нормативными данными определяются только по показателю *процесс жизни*. Полученный результат отражает неудовлет-

воренность женщин клинической группы актуальной жизненной ситуацией.

Ввиду того что показатели методики СЖО мужчин с ВЗК в значительной степени отличались от нормативных, а у женщин с таким же диагнозом – нет, дополнительно был проведен сравнительный анализ показателей методики СЖО между группами мужчин и женщин с ВЗК. Для этого сначала были проверены переменные на нормальность распределения с помощью λ -критерия Колмогорова – Смирнова. Распределение не отличалось от нормального, поэтому применялся t-критерий Стьюдента для независимых выборок.

Результаты сравнения показали, что по общему показателю СЖО определяются статистически значимые различия у мужчин и женщин с ВЗК ($t = -1,926$; $p = 0,029$); различия определялись также по показателю *цели в жизни* ($t = -2,505$; $p = 0,009$). В каждом случае в группе мужчин с ВЗК определены более низкие

Табл. 9. Статистические характеристики оценок шкал методики СЖО в группе мужчин с ВЗК ($n = 24$) и здоровых мужчин

Tab. 9. Life Purpose scores in male patients with inflammatory bowel diseases ($n = 24$) vs. control

Показатели методики СЖО	Пациенты с ВЗК		Норма		t	p
	М	σ	М	σ		
Цели в жизни	27,08	8,18	32,90	5,92	-3,784451	0,000959
Процесс жизни	26,16	5,96	31,09	4,44	-4,152646	0,000385
Результативность жизни	22,16	5,39	25,46	4,30	-2,990777	0,006530
Локус контроля – Я	18,41	4,23	21,13	3,85	-3,141318	0,004576
Локус контроля – Жизнь	28,75	8,16	30,14	5,80	-0,833683	0,413034
Общий показатель СЖО	91,33	16,00	103,10	15,03	-3,602383	0,001501

Табл. 10. Статистические характеристики оценок шкал методики СЖО в группе женщин с ВЗК ($n = 37$) и здоровых женщин

Tab. 10. Life Purpose scores in female patients with inflammatory bowel diseases ($n = 37$) vs. control

Показатели методики СЖО	Пациенты с ВЗК		Норма		t	p
	М	σ	М	σ		
Цели в жизни	29,24	7,59	29,38	6,24	-0,10947	0,456719
Процесс жизни	26,37	8,01	28,80	6,14	-1,837007	0,037238
Результативность жизни	23,29	6,47	23,30	4,95	-0,002539	0,498994
Локус контроля – Я	19,05	4,74	18,58	4,30	-0,607199	0,273765
Локус контроля – Жизнь	28,48	8,41	28,70	4,30	-0,154398	0,439079
Общий показатель СЖО	94,43	20,62	95,76	16,54	-0,397466	0,346685

средние значения, чем в группе женщин. Полученные результаты указывают на то, что женщины, болеющие ВЗК, имеют более четкие ориентиры, которые придают жизни осмысленность, направленность и временную перспективу; также женщины с ВЗК в большей степени, чем мужчины, ощущают свободу выбора, способность построить свою жизнь в соответствии с собственными целями и ценностями и осуществлять контроль над ней.

Обсуждение

В современной гастроэнтерологии ВЗК являются одной из самых комплексных проблем, которая требует системного подхода к ее решению. По тяжести течения заболевания, осложнений и летальному исходу ВЗК занимают ведущее положение среди заболеваний гастроэнтерологического профиля. Диагностируются данные заболевания чаще у молодых людей из высокоразвитых стран и требуют сложного пожизненного лечения [Илич, Щелкова 2023].

На сегодняшний день в России активно обсуждаются вопросы лечения и диагностики ВЗК. В первом полугодии 2024 г. было проведено несколько конференций и симпозиумов, посвященных проблеме ВЗК, в Санкт-Петербурге, Москве, Челябинске, Перми, других городах России и в странах СНГ. На всех научных мероприятиях ученые сходятся во мнении, что к лечению ВЗК нужен бригадный подход на всех этапах медицинской помощи – диагностики, лечения и реабилитации. Единая задача всех специалистов заключается в достижении стойкой ремиссии и сохранении качества жизни на высоком уровне. Несмотря на актуальность проблематики и неоспоримость потребности в психологическом сопровождении пациентов с ВЗК, в медицинской психологии данные о психологических особенностях пациентов с ВЗК недостаточны, хотя очевидно, что для определения мишеней психологической работы и составления алгоритма психологических вмешательств необходимо проводить психологические исследования. Настоящая работа является одной из первых в этом направлении.

При анализе полученных клинических и демографических данных обращает на себя внимание то, что в исследованной выборке лиц с ВЗК в процентном соотношении преобладают пациенты с болезнью Крона, по сравнению с пациентами, болеющими язвенным колитом. Данное соотношение отражает общепризнанные тенденции, обсуждаемые в 2024 г. на российских конференциях, несмотря на расхожде-

ния с показателями предыдущих десятилетий [Илич, Щелкова 2023]. Среднестатистический пик возникновения ВЗК наблюдается в возрасте 20–30 лет [Шельгин и др. 2023a; 2023b], что подтверждается полученными в ходе данного исследования данными. Соотношение респондентов по полу отличалось в различных возрастных группах [Илич, Щелкова 2023]. Однако нужно отметить, что выборка по возрасту достаточно широкого размаха, в связи с чем к результатам исследования нужно отнестись с долей критики.

Настоящее исследование показывает, что в эмоциональном состоянии пациентов с ВЗК в значительно большей степени выражены тревога, внутреннее напряжение и ощущение переживаемого стресса, чем у здоровых людей; кроме того, тревожность является одной из самых выраженных психологических черт в структуре личности пациентов данной группы. Эти данные соответствуют результатам ранее проведенных зарубежных исследований, в которых у пациентов с ВЗК выявлялся значительный уровень тревоги и тревожности [Askar et al. 2021; Laoudi et al. 2020; Yuan et al. 2021], повышенная чувствительность к стрессогенным факторам (низкая фрустрационная толерантность) и трудности совладания с психоэмоциональным напряжением [Araki et al. 2020; Mitropoulou et al. 2022; Sun et al. 2019].

Индивидуально-психологические особенности пациентов с ВЗК изучены недостаточно, данные о них редко встречаются в современной научной литературе, хотя в отдельных зарубежных работах отмечается, что для формирования терапевтического альянса важно учитывать личностные особенности пациентов [Leone et al. 2019]. Результаты настоящего исследования показали, что в структуре личности пациентов с ВЗК преобладают черты организованности, ответственности, целеустремленности и интроверсии; наименьшую выраженность имеют черты эмоциональной устойчивости и креативности (стремления к саморазвитию, поиску нового, оригинального).

Выявлено, что пациенты с ВЗК активно используют разнообразные, преимущественно конструктивные, когнитивно-поведенческие стратегии копинга, которые являются важным звеном в преодолении стресса болезни и, как показано в ряде работ, оказывают влияние на качество жизни пациентов с ВЗК [Marín-Jiménez et al. 2017].

При изучении личностных ресурсов копинга, в качестве которых в настоящей работе, как и в других медико-психологических исследованиях [Багненко, Гриненко 2023; Шиндриков и др. 2020; Brehm et al.

2005], рассматривались особенности ценностно-мотивационной сферы личности, определено, что по сравнению со здоровыми лицами мужчины, болеющие ВЗК, в значительно меньшей степени обладают смысловыми ориентациями и внутренним локусом контроля, которые могли бы служить личностными ресурсами для преодоления стресса болезни. Женщины, болеющие ВЗК, в значительно большей степени обладают такими ресурсами; их отличает от нормативной группы женщин только показатель *процесс жизни* (СЖО), демонстрирующий неудовлетворенность настоящим периодом жизни.

В целом полученные в настоящем исследовании результаты могут послужить стимулом для дальнейшего изучения психологических факторов и сложных психосоматических соотношений при этих ВЗК.

Заключение

Основные результаты, полученные при реализации задач настоящего исследования, позволяют сделать следующие выводы:

1. Эмоциональное состояние пациентов с ВЗК характеризуется выраженным состоянием тревоги, в структуре которого доминирует тревожная оценка перспективы, а также определяются признаки повышенной психической истощаемости, общей астенизации. По сравнению с нормативными данными значительно превышены показатели субъективно воспринимаемого стресса, ощущения внутреннего перенапряжения.

2. В структуре личности пациентов с ВЗК отмечаются значительно более выраженные, чем в нормативной выборке, черты организованности, ответственности, приверженности стереотипам, интроверсии и эмоциональной неустойчивости (нейротизма); учитывая выявленный высокий уровень личностной тревожности, можно заключить, что для пациентов с ВЗК наиболее характерными являются черты психастенического типа личности.

3. Пациенты с ВЗК используют широкий спектр когнитивно-поведенческих стратегий стресс-преодолевающего поведения, направленных как на нормализацию эмоционального состояния, так и на решение проблемы. В структуре копинга преобладают стратегии *поиск социальной поддержки, принятие ответственности, планирование решения проблемы, самоконтроль, положительная переоценка*, показатели которых значительно выше средних нормативных значений.

4. Наряду с активным использованием копинг-стратегий в группе пациентов с ВЗК выявлено снижение по сравнению с «нормой» личностных копинг-ресурсов – смысловых ориентаций и интернальности, особенно выраженное в группе мужчин, болеющих ВЗК.

Исследование психологических особенностей пациентов с ВЗК является актуальным и перспективным, поскольку подобные исследования в медицинской психологии на выборке пациентов с ВЗК в Российской Федерации крайне малочисленны и носят исключительно фрагментарный характер. Поэтому необходимо продолжение исследовательской работы с расширением выборки, психодиагностических методик и математико-статистических методов; сопоставление с другими нозологическими группами пациентов гастроэнтерологического профиля; изучение взаимосвязи психологических и клинических (длительность, количество рецидивов и др.) характеристик пациентов, а также динамики эмоционального состояния в процессе лечения. В этом состоят перспективы настоящего исследования. Его ограничения связаны с относительно небольшим объемом клинической выборки и изучаемых психологических характеристик.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: М. Илич – обзор научных исследований, статистический анализ и интерпретация данных, подготовка иллюстративного материала, подбор научной литературы, написание первичного варианта статьи. Д. С. Зюзина – сбор эмпирического материала, первичная обработка эмпирических данных. Т. Г. Михайличенко – руководство практической частью исследования, разработка программы-дизайна исследования, сбор эмпирического материала. О. Ю. Щелкова – разработка методологии исследования, анализ эмпирических материалов.

Contribution: M. Ilich wrote the review, provided the statistical analysis, interpreted the data, designed the graphs, and drafted the manuscript. D. S. Zyuzina collected the empirical material and processed the data. T. G. Mikhaylichenko supervised the research,

designed the methodology, and collected the empirical material. O. Yu. Shchelkova designed the methodology and analyzed the empirical data.

Литература / References

- Абабков В. А., Барышникова К., Воронцова-Венгер О. В., Горбунов И. А., Капранова С. В., Пологаева Е. А., Стуклов К. А. Валидизация русскоязычной версии опросника «Шкала воспринимаемого стресса-10». *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 16. Психология. Педагогика*. 2016. № 2. С. 6–15. [Ababkov V. A., Barishnikova K., Vorontzova-Wenger O. V., Gorbunov I. A., Kapranova S. V., Pologaeva E. A., Stuklov K. A. Validation of the Russian version of the questionnaire "Scale of perceived stress-10". *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 16. Psychology. Pedagogy*, 2016, (2): 6–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uallwvl>
- Бабаян А. Ф., Фирсова Л. Д., Князев О. В., Каграманова А. В., Огарев В. В., Бодунова Н. А., Парфенов И. А. Приверженность лечению и психоэмоциональные нарушения у больных язвенным колитом. *Эффективная фармакотерапия*. 2022. Т. 18. № 22. С. 26–32. [Babayan A. F., Firsova L. D., Knyazev O. V., Kagramanova A. V., Ogarev V. V., Bodunova N. A., Parfenov I. A. Adherence to treatment and psychoemotional disorders in patients with ulcerative colitis. *Effektivnaia farmakoterapiia*, 2022, 18(22): 26–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pygqaz>
- Багненко Е. С., Гриненко А. О. Стратегии и личностные ресурсы копинга в системе психической адаптации женщин с косметологическими проблемами кожи лица. *Вестник психотерапии*. 2023. № 85. С. 37–50. [Bagnenko E. S., Grinenko A. O. Strategies and personal resources of coping in mental adaptation of women with facial skin cosmetic problems. *The Bulletin of Psychotherapy*, 2023, (85): 37–50. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cgtoek>
- Бакулин И. Г., Стамболцян В. Ш., Оганезова И. А. Нарушения психоэмоционального статуса у пациентов с воспалительными заболеваниями кишечника: распространенность, патогенез и возможности терапии. *Российский семейный врач*. 2023. Т. 27. № 2. С. 23–31. [Bakulin I. G., Stamboltsyan V. Sh., Oganezova I. A. Psychoemotional disorders of patients with inflammatory bowel diseases: Prevalence, pathogenesis and treatment options. *Russian Family Doctor*, 2023, 27(2): 23–31. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17816/RFD321284>
- Бизюк А. П., Вассерман Л. И., Иовлев Б. В. Психологическая диагностика тревоги и тревожности у взрослых. *Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности*, науч. ред. Л. И. Вассерман, О. Ю. Щелкова. СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 96–114. [Bizyuk A. P., Wasserman L. I., Iovlev B. V. Psychological diagnosis of anxiety in adults. *Psychological diagnostics of emotional and personality disorders*, eds. Wasserman L. I., Shchelkova O. Yu. St. Petersburg: Skifia-print, 2014, 96–114. (In Russ.)]
- Болотова Е. В., Юмукян К. А., Дудникова А. В. Сравнительная оценка качества жизни и уровня тревоги и депрессии у пациентов с язвенным колитом. *Доктор.Ру*. 2023. Т. 22. № 2. С. 51–56. [Bolotova E. V., Yumukyan K. A., Dudnikova A. V. Comparative assessment of the quality of life and the level of anxiety and depression in patients with ulcerative colitis. *Doctor.Ru*, 2023, 22(2): 51–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31550/1727-2378-2023-22-2-51-56>
- Вассерман Л. И., Абабков В. А., Трифонова Е. А., Исаева Е. Р., Новожилова М. Ю. Психологическая диагностика совладающего со стрессом поведения. *Психологическая диагностика расстройств эмоциональной сферы и личности*, науч. ред. Л. И. Вассерман, О. Ю. Щелкова. СПб.: Скифия-принт, 2014. С. 323–345. [Wasserman L. I., Ababkov V. A., Trifonova E. A., Isaeva E. R., Novozhilova M. Yu. Psychological diagnostics of coping with stress behavior. *Psychological diagnostics of emotional and personality disorders*, eds. Wasserman L. I., Shchelkova O. Yu. St. Petersburg: Skifia-print, 2014, 323–345. (In Russ.)]
- Илич М., Щелкова О. Ю. Качество жизни пациентов с воспалительными заболеваниями кишечника. *Актуальные проблемы клинической психологии и практика их решения*: Всерос. науч.-практ. конф. (Ростов-на-Дону, 23–24 ноября 2023 г.) М.: Кредо, 2023. С. 188–194. [Ilich M., Shchelkova O. Yu. Quality of life in patients with inflammatory bowel disease. *Relevant issues of clinical psychology and practical solutions*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Rostov-on-Don, 23–24 Nov 2023. Moscow: Kredo, 2023, 188–194. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndtlze>
- Леонтьев Д. А. Тест смысловых ориентаций. 2-е изд. М.: Смысл, 2006. 18 с. [Leontiev D. A. *Test the mining of life orientations*. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2006, 18. (In Russ.)]

- Огарев В. В., Сирота Н. А., Князев О. В., Полякова В. В., Канатбек кызы А., Бабаян А. Ф., Ахмерова П. С., Бодунова Н. А. Восприятие болезни пациентами с воспалительными заболеваниями кишечника. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2023. Т. 11. № 2. С. 165–174. [Ogarev V. V., Sirota N. A., Knyazev O. V., Polyakova V. V., Kanatbek kyzy A., Babayan A. F., Akhmerova P. S., Bodunova N. A. The illness perception in patients with inflammatory intestinal diseases. *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, 2023, 11(2): 165–174. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23888/humJ2023112165-174>
- Первин Л., Джон О. Психология личности: теория и исследования. М.: Аспект-Пресс, 2001. 607 с. [Pervin L., John O. *Handbook of personality: Theory and research*. Moscow: Aspekt-Press, 2001, 607. (In Russ.)]
- Успенский Ю. П., Фоминых Ю. А., Кизимова О. А., Колгина Н. Ю. Состояние психоэмоциональной сферы у пациентов с воспалительными заболеваниями кишечника. *Фарматека*. 2022. Т. 29. № 2. С. 30–37. [Uspensky Yu. P., Fominykh Yu. A., Kizimova O. A., Kolgina N. Yu. The state of the psychoemotional sphere in patients with inflammatory bowel diseases. *Farmateka*, 2022, 29(2): 30–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18565/pharmateka.2022.2.30-37>
- Шельгин Ю. А., Ивашкин В. Т., Ачкасов С. И., Решетов И. В., Маев И. В., Белоусова Е. А., Варданян А. В., Нанаева Б. А., Адамян Л. В., Драпкина О. М. и др. Болезнь Крона (K50), взрослые. *Колoproктologia*. 2023a. Т. 22. № 3. С. 10–49. [Shelygin Yu. A., Ivashkin V. T., Achkasov S. I., Reshetov I. V., Maev I. V., Belousova E. A., Vardanyan A. V., Nanaeva B. A., Adamyan L. V., Drapkina O. M. et al. Crohn's disease (K50), adults. *Koloproktologia*, 2023a, 22(3): 10–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33878/2073-7556-2023-22-3-10-49>
- Шельгин Ю. А., Ивашкин В. Т., Белоусова Е. А., Решетов И. В., Маев И. В., Ачкасов С. И., Абдулганиева Д. И., Алексеева О. А., Бакулин И. Г., Барышева О. Ю. и др. Язвенный колит (K51), взрослые. *Колoproктologia*. 2023b. Т. 22. № 1. С. 10–44. [Shelygin Yu. A., Ivashkin V. T., Belousova E. A., Reshetov I. V., Maev I. V., Achkasov S. I., Abdulganieva D. I., Alekseeva O. A., Bakulin I. G., Barisheva O. Yu. et al. Ulcerative colitis (K51), adults. *Koloproktologia*, 2023b, 22(1): 10–44. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33878/2073-7556-2023-22-1-10-44>
- Шиндrikов Р. Ю., Щелкова О. Ю., Демченко Е. А., Миланич Ю. М. Копинг-поведение в системе психосоциальной оценки пациентов, ожидающих трансплантацию сердца. *Консультативная психология и психотерапия*. 2020. Т. 28. № 2. С. 170–189. [Shindrikov R. Yu., Shchelkova O. Yu., Demchenko E. A., Milanich Yu. M. Coping behavior in the system of psychosocial assessment of patients waiting for a heart transplant. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2020, 28(2): 170–189. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpp.2020280210>
- Щербатых Ю. В. Психология стресса и методы коррекции. 3-е изд. СПб.: Питер, 2024. 432 с. [Shcherbatykh Yu. V. *Psychology of stress and methods of correction*. 3rd ed. St. Petersburg: Piter, 2024, 432. (In Russ.)]
- Abdelaty K. Correlation of mental and psychological status to disease activity in patients with Inflammatory Bowel Disease using The Symptom Checklist -90- Revised Questionnaire (SCL90R). *Journal of Crohn's and Colitis*, 2024, 18(Supplement_1). <https://doi.org/10.1093/ecco-jcc/jjad212.0365>
- Araki M., Shinzaki S., Yamada T., Arimitsu S., Komori M., Shibukawa N., Mukai A., Nakajima S., Kinoshita K., Kitamura S. et al. Psychologic stress and disease activity in patients with inflammatory bowel disease: A multicenter cross-sectional study. *PLoS One*, 2020, 15(5). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0233365>
- Askar S., Sakr M. A., Alaty W. H. A., Aufa O. M., Kamel S. Y., Eltabbakh M., Sherief A. F., Shamkh M. A. A., Rashad H. The psychological impact of inflammatory bowel disease as regards anxiety and depression: A single-center study. *Middle East Current Psychiatry*, 2021, 28(1). <https://doi.org/10.1186/s43045-021-00154-0>
- Black J., Norton C., Sweeney L., Czuber-Dochan W. Stress after an ulcerative colitis diagnosis: Examining the role of psychological factors in ulcerative colitis using interpretative phenomenological analysis. *Journal of Crohn's and Colitis*, 2024, 18(Supplement_1): i2254–i2255. <https://doi.org/10.1093/ecco-jcc/jjad212.1418>
- Brehm S. S., Kassir S. M., Fein S. *Social psychology*. 6th ed. Boston: Houghton Mifflin, 2005. 706.
- Dávid A., Szántó K. J., Fábián A., Resál T., Farkas K., Hallgató E., Miheller P., Sarlós P., Molnár T., Rafael B. Psychological characteristics of patients with inflammatory bowel disease during the first wave of COVID-19. *Przegląd gastroenterologiczny*, 2023, 18(3): 334–343. <https://doi.org/10.5114/pg.2023.131398>
- Eldridge F., Raine T., Understanding and addressing the psychological burden of IBD. *Journal of Crohn's and Colitis*, 2022, 16(2): 177–178. <https://doi.org/10.1093/ecco-jcc/jjab130>
- Eugenicos M. P., Ferreira N. B. Psychological factors associated with inflammatory bowel disease. *British Medical Bulletin*, 2021, 138(1): 16–28. <https://doi.org/10.1093/bmb/ldab010>

- Fracas E., Costantino A., Vecchi M., Buoli M. Depressive and anxiety disorders in patients with inflammatory bowel diseases: Are there any gender differences? *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2023, 20(13). <https://doi.org/10.3390/ijerph20136255>
- Goldberg L. R. The development of markers for the Big-five factor structure. *Psychological Assessment*, 1992, 4(1): 26–42. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/1040-3590.4.1.26>
- Gostoli S., Ferrara F., Quintavalle L., Tommasino S., Gigante G., Montecchiarini M., Urgese A., Guolo F., Subach R., D'Oronzo A., Polifemo A., Buonfiglioli F., Cennamo V., Rafanelli C. Four-year follow-up of psychiatric and psychosomatic profile in patients with Inflammatory Bowel Disease (IBD). *BMC Psychology*, 2024, 12(1). <https://doi.org/10.1186/s40359-024-01726-5>
- Laoudi E., Papalouka D., Gkizis M., Kokkotis G., Perlepe N., Vlachogiannakos I., Papakonstantinou I., Bamias G. Increased levels of stress, anxiety and depression among patients with CD and UC. *Journal of Crohn's and Colitis*, 2020, 14(Supplement_1). <https://doi.org/10.1093/ecco-jcc/jjz203.722>
- Leone D., Gilardi D., Corrà B. E., Menichetti J., Vegni E., Correale C., Mariangela A., Furfaro F., Bonovas S., Peyrin-Biroulet L., Danese S., Fiorino G. Psychological characteristics of inflammatory bowel disease patients: A comparison between active and nonactive patients. *Inflammatory Bowel Diseases*, 2019, 25(8): 1399–1407. <https://doi.org/10.1093/ibd/izy400>
- Marín-Jiménez I., Montoya M. G., Panadero A., Cañas M., Modino Y., Romero de Santos C., Guardiola J., Carmona L., Barreiro-de Acosta M. Management of the psychological impact of inflammatory bowel disease: Perspective of doctors and patients – The ENMENTE Project. *Inflammatory Bowel Diseases*, 2017, 23(9): 1492–1498. <https://doi.org/10.1097/MIB.0000000000001205>
- Martino G., Viola A., Vicario C. M., Bellone F., Silvestro O., Squadrito G., Schwarz P., Lo Coco L., Fries W., Catalano A. Psychological impairment in inflammatory bowel diseases: The key role of coping and defense mechanisms. *Research in psychotherapy (Milano)*, 2023, 26(3). <https://doi.org/10.4081/ripppo.2023.731>
- Mitropoulou M.-A., Fradelos E. C., Lee K. Y., Malli F., Tsaras K., Christodoulou N. G., Papathanasiou I. V. Quality of life in patients with inflammatory bowel disease: Importance of psychological symptoms. *Cureus*, 2022, 14(8). <https://doi.org/10.7759/cureus.28502>
- Petrik M., Palmer B., Khoruts A., Vaughn B. Psychological features in the inflammatory bowel disease – irritable bowel syndrome overlap: Developing a preliminary understanding of cognitive and behavioral factors. *Crohn's & Colitis* 360, 2021, 3(3). <https://doi.org/10.1093/crocol/otab061>
- Sun Y., Li L., Xie R., Wang B., Jiang K., Cao H. Stress triggers flare of inflammatory bowel disease in children and adults. *Frontiers in Pediatrics*, 2019, 7. <https://doi.org/10.3389/fped.2019.00432>
- Swaminathan A., Fan D., Borichevsky G. M., Mules T. C., Hirschfeld E., Frampton C. M., Day A. S., Siegel C. A., Geary R. B. The disease severity index for inflammatory bowel disease is associated with psychological symptoms and quality of life and predicts a more complicated disease course. *Alimentary Pharmacology & Therapeutics*, 2022, 56(4): 664–674. <https://doi.org/10.1111/apt.17058>
- Yuan X., Chen B., Duan Z., Xia Z., Ding Y., Chen T., Liu X., Wang B., Yang B., Wang X. et al. Depression and anxiety in patients with active ulcerative colitis: Crosstalk of gut microbiota, metabolomics and proteomics. *Gut Microbes*, 2021, 13(1). <https://doi.org/10.1080/19490976.2021.1987779>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/akxvqx>

Выход на пенсию как фактор приверженности к лечению у пациентов с хронической болью в спине

Котельникова Анастасия Владимировна

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет), Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 7493-6708
<https://orcid.org/0000-0003-1584-4815>
Scopus Author ID: 57194742733

Тихонова Анастасия Сергеевна

Московский научно-практический центр медицинской реабилитации, восстановительной и спортивной медицины Департамента здравоохранения города Москвы, Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 7476-8851
<https://orcid.org/0000-0001-7693-9397>
seyli1992@list.ru

Шалина Ольга Сергеевна

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет), Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 6131-7790
<https://orcid.org/0000-0002-6800-5743>
Scopus Author ID: 23976374000

Григорьева Александрина Андреевна

Первый Московский государственный медицинский университет имени И. М. Сеченова (Сеченовский Университет), Россия, Москва
eLibrary Author SPIN: 5868-9127
<https://orcid.org/0000-0002-5204-4887>

Аннотация: Боль в спине является значимой медико-социальной проблемой, существенно снижает качество жизни, оказывает воздействие на функционирование психики, способность к эмоционально-волевой регуляции, препятствует полноценной интеграции в социум. Особенно актуальным инвалидизирующее влияние хронической боли становится в период жизни человека, связанный с кардинальной сменой общественных ролей. В настоящей статье представлены результаты проверки гипотезы о дестабилизирующем вкладе изменения социального статуса – прекращения трудовой деятельности ввиду выхода на пенсию по возрасту или в результате инвалидизации – в формирование приверженности к лечению у пациентов с хронической болью в спине в процессе медицинской реабилитации. С помощью психодиагностического опросника «Психологические факторы отношения к болезни и лечению» обследовано 166 пациентов стационара восстановительного лечения. Коррелятами высокой приверженности являются ощущение самоэффективности, а также принятие ответственности за причины возникновения болезни и успешность выздоровления, статистически достоверно различающие группы работающих ($n = 94$) и неработающих ($n = 72$). В качестве практических рекомендаций по формированию приверженности к лечению пациентов пожилого возраста с хронической болью в спине обозначены психокоррекционные мероприятия, направленные на их включение в активную социальную деятельность.

Ключевые слова: боль в спине, выход на пенсию, дорсопатия, медико-социальная реабилитация, приверженность к лечению, отношение к болезни и лечению

Цитирование: Котельникова А. В., Тихонова А. С., Шалина О. С., Григорьева А. А. Выход на пенсию как фактор приверженности к лечению у пациентов с хронической болью в спине. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 181–190. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-181-190>

Поступила в редакцию 26.01.2025. Принята после рецензирования 11.03.2025. Принята в печать 17.03.2025.

full article

Retirement as a Factor of Treatment Adherence in Patients with Chronic Back Pain

Anastasiya V. Kotelnikova

Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University),
Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 7493-6708

<https://orcid.org/0000-0003-1584-4815>

Scopus Author ID: 57194742733

Olga S. Shalina

Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University),
Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 6131-7790

<https://orcid.org/0000-0002-6800-5743>

Scopus Author ID: 23976374000

Anastasiya S. Tikhonova

Moscow Centre for Research and Practice in Medical Rehabilitation,
Restorative and Sports Medicine of Moscow Healthcare Department,
Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 7476-8851

<https://orcid.org/0000-0001-7693-9397>

seyli1992@list.ru

Aleksandrina A. Grigorieva

Sechenov First Moscow State Medical University (Sechenov University),
Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5868-9127

<https://orcid.org/0000-0002-5204-4887>

Abstract: Back pain is a major medical and social issue. It degrades the quality of life, as well as affects the psyche, emotions, and volition, thus preventing full social integration. The disabling effect of chronic back pain becomes especially relevant during a change of social roles. The authors tested the hypothesis about the destabilizing effect of changes in social status (disability or old age retirement) on adherence and compliance to treatment in patients with chronic back pain during medical rehabilitation. The psychodiagnostic questionnaire of Psychological Factors of Attitude to Disease and Treatment covered 166 rehabilitation patients. The correlates of high adherence proved to involve a sense of self-efficacy and acceptance of responsibility for both disability and recovery. These indicators differed significantly between the working patients ($n = 94$) and the retirees ($n = 72$). The research yielded some psychocorrective measures aimed at restoring active social life. These practical recommendations could be used to shape treatment adherence in senior age patients with chronic back pain.

Keywords: back pain, retirement, dorsopathy, medical and social rehabilitation, adherence to treatment, attitude to illness and treatment

Citation: Kotelnikova A. V., Tikhonova A. S., Shalina O. S., Grigorieva A. A. Retirement as a Factor of Treatment Adherence in Patients with Chronic Back Pain. *SibScript*, 2025, 27(2): 181–190. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-181-190>

Received 26 Jan 2025. Accepted after peer review 11 Mar 2025. Accepted for publication 17 Mar 2025.

Введение

Качество жизни пожилых пациентов и пациентов старческого возраста во многом определяется успешностью их социализации. Значимые изменения, связанные с возрастом (как изменения самочувствия, так и изменения социального статуса при выходе на пенсию или снижении трудоспособности), требуют особой подготовки. Ключевую роль в ней играют такие факторы, как сохранение социальной активности, успешность освоения новых социальных норм и ценностей, прояснение и понимание новых социальных ролей [Лебедева 2023]. Зарубежные исследователи также подчеркивают индивидуальный

характер процесса выхода на пенсию, сопровождающегося многочисленными финансовыми и социальными изменениями, что требует планирования и серьезной организации [Burshtein et al. 2023].

Выход на пенсию становится значимым социальным фактором снижения качества жизни и переживания психологического неблагополучия [Бадердинова и др. 2023; Зеер, Сыманюк 2022]. Фокус внимания с социальной активности и вопросов самореализации смещается на оценку и осмысление жизненного пути, новые социальные роли практически не осваиваются [Лидерс 2000; Марцинковская 1999].

Причем женщины острее переживают изменения тела, угасание красоты, а мужчины – потерю профессии, достатка, самостоятельности [Лучшева 2020].

С течением времени общее количество заболеваний возрастает, кратность и длительность переживания дискомфортных ощущений увеличивается, выработанные в условиях заболевания поведенческие паттерны имеют тенденцию становиться более устойчивыми. Оставаясь один на один с болезнью, пожилой человек оказывается в совершенно особой ситуации развития, характеризующейся повышенной восприимчивостью к стрессовым воздействиям, ростом неспецифической уязвимости [Madsen et al. 2024]. Он переживает падение работоспособности, неуверенность в себе и будущем, ожидания от которого зачастую носят негативный характер: болезнь, одиночество, утраты, неизбежная смерть.

Кроме того, с возрастом усиливаются проявления так называемой хрупкости (старческой астении – возраст-ассоциированного снижения физиологического резерва и функций многих систем организма, приводящего к повышенной уязвимости организма пожилого человека), объективно препятствующей выздоровлению и являющейся третьей причиной инвалидизации пациентов старше 65 лет¹ [Ихсанова и др. 2023; Хитров 2015].

Описанное согласуется с имеющимися в литературных источниках данными относительно снижения приверженности к лечению у пациентов пожилого возраста с заболеваниями различных нозологических групп [Адизова и др. 2022; Горбунов и др. 2022]. Однако, хотя авторами обозначается необходимость учитывать в тактике ведения таких больных их жизненные приоритеты с учетом возрастного периода, речь идет скорее о физиологических особенностях, нежели о смысловой организации личностного пространства пожилого человека [Шишкова 2019].

Одной из наиболее значимых медико-социальных проблем в развитых странах выступает лечение неспецифической боли в спине. Результаты эпидемиологических исследований, проведенных в России, США и странах Европы, показывают, что в 3–10 % боль в спине становится хронической, а около 9 % пациентов являются инвалидами по причине данной патологии [Кузьминова и др. 2020; Maharty et al. 2024].

Важной особенностью реабилитационного процесса в случае хронической боли в спине является

его значительная временная протяженность. При этом эффективность восстановления нарушенных ввиду болезни функций зависит, прежде всего, от собственной активности человека, его включенности в реабилитацию, регулярности занятий лечебной физкультурой [Головачева и др. 2021; 2022; Парфенов, Парфенова 2022; Li et al. 2024]. И если на стационарном этапе лечения вопросы приверженности так или иначе контролируются специалистами мультидисциплинарной реабилитационной команды, то при переходе на амбулаторный этап они становятся зоной ответственности самого пациента. Есть данные, что долгосрочное следование предписаниям врача отмечается не более чем у 50 % пациентов [Тарасевич и др. 2021; Nikolaev et al. 2021], независимо от нозологии, в течение первых 6 месяцев предписания выполняют около 71 % больных, через год – 22,8 %, через три года – 6 % [Кадыров и др. 2014]. В различных работах зарубежных авторов получены сходные результаты, свидетельствующие, что при лечении боли в спине только 35 % проинструктированных пациентов выполняли упражнения в домашних условиях [Stamm et al. 2020].

При этом наибольшее количество обращений за медицинской помощью присуще соответствующему границам трудоспособного возраста возрастному диапазону 50–59 лет [Бантьева, Маношкина 2021]. По данным зарубежных источников, самая высокая распространенность хронической боли в спине у жителей Германии приходится на возрастную группу старше 70 лет [Stamm et al. 2020].

Хроническая боль влияет на функционирование психики, способность к эмоционально-волевой регуляции, снижает качество жизни, трансформирует личность, препятствует полноценной интеграции в социум. По данным многочисленных исследований, представленных зарубежными авторами, именно различные психосоциальные факторы, восприятие пациентами своего состояния и дисфункциональные установки в отношении лечения имеют важное значение в случае развития хронической боли в спине [Chiarotto, Koes 2022; Madsen et al. 2024; Paschali et al. 2024]. Все это может оказывать влияние на эффективность восстановления, усугублять фиксацию на болезненных переживаниях и имеющихся ограничениях в социально-бытовой сфере жизнедеятельности, тем самым формируя и поддерживая

¹ World health statistics 2017: monitoring health for the SDGs, Sustainable Development Goals. Geneva: World Health Organization, 2017. URL: <https://iris.who.int/bitstream/handle/10665/255336/9789241565486-eng.pdf?sequence=1> (accessed 24 Jan 2025).

так называемое болевое поведение – деструктивный фактор, снижающий приверженность пациентов к лечению и реабилитации [Калашникова 2023; Унжаков, Ким 2023; Chiarotto, Koes 2022].

Таким образом, прекращение трудовой деятельности выступает критическим фактором в жизни человека, оказывая влияние на различные сферы жизнедеятельности. В особенности значимым является поддержание пошатнувшегося состояния здоровья, в связи с чем актуальными задачами медико-психологической помощи пожилым пациентам с хронической болью в спине, развившейся на фоне дорсопатии, являются не только разработка эффективных программ лечения и реабилитации, но и формирование высокой степени приверженности к лечению у данной категории пациентов. Однако в литературе не представлены данные о связи такого фактора, как выход на пенсию, со спецификой формирования приверженности к лечению, что и определило гипотезу и цель настоящего исследования.

Гипотеза исследования: изменение социального статуса – прекращение трудовой деятельности ввиду выхода на пенсию по возрасту или в результате инвалидизации – входит в число механизмов формирования приверженности к лечению, являясь дестабилизирующим фактором.

Цель – изучить вклад социального статуса в формирование приверженности к лечению у пациентов с хронической болью в спине.

Методы и материалы

В исследовании приняли участие 166 пациентов с хроническим (продолжительность боли – $10,9 \pm 9,0$ лет) болевым синдромом умеренной интенсивности ($2,4 \pm 0,7$ балла по 5-балльной шкале), развившемся на фоне дорсопатии, находившихся на втором этапе комплексной медицинской реабилитации; средний возраст – $52,6 \pm 14,0$ лет; 58 мужчин (35 %), 108 женщин (65 %); социальный статус: 72 человека не работают (43,4 %), 94 – работают (56,6 %).

Кроме того, критериями включения в исследование были: наличие показаний для консультации медицинского психолога; доступность продуктивного речевого контакта; отсутствие выраженных когнитивных нарушений, затрудняющих понимание инструкции; добровольность участия; наличие информированного согласия.

Критерии невключения: острая боль; хроническая боль высокой интенсивности; наличие в анамнезе тяжелых соматических заболеваний; выраженные

когнитивные расстройства, не позволяющие понять предлагаемые задания; психопатологическая симптоматика, определяющая необходимость консультации психиатра; отсутствие информированного согласия.

Критерии исключения: возникновение нежелательных явлений; отказ от работы с медицинским психологом; ухудшение психического состояния, требующее консультации психиатра / психотерапевта.

Группы с различным социальным статусом (работающие, неработающие) статистически достоверно различались по возрасту ($p \leq 0,01$) и не имели различий по интенсивности боли ($p \geq 0,05$), при этом возраст группы работающих был приближен к рубежу выхода на пенсию ($47,6 \pm 10,7$ лет), а неработающих соответствовал пенсионному ($59,0 \pm 15,2$ лет).

Исследование приверженности к лечению проводилось при помощи экспертной оценки комплаенса, понимаемого как фактически регистрируемый поведенческий результат приверженности к лечению. В качестве экспертов выступали лечащий врач и инструктор лечебной физкультуры, которым предлагалось с помощью 5-балльной шкалы Лайкерта (шкала школьных оценок) оценить степень соответствия поведения пациента указаниям и рекомендациям медицинского персонала: 1 – совсем не соответствует, 5 – полностью соответствует. В качестве интегрального показателя выступало среднее арифметическое значение полученных данных.

Кроме того, с помощью опросника «Психологические факторы отношения к болезни и лечению» [Рассказова, Тхостов 2016] было изучено субъективное отношение пациентов к болезни и лечению. Данная методика предназначена для исследования представлений о причинах и последствиях заболевания, лечении и собственных возможностях контроля его течения. Теоретико-методологическим основанием, положенным в основу опросника, является концепция саморегуляции в ситуации болезни.

Процедура обследования проводилась в рамках рутинных диагностических процедур в первые три дня после поступления пациента на стационарный этап лечения. Согласно разработанному протоколу, перед началом обследования с пациентами проводилась предварительная беседа, в ходе которой сообщалась информация о целях и задачах предстоящего исследования, получалось информированное согласие на участие в исследовании, заполнялась индивидуальная регистрационная карта (социально-демографические и анамнестические сведения). Пациенту предлагалось оценить каждую

приведенную причину по степени значимости, присваивая балл от 1 (совершенно не согласен) до 7 (совершенно согласен). В общей сложности диагностика занимала 30 минут. Результаты методики интерпретируются в рамках следующих диагностических шкал:

- *локус каузальности в отношении здоровья и болезни* включает в себя субшкалы: автономный локус каузальности; внешний локус каузальности с опорой на других; внешний локус каузальности с опорой на врачей; безличный локус каузальности; отказ от лечения;
- *локус контроля в отношении здоровья и болезни* включает в себя субшкалы: интернальность в отношении причин болезни; интернальность в отношении лечения; экстернальность в отношении причин болезни; экстернальность в отношении лечения; безличность в отношении причин болезни; безличность в отношении лечения;
- *внешний локус контроля в отношении причин болезни* – результат суммирования показателей по шкалам экстернальности и безличности в отношении причин заболевания;
- *внешний локус контроля в отношении лечения* – сумма результатов по шкалам экстернальности и безличности в отношении лечения;
- *общая интернальность в отношении болезни* – сумма результатов по шкалам интернальности в отношении причин и лечения;
- *общая экстернальность в отношении болезни* – сумма результатов по шкалам внешнего локуса контроля в отношении причин и лечения;
- *самоэффективность в отношении болезни*.

Математико-статистическая обработка данных производилась в программном пакете Статистика 12.0 и включала в себя анализ данных описательной статистики, корреляционный анализ по Спирмену и анализ значимости различий в уровне выраженности метрической переменной в независимых группах по критерию Манна-Уитни. Непараметрическим методам анализа отдано предпочтение по причине отсутствия нормального распределения данных ($p \leq 0,05$ по d-критерию Колмогорова-Смирнова). Необходимый для принятия решения о принятии гипотезы H_1 уровень статистической достоверности – $p \leq 0,05$.

Результаты

Приверженность к лечению обследованной когорты пациентов ($n = 166$) в целом может быть оценена как высокая: преобладающими являются оценки 4 (соответствует) и 5 (полностью соответствует),

отмечаемые у 62 (37,3 % случаев) и 73 человек (44,0 %) соответственно; оценка 2 (совсем не соответствует) зафиксирована у 5 человек (3,0 %), оценка 3 (не соответствует) – у 26 человек (15,7 %).

Анализ приверженности к лечению с учетом социального статуса выявил, что работающие более привержены к лечению, нежели неработающие:

- значение моды (mode) в группах одинаково (5 баллов), однако частота ее встречаемости у работающих ($n = 94$) в 1,5 раза превышает соответствующий показатель у неработающих ($n = 72$): 51,1 % (48 человек из 94) по сравнению с 33,3 % (24 человека из 72);
- анализ значимости различий по критерию Манна-Уитни в выделенных группах также фиксирует достоверное ($p = 0,03$) превышение уровня приверженности к лечению у работающих по сравнению с неработающими ($med = 5,0$ в сопоставлении с $med = 4,5$ балла).

Анализ значимости различий в уровне выраженности количественных показателей опросника «Психологические факторы отношения к болезни и лечению» в группах работающих и неработающих пациентов выявил статистически достоверные различия по следующим субшкалам: безличный локус контроля ($p = 0,05$), безличность в отношении лечения ($p = 0,03$), внешний локус контроля в отношении лечения ($p = 0,002$), общая экстернальность в отношении болезни ($p = 0,01$); а также на уровне статистической тенденции – самоэффективность в отношении болезни ($p = 0,09$). Привлечение данных описательной статистики (медиана, межквартильный интервал) позволило констатировать, что в целом в группе неработающих в сопоставлении с работающими более высокими средними значениями и диапазоном межквартильного интервала характеризуются показатели по следующим субшкалам:

- безличный локус контроля ($med = 64,0$; [58,0; 70,0] – у неработающих; $med = 61,0$; [56,5; 66,50] – у работающих);
- безличность в отношении лечения ($med = 18,0$; [10,0; 26,0] – у неработающих; $med = 11,5$; [8,0; 19,5] – у работающих);
- внешний локус контроля в отношении лечения также выше в группе неработающих ($med = 42,0$; [33,0; 50,0]) в сравнении с работающими ($med = 36,0$; [28,0; 44,0]);
- общая экстернальность в отношении болезни ($med = 32,0$; [24,0; 46,0] – у неработающих; $med = 32,0$; [25,0; 37,5] – у работающих);

- выявленная статистическая тенденция, описывающая различия по шкале *самоэффективность в отношении болезни* между группами, означает, что в группе неработающих ощущение самоэффективности ниже ($med = 34,0$) по сравнению с работающими ($med = 38,0$), а межквартильный интервал шире ($[24,0; 46,0]$ в сопоставлении с $[30,5; 45,0]$), т. е. эти пациенты менее уверены в собственных возможностях восстановиться (рис.).

С помощью корреляционного анализа взаимосвязи эмпирических данных, отражающих приверженность к лечению, и результатов применения опросника «Психологические факторы отношения к болезни и лечению» был исследован вклад субъективного отношения к заболеванию в формирование приверженности к лечению ($n = 166$). Обнаружены закономерности, отражающие положительные корреляции со шкалами *общий локус контроля* ($r = 0,38$), *интернальность в отношении причин болезни* ($r = 0,19$), *общая интернальность в отношении болезни* ($r = 0,19$), *самоэффективность в отношении болезни* ($r = 0,24$) и отрицательные – со шкалами *экстернальность в отношении причин болезни* ($r = -0,28$), *безличность в отношении причин болезни* ($r = -0,18$), *безличность в отношении лечения* ($r = -0,28$) и *внешний локус контроля в отношении лечения* ($r = -0,27$).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что в качестве механизмов формирования приверженности к лечению обследованной когорты пациентов могут быть обозначены связь приверженности

и ощущения самоэффективности, а также типа атрибуции в отношении причинности возникновения болезни. Интернальность, понимаемая как принятие на себя ответственности в отношении болезни и причин ее возникновения, может способствовать укреплению приверженности к лечению, тогда как экстернальность в отношении причин болезни и внешний локус контроля в отношении лечения оказывают, вероятнее всего, более значимый негативный эффект.

Таким образом, полученные данные позволяют рассуждать о том, что работающие пациенты обследованной выборки характеризуются более высоким ощущением самоэффективности и более низкими показателями экстернальности в отношении болезни по данным методики «Психологические факторы отношения к болезни и лечению» [Рассказова, Тхостов 2016] и обладают при этом более высоким уровнем приверженности к лечению. Неработающие пациенты указанной выборки отличаются более низким ощущением самоэффективности и высокой экстернальностью в отношении лечения, обладая при этом более низким уровнем приверженности к лечению. Данные результаты свидетельствуют о том, что для неработающих пациентов в большей степени свойственно стремление к атрибуции ответственности внешним, не зависящим от их активности факторам, базирующееся на недостаточной степени уверенности в своих возможностях совладать с болезнью, и как результат пассивная позиция в процессе лечения.

Вполне вероятно, что выявленный факт соотносится не только с общим снижением приспособительного потенциала в пожилом возрасте, но и с утратой профессиональной и социальной идентичности после выхода на пенсию, свидетельствует о кризисных переживаниях возрастного периода: субъективном ощущении исключенности из активной жизни, потери имевшихся ранее возможностей, одиночества, конечности жизненного пути, страха смерти. Способ психологической адаптации к ситуации хронического заболевания как неотъемлемой части существования, осознания и принятия болезни, встраивания ее в жизнь также трансформируется.

Таким образом, пожилые неработающие пациенты требуют иного подхода к организации психологического сопровождения, направленного на коррекцию дисфункциональных установок в отношении причин болезни и значимости собственных усилий для повышения эффективности лечения.

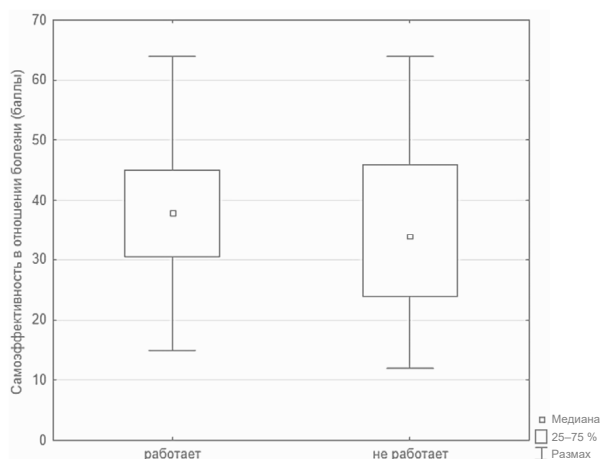

Рис. Самоэффективность в отношении болезни в группах работающих и неработающих пациентов
Fig. Self-efficacy in relation to the disease: working patients vs. retirees

Заключение

Известный факт о том, что резкая перемена характера социальной активности, связанная с прекращением трудовой деятельности ввиду выхода на пенсию по возрасту или в результате инвалидизации, является серьезнейшим трансформирующим рубежом в жизни человека, оказывающим существенное влияние на различные ее сферы, позволил предположить деструктивный вклад этого события в формирование приверженности к лечению у пациентов с хронической болью в спине, развившейся на фоне дорсопатии. Выдвинутая гипотеза нашла свое подтверждение. Выявлено, что коррелятами высокой приверженности являются ощущение самоэффективности, а также принятие ответственности за причины возникновения болезни и успешность выздоровления, статистически достоверно различающие группы работающих и неработающих.

С психологической точки зрения работающие пациенты в целом характеризуются активной позицией в отношении реабилитационных мероприятий, готовностью принимать на себя разумную часть ответственности за развитие болезни и контроль факторов риска. Позиция неработающих пациентов является более пассивной, они не ощущают себя в силах самостоятельно совладать с проявлениями заболевания, склонны делегировать ответственность за выздоровление значимым другим либо внешним обстоятельствам. Описанный факт позволяет прогнозировать более активное включение пациентов с социальным статусом «работает» в процесс лечения и реабилитации, готовность сотрудничать с врачом и выполнять рекомендации для улучшения состояния своего здоровья – неработающие пациенты требуют принципиально иного подхода к организации психокоррекционных мероприятий.

Полученные в исследовании результаты иллюстрируют значимость социально-психологической направленности реабилитационных мероприятий для пациентов с хронической болью в спине. В частности, эффективным методом может выступать проведение мероприятий информационно-разъяснительного характера, направленных на формирование у пациентов с хронической болью в спине представлений о специфике заболевания, факторах риска, принципах профилактики обострений хронического процесса, ответственности больных за свое здоровье и о тех аспектах процесса лечения, где активность пациента повышает эффективность итогового результата.

Особенно важным представляется разработка программ специфической психологической коррекции для пациентов с хронической болью в спине, развившейся на фоне дорсопатии, с учетом взаимосвязи социального статуса и социально-психологических аспектов восприятия болезни и лечения, вносящих вклад в формирование комплаенса.

Так, при достижении рубежа пенсионного возраста, когда смена социального статуса может сопровождаться утратой активности в отношении включенности пациентов в лечебный процесс и снижением степени интернальности в отношении болезни и лечения, психологическое сопровождение целесообразно ориентировать на включение пациентов в активную социальную деятельность, расширение репертуара механизмов совладания, постановку новых целей и задач, достижение которых будет способствовать восстановлению ощущения самоэффективности.

Изменение восприятия состояния своего здоровья и стратегий совладающего поведения в условиях болезни с учетом социального статуса детерминируют важность комплексного подхода к организации лечения, реабилитации, а также профилактике ухудшения физического состояния пациентов данной группы в целях сокращения процента инвалидизации и повышения качества жизни больных.

Значимым в дальнейшем представляется исследование вопросов коморбидности изученных взаимосвязей и различных эмоционально-личностных изменений, развитие которых может способствовать усугублению тяжести протекания хронического болевого синдрома в спине, развившегося на фоне дорсопатии.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. В. Котельникова – идея исследования, теоретический анализ, анализ данных эмпирического исследования, написание статьи, итоговая редакция результатов и выводов. А. С. Тихонова – обзор литературы, сбор данных эмпирического исследования, первичный анализ данных, написание статьи. О. С. Шалина – концептуализация, разработка дизайна исследования, проверка и редактирование текста

статьи. А. А. Григорьева – обсуждение результатов, формулировка выводов, редактирование рукописи.

Contribution: A. V. Kotelnikova developed the research concept, performed the review, analyzed the empirical data, drafted the manuscript, and proofread the final version of results and conclusions. A. S. Tikhonova wrote

the review, collected the empirical research data, performed the primary data analysis, and wrote the manuscript. O. S. Shalina developed the research concept, designed the research, and proofread the manuscript. A. A. Grigorieva interpreted the results, formulated the conclusions, and proofread the manuscript.

Литература / References

- Адизова Д. Р., Джунаидова А. Х., Иброхимова Д. Б. Приверженность у больных разного возраста. *Современные проблемы образования в области физической культуры, безопасности жизнедеятельности и биологии*: II Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 14–15 марта 2022 г.) Екатеринбург: УрГПУ, 2022. С. 397–402. [Adizova D. R., Junaidova A. K., Ibrokhimova D. B. Adherence in patients of different ages. *Modern issues of education in the field of physical culture, life safety, and biology*: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 14–15 Mar 2022. Ekaterinburg: UrSPU, 2022, 397–402. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kugsac>
- Бадердинова Л. В., Блохина Н. В., Дёмин А. В., Ильницкий А. Н. Возрастная жизнеспособность и выход на пенсию (обзор литературы). *Успехи геронтологии*. 2023. Т. 36. № 3. С. 292–301. [Baderdinova L. V., Blokhina N. V., Demin A. V., Ilitski A. N. Older age vitality and retirement (literature review). *Advances in Gerontology*, 2023, 36(3): 292–301. (In Russ.)] <https://doi.org/10.34922/AE.2023.36.3.002>
- Бантьева М. Н., Манюшкина Е. М. Повозрастные показатели нуждаемости населения в медицинской реабилитации в условиях стационара. *Академия медицины и спорта*. 2021. Т. 2. № 2. С. 5–10. [Bantyeva M. N., Manoshkina E. M. Age-specific rates of population's need for inpatient medical rehabilitation. *Academy of Medicine and Sports*, 2021, 2(2): 5–10. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15829/2712-7567-2021-28>
- Головачева В. А., Головачева А. А., Голубев В. Л. Практические принципы лечения хронической неспецифической боли в нижней части спины и коморбидной хронической инсомнии: клиническое наблюдение. *Медицинский совет*. 2021. № 10. С. 164–170. [Golovacheva V. A., Golovacheva A. V., Golubev V. L. Practical guidelines for the treatment of chronic nonspecific low back pain and comorbid chronic insomnia: Clinical observation. *Meditinskiy Sovet*, 2021, (10): 164–170. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2021-10-164-170>
- Головачева В. А., Головачева А. А., Парфенов В. А. Ведение пациентов с подострой болью в спине: как эффективно предупредить хронизацию. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. 2022. Т. 14. № 4. С. 62–67. [Golovacheva V. A., Golovacheva A. A., Parfenov V. A. Management of patients with subacute back pain: How to effectively prevent chronicity. *Nevrologiya, Neiropsikhiatriya, Psikhosomatika*, 2022, 14(4): 62–67. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2022-4-62-67>
- Горбунов А. Л., Курносики М. С., Черкасов П. С. Влияние уровня образования на отношение к соблюдению рекомендаций врача. *Ремедиум*. 2022. Т. 26. № 3. С. 221–224. [Gorbunov A. L., Kurnosikov M. S., Cherkasov P. S. The influence of the level of education on the attitude to compliance with the doctor's recommendations. *Remedium*, 2022, 26(3): 221–224. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32687/1561-5936-2022-26-3-221-224>
- Зеер Э. Ф., Сыманюк Э. Э. Персонификация личности как предиктор преодоления кризиса утраты профессиональной деятельности в возрасте поздней зрелости. *Сибирский психологический журнал*. 2022. № 84. С. 111–125. [Zeer E. F., Symanyuk E. E. Personification of personality as a predictor of overcoming the crisis of loss of professional activity at the age of late maturity. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2022, (84): 111–125. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/84/6>
- Ихсанова Э. Р., Хайбуллина Д. Х., Максимов Ю. Н. Боль в спине у пожилых – современное состояние проблемы. *Практическая медицина*. 2023. Т. 21. № 1. С. 11–16. [Ikhsanova E. R., Khaibullina D. Kh., Maksimov Yu. N. Back pain in the elderly – the current state of the problem (literature review). *Practical medicine*, 2023, 21(1): 11–16. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32000/2072-1757-2023-1-11-16>
- Кадыров Р. В., Асриян О. Б., Ковальчук С. А. Опросник «Уровень комплаентности». Владивосток: МГУ им. адм. Г. И. Невельского, 2014. 74 с. [Kadyrov R. V., Asriyan O. B., Kovalchuk S. A. *Questionnaire of Compliance Level*. Vladivostok: MSU named after adm. G. I. Nevelskoy, 2014, 74. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/toyudj>

- Калашникова С. А. Психологическая инвалидизация: анализ содержания понятия. *Специальное и инклюзивное образование: тенденции, проблемы, перспективы*: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. «Актуальные вопросы дефектологической науки и практики на современном этапе образования». (Благовещенск, 27 октября 2022 г.) Благовещенск: БГПУ, 2023. С. 78–84. [Kalashnikova S. A. Psychological disability: An concept analysis. *Special and inclusive education: Trends, problems, and prospects*: Proc. All-Russian Sci.-Pract. Conf. with Intern. Participation "Relevant issues of disability studies and practice in modern education", Blagoveshchensk, 27 Oct 2022. Blagoveshchensk: BSPU, 2022, 78–84. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/hadxrv>
- Кузьминова Т. И., Мухаметзянова А. Х., Магомедкеримова Л. В. Психологические методы лечения хронической неспецифической боли в спине. *Российский неврологический журнал*. 2020. Т. 25. № 2. С. 12–21. [Kuzminova T. I., Mukhametzyanova A. Kh., Magomedkerimova L. V. Psychological methods of chronic non-specific pain treatment. *Russian Neurological Journal*, 2020, 25(2): 12–21. (In Russ.)] <https://doi.org/10.30629/2658-7947-2020-25-2-12-21>
- Лебедева Н. В. Социально-психологическое сопровождение самореализации людей старшего поколения. *Вестник Вятского государственного университета*. 2023. № 2. С. 141–151. [Lebedeva N. V. Socio-psychological support of self-realization of older people. *Herald of Vyatka State University*, 2023, (2): 141–151. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25730/VSU.7606.23.030>
- Лидерс А. Г. Кризис пожилого возраста: гипотеза о его психологическом содержании. *Психология зрелости и старения*. 2000. № 2. С. 6–11. [Liders A. G. The crisis of old age: A hypothesis about its psychological content. *Psikhologiya zrelosti i starenia*, 2000, (2): 6–11. (In Russ.)]
- Лучшева Л. М. Психологические особенности пожилого возраста. *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 66-2. С. 323–326. [Luchsheva L. M. Psychological features of the elderly age. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2020, (66-2): 323–326. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/maexua>
- Марцинковская Т. Д. Особенности психического развития в позднем возрасте. *Психология зрелости и старения*. 1999. № 3. С. 13–17. [Martsinkovskaya T. D. Features of mental development in late life. *Psikhologiya zrelosti i starenia*, 1999, (3): 13–17. (In Russ.)]
- Парфенов В. А., Парфенова Е. В. Персонализированный подход к ведению пациентов с хронической неспецифической болью в спине. *Медицинский совет*. 2022. Т. 16. № 11. С. 48–53. [Parfenov V. A., Parfenova E. V. A personalized approach to the management of patients with chronic nonspecific back pain. *Meditsinskiy Sovet*, 2022, 16(11): 48–53. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21518/2079-701X-2022-16-11-48-53>
- Рассказова Е. И., Тхостов А. Ш. Апробация методик диагностики локуса контроля причин болезни и лечения и самоэффективности в отношении лечения. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология*. 2016. Т. 9. № 1. С. 71–83. [Rasskazova E. I., Tkhostov A. Sh. Validation of illness- and treatment-related locus of control scale and treatment-related self-efficacy scale. *Vestnik YuYrGU. Seriya: Psikhologiya*, 2016, 9(1): 71–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/psy160108>
- Тарасевич А. Ф., Кобзарь И. Г., Строкова Е. В. Информационное сопровождение как способ повышения приверженности к модификации образа жизни. *Вестник восстановительной медицины*. 2021. Т. 20. № 3. С. 67–76. [Tarasevich A. F., Kobzar I. G., Strokov E. V. Information support as a way to improve lifestyle modification adherence. *Vestnik Vosstanovitel'noj Mediciny*, 20(3): 67–76. (In Russ.)] <https://doi.org/10.38025/2078-1962-2021-20-3-67-76>
- Унжаков В. В., Ким Е. С. История лечения и теории боли. *Здравоохранение Дальнего Востока*. 2023. № 1. С. 20–23. [Unzhakov V. V., Kim Ye. S. History of pain management and theories of pain. *Public Health of the Far East*, 2023, (1): 20–23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pgalwo>
- Хитров Н. А. Возрастные аспекты дорсопатий. *Consilium Medicum*. 2015. Т. 17. № 9. С. 97–102. [Khitrov N. A. Age aspects of dorsopathies. *Consilium Medicum*, 17(9): 97–102. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uqbnbd>
- Шишкова В. Н. На приеме – пожилой коморбидный пациент: расставляем акценты. *Consilium Medicum*. 2019. Т. 21. № 9. С. 48–53. [Shishkova V. N. An elderly comorbid patient: Prioritizing. *Consilium Medicum*, 21(9): 48–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pnkhmu>
- Burshtein J., Zakria D., Rigel D. Retirement planning. *Dermatologic clinics*, 2023, 41(4): 611–617. <https://doi.org/10.1016/j.det.2023.05.006>
- Chiarotto A., Koes B. W. Nonspecific low back pain. *New England Journal of Medicine*, 2022, 386(18): 1732–1740. <https://doi.org/10.1056/NEJMcp2032396>

- Li R., Li Y., Kong Y., Li H., Hu D., Fu C., Wei Q. Virtual reality-based training in chronic low back pain: Systematic review and meta-analysis of randomized controlled trials. *Journal of Medical Internet Research*, 2024, (26). <https://doi.org/10.2196/45406>
- Madsen S. D., Stochkendahl M. J., Morsø L., Andersen M. K., Hvidt E. A. Patient perspectives on low back pain treatment in primary care: A qualitative study of hopes, expectations, and experiences. *BMC Musculoskeletal Disorders*, 2024, 25(1). <https://doi.org/10.1186/s12891-024-08116-3>
- Maharty D. C., Hines S. C., Brown R. B. Chronic low back pain in adults: Evaluation and management. *American Family Physician*, 2024, 109(3): 233–244.
- Nikolaev N. A., Martynov A. I., Skirdenko Yu. P., Anisimov V. N., Vasilieva I. A., Vinogradov O. I. et al. Management of adherence-based treatment. Consensus document – clinical guidelines. English version. *Medical News of North Caucasus*, 2021, 16(2): 125–134. <https://doi.org/10.14300/mnnc.2021.16029>
- Paschali M., Lazaridou A., Sadora J., Papianou L., Garland E. L., Zgierska A. E., Edwards R. R. Mindfulness-based interventions for chronic low back pain: A systematic review and meta-analysis. *The Clinical Journal of Pain*, 2024, 40(2): 105–113. <https://doi.org/10.1097/AJP.0000000000001173>
- Stamm O., Dahms R., Müller-Werdan U. Virtual reality in pain therapy: A requirements analysis for older adults with chronic back pain. *Journal of NeuroEngineering and Rehabilitation*, 2020, 17(1). <https://doi.org/10.1186/s12984-020-00753-8>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/sjonv1>

Преодоление вынужденной дефицитарности в ситуации болезни пациентами с разной степенью устойчивости жизненного мира

Логинова Ирина Олеговна

Красноярский государственный медицинский университет имени проф. В. Ф. Войно-Ясенецкого, Россия, Красноярск

eLibrary Author SPIN: 4711-5619

<https://orcid.org/0000-0002-9551-1457>

Scopus Author ID: 57192670601

loginova70_70@mail.ru

Кудашова Евгения Александровна

Воронежский государственный медицинский университет имени Н. Н. Бурденко, Россия, Воронеж

eLibrary Author SPIN: 3299-2690

Scopus Author ID: 57194090724

Аннотация: Ситуация болезни актуализирует возникновение уязвимости человека, проявляющейся в деформации имевшегося образа жизни, сужении сферы социального взаимодействия. Такое состояние человека, когда он испытывает дефицит внутренних ресурсов, может быть определено как дефицитарность. Несмотря на частоту встречаемости феноменов дефицитарности и вынужденности, понимание данных терминов, а также исследования механизмов преодоления вынужденной дефицитарности в научной литературе представлены довольно ограниченно. Именно поэтому сферой особого интереса в нашем эмпирическом исследовании выступила специфика жизненной стратегии человека в ситуации болезни с целью выявления способов преодоления вынужденной дефицитарности пациентами с разной степенью устойчивости жизненного мира. Исследование проводилось на группах пациентов с соматическими заболеваниями, требующими смены образа жизни в ситуации болезни ($n = 420$). Для проведения исследования использованы: опросник «Определение типа жизненного сценария» (И. О. Логинова), методика «Изучение устойчивости жизненного мира человека» (И. О. Логинова), клинико-психологическая беседа, направленная на выявление способов преодоления вынужденной дефицитарности в ситуации болезни. Обнаружена специфика преодоления вынужденной дефицитарности в ситуации болезни у пациентов с разной степенью устойчивости жизненного мира: у пациентов с низкой степенью устойчивости жизненного мира доминируют такие способы преодоления вынужденной дефицитарности, как информирование, самовнушение, самоконтроль, вкусная еда, прогулки на свежем воздухе, ритуалы; у пациентов со средней степенью устойчивости жизненного мира – информирование, аутомотивация, самоконтроль, отказ от сравнения, смена деятельности, хобби, прогулки на свежем воздухе, физическая активность; у пациентов с высокой степенью устойчивости жизненного мира – информирование, вовлеченность, аутомотивация, позитивное мышление, отказ от сравнения, хобби, прогулки на свежем воздухе, посещение выставок и театров.

Ключевые слова: ситуация болезни, соматические заболевания, вынужденная дефицитарность, преодоление вынужденности, жизненная стратегия, устойчивость жизненного мира

Цитирование: Логинова И. О., Кудашова Е. А. Преодоление вынужденной дефицитарности в ситуации болезни пациентами с разной степенью устойчивости жизненного мира. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 191–202. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-191-202>

Поступила в редакцию 11.01.2025. Принята после рецензирования 25.02.2025. Принята в печать 03.03.2025.

full article

Coping with Disease-Related Deficiency in Patients with Various Degrees of Life-World Stability

Irina O. Loginova

Voyno-Yasenetsky Krasnoyarsk State Medical University,
Russia, Krasnoyarsk

eLibrary Author SPIN: 4711-5619

<https://orcid.org/0000-0002-9551-1457>

Scopus Author ID: 57192670601

loginova70_70@mail.ru

Evgenia A. Kudashova

Burdenko Voronezh State Medical University, Russia, Voronezh

eLibrary Author SPIN: 3299-2690

Scopus Author ID: 57194090724

Abstract: Disease provokes vulnerability, affects lifestyle, and reduces social interaction. In chronic patients, deficiency manifests itself as a lack of inner resources. Although deficiency and compulsion are common phenomena, publications on coping strategies remain understudied when it comes to somatic diseases. This research featured life and coping strategies in patients with imposed deficiency and different degrees of life-world stability. The study involved 420 patients with somatic diseases associated with major lifestyle changes. It included I. O. Loginova's Questionnaire of Life Scenario and the Technique of Life-World Stability. The coping strategies identified by clinical and psychological interview proved to correlate with the degree of life-world stability. The patients with low life-world stability were prone to informing, self-suggestion, self-control, food treats, walking, and rituals. Those with a medium degree of life-world stability preferred informing, self-motivation, self-control, avoiding comparisons, new activities, hobbies, walking, and physical activity. The patients with strong life-world stability chose informing, involvement, self-motivation, positive thinking, avoiding comparisons, hobbies, walking, and cultural entertainment.

Keywords: disease situation, somatic diseases, disease-related deficiency, coping, life strategy, life-world stability

Citation: Loginova I. O., Kudashova E. A. Coping with Disease-Related Deficiency in Patients with Various Degrees of Life-World Stability. *SibScript*, 2025, 27(2): 191–202. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-191-202>

Received 11 Jan 2025. Accepted after peer review 25 Feb 2025. Accepted for publication 3 Mar 2025.

Введение

С ситуацией болезни сталкивался на своем жизненном пути каждый человек. Несмотря на частоту встречаемости с этим феноменом, понимание в научной литературе ситуации болезни довольно ограничено, несмотря на то что «переживание ситуации, связанной с тяжелой болезнью, носит психотравмирующий характер и сопровождается появлением негативных психологических последствий» [Никитина 2022]. Анализ современной литературы позволяет констатировать дефицит медико-психологических исследований системного и междисциплинарного характера, отражающих психологические характеристики человека в ситуации болезни. Так, обращение к ресурсу eLIBRARY.RU и формирование поискового запроса *ситуация болезни* по тематике *психология* в заглавии публикации журнальных статей за период 2019–2024 гг. позволило получить отсортированными 26 работ. Из этого количества статей, раскрывающих содержание понятия *ситуация болезни*,

обнаружено 5 (19,23 %); 19 статей (73,1 %) описывают типы и уровни комплаентности и совладающего поведения пациентов в ситуации болезни или в ситуации жизни с болезнью; 2 статьи (7,7 %) посвящены ситуации болезни в привязке к конкретным заболеваниям в региональном аспекте частоты встречаемости. Таким образом, за 5 лет выявлено 5 публикаций, посвященных содержательным аспектам проблемы жизни человека в ситуации болезни. Из этого количества 2 публикации принадлежат М. М. Орловой, которая предложила определение ситуации болезни [Орлова 2019; 2024]. Ее точка зрения позволяет сформировать наиболее четко очерченный контекст представлений о ситуации болезни: автор определяет ситуацию как интегративное понятие, в структуре которого присутствуют «объективные и субъективные компоненты, учитывающее тяжесть и обратимость соматических изменений и социальных последствий этих изменений (трансформация социальных ролей,

возможностей, взаимодействие с другими людьми и социальными институтами в роли больного), а также внутреннюю картину болезни, определяемую преморбидной личностью пациента, его мотивационной структурой и арсеналом адаптационных механизмов» [Орлова 2024: 317].

Ситуация болезни актуализирует возникновение уязвимости человека, проявляющейся в деформации имевшегося образа жизни, сужении сферы социального взаимодействия [Орлова 2019: 55]. Такое состояние человека, когда он испытывает дефицит внутренних ресурсов, может быть определено как дефицитарность. Понятие *дефицитарность* конституирует напряженную возможность особого порядка, поскольку здесь соединяются воедино две линии:

- одна касается собственно дефицитарности, проявляющейся через отношения между образом мира и образом жизни, и достаточно широко развернута в работах [Злобина, Краснорядцева 2023; Логинова и др. 2021];
- другая сопряжена с вынужденностью, особым образом переживаемой человеком действительностью, характеризующейся отсутствием стабильности жизненного мира, происходящими изменениями [Фордмен 2021: 185], и ограниченностью в функциональности за счет разворачивающихся внутренних или внешних событий / факторов, преодолеть которые человек не в состоянии.

Активное обращение к проблеме вынужденной дефицитарности связано в последние годы с происходящими глобальными изменениями, обусловленными миграционными процессами [Iraklis 2021], вынужденным / принудительным переселением [Cuadrado et al. 2023], ограничительными действиями правительств в период последней пандемии COVID-19 в части вынужденной дефицитарности личного и профессионального времени при работе на удаленке [Bagger, Lomborg 2021], преодолением невзгод во время тяжелой болезни [Сизова, Циринг 2019; Larsson et al. 2023; Qie, Opp 2023], вынужденностью покинуть работу до наступления пенсионного возраста из-за плохого состояния здоровья [Sherzad et al. 2023].

Мы под вынужденной дефицитарностью в ситуации болезни будем понимать устойчивое состояние, связанное с переживаниями ограниченности, недостаточности внутриличностных ресурсов, необходимых человеку для удовлетворения потребностей,

достижения поставленных целей и обеспечения собственного благополучия. Заметим, что прогрессивный характер многих заболеваний приводит к нарастанию дефектов и связанных с ними ограниченных возможностей, а при хронических заболеваниях возможные ограничения становятся статичными, что приводит вплоть до потери трудоспособности [Худик 2023: 58]. Также по нарастающей ограниченные возможности переживаются человеком как состояние вынужденной дефицитарности.

Затронутая проблематика соотносится с высказыванием К. Маркса, которое в медицинских кругах получило широкое употребление: «Что такое болезнь, как не стесненная в своей свободе жизнь?»¹. И если свобода автором определяется как господство над обстоятельствами, то в ситуации соматического заболевания зачастую человеку приходится переживать вынужденность как ограниченность в действиях (перемещениях, соблюдении режима и т. п.). Данная точка зрения согласуется с позицией других авторов о том, что болезнь как «сложная жизненная ситуация характеризуется как ситуация социальной нестабильности, определяется как кризисная, стрессогенная, переломная, экстремальная, неопределенная и критическая» [Серый, Яницкий 2014: 210]. В этом же ключе рассматривают проблему другие авторы. Так, по мнению Л. И. Анцыферовой, в трудной жизненной ситуации происходит нарушение привычного образа жизни; рассогласование между потребностями человека, его возможностями и условиями деятельности; необходимость серьезной внутренней работы и внешней поддержки для адаптации в новой жизненной ситуации [Анцыферова 1994]. То есть акцентируется внимание на зависимости между оценками ситуации и возможностями ее преодоления: «какие факторы определяют эту когнитивно-аффективную "работу" и оказываются в итоге "ответственными" за эффективность / неэффективность стратегий совладания» [Белинская, Джураева 2021: 49]. Поскольку болезнь задает границы человеческой экзистенции, то возможность совладания с ситуацией болезни как трудной жизненной ситуацией позволяет человеку переживать ощущение свободы, «подниматься над ситуацией» болезни, выйти за эти границы [Бранченко 2015].

В этой связи «уход в болезнь» чаще всего сопряжен с вынужденностью, которая рассматривается в негативном ключе, вплоть до возникновения

¹ Маркс К. Дебаты о свободе печати и об опубликовании протоколов сословного собрания. In: Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 1. С. 64.

состояния вынужденного социального паразитизма [Беляев 2016: 59], характеризующегося передачей другим в полной мере ответственности за себя. Однако есть и противоположные проявления, когда вынужденная дефицитарность определяет возможность многих достижений и роста. Так, М. А. Полякова указывает, что очень многие открытия и изобретения человечества совершались в условиях, далеких от свободных (к примеру, в «советских шарагах»). Автор предполагает, что в креативных людях замкнутое пространство и ограничения в некоторой степени активизируют протест и стремление творить вопреки сложившейся ситуации [Полякова 2021: 151], что позволяет предположить, что в ситуации болезни человек может иметь ресурс на преодоление вынужденной дефицитарности.

Данные подходы соотносятся с ранее описанными в научной литературе жизненными стратегиями адаптивного и сверхадаптивного типов. Описанный нами феномен устойчивости жизненного мира [Логонова и др. 2021], которая возникает благодаря следующей жизненной логике: от «действовать, чтобы поддерживать свою жизнь» до «жить для того, чтобы делать дело своей жизни» [Леонтьев 2001: 502], также выполнен в этом ключе. Именно эту логику мы удерживали при организации эмпирического исследования, где для нас сферой особого интереса выступала специфика жизненной стратегии человека в ситуации болезни по типу преодоления возникшей вынужденной дефицитарности.

Цель статьи – выявить способы преодоления вынужденной дефицитарности в ситуации болезни пациентами соматического профиля с разной степенью устойчивости жизненного мира.

Методы и материалы

Исследование проводилось в три этапа.

I этап. Исследование было реализовано на группах пациентов с соматическими заболеваниями, требующими смены образа жизни в ситуации болезни, для выявления специфики типа жизненного сценария и характера проявления устойчивости жизненного мира с учетом нозологических особенностей групп.

Критерии включения в выборку:

- информированное согласие пациентов на участие в исследовании;
- стаж после впервые выявленного заболевания, лечения и / или произведенного оперативного вмешательства от 0,5 до 1,0 года.
- данные из анкеты, свидетельствующие, что пациент испытывает чувство скованности, напряжения

и ощущает вынужденность менять образ жизни (положительные ответы на 3 и более вопросов о переживании, связанном с ситуацией болезни).

В исследовательскую выборку вошли:

Группа 1 – пациенты с соматическими заболеваниями сердца и сосудов (n = 126): с ишемической болезнью сердца, которым было проведено коронарное шунтирование на работающем сердце или в условиях искусственного кровообращения (69,85 % мужчин, 30,15 % женщин). Медиана возраста – 57 (56;58) лет.

Группа 2 – пациенты с онкологическими заболеваниями (n = 150) урологического, гинекологического и абдоминального профиля (46 % мужчин, 54 % женщин). Медиана возраста – 59 (58;60) лет.

Группа 3 – пациенты, пережившие острые нарушения мозгового кровообращения (ОНМК) (n = 144) (56,25 % мужчин, 43,75 % женщин). Медиана возраста – 58 (57;59) лет.

Следует отметить, что группы респондентов не проверялись на однородность выборок по полу, возрасту, длительности заболевания, поскольку исследовательский интерес смещен на особенности преодоления вынужденной дефицитарности в ситуации болезни.

II этап. Решалась задача выявления типичных жизнеописаний пациентов, раскрывающих специфику устойчивости жизненного мира пациентов с соматическими заболеваниями, в силу чего три нозологические группы были объединены в единую выборку респондентов.

III этап. Выявлялись способы преодоления вынужденной дефицитарности в ситуации болезни на общей выборке респондентов.

В силу того, что специальные методики, позволяющие оценить особенности вынужденной дефицитарности, в литературе отсутствуют, нами была предпринята попытка провести исследование с использованием следующих опросников и процедур:

1. Опросник «Определение типа жизненного сценария» [Логонова и др. 2021], позволяющий диагностировать два типа жизненных сценариев, занимающих полярные, крайние позиции, характеризующие две тенденции устойчивости жизненного мира человека: преодоление как восполнение необходимого и восхождение как восполнение сверхнеобходимого, возможного.

2. Методика «Изучение устойчивости жизненного мира человека» [Логонова 2012], выявляющая характер проявления устойчивости жизненного мира (конструктивный, неконструктивный, стагнационный) на основе процедуры обработки эссе «Три дня моей

жизни» по восьми диагностическим параметрам (временной модус событий; соотношение глаголов; критерий выбора содержания событий; общий эмоциональный фон событий; значение описываемых событий в жизни; отношение к событиям; непрерывность личностной истории; рефлексивная позиция автора) с присвоением внутри каждого баллов. Кроме того, данная методика была дополнена процедурой фиксации типичных жизнеописаний пациентов, раскрывающих специфику устойчивости жизненного мира пациентов с соматическими заболеваниями.

3. Клинико-психологическая беседа, направленная на выявление способов преодоления вынужденной дефицитарности в ситуации болезни, для реализации дополнительной процедуры фиксации типичных жизнеописаний пациентов, раскрывающих специфику устойчивости жизненного мира пациентов с соматическими заболеваниями.

Использовались стандартные методы статистического анализа математических данных (пакет программ IBM SPSS Statistics v.26). Описательная статистика результатов исследования представлена для качественных признаков в виде процентных долей. В случае отсутствия нормального распределения переменных в описательной статистике использовалась медиана (Me).

Результаты

На I этапе исследования были получены данные о преобладающем типе жизненного сценария во всех трех группах респондентов (рис. 1). Распределение частоты встречаемости жизненных сценариев свидетельствует, что независимо от специфики соматического заболевания респонденты, продолжающие находиться в ситуации болезни (восстановительный, реабилитационный, амбулаторный этапы), демонстрируют тип жизненного сценария *преодоление* чаще, чем тип *восхождение*. Следует заметить, что для людей, чья жизнь разворачивается по сценарию *преодоление*, характерны минимизированность собственных усилий в отношении организации собственной жизни, стереотипизация форм и способов взаимодействия с окружающим миром, они не готовы брать ответственность за собственные действия, за результаты своей деятельности, склонны передавать ответственность другим – врачам, медицинскому персоналу, ухаживающим родственникам.

Менее четверти респондентов, продемонстрировавших приверженность типу жизненного сценария *восхождение*, характеризуются наличием

особого духовного усилия человека в отношении самостроительства собственной жизни, ориентации на отдаленные результаты и перспективы, требующие больших жизненных усилий и вложений, которые способны облагораживать человека, переводить возникающие возможности в действительность. Они способны нести ответственность за собственную жизнь в условиях длительного восстановления после лечения, руководствоваться целями и отдаленными перспективами. Значимых различий по типам жизненного сценария между группами не обнаружено.

На следующем этапе был определен доминирующий характер проявления устойчивости жизненного мира в группах респондентов (рис. 2), где были выделены, согласно методике, три варианта устойчивости жизненного мира: неконструктивный; конструктивный; стагнационный. Согласно процедуре методики, пациентам предлагалось написать эссе, описав три дня своей жизни. Полученные тексты обрабатывались согласно предложенной диагностической форме

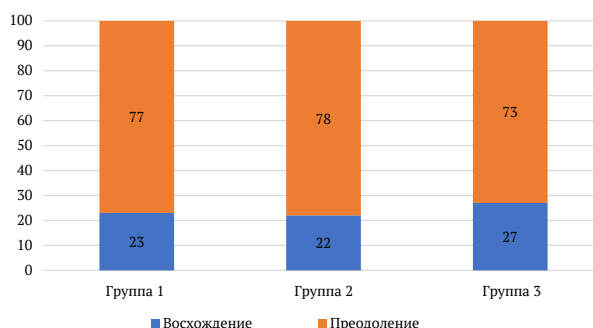

Рис. 1. Преобладающий тип жизненного сценария в группах респондентов, %

Fig. 1. Predominant life scenario per group of respondents, %

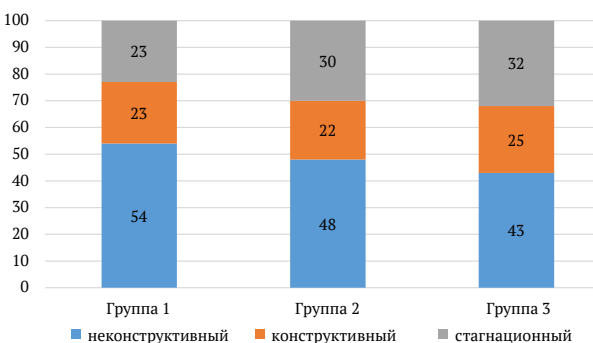

Рис. 2. Результаты определения характера проявления устойчивости жизненного мира в группах, %

Fig. 2. Manifestation of life-world stability per group of respondents, %

по восьми диагностическим параметрам с присвоением внутри каждого баллов. Их сумма определяла доминирующий характер проявления устойчивости жизненного мира.

Полученные результаты свидетельствуют, что доминирующим характером проявления устойчивости жизненного мира пациентов с соматическими заболеваниями является неконструктивный, для которого характерны недостаток ресурса (собственного потенциала, условий среды), отсутствие равновесия между реальностью и желаемой ситуацией, что отражает специфику вынужденности. Остальные проценты распределяются между конструктивным и стагнационным характером проявления устойчивости жизненного мира пациентов. Конструктивный характер проявления устойчивости жизненного мира означает, что пациентам свойственно ценностное отношение к жизни, наличие перспектив дальнейшего движения, отсутствие недостатка ресурса (собственного потенциала, условий среды) для разрешения противоречий между образом мира и образом жизни. Стагнационный характер проявления устойчивости жизненного мира означает, что пациенты ориентированы на использование ранее сформированных форм взаимодействия с окружающим миром, зачастую неадекватных условиям настоящей жизненной ситуации. Значимых различий по характеру проявления устойчивости жизненного мира между группами не обнаружено. Это позволяет предположить, что переживание вынужденности в смене образа жизни, обусловленного ситуацией болезни, несмотря на нозологические различия групп, является типичным для пациентов с различными заболеваниями, что позволяет объединить для последующего анализа всех респондентов в одну группу.

Наряду с традиционной процедурой обработки материалов методики с подсчетом баллов нами была реализована дополнительная процедура фиксации типичных жизнеописаний пациентов, раскрывающих специфику устойчивости жизненного мира пациентов с соматическими заболеваниями (n = 420).

Так, по параметру **временной модус событий** пациенты преимущественно описывали события, относящиеся к прошлому (*Я был молод, здоров, весел, там была радость*) – 25 % респондентов; к настоящему (*Сегодняшний период сложный, здесь много боли разочарования и ограничений*) – 20 %; к будущему (*Я очень надеюсь, что в будущем будет немного лучше, меньше боли, больше восстановленных функций*) – 10 %; находящиеся в диапазоне *прошлое – настоящее* (*Я описываю этот день, потому что тогда*

я был здоров, многое мне было доступно) – 30 %; в диапазоне *настоящее – будущее* (*Я сейчас лечусь, чтоб у меня еще на что-то было время в будущем*) – 15 %. Это подтверждается результатами по параметру **соотношение глаголов**, где доля глаголов прошедшего и настоящего времени в эссе пациентов не превышает 60 %, глаголов прошедшего и будущего времен – около 20 % и глаголов настоящего и будущего – около 20 %. Среди используемых глаголов прошедшего времени чаще всего встречаются *был / была, мог (бы) / могла (бы), не болело, делал(а), думал*. Среди используемых глаголов настоящего времени в эссе доминирующие позиции по частоте встречаемости занимают *переживаю, ограничен(а), лечусь, обдумываю, интересуюсь*. Среди глаголов будущего времени – *получится, будет, восстановлюсь / восстановятся, вылечусь, порадуюсь*.

Интересные данные получены по параметру **критерий содержания событий**. Согласно процедуре обработки выделяются следующие критерии выбора содержания описываемых событий:

- биографический, когда описываются события собственной биографии, включенные в общую сюжетную линию жизни;
- топологический, когда отправной точкой описанных событий выступает определенное пространство (географическое, культурное, ценностно-смысловое и т.д.);
- хронологический, когда совмещены биографический и топологический критерии, позволяющие описать события в призме единства пространства и времени жизни человека.

Почти 75 % пациентов представили свои жизнеописания в призме биографии (*Я был здоровым; Я вынужден был провести это время в больнице; В этот период я находился в больнице*). Остальные 25 % – в привязке ко времени и месту происходящего (*Я тогда и не знал, что такое лежать в больнице, был в ней только когда сам родился... Сейчас многое измеряю до операции, до хими, когда я в больнице лежал. Этот период времени с больницей связан*). Хронологическое изложение отсутствовало. Можем предположить, что специфика переживания соматического заболевания как трудной жизненной ситуации искажает и / или редуцирует хронологическое восприятие собственной жизни. Однако, данное предположение требует дополнительного исследования.

По параметру **общий эмоциональный фон событий**, описываемых в эссе, который определялся через анализ используемых в тексте прилагательных, позволяющих выявить соотношение эмоционально

нейтральных, отрицательных и положительных прилагательных, доминирующую позицию занимает отрицательный фон (*Я сильно расстроена, часто плачу. Не могу смириться со случившимся. Я впереди света белого не видно... лечение долгое, процедуры тяжелые, изматывающие... я сама на себя не похожа... ради чего все это?*) – 65 % респондентов, 25 % респондентов продемонстрировали нейтральный эмоциональный фон событий (*Вынужден принять ситуацию, держусь, стараюсь не расстраиваться. Радоваться, конечно, тоже нечему...*) и только 10 % респондентов представляли жизнеописание в позитивном ключе (*Могу порадоваться только одному, что врач попался грамотный, быстро распознал проблему, сюда направил. Хотя это и перекрывает все остальные минусы. Я здесь. Поэтому могу надеяться, что поживу еще...*). Полученные данные свидетельствуют, что, находясь в ситуации соматического заболевания, пациенты эмоционально воспринимают свою жизнь – прошлые, текущие и прогнозируемые в будущем события – преимущественно в негативном или нейтральном ключе.

По параметру **значение описываемых событий в жизни** было важным оценить, как пациенты воспринимают описываемые события относительно линии жизни: начало, центр или завершение линии развития. Выявлено, что наибольшее количество респондентов (65 %) описывают события, относимые к началу линии развития жизнеописания (*Болезнь заставила задуматься о своей жизни. Можно сказать, начался новый этап...*). При этом 30 % респондентов описывают события, относимые к центральной линии развития жизнеописания (*Не знаю, будет ли толк от лечения... Или это начало конца? Я над этим много размышляю. Может, все, что со мной до этого было, только подготовка к этому испытанию...*). И только 5 % респондентов в эссе представляют завершение линии жизни (*Я очень боюсь, что это конец. Сейчас сказал и задумался... Нет, наверное, не боюсь уже, просто сожалею... Жизнь в таком виде жизнью и назвать нельзя...*). Кроме этого, для нас важным моментом было заметить, насколько в тексте респонденты удерживают выбранную общую направленность линии развития. Только 10 % респондентов в своих жизнеописаниях это продемонстрировали (*Для меня очень тема здоровья важная сейчас, и я эти три дня выберу про мое здоровье. Первый – когда я парень молодой, мог реку переплыть, а не все в нашей деревне это могли. Речка небольшая, но течение... Сил много надо... А я переплыл и на меня все смотрели... Потом я на заводе работал и во многих соревнованиях участвовал. Здоровый мужик*

был. И вот сейчас поломки начались... но я пока силы есть как могу себя в форме поддерживаю. Хожу, зарядку делаю, обтираюсь... Я всегда думал, что с моим здоровьем лет до ста проживу, дед-то мой тоже крепкий был). В большинстве своем респонденты представляли «разорванные» жизнеописания, выбирая значимые и важные дни, но не объединенные единой, целостной линией развития (*Я был хорошим работником и старался все заработать для своей семьи. И когда меня наградили, что было вроде почетно, но не так значимо, что у меня хорошая семья: жена, дети... В будущем я просто хочу жить без боли и постоянных ограничений во всем практически... это очень тяжело*).

По параметру **отношение к событиям** ни один из пациентов не продемонстрировал ценностное отношение к описанным трем дням жизни, а рациональное (*Отбрасываю эмоции; Оцениваю происходящее*) и ответственное (*...я во всем старался участвовать; Сам определял, куда и зачем*) распределились по 70 % и 30 % соответственно. Возможно, пациенты переживают период переоценки ценностей в ситуации серьезного заболевания, которое протекает болезненно, поэтому не предъявляется.

По параметру **непрерывность личностной истории** выявлено 55 % респондентов, для которых жизнь – мозаика, а непрерывность личностной истории отсутствует (*Вот три дня описал, а они все такие разные. Это все про меня?*). Для 45 % респондентов непрерывность личностной истории проявляется только на отдельных этапах жизнеописания (*...если бы одно не произошло, то может и другое не наступило бы*). Данный параметр является важным в оценке устойчивости жизненного мира человека, поскольку позволяет за описанием выбранных и описанных жизненных событий обнаружить логику становления человека.

По параметру **рефлексивная позиция автора** мы анализировали рефлексивное отношение к описываемым событиям: отсутствует, когда человек не демонстрирует рефлексивную позицию по отношению к описываемым событиям; проявляется ситуативно, когда человек демонстрирует рефлексивную позицию по отношению к одному из описываемых событий или к одной из сторон жизнеописания; целостная рефлексивная позиция, когда описываемые события выступают предметом рефлексии в контексте жизни человека. Обнаружено, что у 65 % рефлексивная позиция в жизнеописаниях не представлена, а при уточняющем вопросе респонденты отвечали – *Что об этом думать... Вот живешь сегодня, а завтра нет. Думал – не думал – никак не поможет... Что надо*

я делаю, а думать – нет. Ситуативная рефлексивная позиция к собственной жизни выявлена у 35 % респондентов, причем в подавляющем большинстве рефлексия включена в осмысление собственного заболевания или образа жизни, с ним связанного (*Стараюсь осмыслить произошедшее, вот не про то, почему я, зачем мне это... По-другому. И про жизнь свою. Как дальше жить буду. Раньше у меня жена была, она за мной следила: таблетки приготовит, напомним выпить. Но вот умерла в пандемию... так мне теперь самому надо, вот способы разные себе и придумываю, как напоминать себе. А что, здесь сейчас времени подумать много*). Целостная рефлексивная позиция по отношению к собственной жизни не выявлена ни у одного пациента.

Представленные результаты позволяют не только понять вклад каждого из этих параметров в специфику конструктивного, неконструктивного и стагнационного характера проявления устойчивости жизненного мира, но и обнаружить дефицитность в ситуации болезни.

На III этапе была проведена клинико-психологическая беседа, направленная на выявление способов преодоления вынужденной дефицитности в ситуации болезни. Пациентам был предложен список из 14 позиций (рис. 3).

Самые распространенные по частоте встречаемости: ритуалы (18,8 %), информирование (14,77 %) и самоконтроль (13,57 %). В беседе респонденты отмечали, что:

- 1) ритуалы помогают снимать напряженность, осуществлять плановые и привычные действия, поддерживая ощущение владения ситуацией;
- 2) информирование как способ преодоления вынужденной дефицитности используется респондентами как в отношении себя (узнавать новое о своем заболевании, способах лечения, опыте жизни других с подобным заболеванием),

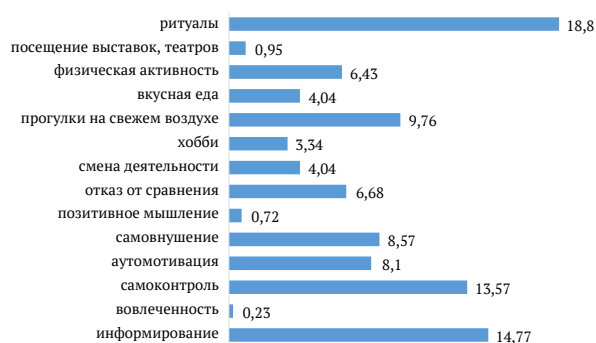

Рис. 3. Представленность способов преодоления вынужденной дефицитности, %

Fig. 3. Coping with disease-related deficiency, %

так и в плане оказания другим людям с подобными проблемами информационной поддержки, использование которой позволяет почувствовать себя *сведущим и разбирающимся в ситуации* и более уверенным;

- 3) самоконтроль обеспечивает соблюдение режима (прием пищи, лекарственных препаратов, физической активности и т. п.), что способствует повышению приверженности лечению.

Наименее распространенные способы преодоления: вовлеченность, позитивное мышление и посещение выставок и театров, которые набрали менее 1 %, что позволило предположить, что способы преодоления вынужденной дефицитности могут быть обусловлены типом жизненного сценария (преодоление / восхождение) или общим показателем степени устойчивости жизненного мира респондентов.

Для уточнения данного предположения все высказывания пациентов были систематизированы и соотнесены со степенью устойчивости жизненного мира человека (табл.).

В процессе сопоставления обнаружено, что при высокой и средней степени устойчивости жизненного мира наблюдается большее количество способов преодоления вынужденной дефицитности. При этом самые разнообразные способы выявлены при высокой устойчивости жизненного мира, которая образуется в сочетании конструктивного характера проявления устойчивости жизненного мира и жизненного сценария по типу *восхождение*. Настоящая тенденция соответствует идее А. Бергсона о жизни как «восходящем потоке» [Бергсон 1998: 262] и В. И. Вернадского, считающего главным свойством живой материи «непрерывно наращивать силу вещественного и энергетического воздействия» [Вернадский 2001: 301–302].

Между тем восхождение – это только одна сторона жизненного процесса [Рыбин 2019; 2023], есть еще «жизнь в непрестанном понуждении» [Ухтомский 1996: 410], когда преодоление становится стилем жизни – жизнь вопреки. Вот поэтому при низкой степени устойчивости жизненного мира количество доступных респондентам способов преодоления дефицитности ниже. Более того, при стагнационном характере проявления устойчивости жизненного мира выявлен самый скудный набор способов преодоления вынужденной дефицитности.

Полученные данные соотносятся с позицией о том, что в качестве ресурсов преодоления экстремальной жизненной ситуации (а болезнь может быть таковой) люди рассматривают социальную и профессиональную

Табл. Сопоставление степени устойчивости жизненного мира со способами преодоления вынужденной дефицитарности
Tab. Degree of life-world stability vs. coping strategy

Степень устойчивости жизненного мира	Характер проявления устойчивости жизненного мира	Жизненный сценарий	Способы преодоления вынужденной дефицитарности
Средняя	Конструктивный	Преодоление	<ul style="list-style-type: none"> • Информирование • Аутомотивация • Самоконтроль • Отказ от сравнения • Смена деятельности • Хобби • Прогулки на свежем воздухе • Физическая активность
Высокая	Конструктивный	Восхождение	<ul style="list-style-type: none"> • Информирование • Вовлеченность • Аутомотивация • Позитивное мышление • Отказ от сравнения • Хобби • Прогулки на свежем воздухе • Посещение выставок и театров
Низкая	Неконструктивный	Преодоление	<ul style="list-style-type: none"> • Информирование • Самовнушение • Самоконтроль • Вкусная еда • Ритуалы
	Стагнационный	Преодоление	<ul style="list-style-type: none"> • Самовнушение • Самоконтроль • Прогулки на свежем воздухе • Ритуалы

поддержку, сохранение позитивного настроения, владение информацией, обращение к которым сопутствует имплицитному стремлению личности к контролю ситуации и самосохранению [Никитина 2023]. Также авторами раскрыта системообразующая ресурсная роль осознанной саморегуляции достижения цели в успешном преодолении трудной жизненной ситуации [Вець 2023: 66], которая «подразумевает преодоление различного рода препятствий и трудностей, наличие проблемы жизненного выбора и принятия важного решения» [Мышко, Баляев 2023]. Трудная жизненная ситуация, скорее, может быть ассоциирована с понятием *жизнь с болезнью*, которая темпорально может быть развернута в будущее до конца всей жизни человека.

Заключение

На I этапе выявлено, что в группах респондентов с соматическими заболеваниями для 73–78 % характерна минимизированность собственных усилий в отношении организации собственной жизни, стереотипизация форм и способов взаимодействия с окружающим миром,

они не готовы брать ответственность за собственные действия, за результаты своей деятельности, склонны передавать ответственность другим – врачам, медицинскому персоналу, ухаживающим родственникам. Также выявлено, что доминирующим проявлением устойчивости жизненного мира пациентов с соматическими заболеваниями является неконструктивный, для которого характерны недостаток ресурса (собственного потенциала, условий среды), отсутствие равновесия между реальностью и желаемой ситуацией, что отражает специфику вынужденности.

На II этапе на основе типичных жизнеописаний, раскрывающих особенности устойчивости жизненного мира пациентов с соматическими заболеваниями (n = 420), определен вклад каждого из восьми диагностических параметров (временной модус событий; соотношение глаголов; критерий выбора содержания событий; общий эмоциональный фон событий; значение описываемых событий в жизни; отношение к событиям; непрерывность личностной истории; рефлексивная позиция автора) в специфику

характера проявления устойчивости жизненного мира. Выявлено, что пациенты в большей мере фиксированы на прошлом, где они были здоровы, а оказавшись в ситуации серьезного заболевания, переживают период переоценки ценностей, что приводит к нарушению непрерывности личностной истории. Эти параметры указывают на дефицитность в ситуации болезни и позволяют предположить, что специфика переживания соматического заболевания как трудной жизненной ситуации искажает и / или редуцирует хронотопическое восприятие собственной жизни.

На III этапе нами была обнаружена специфика преодоления вынужденной дефицитности в ситуации болезни у пациентов с разной степенью устойчивости жизненного мира:

- у пациентов с низкой степенью устойчивости жизненного мира доминируют такие способы преодоления вынужденной дефицитности, как информирование, самовнушение, самоконтроль, вкусная еда, прогулки на свежем воздухе, ритуалы;
- у пациентов со средней степенью устойчивости жизненного мира – информирование, аутомотивация, самоконтроль, отказ от сравнения, смена деятельности, хобби, прогулки на свежем воздухе, физическая активность;
- у пациентов с высокой степенью устойчивости жизненного мира – информирование, вовлеченность, аутомотивация, позитивное мышление, отказ от сравнения, хобби, прогулки на свежем воздухе, посещение выставок и театров.

Специфика настоящего исследования относится к поисковому типу, в рамках которого предполагалось сопоставление степени устойчивости жизненного мира пациентов в ситуации болезни с вариантами преодоления вынужденной дефицитности на определенном этапе (после впервые выявленного заболевания, лечения и / или произведенного оперативного вмешательства в диапазоне от 0,5 до 1,0 года). Это означает, что на дальнейших этапах из-за поперечного характера исследования будет затруднительно вернуться к идентификации всех респондентов, чтобы хронотопически оценить динамику способов преодоления вынужденной дефицитности. Этому будут посвящены отдельно разработанные диагностические процедуры.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: И. О. Логинова – концептуализация, проблематизация, дизайн исследования, редактирование. Е. А. Кудашова – проведение исследования, анализ эмпирических данных, визуализация.

Contribution: I. O. Loginova developed the research concept, designed the research, and proofread the manuscript. E. A. Kudashova performed the research, analyzed the empirical data, and provided the visualization.

Литература / References

- Анцыферова Л. И. Личность в трудных жизненных условиях: переосмысливание, преобразование ситуаций и психологическая защита. *Психологический журнал*. 1994. Т. 15. № 1. С. 3–18. [Antsiferova L. I. The personality in difficult living conditions: Rethinking, transforming situations and psychological defense. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 1994, 15(1): 3–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/safdiz>
- Белинская Е. П., Джуряева М. Р. К. Взаимосвязь проактивного совладания с трудными жизненными ситуациями и уровня осознанности: кросс-культурный анализ. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология*. 2021. Т. 11. № 1. С. 48–62. [Belinskaya E. P., Djuraeva M. R. K. The relationship between proactive coping with difficult life situations and the level of mindfulness: A cross-cultural analysis. *Vestnik of Saint Petersburg University. Psychology*, 2021, 11(1): 48–62. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21638/spbu16.2021.103>
- Беляев И. А. Социальный паразитизм в философско-антропологическом измерении. *Интеллект. Инновации. Инвестиции*. 2016. № 2. С. 59–64. [Belyayev I. A. Social parasitism in philosophical and anthropological dimension. *Intellect. Innovations. Investments*, 2016, (2): 59–64. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xryxed>
- Бергсон А. Творческая эволюция. М.: Канон-пресс, 1998. 382 с. [Bergson H. *Creative evolution*. Moscow: Kanon-press, 1998, 382. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sndltip>

- Бранченко А. И. Болезнь как экзистенциальное состояние. *Бюллетень медицинских интернет-конференций*. 2015. Т. 5. № 5. С. 829. [Branchenko A. I. Disease as an existential state. *Biulleten meditsinskikh internet-konferentsii*, 2015, 5(5): 829. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tuvaxv>
- Вернадский В. И. Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. М.: Наука, 2001. 375 с. [Vernadsky V. I. *The chemical structure of the Earth's biosphere and its environment*. Moscow: Nauka, 2001, 375. (In Russ.)]
- Вець И. В. Осознанная саморегуляция и копинг-стратегии как ресурсы преодоления трудных жизненных ситуаций. *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2023. № 3. С. 48–69. [Vets I. V. Conscious self-regulation and coping strategies as resources for overcoming difficult life situations. *Teoreticheskaya i ehksperimentalnaya psikhologiya*, 2023, (3): 48–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/TEP-23-19>
- Злобина М. В., Краснорядцева О. М. Психологические маркеры устойчивости жизненного мира молодых людей с разным уровнем толерантности к неопределенности. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2023. № 4. С. 17–27. [Zlobina M. V., Krasnoryadtseva O. M. Psychological markers of stability of the life world of young people with different level of tolerance to ambiguity. *Herald of Omsk University. Series "Psychology"*, 2023, (4): 17–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24147/2410-6364.2023.4.17-27>
- Леонтьев А. Н. Лекции по общей психологии. М.: Смысл, 2001. 511 с. [Leontiev A. N. *Lectures on general psychology*. Moscow: Smysl, 2001, 511. (In Russ.)]
- Логинова И. О. Исследование устойчивости жизненного мира человека: методика и психометрические характеристики. *Психологическая наука и образование*. 2012. Т. 17. № 3. С. 18–28. [Loginova I. O. Research of stability of the man's lifeworld: The method and psychometric characteristics. *Psychological Science and Education*, 2012, 17(3): 18–28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pnonyr>
- Логинова И. О., Живаева Ю. В., Стоянова Е. И. Устойчивость жизненного мира человека как характеристика его самоосуществления. Красноярск: СибГУ им. академика М. Ф. Решетнева, 2021. 140 с. [Loginova I. O., Zhivaeva Yu. V., Stoyanova E. I. *Stability of life-world as a characteristic of self-realization*. Krasnoyarsk: Reshetnev University, 2021, 140. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dluugj>
- Мышко В. В., Баляев С. И. Теоретические подходы к изучению понятия трудной жизненной ситуации в психологии. *Наука в жизни человека*. 2023. № 3. С. 95–101. [Myshko V. V., Balyaev S. I. Theoretical approaches to studying the concept of a difficult life situation in psychology. *Nauka v zhizni cheloveka*, 2023, (3): 95–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/trdudz>
- Никитина Д. А. Дистресс и психопатологическая симптоматика при соматическом заболевании: особенности проявления в границах нормы. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2022. Т. 10. № 4. [Nikitina D. A. Distress and psychopathological symptoms in somatic disease: Features of manifestation within the limits of the norm. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2022, 10(4). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/47PSMN422.pdf> (accessed 9 Jan 2025). <https://elibrary.ru/huribz>
- Никитина Д. А. Специфика обращения пациентов при угрожающем жизни заболевании к эксплицитным ресурсам совладания с последствиями психотравматизации. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2023. Т. 11. № 4. [Nikitina D. A. The specifics of the treatment of patients with a life-threatening disease to explicit resources of coping with the consequences of psychotraumatization. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2023, 11(4). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN423.pdf> (accessed 9 Jan 2025). <https://elibrary.ru/bnsqqs>
- Орлова М. М. Субъективное восприятие социальной поддержки в ситуации язвенной болезни. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2024. Т. 24. № 3. С. 316–320. [Orlova M. M. Subjective perception of social support in a peptic ulcer situation of ulcer disease. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2024, 24(3): 316–320. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2024-24-3-316-320>
- Орлова М. М. Этапы формирования иждивенческой позиции в ситуации болезни. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика*. 2019. Т. 19. № 1. С. 55–60. [Orlova M. M. Formation stages of a dependent position in a situation of disease. *Izvestiya of Saratov University. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2019, 19(1): 55–60. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-1-55-60>
- Полякова М. А. Вынужденная изоляция как условие плодотворной работы: историко-педагогический контекст. *Актуальный взгляд на природу и пути преодоления жизненных трудностей*, ред. А. С. Огнев. М.: Спутник+, 2021. С. 148–151. [Polyakova M. A. Forced isolation as a condition for effective work performance: *Актуальный взгляд на природу и пути преодоления жизненных трудностей*, ред. А. С. Огнев. М.: Спутник+, 2021. С. 148–151.]

- Historical and pedagogical context. *An up-to-date look at nature and ways of coping with life difficulties*, ed. Ognev A. S. Moscow: Sputnik+, 2021, 148–151. (In Russ.)]
- Рыбин В. А. К вопросу о человеческом бессмертии: некоторые философские и эволюционные предпосылки решения. *Вестник Челябинского государственного университета*. 2019. № 2. С. 44–56. [Rybin V. A. To the question of human immortality: Some philosophical and evolutionary background of the decision. *Bulletin of Chelyabinsk State University*, 2019, (2): 44–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24411/1994-2796-2019-10207>
- Рыбин В. А. Проблема стресса и феномен смерти в современном мире: медико-философский аспект. *Человек*. 2023. Т. 34. № 4. С. 11–26. [Rybin V. A. The problem of stress and the phenomenon of death in the modern world: Medical and philosophical aspect. *Chelovek*, 2023, 34(4): 11–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S023620070027350-2>
- Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые аспекты переживания сложной жизненной ситуации у больных алкоголизмом. *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2014. № 4. С. 210–219. [Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Meaningful aspects of experiencing difficult situations in patients with alcoholism. *Lichnost v ekstremalnykh usloviakh i krizisnykh situatsiiakh zhiznedeiatelnosti*, 2014, (4): 210–219. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tntyvn>
- Сизова Я. Н., Циринг Д. А. Особенности преодоления ситуации болезни пациентами со злокачественными новообразованиями. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2019. Т. 8. № 5-1. С. 240–246. [Sizova Ya. N., Tsiring D. A. Peculiarities of overcoming the situation of the disease by patients with cancerous neoplasms. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2019, 8(5-1): 240–246. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/srunvh>
- Ухтомский А. А. Интуиция совести. СПб.: Петербургский писатель, 1996. 525 с. [Ukhtomsky A. A. *Intuition of conscience*. St. Petersburg: Petersburgskii pisatel, 1996, 525. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uyzcho>
- Фордмен В. А. Вынужденная смена профессиональной деятельности как этап профессионального развития и психологического роста. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2021. Т. 10. № 2-1. С. 181–186. [Fordmen V. A. The involuntary professional activity change as a stage of professional development and psychological growth. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2021, 10(2-1): 181–186. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jcsqyr>
- Худик В. А. О терминологическом соотношении понятий «ограниченные возможности здоровья» и «болезни, ограничивающие возможности». *Коррекционно-педагогическое образование*. 2023. № 4. С. 56–61. [Khudik V. A. On the terminological relationship between the concepts of "disabled health" and "diseases that limit capabilities". *Korreksionno-pedagogicheskoe obrazovanie*, 2023, (4): 56–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/onrtxe>
- Bagger C., Lomborg S. Overcoming forced disconnection: Disentangling the professional and the personal in pandemic times. *Reckoning with social media*, eds. Chia A., Jorge A., Karppi T. Lanham: Rowman & Littlefield Publishers, 2021, 167–188.
- Cuadrado C., Libuy M., Moreno-Serra R. What is the impact of forced displacement on health? *A scoping review. Health Policy and Planning*, 2023, 38(3): 394–408. <https://doi.org/10.1093/heapol/czad002>
- Iraklis G. Facing forced displacement: Overcoming adverse childhood experiences. *Journal of Child & Adolescent Trauma*, 2021, 14: 261–269. <https://doi.org/10.1007/s40653-020-00320-2>
- Larsson M., Hultström M., Lipcsey M., Frithiof R., Rubertsson S., Wallin E. Poor long-term recovery after critical COVID-19 during 12 months longitudinal follow-up. *Intensive and Critical Care Nursing*, 2023, 74. <https://doi.org/10.1016/j.iccn.2022.103311>
- Qie C. Y., Onn A. C. W. Be blessed to respire: A qualitative approach to understanding post-traumatic growth among COVID-19 survivors in Malaysia. *Journal of Positive Psychology and Wellbeing*, 2023, 7(2): 1597–1632.
- Sherzad S., Khan H. A., Sherzad T. Forced displacement and mental health problems in refugees residing in Quetta for decades. *European Psychiatry*, 2023, 66(S1): S283–S284. <https://doi.org/10.1192/j.eurpsy.2023.640>

обзорная статья

<https://elibrary.ru/qjuuqf>

Применение цифровых технологий при проведении дистанционных педагогических и психокоррекционных мероприятий: основные итоги использования в условиях пандемии COVID-19

Солодухин Антон Витальевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 5487-7469

<https://orcid.org/0000-0001-8046-5470>

Scopus Author ID: 57204921841

Mein11@mail.ru

Сидоркин Дмитрий Андреевич

Кемеровский государственный университет, Россия, Кемерово

eLibrary Author SPIN: 6748-4685

<https://orcid.org/0009-0007-5951-0063>

Аннотация: Представлен комплексный анализ теоретических и экспериментальных исследований применения цифровых технологий при проведении педагогических и психокоррекционных мероприятий в условиях пандемии коронавируса COVID-19. Показано, что эффективность нового формата дистанционной работы с помощью цифровых технологий имеет ряд ограничений и недостатков, среди которых на первый план выступают технические и организационные проблемы. Среди положительных моментов использования цифровых технологий выявлена возможность оказания образовательных и психологических услуг для населения независимо от их социального статуса, уровня образования и материального положения. Для улучшения условий проведения дистанционных педагогических и психокоррекционных мероприятий в условиях пандемии был предложен ряд рекомендаций: упор при разработке цифровых устройств на конкретные образовательные и психотерапевтические цели и задачи; добавление в разработанные программы системы обязательного мониторинга психического состояния в виде онлайн-опросов и анкетирования; применение единой научно-доказательной концепции, например когнитивно-поведенческого подхода. С целью повышения качества оказания помощи населению в условиях пандемии предложена база данных программы «Айта», которая в дальнейшем может быть использована при проведении психолого-педагогических занятий с лицами, перенесшими COVID-19 или иные нейроинфекционные заболевания.

Ключевые слова: цифровые технологии, дистанционное образование, телемедицинские технологии, психокоррекция, когнитивно-поведенческая терапия, нейроинфекционные заболевания, пандемия COVID-19

Цитирование: Солодухин А. В., Сидоркин Д. А. Применение цифровых технологий при проведении дистанционных педагогических и психокоррекционных мероприятий: основные итоги использования в условиях пандемии COVID-19. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 203–215. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-203-215>

Поступила в редакцию 18.04.2025. Принята после рецензирования 12.05.2025. Принята в печать 12.05.2025.

review article

Digital Technologies in Distance Pedagogy and Psychocorrection during COVID-19 Pandemic

Anton V. Solodukhin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 5487-7469

<https://orcid.org/0000-0001-8046-5470>

Scopus Author ID: 57204921841

Mein11@mail.ru

Dmitry A. Sidorckin

Kemerovo State University, Russia, Kemerovo

eLibrary Author SPIN: 6748-4685

<https://orcid.org/0009-0007-5951-0063>

Abstract: This review presents a comprehensive analysis of theoretical and experimental studies of digital technologies in pedagogy and psychocorrection during the COVID-19 pandemic. The remote digital format demonstrated a number of limitations and disadvantages, i.e., technical and organizational problems. However, digital technologies made it possible to provide academic and psychological services to a wide range of population, regardless of the social, education, and financial status. The following recommendations could improve the distance pedagogical and psychocorrective services in pandemic environment: emphasis on specific academic and psychotherapeutic goals and tasks; a mandatory mental health monitoring system, e.g., online surveys and questionnaires; a unified scientific and evidence-based concept, e.g., a cognitive behavioral approach. The Aita software demonstrated good prospects as a platform for psychological and pedagogical services to former COVID-19 patients or survivors of other serious neuroinfectious diseases.

Keywords: digital technologies, distance education, telemedicine technologies, psychocorrection, cognitive behavioral therapy, neuroinfectious diseases, COVID-19 pandemic

Citation: Solodukhin A. V., Sidorckin D. A. Digital Technologies in Distance Pedagogy and Psychocorrection during COVID-19 Pandemic. *SibScript*, 2025, 27(2): 203–215. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-203-215>

Received 18 Apr 2025. Accepted after peer review 12 May 2025. Accepted for publication 12 May 2025.

Введение

Пандемия коронавируса COVID-19 потребовала от образовательных учреждений принятия экстренных мер по снижению рисков ее распространения. В качестве наиболее эффективной меры был выбран экстренный переход от очного обучения на дистанционный формат работы. Результатом этого решения стала дополнительная психологическая нагрузка на психологов и педагогов образовательных учреждений, в связи с чем многие из них стали жаловаться на ухудшение своих рабочих условий, проблемы с качественным оказанием своих услуг и, как следствие, перестали получать удовлетворение от своей деятельности [Budke et al. 2023; Schwab et al. 2022]. Однако такой формат обучения был необходим, ведь безопасность учащихся и педагогов во время пандемии была на первом месте [Moss et al. 2023].

Дополнительной проблемой стала необходимость адаптации существующих образовательных программ под каждого конкретного ученика с учетом

последствий перенесенной нейроинфекции COVID-19. Исследования показывают, что когнитивные и психические расстройства после болезни могут быть связаны с энцефалопатией [Filatov et al. 2020] и лобной дисфункцией [Liotta et al. 2020]. По данным исследования М. Abdelghani и соавторов, когнитивные нарушения у выживших пациентов с COVID-19 ассоциируются с различными факторами, такими как возраст и наличие сопутствующих заболеваний [Abdelghani et al. 2022]. Кроме того, М. R. Manera и коллеги выявили клинические особенности и когнитивные последствия у 152 пациентов, перенесших тяжелую форму заболевания, и их связь с изоляционными условиями [Manera et al. 2022]. Было показано, что временная изоляция пациента позволяет профилировать нарастание когнитивных расстройств.

Неврологические осложнения также были отмечены в ряде исследований. Л. Мао и соавторы описали частоту таких проявлений, как головная

боль, потеря обоняния и вкуса, у пациентов в Ухане [Mao et al. 2020]. Р. А. Sampaio Rocha-Filho и др. провели кросс-секционное исследование, подтвердив значимость неврологических симптомов (головная боль, потеря обоняния и потеря вкуса) у пациентов с COVID-19 [Sampaio Rocha-Filho et al. 2022]. S. Fan и соавторы провели ретроспективное исследование, подтвердив значимость неврологических симптомов у критически больных пациентов [Fan et al. 2020]. Долгосрочные когнитивные изменения через год после болезни наблюдались у госпитализированных пациентов, согласно работе R. Ferrucci и др. [Ferrucci et al. 2022]. Исследование М. Fotuhi и др. показало, что COVID-19 может вызывать долгосрочные неврологические последствия, включая когнитивные нарушения и энцефалопатию, что требует особого внимания при разработке реабилитационных программ [Fotuhi et al. 2020]. V. Nersesjan и коллеги описали дополнительные центральные и периферические неврологические осложнения COVID-19, основываясь на трехмесячном проспективном исследовании [Nersesjan et al. 2021]. L. Gattinoni и соавторы отметили, что COVID-19 не приводит к «типичному» острому респираторному дистресс-синдрому, что имеет важное значение для понимания патофизиологии заболевания и разработки новых подходов к лечению когнитивных расстройств [Gattinoni et al. 2020].

В нашей стране до сих пор существует ряд ключевых проблем, мешающих внедрению качественного дистанционного формата работы в образовательную деятельность: недостаточная разработанность методических, технических и организационных форм применения дистанционных образовательных технологий; низкая адаптация обучающихся к дистанционному формату обучения с применением цифровых технологий; недостаточное качество подготовки самих педагогов и психологов к деятельности в дистанционном режиме [Семкина и др. 2021]. Чтобы улучшить качество образовательной деятельности, необходимы особые психолого-педагогические условия, учитывающие не только вышеупомянутые проблемы, но и влияние пандемии на физическое и психическое состояние участников образовательного процесса [Alonzi et al. 2020; Boldrini et al. 2021; Colom 2011].

Целью обзорного исследования стал анализ результатов использования цифровых технологий при

проведении педагогических и психокоррекционных занятий, определение наиболее оптимальных условий для повышения эффективности оказания дистанционной психолого-педагогической помощи в условиях пандемии COVID-19 и разработка собственной платформы для проведения образовательных и психокоррекционных мероприятий.

Основными методами исследования послужили анализ медицинских и психологических источников, их систематизация и выявление наиболее эффективных условий для проведения дистанционных образовательных и психокоррекционных мероприятий в условиях пандемии COVID-19.

Результаты

Как показали недавние исследования, пандемия COVID-19 вызвала серьезные последствия для социальной жизни населения. Более 1,5 млрд обучающихся в образовательной системе на всех уровнях пострадали от воздействия COVID-19 в результате вынужденного закрытия учебных заведений. Наиболее серьезно пострадавшей страной от пандемии COVID-19 стала Бразилия, где более 4 млн учащихся были вынуждены бросить учебу в связи с полным закрытием школ, вузов и университетов на длительный срок¹ [Burki 2021; Casella et al. 2022]. Социальное дистанцирование привело к ухудшению межличностных отношений, что негативно отразилось на поведении детей и подростков [Fernández-Aranda et al. 2020; Ravens-Sieberer et al. 2022; Xie et al. 2020].

Изоляция и масочный режим усилили стресс и вызвали повышенную тревожность и депрессию [Agyapong et al. 2020; Amanat et al. 2021; Bianchetti et al. 2022; Biermann et al. 2021; Bo et al. 2021; Brog et al. 2022; Bureau et al. 2021; Cao et al. 2020; Carda et al. 2020; Chen et al. 2020; Crunfli et al. 2020; Helms et al. 2020; Liguori et al. 2020; Liyanage-Don et al. 2021; Ran et al. 2020; Rogers et al. 2020; Shiotsuki et al. 2022; Zhou et al. 2020]. Согласно метаанализу J. M. Cénat и соавторов, симптомы депрессии, тревожности, бессонницы, посттравматического стрессового расстройства (ПТСР) были широко распространены среди населения, пострадавшего от пандемии [Cénat et al. 2021]. Согласно исследованиям Е. Т. Kaseda и А. J. Levine, наличие ПТСР может быть важным диагнозом для оценки компенсаторных возможностей у пациентов с COVID-19 [Kaseda, Levine 2020].

¹ Saldana P., Cerca de 4 milhões abandonaram estudos na pandemia, diz pesquisa. *Folha de S. Paulo*, 22 Jan 2021. URL: <https://www1.folha.uol.com.br/educacao/2021/01/cerca-de-4-milhoes-abandonaram-estudos-na-pandemia-diz-pesquisa.shtml> (accessed 29 Nov 2024).

Когнитивные дефициты после перенесенного заболевания подтверждены работой A. Hampshire и соавторов, которые продемонстрировали снижение когнитивных функций у людей, выздоровевших от COVID-19 [Hampshire et al. 2021]. Систематический обзор S. Lopez-Leon и др. выявил более 50 долгосрочных эффектов заболевания, включая неврологические и психические нарушения [Lopez-Leon et al. 2021]. N. N. Nguyen и др. представили систематический обзор соматических симптомов у пациентов с постковидным синдромом и отметили необходимость дальнейшего изучения данной проблемы [Nguyen et al. 2022]. B. A. Wilson и коллеги изучили нейропсихологические последствия COVID-19 и подчеркнули необходимость комплексного подхода к реабилитации пациентов [Wilson et al. 2020]. B. Rabinovitz и др. рассмотрели нейропсихологические функции при острых респираторных заболеваниях, вызванных коронавирусом, акцентируя внимание на возможных когнитивных и соматических долгосрочных последствиях [Rabinovitz et al. 2020].

C. Moreno и др. предложили рекомендации, как должна меняться психиатрическая помощь в результате пандемии COVID-19, подчеркнув важность интеграции новых подходов в практику [Moreno et al. 2020]. S. Nochaiwong и соавторы провели метаанализ глобальной распространенности психических проблем среди населения во время пандемии, также отметив необходимость комплексного подхода к решению этих вопросов [Nochaiwong et al. 2021].

Спасением для образовательной системы стало дистанционное обучение с использованием цифровых технологий, которые позволяют проводить психокоррекционные занятия с помощью онлайн-платформ, мобильных приложений, телемедицинских технологий и других гаджетов. Такой формат обучения во время пандемии способен обезопасить здоровье не только педагогов и психологов, но и здоровье всех обучающихся разных возрастных категорий [Loveys et al. 2021; Moss et al. 2023].

Азиатско-Тихоокеанский регион, куда входят 46 стран, разработал свои онлайн-программы обучения, телерадиовещание, платформы социальных сетей Facebook² и YouTube, которые в дальнейшем стали использовать более 41 % стран всего мира [Koh et al. 2020; Shiotsuki et al. 2022]. По результатам

оценки применения этих технологий удалось сократить цифровое неравенство среди учащихся, преодолеть проблемы нарушений их физической активности и социального взаимодействия, повысить стабильность психического состояния [Wang et al. 2020].

Одним из относительно новых видов дистанционной помощи является применение телемедицинских технологий в формате видеоконференций. Они помогают преодолеть проблему необходимости личного участия обучающихся, что делает образовательные услуги более доступными для большого числа населения [Li 2023; Li et al. 2020; Ruiz-del-Solar et al. 2021].

При этом существенной проблемой до сих пор является отсутствие единой теоретической основы для подобных вмешательств. J. H. Wright и R. Caudill обсудили использование удаленного лечения в ответ на пандемию, подчеркнув важность адаптации психотерапевтических методов к новым условиям [Wright, Caudill 2020]. По мнению C. Rauschenberg и др., для повышения эффективности оказания психолого-педагогической помощи необходимо перепроектирование существующих цифровых технологий под общую концепцию [Rauschenberg et al. 2021]. R. F. Rodgers и соавторы исследовали влияние пандемии на риск развития расстройств пищевого поведения, отметив важность комплексной психолого-педагогической поддержки [Rodgers et al. 2020]. M. Orgilés и др. описали негативные психологические эффекты карантина из-за COVID-19 у молодежи в Италии и Испании, подчеркнув необходимость разработки специальных программ поддержки [Orgilés et al. 2020]. S. W. Patrick и соавторы провели национальное исследование благополучия родителей и детей во время пандемии, указав на важность семейной поддержки [Patrick et al. 2020]. По их мнению и мнению авторов данной статьи, объединяющей основой, позволяющей интегрировать специальные условия в психокоррекционный процесс, может стать когнитивно-поведенческая терапия (КПТ), которая положительно влияет на психическое состояние людей через изменение их негативных убеждений на более рациональные и адаптивные [Солодухин и др. 2022].

² Компания *Meta Platforms*, владеющая социальными сетями *Facebook* и *Instagram*, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook and Instagram, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.*

Эффективность КПТ в дистанционном формате была доказана рядом исследований [Cheng et al. 2021; Kopelovich et al. 2021; Murphy et al. 2020; Song et al. 2021]. В Швеции под руководством М. Jolstedt была внедрена цифровая КПТ под названием BiP Anxiety. Продолжительность занятий с целью проверки ее эффективности в амбулаторных клиниках составила 12 недель. В исследовании участвовало 19 детей 8–12 лет с различными тревожными расстройствами. Более половины детей (68 %) после применения цифровой КПТ были выписаны домой с улучшениями и не нуждались в дальнейшей психотерапии, а эффект от занятий сохранялся в течение трех месяцев. Все участвующие в таком формате лечения были довольны его содержанием. На основании результатов исследования было сделано предположение, что цифровая КБТ эффективна и безопасна в работе с детьми с тревожными расстройствами и живущими вдали от специализированных клиник [Jolstedt et al. 2018]. Аналогичные результаты у взрослых пациентов, доказывающие эффективность цифровой КПТ в плане снижения тревоги, чувства одиночества и стабилизации психического состояния, получены в Австралии, США и Новой Зеландии [Boucher et al. 2021; Ellis et al. 2020; Summers et al. 2021].

Для оценки качества оказания психологической поддержки обучающихся в странах с низким уровнем благосостояния была проведена оценка эффективности цифровой КПТ в Замбии. J. M. Ncheke с соавторами было проведено исследование цифровой КПТ с использованием программного обеспечения Moodgym с февраля по июль 2021 г. среди студентов с низкими доходами. Целью применения Moodgym стало повышение психологической устойчивости студентов к последствиям пандемии COVID-19. По мнению J. M. Ncheke и др., программа Moodgym экономична, не требует больших финансовых затрат и поэтому может найти широкое применение как цифровая онлайн-платформа для проведения КПТ-занятий [Ncheke et al. 2024]. По результатам метаанализа ее применение эффективно при снижении уровня депрессии и тревоги [Twomey et al. 2014]. После онлайн-опроса, проведенного среди 620 студентов, было отобрано 50 человек с различными вариациями плохого настроения из-за перехода на дистанционный формат обучения. Углубленное интервью для 50 студентов включало в себя информацию об опыте в преодолении негативных последствий пандемии COVID-19, положительных и отрицательных сторон программного обеспечения Moodgym. После

проведенного исследования выявлено, что программное обеспечение Moodgym оказалось полезным во многих отношениях, по мнению участников данного исследования. Согласно полученным результатам, цифровое КПТ помогло в социальном взаимодействии, доступности получения образования, повышении самооценки и улучшении психического благополучия [Ncheke et al. 2024].

В России во время пандемии COVID-19 дистанционное обучение осуществлялось с помощью зарубежных образовательных платформ Zoom, YouTube, вебинарных комнат, мессенджеров WhatsApp, Viber, Telegram и отечественной социальной сети ВКонтакте. По результатам опроса 120 студентов и педагогов, проведенного Е. Н. Семкиной с соавторами, оказалось, что применение цифровых технологий в образовательном процессе имеет не только технические проблемы, но и психологические сложности. Примерно половина опрошенных заявили о снижении качества образования, появлении тревоги и страхов из-за недостаточного социального взаимодействия или технических проблем с оборудованием [Семкина и др. 2021].

Результаты исследований, проведенных А. В. Серым и М. С. Яницким с соавторами в 2022–2023 гг., также указывают на ряд изменений в когнитивных репрезентациях Я-образа, образа мира, поведении, коммуникации и ведущих мотивациях у студентов высших учебных заведений в результате перехода на дистанционный формат обучения в условиях пандемии COVID-19 [Серый, Яницкий 2022]. Исследование когнитивных репрезентаций Я-образа методом репертуарных решеток Дж. Келли у 132 студентов г. Кемерово позволило выделить три группы респондентов по преобладающим мотивам деятельности: у первой группы ведущими являются учебная, деловая мотивация и сотрудничество; у второй преобладают мотивы познания, самореализации, коммуникации; третья группа характеризуется ведущими мотивами рекреации, аффилиации, самоутверждения [Там же: 130]. Результаты исследования указывают на необходимость персонифицированного подхода к обучающимся при дистанционном формате обучения в зависимости от преобладающего мотива деятельности.

Еще одно исследование М. С. Яницкого с соавторами, направленное на изучение хронотопических характеристик образа мира, на выборке в 92 человека показало, что в условиях пандемии COVID-19 происходит трансформация структуры образа мира человека. Уровень осмысленности жизни в ситуации

пандемии COVID-19 демонстрирует разнонаправленный характер динамики, который зависит от индивидуальных различий в механизмах совладания с данной кризисной ситуацией [Яницкий и др. 2021]. Полученные результаты указывают на существенные изменения психических процессов и личного отношения к учебной деятельности у студентов в зависимости от сформированного при переходе на дистанционный формат Я-образа и образа мира, что требует организации дифференцированного подхода при организации онлайн-обучения.

В дополнение к качественным личностным, психологическим и физиологическим изменениям, которые требуется учитывать при использовании дистанционного формата обучения, актуальными на настоящий момент проблемами для российской системы образования являются ограниченный доступ к зарубежным приложениям и недостатки отечественных онлайн-платформ при оказании психолого-педагогической помощи. К таким недостаткам можно отнести отсутствие системы настроек, позволяющей адаптировать задания под конкретного пользователя и учитывающей особенности когнитивной обработки информации, а также позволяющей проводить занятия как в автономном, так и совместном с психологом или педагогом режиме [Солодухин и др. 2020].

Результаты проведенного теоретического обзора медицинской и психологической литературы по теме исследования можно представить в виде анализа недостатков применяемых в условиях пандемии COVID-19 дистанционных платформ и возможных способов их устранения (табл.).

Разработка и апробация дистанционного мобильного приложения для тренировки и восстановления когнитивных функций

Необходимость в преодолении вышеуказанных проблем привела авторов к идее создания отечественного мобильного приложения, которое бы учитывало достоинства и недостатки уже созданных дистанционных цифровых платформ [Holmes et al. 2020; Karadaş et al. 2020]. На настоящий момент была зарегистрирована база данных программы для оказания психологической помощи лицам с легкими и умеренными когнитивными нарушениями «Айта», которая в дальнейшем может быть использована для оказания психолого-педагогической помощи лицам, перенесшим COVID-19 или иные нейроинфекционные заболевания [Солодухин и др. 2023]. База данных состоит из набора упражнений, способствующих восстановлению когнитивных функций у лиц, перенесших COVID-19, а также направленных на оказание персонифицированной психологической

Табл. Анализ недостатков дистанционных образовательных платформ, используемых в условиях пандемии COVID-19, и возможные способы их устранения

Tab. Distance learning platforms used during COVID-19 pandemic: disadvantages and prospective correction measures

Критерий	Недостатки применяемых дистанционных платформ в условиях пандемии COVID-19	Способы устранения недостатков дистанционных платформ и приложений
Цель дистанционного приложения или платформы	Не имеет конкретики	Четко обозначена и определяет специфику разработанного приложения или платформы (диагностическая, образовательная, психокоррекционная, консультативная и т. д.)
Скрининговая диагностика психического и физического состояния	Отсутствует	Присутствует и учитывает цель и задачи разработанной дистанционной платформы
Тип взаимодействия	Авторитарный, без учета особенностей обучающегося или клиента, его здоровья, психического и социального состояния	Личностно-ориентированный, который учитывает потребности и состояния всех участников образовательного или психокоррекционного процесса
Структура занятий	Основана на классическом подходе без учета индивидуальных потребностей	Занятия проводятся с учетом физического и психического состояния обучающихся после перенесенного заболевания
Единый концептуальный подход	Отсутствует	Обозначен и связан с целью, задачами и также определяет специфику проведения занятий

помощи при наличии сопутствующих психоэмоциональных нарушениях.

Мобильное приложение предназначено для диагностики, тренировки когнитивных процессов и коррекции когнитивных нарушений легкой и умеренной степени выраженности в условиях индивидуальной работы. Программа представляет собой приложение, включающее в себя разделы **Нейродинамика**, **Память** и **Внимание** и шесть подразделов с упражнениями трех уровней сложности:

- *Легкий уровень* – стимулы на экране представлены в едином формате; задания на нейродинамику и внимание содержат лишь один элемент для запоминания на экране.
- *Умеренный уровень* – стимулы на экране представлены в различном формате (перевернутый в различных проекциях стимульный материал в заданиях на внимание и память); задания на нейродинамику и внимание содержат 2 и более элемента для запоминания на экране.
- *Сложный уровень* – стимулы на экране представлены в различном формате (перевернутый в различных проекциях стимульный материал в заданиях на внимание, память и нейродинамику); замена изображений словами в некоторых упражнениях; задания на нейродинамику и внимание содержат 2 и более элемента для запоминания на экране.

Раздел **Нейродинамика** представлен только одним одноименным упражнением.

Раздел **Память** включает подразделы *Пространственная память*, *Пиктограммы*, *Запоминание объектов*.

Раздел **Внимание** включает подразделы *Таблицы Шульте*, *Селекция информации*, *Поиск дублированных слов* (рис.).

Проведенное авторами в 2024 г. исследование, в котором 54 пользователя зрелого возраста на протяжении недели пользовались приложением, показало положительный эффект от занятий в разделе **Нейродинамика** и подразделах *Запоминание объектов* и *Таблицы Шульте* (разделы **Память** и **Внимание**). Дополнительно была выявлена чувствительность раздела **Нейродинамика** к выявлению легких когнитивных нарушений, что особенно актуально для раннего начала профилактических мероприятий после перенесенного заболевания COVID-19 [Солодухин и др. 2024].

Ограничения исследования: малый объем выборки, отсутствие дополнительных тестов для оценки динамики восстановления когнитивных процессов, малые сроки проведения эксперимента. Для их преодоления планируется: проведение аналогичного по дизайну исследования, но с применением валидных и надежных тестов для оценки когнитивных показателей, расширение статистического инструментария, увеличение времени занятий и количества испытуемых. Учитывая, что COVID-19 – не единственное заболевание, предполагающее использование дистанционного формата обучения, в перспективе планируется экспериментальная проверка эффективности приложения «Айта» на лицах, перенесших острые респираторные вирусные инфекции (грипп, аденовирусная и риновирусная инфекции) и другие нейроинфекционные болезни, влияющие на состояние когнитивных функций.

Рис. Приложение по дистанционной тренировке и восстановлению когнитивных функций «Айта»
Fig. Aita Application for distance training and rehabilitation of cognitive functions

Заключение

По результатам проведенного теоретического обзора наиболее оптимальными условиями для проведения дистанционных педагогических и психокоррекционных мероприятий с помощью цифровых технологий в условиях пандемии COVID-19 являются:

1. Использование программ и онлайн-платформ, разработанных для конкретных образовательных целей. Несмотря на обилие в настоящее время цифровых технологий для дистанционного общения, наибольшую эффективность в разных странах показали программы и устройства, созданные под конкретные образовательные и психотерапевтические цели и задачи.
2. Учитывая негативное воздействие дистанционного формата работы на психическое и эмоциональное состояние всех участников образовательного или психотерапевтического процесса, необходимо дополнительно проводить мониторинг психического состояния в виде онлайн-опросов и анкетирования. Подобные мероприятия позволяют снизить риски возникновения дезадаптации.
3. Для повышения эффективности психокоррекционной и образовательной работы следует проводить дистанционные занятия в рамках единой концепции. На настоящий момент научную доказательную базу имеет цифровой формат КППТ, который позволяет комбинировать образовательный процесс с оказанием высококвалифицированной психотерапевтической помощи независимо от социального статуса, уровня образования и материального положения человека, получающего данные услуги.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: А. В. Солодухин – концептуализация, проведение теоретического анализа отечественных и зарубежных исследований, руководство, написание статьи. Д. А. Сидоркин – проведение теоретического анализа зарубежных исследований, редактирование статьи.

Contribution: A. V. Solodukhin developed the research concept, reviewed domestic and foreign publications, supervised the research, and drafted the manuscript. D. A. Sidorckin reviewed foreign publications and proofread the manuscript.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 25-25-20076 «Разработка подхода к восстановлению когнитивных функций после перенесенных нейроинфекционных заболеваний с применением дистанционного обучения с помощью мобильных устройств», <https://rscf.ru/project/25-25-20076/> и гранта Кемеровской области – Кузбасса.

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 25-25-20076: Development of an approach to the restoration of cognitive functions after neuroinfectious diseases using distance learning with the help of mobile devices, <https://rscf.ru/en/project/25-25-20076/> and by Kemerovo region (Kuzbass).

Литература / References

- Семкина Е. Н., Кононова С. В., Булах К. В., Балык А. С., Петков В. А. Дистанционные образовательные технологии в обучении студентов в условиях пандемии COVID-19: проблемы и пути их эффективной реализации. *Вестник Адыгейского государственного университета. Серия: Педагогика и психология*. 2021. № 4. С. 97–107. [Semkina E. N., Kononova S. V., Bulakh K. V., Balyk A. S., Petkov V. A. Distance education technologies in teaching students during the COVID-19 pandemic: Challenges and ways to implement them effectively. *Bulletin of Adyghe State University. Ser.: Pedagogy and Psychology*, 2021, (4): 97–107. (In Russ.)] <https://doi.org/10.53598/2410-3004-2021-4-288-97-107>
- Серый А. В., Яницкий М. С. Когнитивные репрезентации образа-я студентов – пользователей Интернета в условиях противопандемических ограничений. *Самореализация личности в эпоху цифровизации: глобальные вызовы и возможности*: Междунар. науч.-практ. конф. (Москва, 29–30 марта 2022 г.) М.: РУДН, 2022. С. 129–133. [Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Cognitive representations of the self-image in students of internet users during the restrictions of the pandemic. *Self-realization of personality in the era of digitalization: Global*

- challenges and opportunities: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf., Moscow, 29–30 Mar 2022. Moscow: PFUR, 2022, 129–133. (In Russ.)*] <https://elibrary.ru/xpgibm>
- Солодухин А. В., Жихарев А. Ю., Балахнина Е. Ю., Серый А. В., Яницкий М. С. База данных программы для оказания психологической помощи лицам с легкими и умеренными когнитивными нарушениями «Айта». Свидетельство о регистрации БД RU 2023623286, 29.09.2023. Заявка № 2023622536 от 31.07.2023. [Solodukhin A. V., Zhikharev A. Yu., Balakhnina E. Yu., Seryy A. V. Yanitskiy M. S. Database of Aita software for psychological assistance to people with mild and moderate cognitive impairments. Certificate of registration of the database RU 2023623286, 29 Sep 2023. Application No. 2023622536, 31 Jul 2023. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ejvqhn>
- Солодухин А. В., Серый А. В., Варич Л. А., Брюханов Я. И., Жихарев А. Ю. Применение техник когнитивно-поведенческой психотерапии для восстановления когнитивной сферы у лиц, перенесших коронавирусную инфекцию (COVID-19): возможности и перспективы. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 420–429. [Solodukhin A. V., Seryy A. V., Varich L. A., Bryukhanov Ya. I., Zhikharev A. Yu. Cognitive Behavioral Psychotherapy after COVID-19: Opportunities and Prospects. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 420–429. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-420-429>
- Солодухин А. В., Серый А. В., Яницкий М. С., Саблинский А. И., Сидоркин Д. А., Варич Л. А. Дистанционная нейропсихологическая коррекция легких и умеренных когнитивных нарушений Aita. Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2024685964, 02.11.2024. Заявка № 2024683692 от 11.10.2024. [Solodukhin A. V., Seryy A. V., Yanitskiy M. S., Sablinsky A. I., Sidorkin D. A., Varich L. A. Aita software for distance neuropsychological correction of mild and moderate cognitive impairments. Certificate of state registration of software No. 2024685964, 2 Nov 2024. Application No. 2024683692, 11 Oct 2024. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzxm1l>
- Солодухин А. В., Яницкий М. С., Серый А. В. К проблеме выбора коррекционных компьютерных программ для восстановления когнитивных функций у пациентов кардиологического профиля. *Российский психологический журнал*. 2020. Т. 17. № 1. С. 5–14. [Solodukhin A. V., Yanitskiy M. S., Seryy A. V. Towards a choice of correctional computer programs for cognitive rehabilitation in cardiac patients. *Russian Psychological Journal*, 2020, 17(1): 5–14. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21702/rpj.2020.1.1>
- Яницкий М. С., Серый А. В., Браун О. А., Балабашук Р. О. Хронотопические характеристики образа мира в ситуации пандемии COVID-19. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2021. Т. 23. № 2. С. 466–476. [Yanitskiy M. S., Seryy A. V., Braun O. A., Balabashchuk R. O. Chronotopic characteristics of the image of the world during the COVID-19 pandemic. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2021, 23(2): 466–476. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2021-23-2-466-476>
- Abdelghani M., Atwa S. A., Said A., Zayed N. E., Abdelmoaty A. A., Hassan M. S. Cognitive after-effects and associated correlates among post-illness COVID-19 survivors: A cross-sectional study, Egypt. *The Egyptian Journal of Neurology, Psychiatry and Neurosurgery*, 2022, 58(1): 1–8. <https://doi.org/10.1186/s41983-022-00505-6>
- Agyapong V. I. O., Hrabok M., Vuong W., Shalaby R., Noble J. M., Gusnowski A., Mrklas K. J., Li D., Urichuk L., Snaterse M., Surood S., Cao B., Li X.-M., Greiner R., Greenshaw A. J. Changes in stress, anxiety, and Depression levels of subscribers to a daily supportive text message program (Text4Hope) during the COVID-19 Pandemic: Cross-sectional survey study. *JMIR Mental Health*, 2020, 7(12). <https://doi.org/10.2196/22423>
- Alonzi S., La Torre A., Silverstein M. W. The psychological impact of preexisting mental and physical health conditions during the COVID-19 pandemic. *Psychological trauma: Theory, Research, Practice, and Policy*, 2020, 12(S1): S236–S238. <https://doi.org/10.1037/tra0000840>
- Amanat M., Rezaei N., Roozbeh M., Shojaei M., Tafakhori A., Zoghi A., Darazam I. A., Salehi M., Karimialavijeh E., Lima B. S., Garakani A., Vaccaro A., Ramezani M. Neurological manifestations as the predictors of severity and mortality in hospitalized individuals with COVID-19: A multicenter prospective clinical study. *BMC neurology*, 2021, 21(1). <https://doi.org/10.1186/s12883-021-02152-5>
- Bianchetti A., Rozzini R., Bianchetti L., Coccia F., Guerini F., Trabucchi M. Dementia clinical care in relation to COVID-19. *Current Treatment Options in Neurology*, 2022, 24(1): 1–15. <https://doi.org/10.1007/s11940-022-00706-7>
- Biermann M., Vonderlin R., Mier D., Witthöft M., Bailer J. Predictors of psychological distress and coronavirus fears in the first recovery phase of the coronavirus disease 2019 pandemic in Germany. *Frontiers in Psychology*, 2021. 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.678860>

- Bo H. X., Li W., Yang Y., Wang Y., Zhang Q., Cheung T., Wu X., Xiang Y.-T. Posttraumatic stress symptoms and attitude toward crisis mental health services among clinically stable patients with COVID-19 in China. *Psychological Medicine*, 2021, 51(6): 1052–1053. <https://doi.org/10.1017/S0033291720000999>
- Boldrini M., Canoll P. D., Klein R. S. How COVID-19 affects the brain. *JAMA Psychiatry*, 2021, 78(6): 682–683. <https://doi.org/10.1001/jamapsychiatry.2021.0500>
- Boucher E. M., McNaughton E. C., Harake N., Stafford J. L., Parks A. C. The impact of a digital intervention (Happify) on loneliness during COVID-19: Qualitative focus group. *JMIR Mental Health*, 2021, 8(2). <https://doi.org/10.2196/26617>
- Brog N. A., Hegy J. K., Berger T., Znoj H. Effects of an internet-based self-help intervention for psychological distress due to COVID-19: Results of a randomized controlled trial. *Internet Interventions*, 2022, 27. <https://doi.org/10.1016/j.invent.2021.100492>
- Budke A., Sanchez-Kirsch N., Quintero-Rivas E. Long-term didactic innovations in higher education teaching caused by the coronavirus pandemic? *Frontiers in Education*, 2023, 8. <https://doi.org/10.3389/educ.2023.1204818>
- Bureau R., Bemmouna D., Faria C. G. F., Goethals A.-A. C., Douhet F., Mengin A. C., Fritsch A., Zinetti Bertschy A., Frey I., Weiner L. My health too: Investigating the feasibility and the acceptability of an internet-based cognitive-behavioral therapy program developed for healthcare workers. *Frontiers in Psychology*, 2021, 12. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2021.760678>
- Burki T. No end in sight for the Brazilian COVID-19 crisis. *The Lancet Microbe*, 2021, 2(5). [https://doi.org/10.1016/S2666-5247\(21\)00095-1](https://doi.org/10.1016/S2666-5247(21)00095-1)
- Cao W., Fang Z., Hou G., Han M., Xu X., Dong J., Zheng J. The psychological impact of the COVID-19 epidemic on college students in China. *Psychiatry Research*, 2020, 287. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.112934>
- Casella C. B., Zuccolo P. F., Sugaya L., Santana de Souza A., Otoch L., Alarcão F., Gurgel W., Fatori D., Polanczyk G. V. Brief internet-delivered cognitive-behavioural intervention for children and adolescents with symptoms of anxiety and depression during the COVID-19 pandemic: A randomised controlled trial protocol. *Trials*, 2022, 23(1). <https://doi.org/10.1186/s13063-022-06836-2>
- Carda S., Invernizzi M., Bavikatte G., Bensmail D., Bianchi F., Deltombe T., Draulans N., Esquenazi A., Francisco G. E., Gross R., Jacinto L. J., Moraleta Pérez S., O'Dell M. W., Reebye R., Verduzco-Gutierrez M., Wissel J., Molteni F. The role of physical and rehabilitation medicine in the COVID-19 pandemic: The clinician's view. *Annals of Physical and Rehabilitation Medicine*, 2020, 63(6): 554–556. <https://doi.org/10.1016/j.rehab.2020.04.001>
- Cénat J. M., Blais-Rochette C., Kokou-Kpolou C. K., Noorishad P.-G., Mukunzi J. N., McIntee S.-E., Dalexis R. D., Goulet M.-A., Labelle R. P. Prevalence of symptoms of depression, anxiety, insomnia, posttraumatic stress disorder, and psychological distress among populations affected by the COVID-19 pandemic: A systematic review and meta-analysis. *Psychiatry Research*, 2021, 295. <https://doi.org/10.1016/j.psychres.2020.113599>
- Chen F., Zheng D., Liu J., Gong Y., Guan Z., Lou D. Depression and anxiety among adolescents during COVID-19: A cross-sectional study. *Brain, Behavior, and Immunity*, 2020, 88: 36–38. <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2020.05.061>
- Cheng P., Casement M. D., Kalmbach D. A., Castelan A. C., Drake C. L. Digital cognitive behavioral therapy for insomnia promotes later health resilience during the coronavirus disease 19 (COVID-19) pandemic. *Sleep*, 2021, 44(4). <https://doi.org/10.1093/sleep/zsaa258>
- Colom F. Keeping therapies simple: Psychoeducation in the prevention of relapse in affective disorders. *British Journal of Psychiatry*, 2011, 198(5): 338–340. <https://doi.org/10.1192/bjp.bp.110.090209>
- Crunfli F., Carregari C. V., Veras F. P., Vendramini P. H., Valença A. G. F., Antunes A. S. L. M. et al. SARS-CoV-2 infects brain astrocytes of COVID-19 patients and impairs neuronal viability. *MedRxiv*, 2020. <https://doi.org/10.1101/2020.10.09.20207464>
- Ellis L. A., Lee M. D., Ijaz K., Smith J., Braithwaite J., Yin K. COVID-19 as 'game changer' for the physical activity and mental well-being of augmented reality game players during the pandemic: Mixed methods Survey Study. *Journal of Medical Internet Research*, 2020, 22(12). <https://doi.org/10.2196/25117>
- Fan S., Xiao M., Han F., Xia P., Bai X., Chen H., Zhang H., Ding X., Zhao H., Zhao J. et al. Neurological manifestations in critically ill patients with COVID-19: A retrospective study. *Frontiers in Neurology*, 2020, 11: 806. <https://doi.org/10.3389/fneur.2020.00806>

- Fernández-Aranda F., Casas M., Claes L., Bryan D. C., Favaro A., Granero R., Gudiol C., Jiménez-Murcia S., Karwautz A., Le Grange D., Menchón J. M., Tchanturia K., Treasure J. COVID-19 and implications for eating disorders. *European Eating Disorders Review*, 2020, 28(3). <https://doi.org/10.1002/erv.2738>
- Ferrucci R., Dini M., Rosci C., Capozza A., Groppo E., Reitano M. R., Allocco E., Poletti B., Brugnera A., Bai F. et al. One-year cognitive follow-up of COVID-19 hospitalized patients. *European Journal of Neurology*, 2022, 29(7): 2006–2014. <https://doi.org/10.1111/ene.15324>
- Filatov A., Sharma P., Hindi F., Espinosa P. S. Neurological complications of coronavirus disease (COVID-19): Encephalopathy. *Cureus*, 2020, 12(3). <https://doi.org/10.7759/cureus.7352>
- Fotuhi M., Mian A., Meysami S., Raji C. A. Neurobiology of COVID-19. *Journal of Alzheimer's Disease*, 2020, 76(1): 3–19. <https://doi.org/10.3233/JAD-200581>
- Gattinoni L., Coppola S., Cressoni M., Busana M., Rossi S., Chiumello D. COVID-19 does not lead to a "typical" acute respiratory distress syndrome. *American Journal of Respiratory and Critical Care Medicine*, 2020, 201(10): 1299–1300. <https://doi.org/10.1164/rccm.202003-0817LE>
- Jolstedt M., Ljótsson B., Fredlander S., Tedgård T., Hallberg A., Ekeljung A., Högstöm J., Mataix-Cols D., Serlachius E., Vigerland S. Implementation of internet-delivered CBT for children with anxiety disorders in a rural area: A feasibility trial. *Internet interventions*, 2018, 12: 121–129. <https://doi.org/10.1016/j.invent.2017.11.003>
- Hampshire A., Trender W., Chamberlain S. R., Jolly A. E., Grant J. E., Patrick F., Mazibuko N., Williams S. C. R., Barnby J. M., Hellyer P., Mehta M. A. Cognitive deficits in people who have recovered from COVID-19. *eClinicalMedicine*, 2021, 39. <https://doi.org/10.1016/j.eclinm.2021.101044>
- Helms J., Kremer S., Merdji H., Clere-Jehl R., Schenck M., Kummerlen C., Collange O., Boulay C., Fafi-Kremer S., Ohana M., Anheim M., Meziani F. Neurologic features in severe SARS-CoV-2 infection. *New England Journal of Medicine*, 2020, 382(23): 2268–2270. <https://doi.org/10.1056/NEJMc2008597>
- Holmes E. A., O'Connor R. C., Perry V. H., Tracey I., Wessely S., Arseneault L., Ballard C., Christensen H., Cohen Silver R., Everall I. et al. Multidisciplinary research priorities for the COVID-19 pandemic: A call for action for mental health science. *The Lancet Psychiatry*, 2020, 7(6): 547–560. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30168-1](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30168-1)
- Karadaş Ö., Öztürk B., Sonkaya A. R. A prospective clinical study of detailed neurological manifestations in patients with COVID-19. *Neurological Sciences*, 2020, 41(8): 1991–1995. <https://doi.org/10.1007/s10072-020-04547-7>
- Kaseda E. T., Levine A. J. Post-traumatic stress disorder: A differential diagnostic consideration for COVID-19 survivors. *Clinical Neuropsychologist*, 2020, 34(7-8): 1498–1514. <https://doi.org/10.1080/13854046.2020.1811894>
- Koh J. S., De Silva D. A., Quek A. M. L., Chiew H. J., Tu T. M., Seet C. Y. H., Hoe R. H. M., Saini M., Hui A. C.-F., Angon J. et al. Neurology of COVID-19 in Singapore. *Journal of the Neurological Sciences*, 2020, 418. <https://doi.org/10.1016/j.jns.2020.117118>
- Kopelovich S. L., Turkington D. Remote CBT for psychosis during the COVID-19 pandemic: Challenges and opportunities. *Community Mental Health Journal*, 2021, 57(1): 30–34. <https://doi.org/10.1007/s10597-020-00718-0>
- Li J. Digital technologies for mental health improvements in the COVID-19 pandemic: A scoping review. *BMC Public Health*, 2023, 23. <https://doi.org/10.1186/s12889-023-15302-w>
- Li L., Liu G., Xu W., Zhang Y., He M. Effects of internet hospital consultations on psychological burdens and disease knowledge during the early outbreak of COVID-19 in China: Cross-sectional survey study. *Journal of Medical Internet Research*, 2020, 22(8). <https://doi.org/10.2196/19551>
- Liguori C., Pierantozzi M., Spanetta M., Sarmati L., Cesta N., Iannetta M., Ora J., Mina G. G., Puxeddu E., Balbi O., Pezzuto G., Magrini A., Rogliani P., Andreoni M., Mercuri N. B. Subjective neurological symptoms frequently occur in patients with SARS-CoV2 infection. *Brain, Behavior, and Immunity*, 2020, 88: 11–16. <https://doi.org/10.1016/j.bbi.2020.05.037>
- Liotta E. M., Batra A., Clark J. R., Shlobin N. A., Hoffman S. C., Orban Z. S., Koralnik I. J. Frequent neurologic manifestations and encephalopathy-associated morbidity in Covid-19 patients. *Annals of Clinical and Translational Neurology*, 2020, 7(11): 2221–2230. <https://doi.org/10.1002/acn3.51210>
- Liyanage-Don N. A., Cornelius T., Sanchez J. E., Trainor A., Moise N., Wainberg M., Kronish I. M. Psychological distress, persistent physical symptoms, and perceived recovery after COVID-19 illness. *Journal of General Internal Medicine*, 2021, 36(8): 2525–2527. <https://doi.org/10.1007/s11606-021-06855-w>

- Lopez-Leon S., Wegman-Ostrosky T., Perelman C., Sepulveda R., Rebolledo P., Cuapio A., Villapol S. More than 50 long-term effects of COVID-19: A systematic review and meta-analysis. *Scientific reports*, 2021, 11(1). <https://doi.org/10.21203/rs.3.rs-266574/v1>
- Loveys K., Sagar M., Pickering I., Broadbent E. A digital human for delivering a remote loneliness and stress intervention to at-risk younger and older adults during the COVID-19 pandemic: Randomized pilot trial. *JMIR Mental Health*, 2021, 8(11). <https://doi.org/10.2196/31586>
- Manera M. R., Fiabane E., Pain D., Aiello E. N., Radici A., Ottonello M., Padovani M., Wilson B. A., Fish J., Pistarini C. Clinical features and cognitive sequelae in COVID-19: A retrospective study on N = 152 patients. *Neurological Sciences*, 2022, 43(1): 45–50. <https://doi.org/10.1007/s10072-021-05744-8>
- Mao L., Wang M., Chen S., He Q., Chang J., Hong C., Zhou Y., Wang D., Li Y., Jin H., Hu B. Neurological manifestations of hospitalized patients with COVID-19 in Wuhan, China: a retrospective case series study. *MedRxiv*, 2020. <https://doi.org/10.1101/2020.02.22.20026500>
- Moreno C., Wykes T., Galderisi S., Nordentoft M., Crossley N., Jones N., Cannon M., Correll C., Byrne L., Carr S. et al. How mental health care should change as a consequence of the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, 7(9): 813–824. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30307-2](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30307-2)
- Moss S. J., Mizen S. J., Stelfox M., Mather R. B., FitzGerald E. A., Tutelman P., Racine N., Birnie K. A., Fiest K. M., Stelfox H. T., Parsons L. J. Interventions to improve well-being among children and youth aged 6–17 years during the COVID-19 pandemic: A systematic review. *BMC Medicine*, 2023, 21. <https://doi.org/10.1186/s12916-023-02828-4>
- Murphy R., Calugi S., Cooper Z., Dalle Grave R. Challenges and opportunities for enhanced cognitive behaviour therapy (CBT-E) in light of COVID-19. *Cognitive Behaviour Therapist*, 2020, 13. <https://doi.org/10.1017/S1754470X20000161>
- Nersesjan V., Amiri M., Lebech A.-M., Roed C., Mens H., Russell L., Fonsmark L., Berntsen M., Sigurdsson S. T., Carlsen J. et al. Central and peripheral nervous system complications of COVID-19: A prospective tertiary center cohort with 3-month follow-up. *Journal of Neurology*, 2021, 268(9): 3086–3104. <https://doi.org/10.1007/s00415-020-10380-x>
- Nguyen N. N., Hoang V. T., Dao T. L., Dudouet P., Eldin C., Gautret P. Clinical patterns of somatic symptoms in patients suffering from post-acute long COVID: A systematic review. *European Journal of Clinical Microbiology & Infectious Diseases*, 2022, 41(4): 515–545. <https://doi.org/10.1007/s10096-022-04417-4>
- Nochaiwong S., Ruengorn C., Thavorn K., Hutton B., Awiphan R., Phosuya C., Ruanta Y., Wongpakaran N., Wongpakaran T. Global prevalence of mental health issues among the general population during the coronavirus disease-2019 pandemic: A systematic review and meta-analysis. *Scientific Reports*, 2021, 11(1). <https://doi.org/10.1038/s41598-021-89700-8>
- Ncheke J. M., Menon J. A., Davies E. B., Ravi P., Mwaba S. O. C., Mudenda J., Wharrad H., Tak H., Glazebrook C. Implementing internet-based cognitive behavioural therapy (moodgym) for African students with symptoms of low mood during the COVID-19 pandemic: A qualitative feasibility study. *BMC Psychiatry*, 2024, 24. <https://doi.org/10.1186/s12888-024-05542-4>
- Orgilés M., Morales A., Delvecchio E., Mazzeschi C., Espada J. P. Immediate psychological effects of the COVID-19 quarantine in youth from Italy and Spain. *Frontiers in Psychology*, 2020, 11. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2020.579038>
- Patrick S. W., Henkhaus L. E., Zickafoose J. S., Lovell K., Halvorson A., Loch S., Letterie M., Davis M. M. Well-being of parents and children during the COVID-19 pandemic: A national survey. *Pediatrics*, 2020, 146(4). <https://doi.org/10.1542/peds.2020-016824>
- Rabinovitz B., Jaywant A., Fridman C. B. Neuropsychological functioning in severe acute respiratory disorders caused by the coronavirus: Implications for the current COVID-19 pandemic. *The Clinical Neuropsychologist*, 2020, 34(7-8): 1453–1479. <https://doi.org/10.1080/13854046.2020.1803408>
- Ran L., Wang W., Ai M., Kong Y., Chen J., Kuang L. Psychological resilience, depression, anxiety, and somatization symptoms in response to COVID-19: A study of the general population in China at the peak of its epidemic. *Social Science & Medicine*, 2020, 262. <https://doi.org/10.1016/j.socscimed.2020.113261>
- Rauschenberg C., Schick A., Hirjak D., Seidler A., Paetzold I., Apfelbacher C., Riedel-Heller S. G., Reininghaus U. Evidence synthesis of digital interventions to mitigate the negative impact of the COVID-19 pandemic on public mental health: Rapid meta-review. *Journal of Medical Internet Research*, 2021, 23(3). <https://doi.org/10.2196/23365>

- Ravens-Sieberer U., Kaman A., Erhart M., Devine J., Schlack R., Otto C. Impact of the COVID-19 pandemic on quality of life and mental health in children and adolescents in Germany. *European Child & Adolescent Psychiatry*, 2022, 31(6): 879–889. <https://doi.org/10.1007/s00787-021-01726-5>
- Rodgers R. F., Lombardo C., Cerolini S., Franko D. L., Omori M., Fuller-Tyszkiewicz M., Linardon J., Courtet P., Guillaume S. The impact of the COVID-19 pandemic on eating disorder risk and symptoms. *International Journal of Eating Disorders*, 2020, 53(7): 1166–1170. <https://doi.org/10.1002/eat.23318>
- Rogers J. P., Chesney E., Oliver D., Pollak T. A., McGuire P., Fusar-Poli P., Zandi M. S., Lewis G., David A. S. Psychiatric and neuropsychiatric presentations associated with severe coronavirus infections: A systematic review and meta-analysis with comparison to the COVID-19 pandemic. *The Lancet Psychiatry*, 2020, 7(7): 611–627. [https://doi.org/10.1016/S2215-0366\(20\)30203-0](https://doi.org/10.1016/S2215-0366(20)30203-0)
- Ruiz-del-Solar J., Salazar M., Vargas-Araya V., Campodonico U., Marticorena N., Pais G., Salas R., Alfessi P., Rojas V. C., Urrutia J. Mental and emotional health care for COVID-19 patients: Employing pudu, a telepresence robot. *IEEE Robotics & Automation Magazine*, 2021, 28(1): 82–89. <https://doi.org/10.1109/MRA.2020.3044906>
- Sampaio Rocha-Filho P. A., Albuquerque P. M., Carvalho L. C. L. S., Dandara Pereira Gama M., Magalhães J. E. Headache, anosmia, ageusia and other neurological symptoms in COVID-19: A cross-sectional study. *Journal of headache and pain*, 2022, 23(1). <https://doi.org/10.1186/s10194-021-01367-8>
- Schwab C., Frenzel A. C., Daumiller M., Dresel M., Dickhäuser O., Janke S., Marx A. K. G. “I’m tired of black boxes!”: A systematic comparison of faculty well-being and need satisfaction before and during the COVID-19 crisis. *PLoS One*, 2022, 17(10). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0272738>
- Shiotsuki K., Sugaya N., Nakao M. Descriptive review of internet-based cognitive behavior therapy on anxiety-related problems in children under the circumstances of COVID-19. *BioPsychoSocial Medicine*, 2022, 16(1). <https://doi.org/10.1186/s13030-021-00233-y>
- Song J., Jiang R., Chen N., Qu W., Liu D., Zhang M., Fan H., Zhao Y., Tan S. Self-help cognitive behavioral therapy application for COVID-19-related mental health problems: A longitudinal trial. *Asian journal of psychiatry*, 2021, 60. <https://doi.org/10.1016/j.ajp.2021.102656>
- Summers C., Wu P., Taylor A. J. G. Supporting mental health during the COVID-19 pandemic using a digital behavior change intervention: An open-label, single-arm, pre-post intervention study. *JMIR Formative Research*, 2021, 5(10). <https://doi.org/10.2196/31273>
- Twomey C., O'Reilly G., Byrne M., Burry M., White A., Kissane S. A., McMahon A., Clancy N. A randomized controlled trial of the computerized CBT programme, MoodGYM, for public mental health service users waiting for intervention. *British Journal of Clinical Psychology*, 2014, 53(4): 433–450. <https://doi.org/10.1111/bjc.12055>
- Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C. S., Ho R. C. Immediate psychological responses and associated factors during the initial stage of the 2019 coronavirus disease (COVID-19) epidemic among the general population in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020, 17(5). <https://doi.org/10.3390/ijerph17051729>
- Wilson B. A., Betteridge S., Fish J. Neuropsychological consequences of Covid-19. *Neuropsychological Rehabilitation*, 2020, 30(9): 1625–1628. <https://doi.org/10.1080/09602011.2020.1808483>
- Wright J. H., Caudill R. Remote treatment delivery in response to the COVID-19 pandemic. *Psychotherapy and Psychosomatics*, 2020, 89(3): 130–132. <https://doi.org/10.1159/000507376>
- Xie X., Xue Q., Zhou Y., Zhu K., Liu Q., Zhang J., Song R. Mental health status among children in home confinement during the coronavirus disease 2019 outbreak in Hubei Province, China. *JAMA Pediatrics*, 2020, 174(9): 898–900. <https://doi.org/10.1001/jamapediatrics.2020.1619>
- Zhou F., Yu T., Du R., Fan G., Liu Y., Liu Z., Xiang J., Wang Y., Song B., Gu X., Guan L. et al. Clinical course and risk factors for mortality of adult inpatients with COVID-19 in Wuhan, China: A retrospective cohort study. *The Lancet*, 2020, 395(10229): 1054–1062. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(20\)30566-3](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(20)30566-3)

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/vvfcfr>

Социально-психологическая структура правовых отношений

Безносков Дмитрий Сергеевич

Санкт-Петербургский государственный институт психологии и социальной работы, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 8045-7207

Scopus Author ID: 55953947800

don_bizon@inbox.ru

Аннотация: Актуальность исследования обусловлена необходимостью построения государства на правовых принципах, осознаваемых и принимаемых членами общества. Цель – определить социально-психологическую структуру правовых отношений. Проведен сравнительный анализ понимания правовых отношений в западной и отечественной юридической и социальной психологии. В западной психологии отсутствует понятие *правовые отношения*. В исследованиях доминирует подход с точки зрения межрасовых отношений. В отечественной психологии правовые отношения изучены недостаточно. Новизна исследования заключается в установлении основных социально-психологических структурных компонентов правовых отношений и введении нового научного понятия *правовой социальный капитал* как показателя сплоченности членов общества в отношении установленного законодательства. Проведено эмпирическое исследование мнений 467 респондентов. Обнаружено, что индекс консолидации правового социального капитала респондентов равняется 0,805 (максимальное значение – +1,0). Определена социально-психологическая структура правовых отношений: доверие к людям и правоохранительным органам, отношение к целям и ценностям, асертивное поведение, соблюдение правовых норм и отношение к праву – стремление к соблюдению прав других людей на основе принципов справедливости и равенства. На основе регрессионного анализа установлены социально-психологические предикторы отношения к праву: уровень развития правового сознания (правовой реализм), асертивность поведения, энергичное участие сотрудников правоохранительных органов в обеспечении прав граждан, соблюдение принципов межличностной справедливости. Негативное влияние на отношение к праву оказывает правовой цинизм.

Ключевые слова: социально-психологическая структура, правовые отношения, предикторы отношения к праву, правовое сознание, правовой реализм, правовой цинизм, асертивность, справедливость, энергичность

Цитирование: Безносков Д. С. Социально-психологическая структура правовых отношений. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 216–227. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-216-227>

Поступила в редакцию 05.11.2024. Принята после рецензирования 04.02.2025. Принята в печать 10.02.2025.

full article

Socio-Psychological Structure of Legal Relations

Dmitrii S. Beznosov

St. Petersburg State Institute of Psychology and Social Work, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 8045-7207

Scopus Author ID: 55953947800

don_bizon@inbox.ru

Abstract: A state governed by the rule of law relies on legal principles recognized and accepted by its society. To determine the socio-psychological structure of legal relations, the author compared the concept of legal relations in Western and Russian legal and social psychology. While Western publications contain no such concept whatsoever and focus mostly on interracial relations, Russian authors barely touch upon legal relations. The article introduces the main socio-psychological structure of legal relations and the term of legal social capital as an indicator of the support of state legislation by society. In the empirical part of the study, a survey of 467 respondents yielded a legal social

capital of 0.805 (max 1.0). The socio-psychological structure of legal relations includes trust in people and law enforcement agencies, attitude to goals and values, assertive behavior, compliance with legal norms, and attitude to law as readiness to comply with the rights of others based on the principles of justice and equality. A regression analysis revealed the following socio-psychological predictors of attitude to law: legal consciousness (legal realism), assertive behavior, protection of human rights by law enforcement officers, and compliance with the principles of interpersonal justice. Legal cynicism proved to have a negative impact on attitude to law.

Keywords: socio-psychological structure, legal relations, predictors of attitude to law, legal consciousness, legal realism, legal rhenium, assertiveness, justice, readiness

Citation: Beznosov D. S. Socio-Psychological Structure of Legal Relations. *SibScript*, 2025, 27(2): 216–227. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-216-227>

Received 5 Nov 2024. Accepted after peer review 4 Feb 2025. Accepted for publication 10 Feb 2025.

Введение

Исследование правовых отношений представляет собой новое научное направление, объединяющее достижения различных наук: социальной и юридической психологии, психологических проблем сознания, социологии и философии права, правоведения. Актуальной проблемой является разработка социальной психологии права как комплексной науки, изучающей правовые отношения, правовое сознание и правовую культуру. Особое внимание уделяется правовому поведению. Отсутствие у членов общества, особенно у молодежи, полноценных правовых знаний, устойчивого позитивного отношения к праву и развитого правового сознания (правовой реализм), доверия к работе правоохранительных органов приводит к деформации правовых отношений, нарушению правовых норм, отрицанию основных социальных целей и ценностей. Эти проблемы заставляют психологов обратиться к изучению состояния и уровня сформированности правовых отношений в обществе. В целях разрешения этих проблем необходимо выделить основные социально-психологические компоненты структуры правовых отношений и определить предикторы их формирования.

Правовые отношения складываются на международном, социетальном, организационном и личностном уровнях. В настоящее время важно проанализировать правовые отношения на международном уровне, сравнить основные проблемы, которые стоят в центре внимания зарубежных и отечественных авторов. На социетальном уровне правовые отношения рассматриваются как вид общественных отношений. Правовые отношения регулируются нормами права, установленными законодательством страны. Организационный уровень правовых отношений связан с соблюдением законодательства и уставов

организаций. Личностный уровень определяется уровнем развития правового сознания и правовой культуры, правомерным или девиантным поведением. Многоуровневый подход позволяет всестороннее рассматривать различные аспекты правовых отношений и разрабатывать социально-психологические способы их формирования, оптимизации и профилактики правонарушений.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью построения государства на основе ответственных правовых отношений. Правовые общественные отношения должны отвечать требованиям современного законодательства, и их изучение становится центральной проблемой правоведения и социальной психологии. Актуальность исследования определяется также тем, что зрелые правовые отношения предохраняют общество от социальной аномии, проявляющейся в высоком уровне коррупции, преступности, нигилизма и экстремизма.

Цель – определить социально-психологическую структуру правовых отношений. Задачи:

- сравнить актуальные проблемы правовых отношений в западной и российской социальной и юридической психологии;
- определить социально-психологические компоненты ответственных правовых отношений;
- установить основные социально-психологические предикторы отношения к праву.

Проблемы правовых отношений в западной юридической и социальной психологии

В современной западной психологии понятие *правовые отношения* отсутствует. Правовое сознание изучается с точки зрения когнитивной психологии [Del Mar, Stern 2023; Hage 2021; Wszalek 2021; Yakubets 2022].

Проблемы правовых отношений рассматриваются в ракурсе межгрупповых отношений. Ученые сконцентрированы на вопросах расизма, религиозной нетерпимости, отношения к иммигрантам. Особое внимание уделяется изучению коррупции [Hauser et al. 2020], правового цинизма [Ameri et al. 2019; Gifford, Reising 2019], толерантности и интолерантности в процессе осуществления правосудия [Verkuysen et al. 2023].

Расовое неравенство в правовой системе США. R. M. Gonzales и V. C. Plaut отмечают, что существуют неоспоримые доказательства расового неравенства в уголовно-правовой системе США, и ставят под сомнение справедливость работы этой системы. Они проанализировали факты недостаточного внимания к расовым проблемам в юридической психологии в двух центральных журналах «Право и поведение человека» и «Психология, государственная политика и право». Авторы установили существование расового неравенства в системе правосудия [Gonzales, Plaut 2024]. Согласно данным NAACP, за 2021 г. процент афроамериканцев составлял 13,4 % населения США. При этом процент осужденных афроамериканцев за правонарушения составлял 22 %, что больше, чем процент осужденных белых; смертные приговоры афроамериканцы получали на 35 % больше [Jeffers 2022]. Расовое и гендерное неравенство распространяется и на избрание прокуроров, так, 95 % избранных прокуроров являются мужчинами. Подобное неравенство наблюдается и в пенитенциарной системе: количество заключенных женщин-афроамериканок превышает количество осужденных белых женщин. Расовое неравенство укоренилось на всех этапах работы уголовно-правовой системы. После выхода из тюремного заключения освобожденные сталкиваются с проблемами получения стабильной работы и жилья, доступа к системе социальной защиты или осуществления права голоса на выборах [Gonzales, Plaut 2024]. R. Balko¹, C. J. Najdowski и M. C. Stevenson обозначают этот феномен как *системный расизм*, что означает расовую иерархию, независимо от аттитудов и намерений людей [Najdowski, Stevenson 2022]. Системный расизм представляет собой институт, помогающий сохранять расовый порядок, поскольку правовая система исторически развивалась в целях поддержания такого порядка. Юридическая психология, по мнению M. M. Garay и J. D. Remedios, должна обращать

первостепенное внимание анализу проблем системного расизма [Garay, Remedios 2021].

Уайт-центрический подход в западной психологии. N. T. Buchanan и соавторы подчеркивают, что психологические исследования не учитывали расу, поскольку в центре их внимания находилась психология белых людей как стандарт поведения и нормативный показатель психологических тестов [Buchanan et al. 2021]. Например, многие психологические тесты создавались и валидизировались на основе измерения психологических показателей белых людей, а сейчас используются для подтверждения расовых различий [Torrez et al. 2023]. В большинстве исследований в области юридической и социальной психологии существует практика уайт-центринга, поэтому авторы недостаточно осведомлены о влиянии расы на восприятие, мышление и поведение. M. M. Garay и J. D. Remedios считают, что уайт-центризм сделал психологию белых людей нормой, стандартом, с которым необходимо сравнивать психологию других народов, что затрудняет понимание расы и расовых правовых отношений. Подобная ситуация отражается на том, что легитимность ученых, принадлежащих к другой расе, ставится под сомнение, а их научная деятельность обесценивается [Garay, Remedios 2021]. Расовые предрассудки, по мнению L. Smalarz и соавторов, являются серьезной проблемой в правовой сфере, поскольку приходится тратить много времени и сил на их преодоление [Smalarz et al. 2023].

В настоящее время наблюдается социальный протест против полицейского насилия. Протесты афроамериканцев против убийства Джорджа Флойда в 2020 г. усилили предубеждения белых американцев и их дискриминационное поведение в отношении афроамериканцев. Авторы сделали вывод, что протесты послужили дальнейшему обострению межрасовых отношений в правоохранительных органах США [Reny, Newman 2021].

C. J. Najdowski и M. C. Stevenson считают, что одной из основных проблем работы психологов является устранение системного расизма в уголовно-правовых системах США, использование культурно-ориентированных и компетентных методов работы с осужденными [Najdowski, Stevenson 2022].

Американские психологи отмечают, что социальная и юридическая психология нуждаются

¹ Balko R. There's overwhelming evidence that the criminal-justice system is racist. Here's the proof. *The Washington Post*, 10 Jun 2020. URL: <https://www.washingtonpost.com/graphics/2020/opinions/systemic-racism-police-evidence-criminal-justice-system/> (accessed 15 Oct 2024).

в новой теоретической модели, не ограничиваясь изучением только стереотипов и предубеждений. Расовая основа правовой системы США, защита прав человека требуют иного социально-психологического подхода. В западной юридической и социальной психологии анализируются деформированные правовые отношения, спровоцированные расовыми, гендерными, религиозными предрассудками и дискриминацией.

Понятие *правовые отношения* в отечественной социальной и юридической психологии

Понятие *отношение* – это основная категория психологии, изучающей различные виды отношений – от межрасовых до межличностных. В юридической психологии понятие *правовые отношения* появилось сравнительно недавно [Полищук 2005: 121] и разработано недостаточно, публикуется мало работ по данной тематике. Юридические психологи сосредоточили свое внимание на проблемах правового сознания и правовой культуры. Правовые отношения представляют собой вид общественных отношений, регулируемых нормами права. Люди, вступившие в правовые отношения, обладают определенными юридическими правами и должны выполнять соответствующие обязанности. Для социальной психологии права основной проблемой являются правовые отношения, их структура, виды и функции.

Основу правовых отношений составляют правовые нормы, которые регулируют поведение людей. Правовые нормы опираются на принципы справедливости и равноправия, необходимые для оптимизации правовых отношений, недопущения случаев дискриминации или сегрегации. Принципы справедливости и равноправия необходимо учитывать при принятии правовых решений. Ученые выделяют три вида справедливости: 1) справедливость распределения общественного богатства; 2) справедливость вознаграждения за проделанную работу; 3) справедливость наказания за совершенное правонарушение (карательная справедливость). Правовая норма возникает как результат договоренностей людей о понимании справедливости, а затем согласовывается Законодательным собранием и оформляется в виде закона.

Признание нормы социального равенства также оказывает влияние на формирование правовых отношений. Правовые нормы усваиваются людьми в процессе социализации. Нарушение принципов справедливости и равенства приводит к серьезным

социально-психологическим последствиям – снижается доверие людей к правоохранительным органам, к процедуре осуществления правосудия, к окружающим людям, правовые отношения деформируются, понижается уверенность людей в будущем, в способности государства защищать права и свободы граждан.

В. М. Поздняков считает, что правовые отношения необходимо изучать с позиций разных наук, и предлагает создать новую междисциплинарную науку – психологическую юриспруденцию. По его мнению, юристы и психологи не ведут постоянного диалога между собой, юристы редко используют достижения психологической науки, поэтому необходимо разработать интегративную методологию, более активно включать в подготовку юристов психологические знания, чтобы в своей практической работе они их активно использовали [Поздняков 2017].

В юридической науке активно обсуждаются различные определения понятия *правовые отношения*. В. Н. Дмитрук отмечает, что субъектами правоотношений являются люди, обладающие определенными правами и обязанностями. Правовые отношения – это юридическая форма общественного отношения, возникающая на основе правовых норм и определенных жизненных обстоятельств связи конкретных субъектов права, обладающих взаимными правами и обязанностями, гарантированными государством [Дмитрук 2002].

Н. И. Полищук подчеркивает, что люди, работающие в организациях, вступают в правовые отношения, а государственные органы юридически оформляют такие отношения [Полищук 2005: 121]. С. А. Комаров анализирует соотношение понятий *субъективное право* (как право субъектов на собственные действия) и *правовая обязанность* (как объективные правовые требования определенного правового поведения). В случае нарушения нормальной реализации субъективного права человек от других участников правовых отношений может требовать в принудительном порядке исполнения своих обязанностей [Комаров 2019]. Правовые отношения отличаются от межличностных отношений. В межличностных отношениях возможно только добровольное выполнение своих обязанностей, а принуждение невозможно.

В социальной психологии *правовые отношения* рассматриваются как зрелые, стабильные отношения, основанные на нормах права, принципах справедливости и равенства, как совокупность официальных и неофициальных прав и обязанностей членов общества. Правовые отношения формируются между

конкретными людьми, между всеми членами общества и государственными институтами, органами власти, правоохранительными органами.

Мы определяем *правовые отношения* как законодательно оформленные отношения, обеспечивающие равенство всех членов общества перед законом, справедливость принятия правовых решений, гарантирующие права каждого гражданина и выполнение ими своих правовых обязанностей.

Исследование правовых отношений предполагает использование системного подхода. Основными проблемами исследования являются:

- уровень правового сознания личности и уровень общественного правового сознания;
- история формирования правовых отношений в российском обществе;
- кросс-культурные особенности правового сознания и правовых отношений в нашем обществе, поскольку в России проживают и вступают в правовые отношения представители различных национальностей;
- детальный анализ правовых отношений в системе правосудия;
- определение уровня развития правового социального капитала как основного показателя зрелости сложившихся правовых отношений;
- исследование деформации правового сознания и правовых отношений и способов противодействия;
- изучение проблем экстремизма и терроризма как форм дестабилизации правовых отношений в обществе.

Нами была разработана теоретическая модель социально-психологических компонентов правовых отношений. Модель исследования включает следующие основные социально-психологические компоненты правовых отношений:

1. Правовое сознание, основанное на правовом реализме и правовой культуре.
2. Доверие к правовой системе, государственным и правоохранительным органам, людей друг к другу.
3. Оценка доверия к правоохранительным органам, их репутация и престиж.
4. Правовое поведение, выражающееся в ответственности и асертивности как способности и умении защищать свои права и интересы при соблюдении прав и интересов других людей.
5. Правовые нормы, основанные на нормах морали и нравственности.
6. Правовые принципы справедливости и равноправия.

Нами были проанализированы социально-психологические особенности отношения личности к праву [Безносов 2013], социально-психологические предпосылки определения понятия *правовые отношения* [Безносов 2024с], различия в понимании справедливости в современной российской и западной психологии [Безносов 2024а], социально-психологические особенности правовых отношений в процессе осуществления правосудия [Безносов 2023b] и т.д.

Мы предлагаем ввести новое научное понятие – *правовой социальный капитал* как совокупность правовых отношений, которые отражаются в правовом сознании членов общества и выражаются в уровне их доверия к правовой системе, признании существующего правопорядка, приверженности моральным и правовым нормам общества, правомерном поведении.

Правовой социальный капитал (ПСК) – это сплоченность членов общества в отношении правовой системы, согласованное позитивное отношение к праву, что является следствием формирования ответственных правовых отношений. Правовой социальный капитал выражается в зрелом правовом сознании, доверии к органам власти, соблюдении правовых норм, правомерном и асертивном поведении. Высокий уровень формирования правового социального капитала свидетельствует о консолидации членов общества и принятии существующей правовой системы [Безносов 2024b].

Девиантное поведение, коррупция, распространение ложных слухов и фейков, экстремистские взгляды, призывы и проведение террористических актов, дискриминация и геноцид являются негативным следствием сформированности низкого уровня ПСК. Низкий уровень ПСК характеризуется отрицательным отношением к праву (правовой нигилизм и цинизм), недоверием к правоохранительным органам и власти в целом, отрицанием необходимости соблюдения правовых норм и противоправным поведением.

Основная задача состояла в определении основных социально-психологических компонентов, определяющих структуру правовых отношений. Предмет исследования – социально-психологические компоненты правовых отношений и виды правового сознания членов современного российского общества. Объект – правовые отношения.

На основе анализа научной литературы мы определили основные компоненты правовых отношений:

- правовое сознание (правовой реализм – правовой нигилизм);
- доверие людей к правоохранительным органам; престиж права;
- правовое поведение – асертивность как способность и умение защищать свои права и выполнять свои обязательства, уважая права других людей;
- правовые нормы;
- правовые принципы справедливости и равноправия.

Были сформулированы следующие исследовательские вопросы:

1. Являются ли перечисленные феномены основными социально-психологическими компонентами правовых отношений: зрелое правовое сознание (правовой реализм), доверие к правоохранительной системе, приверженность принципам справедливости?

2. Какие социально-психологические феномены являются предикторами успешных, ответственных правовых отношений?

Основная гипотеза: ответственные, успешные правовые отношения формируются на основе гармоничного сочетания следующих социально-психологических компонентов: доверие людей друг к другу, власти и правовой системе; правовое асертивное поведение; отношение к правовым нормам, отношение к целям и ценностям общества, ответственное отношение к праву. Позитивным следствием высокого уровня развития правовых отношений является ПСК.

Методы и материалы

Методологической основой исследования социальной психологии правовых отношений послужили теория деятельности и теория отношений, разработанные в отечественной психологии. Основу анализа социально-психологической структуры правовых отношений составили методологические положения отечественной психологии:

- 1) отношение как результат взаимодействия личности с окружающей средой [Лазурский 2019];
- 2) формирование сознания в процессе деятельности; осознание субъектом окружающего мира и тех отношений, в которые он вступает [Рубинштейн 2012: 243];
- 3) единство отражения человеком действительности и его отношение к ней [Мясищев 2001: 57];
- 4) общественная детерминация индивидуального сознания; жизнь человека в обществе опосредует все его отношения [Ананьев 1977: 149–151].

В целях изучения основных социально-психологических компонентов правовых отношений и оценки

уровня развития правового социального капитала мы разработали специальный опросник и провели эмпирическое исследование.

Методы исследования:

- 1) теоретический анализ западной и отечественной литературы по проблемам правовых отношений;
- 2) эмпирические методы исследования:
 - опросник «Оценка правовых отношений»;
 - опросник «Оценка доверия к правоохранительным органам»;
 - опросник «Виды отношения к праву» [Безносов 2023a];
 - шкала «Доверие к людям» [Почебут и др. 2014];
 - опросник «Вера в справедливость» [Нартова-Бочавер, Астанина 2014].

Опросники «Оценка правовых отношений» и «Оценка доверия к правоохранительным органам» были разработаны автором согласно процедуре, предложенной Р. Лайкертом. Опросник «Оценка правовых отношений» состоит из 5 шкал: доверие; отношение к общественным целям и ценностям; отношение к правовым нормам; асертивность; отношение к праву. Шкалы диагностируют субъективную оценку знаний законодательства, стремление к соблюдению прав других людей, выполнения своих обязательств, представление о взаимосвязи права и морали.

В опроснике «Оценка доверия к правоохранительным органам» было также выделено 5 шкал: открытость информации (насколько полно сотрудники доносят необходимую информацию до общественности); взаимоотношения руководителей и сотрудников; искренность в отношениях; внедрение инноваций; энергичность сотрудников правоохранительных органов в отстаивании прав и интересов граждан.

Для оценки суждений о правовых отношениях привлекались респонденты, принадлежащие к различным социальным группам, получающие специальное юридическое образование и не имеющие специального юридического образования. Выборка исследования: разработав Яндекс-опросник и опросник «Анкетолог», мы опросили 480 человек. Для анализа, учитывая шкалу социальной желательности, отобрали 467 респондентов. В Москве и Санкт-Петербурге проживал 171 респондент (36,62 %), в других городах и регионах России – 296 человек (63,38 %). Среди опрошенных было 125 мужчин, 342 женщины. Высшее образование имели 243 опрошенных; незаконченное высшее и среднее образование – 224 респондента. Профессию юриста имели 7 % опрошенных. Средний возраст респондентов равнялся 41,79.

Результаты

Исследование основных социально-психологических компонентов правовых отношений

Гипотеза: социально-психологическими компонентами ответственных, психологически зрелых правовых отношений в обществе являются доверие к правоохранительной системе, соблюдение правовых норм, асертивность поведения, ответственное отношение к целям и ценностям общества, отношение к праву – знание и понимание законодательства.

Валидация шкал «Оценка правовых отношений» проводилась с использованием программы IBM SPSS Statistics 21. Для определения различий между показателями использовался критерий Манна-Уитни. В таблице 1 представлены различия в оценке правовых отношений в зависимости от места проживания респондентов.

Частная гипотеза: различные экономические и политические возможности, а также условия жизнедеятельности обуславливают различную оценку правовых отношений респондентов из мегаполисов (Москва и Санкт-Петербург) и респондентов из других регионов Российской Федерации.

Респонденты из мегаполисов и из других регионов России в целом в одинаковой степени оценивают компоненты правовых отношений (табл. 1). Однако респонденты из других регионов России более позитивно и ответственно относятся к общественным целям и ценностям, что свидетельствует об их более

выраженной поддержке проводимой правовой политики. Было обнаружено, что респонденты из Москвы и Санкт-Петербурга практически не отличаются в своих оценках доверия к правоохранительным органам от респондентов из других регионов России. Правоохранительные органы, по мнению респондентов, в целом заслуживают доверия. Частная гипотеза подтвердилась только частично.

В таблице 2 представлены взаимосвязи между компонентами правовых отношений и видами отношения к праву, измеряемыми по шкалам *правовой реализм* и *правовой нигилизм*. К опроснику «Оценка правовых отношений» относятся следующие шкалы: доверие к правоохранительной системе; отношение к целям и ценностям; правовые нормы; асертивность поведения; отношение к праву, к опроснику «Виды отношения к праву» – правовой реализм и правовой нигилизм.

Частная гипотеза: правовое сознание, проявляющееся в определенных видах отношения к праву, взаимосвязано с правовыми отношениями: позитивное отношение к праву (правовой реализм) положительно связано с компонентами правовых отношений, негативное отношение к праву (правовой нигилизм) связано отрицательно.

Установлено, что все шкалы опросника «Оценка правовых отношений» коррелируют друг с другом на 0,01 % уровне. Шкалы оценки правовых отношений высоко положительно коррелируют с правовым

Табл. 1. Различия в показателях по месту проживания по опроснику «Оценка правовых отношений», n = 467

Tab. 1. Questionnaire of Assessment of Legal Relations: regional differences, n = 467

Показатели правовых отношений	Место проживания	Средний ранг	Z	Асимптотическая значимость двухсторонняя
Доверие к правоохранительной системе	Москва, Санкт-Петербург	224,50	-1,168	0,243
	Другие регионы	239,49		
Отношение к целям и ценностям	Москва, Санкт-Петербург	208,39	-3,168	0,002*
	Другие регионы	248,79		
Отношение к правовым нормам	Москва, Санкт-Петербург	232,38	-0,201	0,841
	Другие регионы	234,94		
Асертивность	Москва, Санкт-Петербург	238,07	-0,505	0,614
	Другие регионы	231,65		
Отношение к праву	Москва, Санкт-Петербург	238,83	-0,596	0,551
	Другие регионы	231,21		

Прим.: * – $p < 0,05$.

реализмом (0,01 % уровень) и отрицательно – с правовым нигилизмом. Люди, проявляющие такой вид правового сознания, как правовой нигилизм, не доверяют правовой системе ($r = -0,431$), отрицают правовые нормы ($r = -0,318$), не способны к ассертивному поведению, в котором требуется не просто умение защищать свои права и интересы, но и умение учитывать

и уважать права других людей ($r = -0,198$), не способны грамотно построить правовые отношения с людьми ($r = -0,190$). Тесные положительные взаимосвязи между шкалами опросника свидетельствуют о том, что правовые отношения представляют собой комплекс параметров правового сознания, правового поведения, ориентации на правовые нормы. На рисунке показаны

Табл. 2. Корреляционные взаимосвязи между показателями опросника «Оценка правовых отношений» и шкалами правовой реализм и правовой нигилизм, коэффициенты ранговой корреляции по Спирмену, $n = 467$ ($p < 0,01$)

Tab. 2. Questionnaire of Assessment of Legal Relations vs. legal realism vs. legal nihilism, Spearman's correlation coefficients, $n = 467$ ($p < 0.01$)

Шкалы	Доверие к правоохранительной системе	Отношение к целям и ценностям	Правовые нормы	Ассертивность	Отношение к праву	Правовой реализм	Правовой нигилизм
Доверие к правоохранительной системе	X	0,671	0,594	0,521	0,424	0,444	-0,431
Отношение к целям и ценностям	-	X	0,581	0,461	0,322	0,458	-0,385
Правовые нормы	-	-	X	0,552	0,555	0,578	-0,318
Ассертивность	-	-	-	X	0,619	0,480	-0,198
Отношение к праву	-	-	-	-	X	0,525	-0,190
Правовой реализм	-	-	-	-	-	X	-0,299
Правовой нигилизм	-	-	-	-	-	-	X

Рис. Корреляционная плеяда показателей опросников «Оценка правовых отношений» и «Виды отношения к праву»

Fig. Questionnaires Assessment of Legal Relations vs. Types of Attitude to Law

корреляционные взаимосвязи между компонентами правовых отношений и видами отношения к праву.

Также респонденты оценивали применение принципа справедливости. Оценивалась вера в то, что по отношению непосредственно к ним принцип справедливости будет применяться, и вера в то, что принцип справедливости применяется по отношению ко всем членам общества, что связано с принципом равенства. Респонденты из больших городов верят в справедливость для себя в большей мере, чем в справедливость для всех. Значимость критерия Манна-Уитни равнялась 0,001.

Оказалось, что люди, демонстрирующие негативное отношение к праву (правовой нигилизм), проявляют недоверие к правоохранительным органам ($r = 0,415$; $p < 0,01$) и к людям в целом ($r = 0,270$; $p < 0,01$). Респонденты, высказывающие позитивное отношение к праву, например правовой идеализм, доверяют правоохранительной системе ($r = 0,360$; $p < 0,01$), верят в справедливость мира для всех ($r = 0,262$; $p < 0,01$) даже в большей степени, чем в справедливость для себя ($r = 0,262$; $p < 0,01$). Однако, оказалось, что люди, проявляющие правовой реализм, не полностью доверяют другим людям ($r = -0,116$; $p = 0,001$), но доверяют правоохранительным органам ($r = 0,253$; $p < 0,01$).

Исследование правового социального капитала

Гипотеза: правовой социальный капитал свидетельствует о приверженности членов общества к соблюдению законодательства, их сплоченности в оценке правовой системы и работы сотрудников правоохранительных органов. Нами был предложен индекс консолидации (сплоченности) правового социального капитала (КПСК), который рассчитывается по формуле:

$$\text{КПСК} = \frac{\sum d + c + n + a + p}{100 \times K},$$

где, $\sum d + c + n + a + p$ – сумма реальных баллов по всей группе респондентов, полученных по показателям доверия (d), приверженности целям и ценностям общества (c), соблюдения норм (n), асертивности (a) и отношения к праву (p); K – количество опрошенных; 100 – сумма наивысших оценок по всем вопросам методики.

Математический анализ, проведенный в программе SPSS 25, показал, что в настоящее время значение индекса КПСК равняется 0,805 (максимальное

значение – +1,0). Это означает, что респонденты высоко оценивают и поддерживают правовую систему нашего общества, осмысленно ее оценивают, соблюдают законодательство, оценивают законы как справедливые, необходимые для реализации целей развития общества и сохранения его традиционных ценностей.

Исследование социально-психологических предикторов отношения к праву

Гипотеза: социально-психологическими условиями формирования ответственного отношения к праву являются: позитивное правовое сознание членов общества (правовой реализм), асертивное поведение, межличностная справедливость в отношениях и энергичность руководителей и сотрудников правоохранительных органов в защите прав граждан. Негативное влияние на отношение к праву оказывает правовой цинизм.

Предикторы отношения к праву оценивались с помощью регрессионного анализа, который выявляет влияние одной независимой переменной (предиктора) на зависимую переменную (критерий) [Наследов 2013: 221–245]. В качестве зависимой переменной нами была выбрана шкала *отношение к праву* из опросника «Оценка правовых отношений», которая измеряет субъективную оценку респондентом знаний законодательства, стремление к уважению прав других людей, опору на правовые и моральные нормы при принятии правовых решений. В таблице 3 представлена

Табл. 3. Регрессионная модель: зависимая переменная – отношение к праву (по шкале опросника «Оценка правовых отношений»), n = 467

Tab. 3. Regression model: dependent variable in attitude to law (questionnaire of Assessment of Legal Relations), n = 467

Предикторы	R ²	β	p
Асертивность	0,535	0,486	< 0,001
Правовой реализм		0,331	< 0,001
Правовой цинизм		–0,217	< 0,001
Правовой идеализм		–0,206	0,001
Энергичность		0,108	0,027
Межличностная справедливость	–	0,102	0,032

Прим.: R² – коэффициент детерминации; β – стандартизованный коэффициент регрессии.

регрессионная модель отношения к праву (пошаговый метод) и показаны результаты регрессионного анализа. Шкала *энергичность* относится к опроснику «Оценка доверия к правоохранительным органам», шкала *межличностная справедливость* – к опроснику «Вера в справедливый мир».

Регрессионная модель *отношение к праву* ($R^2 = 0,546$; скорректированный $R^2 = 0,535$; $F = 52,684$; $p < 0,001$) включает следующие предикторы: асертивность, правовой реализм, правовой цинизм, правовой идеализм, энергичность сотрудников правоохранительных органов, межличностная справедливость.

Результаты регрессионного анализа показали, что условием формирования ответственного отношения к праву являются: асертивность поведения (способность и умение строить правовые отношения при соблюдении прав и интересов партнеров), позитивное правовое сознание (правовой реализм), энергичность участников правовых отношений, следование принципу межличностной справедливости. Негативное воздействие на правовые отношения оказывает правовой цинизм и правовой идеализм. Гипотеза исследования подтвердилась.

Заключение

Исследование проблемы правовых отношений в современном российском обществе является актуальным и востребованным направлением. Случаи коррупции, мошенничества, проведение террористических актов на территории Российской Федерации дестабилизируют правовые отношения.

Главная идея статьи заключается в изучении социально-психологической структуры правовых отношений и предикторов их формирования. Новизна отражается в определении основных структурных социально-психологических компонентов правовых отношений: доверие к правоохранительной системе, асертивное поведение, ответственное отношение к праву, приверженность целям и ценностям общества и соблюдение правовых норм.

Разработанный комплекс социально-психологических опросников позволил изучить сложный феномен правовых отношений. Гипотеза исследования подтверждена.

Предложено новое научное понятие *правовой социальный капитал*, свидетельствующее о принятии, согласии и сплоченности людей вокруг правовой государственной системы. Индекс консолидации

правового социального капитала равняется 0,805, что говорит о высокой оценке и приверженности респондентов правовой системе нашей страны. Индекс КПСК общества позволяет определить уровень и структурные характеристики социального капитала и выразить их единым значением. Индекс КПСК может показать существующие ресурсы в развитии общества или, напротив, определить возникшие проблемы. Отрицательное влияние на отношение к праву оказывает правовой цинизм как показатель негативного правового сознания.

Доказано, что предикторами ответственного отношения к праву являются: способность к асертивному поведению, высокий уровень развития правового сознания (правовой реализм), доверие к людям и правоохранительной системе в целом, соблюдение правовых норм и принципов межличностной справедливости. Изучение социально-психологических предикторов отношения к праву выявило важные показатели, оказывающие влияние на формирование ответственных правовых отношений. Направление дальнейших исследований предполагает целесообразным проведение регрессионного анализа и по другим компонентам правовых отношений. Такое комплексное исследование даст возможность оценить социально-психологические факторы состояния правовых отношений в нашем обществе.

Практическая значимость проведенного исследования заключается в необходимости постоянной и целенаправленной работы по повышению уровня юридических знаний и в том, что можно провести сравнение оценок респондентов по различным социально-демографическим показателям. Для оптимизации системы правовых отношений необходимо развитие правового реализма как позитивного правового сознания, определение и утверждение целей общественного развития, формирование приверженности традиционным ценностям, обучение правилам асертивности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 381 с. [Ananiev B. G. *Issues of modern human knowledge*. Moscow: Nauka, 1977, 381. (In Russ.)]
- Безносков Д. С. Методика «Отношение к праву». *Методы и методология социально-психологических исследований*, ред. Л. Г. Почебут, С. Д. Гуриева, В. А. Чикер. СПб.: Питер, 2023а. С. 517–524. [Beznosov D. S. Method of Attitude to Law. *Methods and methodology of socio-psychological research*, eds. Pochebut L. G., Gurieva S. D., Chiker V. A. St. Petersburg: Piter, 2023a, 517–524. (In Russ.)]
- Безносков Д. С. Понимание справедливости в современной западной психологии. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2024а. Т. 9. № 1. С. 83–99. [Beznosov D. S. Understanding justice in modern western psychology. *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2024a, 9(1): 83–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fopykl>
- Безносков Д. С. Правовой социальный капитал в современном обществе. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2024b. № 4. С. 53–61. [Beznosov D. S. Legal social capital in modern society. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2024b, (4): 53–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/spp.2024.4.7>
- Безносков Д. С. Социально-психологические особенности правовых отношений в процессе осуществления правосудия. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2023b. Т. 8. № 3. С. 165–182. [Beznosov D. S. Socio-psychological features of legal relations in the process of of justice. *Institute of psychology Russian Academy of Sciences. Social and economic psychology*, 2023b, 8, (3): 165–182. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ufvcwx>
- Безносков Д. С. Социально-психологические предпосылки определения понятия *правовые отношения*. *СибСкрипт*. 2024с. Т. 26. № 2. С. 223–234. [Beznosov D. S. Theoretical approaches to the concept of legal relations. *SibScript*, 2024с, 26(2): 223–234. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2024-26-2-223-234>
- Безносков Д. С. Социально-психологический анализ отношения личности к праву. *Психологический журнал*. 2013. Т. 34. № 4. С. 36–46. [Beznosov D. S. Socio-psychological analysis of person's attitude to law. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2013, 34(4): 36–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qzhzhoh>
- Дмитрук В. Н. Теория государства и права. Иркутск: Новое знание, 2002. 182 с. [Dmitruk V. N. *Theory of state and law*. Irkutsk: Novoe znanie, 2002, 182. (In Russ.)]
- Комаров С. А. Общая теория государства и права. 9-е изд., испр. и доп. М.: Юрайт, 2019. 506 с. [Komarov S. A. *General theory of state and law*. 9th ed. Moscow: Iurait, 2019, 506. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvrekб>
- Лазурский А. Ф. Классификация личностей. М.: Юрайт, 2019. 274 с. [Lazurskiy A. F. *Classification of personalities*. Moscow: Iurait, 2019, 274. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nyarrl>
- Мясищев В. Н. Сознание как единство отражения действительности и отношения к ней человека. *Психология сознания*, сост. и ред. Л. В. Куликов. СПб.: Питер, 2001, С. 56–63. [Myasishchev V. N. Consciousness as a unity of reflection of reality and people's attitude to it. *Psychology of consciousness*, comp. and ed. Kulikov L. V. St. Petersburg: Piter, 2001, 56–63. (In Russ.)]
- Нартова-Бочавер С. К., Астанина Н. Б. Психологические проблемы справедливости в зарубежной персонологии: теории и эмпирические исследования. *Психологический журнал*. 2014. Т. 35. № 1. С. 16–32. [Nartova-Bochaver S. K., Astanina N. B. Theories and empirical research on justice in the foreign personality psychology. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2014, 35(1): 16–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxreyt>
- Наследов А. Д. IBM SPSS 20 Statistics и AMOS: Профессиональный статистический анализ данных. СПб.: Питер, 2013. 416 с. [Nasledov A. D. *IBM SPSS 20 Statistics i AMOS: Professional statistical data analysis*. St. Petersburg: Piter, 2013, 416. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tbmlgf>
- Поздняков В. М. Психологическая юриспруденция как междисциплинарная наука и область психопрактики. *Психология и право*. 2017. Т. 7. № 1. С. 206–219. [Pozdnyakov V. M. Psychological jurisprudence as an interdisciplinary science and the area of psychological practice. *Psychology and Law*, 2017, 7(1): 206–219. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/psylaw.2017070117>
- Полищук Н. И. Эволюция идеи права и правовые отношения: вопросы теории и практики. СПб.: Юрид. ин-т, 2005. 269 с. [Polishchuk N. I. *Evolution of the idea of law and legal relations: Issues of theory and practice*. St. Petersburg: Legal Institute, 2005, 269. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxfgnl>

- Почебут Л. Г., Свенцицкий А. Л., Марарица Л. В., Казанцева Т. В., Кузнецова И. В. Социальный капитал личности. М.: ИНФРА-М, 2014. 250 с. [Pochebut L. G., Svetsitskiy A. L., Mararitsa L. V., Kazantseva T. V., Kuznetsova I. V. *Social capital of the personality*. Moscow: INFRA-M, 2014, 250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ufhbqp>
- Рубинштейн С. Л. Бытие и сознание. СПб.: Питер, 2012. 288 с. [Rubinstein S. L. *Existence and consciousness*. St. Petersburg: Piter, 2012, 288. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxelkm>
- Ameri T., Burgason K. A., DeLisi M., Heirigs M. H., Hochstetle A., Vaughn M. G. Legal cynicism: Independent construct or downstream manifestation of antisocial constructs? *New evidence. International Journal of Law and Psychiatry*, 2019, 64: 211–218. <https://doi.org/10.1016/j.ijlp.2019.04.008>
- Buchanan N. T., Perez M., Prinstein M. J., Thurston I. B. Upending racism in psychological science: Strategies to change how science is conducted, reported, reviewed, and disseminated. *American Psychologist*, 2021, 76(7): 1097–1112. <https://doi.org/10.1037/amp0000905>
- Del Mar M., Stern S. Cognitive legal humanities: An introduction. *Critical Analysis of Law*, 2023, 10(1). <https://doi.org/10.33137/cal.v10i1.41642>
- Garay M. M., Remedios J. D. A review of White-centering practices in multiracial research in social psychology. *Social & Personality Psychology Compass*, 2021, 15(10). <https://doi.org/10.1111/spc3.12642>
- Gifford F. E., Reisig M. D. A multidimensional model of legal cynicism. *Law and Human Behavior*, 2019, 43(4): 383–396. <https://doi.org/10.1037/lhb0000330>
- Gonzales R. M., Plaut V. C. A raceless legal psychology in a system marked by race. *Journal of Society for the Psychological Study of Social Issues*, 2024, (3): 80–99. <https://doi.org/10.1111/josi.12605>
- Hage J. Are the cognitive sciences relevant for law? *Law and Mind. A Survey of Law the Cognitive*, eds. Brožek B. B., Hage J., Vincent N. A. Cambridge: Cambridge University Press, 2021, 17–49. <https://doi.org/10.1017/9781108623056.002>
- Hauser C., Simonyan A., Werner A. Condoning corrupt behavior of work: What roles-do machiavellianism, on-the-job experience, and neutralization play? *Business and Society*, 2020, 60(6): 1468–1506. <https://doi.org/10.1177/0007650319898474>
- Jeffers J. L. Justice is not blind: Disproportionate incarceration rate of people of color. *Social Work in Public Health*, 2022, 34(1): 113–121. <https://doi.org/10.1080/19371918.2018.1562404>
- Najdowski C. J., Stevenson M. C. A call to dismantle systemic racism in criminal legal system. *Law and Human Behavior*, 2022, 46(6): 398–414. <https://doi.org/10.1037/lhb0000510>
- Reny T. T., Newman B. J. The opinion-mobilizing effect of social protest against police violence: Evidence from the 2020 George Floyd protest. *American Political Science Review*, 2021, 115(4): 1499–1507. <https://doi.org/10.1017/S0003055421000460>
- Smalarz L., Eerdmans R. E., Lawrence M. L., Kulak K., Salerno J. M. Counterintuitive race effects in legal and nonlegal contexts. *Law and Human Behavior*, 2023, 47(1): 119–136. <https://doi.org/10.1037/lhb0000515>
- Torrez B., Sa-Kiera T., Hudson S. T. J., Dupree C. H. Racial equity in social psychological science: A guide for scholars, institutions, and the field. *Social and Personality Psychology Compass*, 2023, 17(1). <https://doi.org/10.31234/osf.io/7eavc>
- Verkuyten M., Yogeeswaran K., Adelman L. The social psychology of intergroup tolerance and intolerance. *European Review of Social Psychology*, 2023, 34(1): 1–43. <https://doi.org/10.1080/10463283.2022.2091326>
- Wszalek D. A. Cognitive communication and law: A model of systemic risks and system interventions. *Journal of Law and the Biosciences*, 2021, 8(1). <https://doi.org/10.1093/jlb/lsab005>
- Yakubets M. Between legal philosophy and cognitive science: The problem of tension. *Ratios Juris*, 2022, 35(2): 223–239. <https://doi.org/10.1111/raju.12342>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/tecrso>

Разработка и апробация опросника для диагностики типа привязанности к матери

Капустина Татьяна Викторовна

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, Владивосток

eLibrary Author SPIN: 5756-0326

<https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>

Scopus Author ID: 57188637910

12_archetypesplus@mail.ru

Ильина Ирина Сергеевна

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, Владивосток

eLibrary Author SPIN: 5485-0174

<https://orcid.org/0000-0002-9427-6264>

Кадыров Руслан Васитович

Тихоокеанский государственный медицинский университет,
Россия, Владивосток

eLibrary Author SPIN: 7147-3284

<https://orcid.org/0000-0003-4883-4525>

Scopus Author ID: 57197806634

Аннотация: Проблема привязанности и ее психологическая диагностика актуальна в настоящее время в России и за рубежом. Привязанность к матери закладывается в раннем детстве и оказывает существенное влияние на дальнейшее развитие ребенка и на процессы, связанные с взрослением, а значит, ее диагностика является важной при работе психолога. Научная новизна данного исследования заключается в разработке авторской методики для диагностики типа привязанности к матери, ее апробации и проверке ее психометрических параметров – ретестовой надежности, содержательной валидности, конструктивной валидности и критериальной валидности. Для оценки этих параметров применены метод экспертных оценок, метод тестирования и биографическое интервью с использованием методов статистической обработки. Общую выборку исследования составили 404 человека в возрасте 18–60 лет. В результате установлено, что разработанная авторская методика для диагностики типа привязанности к матери успешно прошла апробацию и подтвердила свои диагностические возможности в оценке типа привязанности к матери. Опросник можно применять как психодиагностический инструмент в практической деятельности психолога в процессе психологического консультирования, когда необходимо оценить тип привязанности к матери, чтобы усилить терапевтический эффект, а также в научных исследованиях. Опросник для диагностики типа привязанности к матери приведен в конце данной статьи.

Ключевые слова: привязанность к матери, надежный тип привязанности, амбивалентный тип привязанности, избегающий тип привязанности, дезорганизованный тип привязанности, диагностика привязанности

Цитирование: Капустина Т. В., Кадыров Р. В., Ильина И. С. Разработка и апробация опросника для диагностики типа привязанности к матери. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 228–246. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-228-246>

Поступила в редакцию 28.01.2025. Принята после рецензирования 10.04.2025. Принята в печать 14.04.2025.

full article

New Diagnostic Interview of Mother-Child Attachment Patterns

Tatyana V. Kapustina

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok

eLibrary Author SPIN: 5756-0326

<https://orcid.org/0000-0001-9833-8963>

Scopus Author ID: 57188637910

12_archetypesplus@mail.ru

Ruslan V. Kadyrov

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok

eLibrary Author SPIN: 7147-3284

<https://orcid.org/0000-0003-4883-4525>

Scopus Author ID: 57197806634

Irina S. Ilina

Pacific State Medical University, Russia, Vladivostok

eLibrary Author SPIN: 5485-0174

<https://orcid.org/0000-0002-9427-6264>

Abstract: Attachment and its diagnostics are a relevant research issue in domestic and foreign psychological studies. Mother-child attachment develops early in childhood and affects the coming-of-age, which makes its diagnostics an important part of psychological therapy. The authors developed a new interview for diagnosing the mother-child attachment pattern, tested it, and verified its psychometric parameters, i.e., test-retest reliability, content validity, construct validity, and criterion validity. The assessment involved expert assessments, testing, biographical interview, and various statistical methods. The total sample included 404 people aged 18–60 y.o. The new interview method confirmed its diagnostic capabilities in assessing the type of mother-child attachment. The questionnaire could be used as a psychodiagnostic tool by practicing psychologists as part of psychological counseling or for research purposes.

Keywords: mother-child attachment, secure attachment type, ambivalent attachment type, avoidant attachment type, disorganized attachment type, attachment diagnostics

Citation: Kapustina T. V., Kadyrov R. V., Ilina I. S. New Diagnostic Interview of Mother-Child Attachment Patterns. *SibScript*, 2025, 27(2): 228–246 (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-228-246>

Received 28 Jan 2025. Accepted after peer review 10 Apr 2025. Accepted for publication 14 Apr 2025.

Введение

Проблема привязанности и ее психологическая диагностика остается актуальной и в отечественной, и в зарубежной психологии [Капустина, Родникова 2023; Макеева и др. 2017; Чистопольская и др. 2018; Dugan et al. 2022; Sun et al. 2022]. Согласно основателю теории привязанности Дж. Боулби, главной фигурой привязанности для ребенка является мать, надежная база для исследования мира и безопасное убежище, вследствие чего у ребенка очень рано формируется представление о доступности и отзывчивости заботящейся о нем матери [Боулби 2004]. Такие выводы подтверждаются эмпирическими и научными данными, где ранний опыт взаимодействий матери и ребенка является матрицей всех последующих взаимоотношений человека [Василенко, Рычихина 2017; Козырева, Фам 2024; Dugan et al. 2022]. Исследования, проведенные учеными в последние десятилетия, показывают, что влияние родителей на развитие ребенка очень велико. У детей, растущих

в атмосфере любви и доверия (с надежным типом привязанности к матери), меньше проблем со здоровьем, трудностей в школе, общением с другими детьми. В результате же внутрисемейных конфликтов (с ненадежными типами привязанности), отсутствия родительского тепла, а также длительного отсутствия одного или обоих родителей, их развода, в критической ситуации отказа от ребенка или применения по отношению к нему физического насилия (дезорганизованная привязанность) происходит нарушение нормального психологического развития ребенка, возникают трудноразрешимые личностные кризисы [Капустина, Родникова 2023; Demirtaş, Uygun-Eryurt 2022].

В. Е. Василенко и Е. С. Рычихина указывают на то, что надежный тип привязанности соответствует оптимальному ходу развития ребенка, амбивалентный и избегающий считаются ненадежными, а дезорганизованный тип часто соответствует

нарушенным вариантам развития ребенка [Василенко, Рычихина 2017]. В результате анализа ряда исследований было обнаружено, что надежная эмоциональная связь между младенцем и матерью помогает ребенку преодолевать страх и беспокойство [Бурдина и др. 2023], справляться со стрессом и фрустрацией [Бурдина и др. 2023; Капустина, Родникова 2023], уметь контролировать себя и свое поведение [Sun et al. 2022], полагаться на себя в трудных жизненных ситуациях [Волкова и др. 2017; Dugan et al. 2022; Sun et al. 2022], развивать гармоничные отношения в последующей жизни [Козырева, Фам 2024; Dugan et al. 2022], быть психически здоровым [Якимова, Кравцова 2017; Laporta-Herrero et al. 2022] и даже логически мыслить и достигать максимального интеллектуального потенциала [Demirtaş, Uygün-Eryurt 2022].

Это все происходит, поскольку по мере развития отношений между матерью и ребенком поведение привязанности усложняется. Постепенно они трансформируются в определенные закономерности, отражающиеся в способах взаимодействия с другими людьми. Поэтому, если расстройства привязанности в детстве наблюдаются только в виде легких симптомов заброшенности, наиболее вероятно, что на следующем этапе развития они проявятся в более тяжелой форме, может возникнуть кризисное состояние. А кризис переходного возраста, вместо того чтобы вести личность к трансформации в состояние зрелости, приведет к дисбалансу, регрессии и даже дезинтеграции личности [Макеева и др. 2017]. В связи с этим исследование и диагностика привязанности является важной составляющей при работе с клиентами в практике психологического консультирования.

В настоящее время существуют адаптированная на русский язык самооценочная методика «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р. К. Фрейли (ее краткая версия [Казанцева 2008]) и новый российский психометрический инструмент «Опросник привязанности к близким людям» [Сабельникова, Каширский 2015], при этом нет научно обоснованных методик, позволяющих выявить тип привязанности к матери у взрослых людей.

Поэтому актуальность работы обусловлена тем, что, во-первых, несмотря на интерес психологов к изучению привязанности к матери у взрослых, наблюдается явный дефицит в описании психодиагностических методик, позволяющих достоверно определить тип привязанности взрослого человека как в рамках

научных исследований, так и в практике психологического консультирования. Во-вторых, методик, отвечающих запросам науки и практики в области исследования привязанности и соответствующих психометрическим требованиям надежности и валидности, крайне мало. Новизна работы заключается в разработке надежного и валидного психодиагностического инструментария для исследования привязанности к матери у взрослых.

Цель – разработка опросника для диагностики типа привязанности к матери и проверка его психометрических параметров – ретестовой надежности, содержательной валидности, конструктивной валидности и критериальной валидности.

Методы и материалы

Исследование проведено в несколько этапов.

I этап. Разработана первичная версия опросника для диагностики типа привязанности к матери и проведена проверка содержательной валидности. Теоретико-методологическим обоснованием методики являются классические типы привязанности, описанные Дж. Боулби и дополненные М. Эйнсворт и М. Мэйн [Боулби 2004; Бурменская 2009]: надежный, амбивалентный, избегающий и дезорганизованный. При формулировании утверждений опросника авторы не только опирались на особенности формирования привязанности в детстве, но и на последующее поведение ребенка уже будучи взрослым, когда у него был сформирован определенный тип привязанности [Василенко, Рычихина 2017; Козырева, Фам 2024; Dugan et al. 2022; Sun et al. 2022]. Таким образом, первичную версию опросника составили 90 вопросов: по 20 вопросов на каждый тип привязанности и 10 вопросов, представляющих шкалу лжи. Для проверки содержательной валидности применялся метод экспертных оценок [Гуцыкова 2011], в котором приняли участие 6 экспертов-психологов (один доктор психологических наук, профессор, четыре кандидата психологических наук, двое из которых имеют звание доцента, и один преподаватель психологии, не имеющий ученой степени и ученого звания, но являющийся специалистом в области психодиагностики), и метод «Четырехклеточная таблица сопряженности» (ЧТС), позволяющий определить эффективность сформулированных утверждений опросника. Выборку исследования на данном этапе составили 166 человек мужского и женского пола в возрасте 18–46 лет. Как показали исследования, тип привязанности на протяжении жизни человека остается сохранным [Попова 2019],

поэтому возраст, пол и профессиональная направленность не оказывают воздействия на характеристику типа привязанности к матери.

II этап. Когда была сформулирована окончательная версия опросника для диагностики типа привязанности, осуществлялась проверка ретестовой надежности. Для ее проверки выборку исследования представили 128 исследуемых, студенты 1–3 курсов обучения Тихоокеанского государственного медицинского университета специальностей «Педиатрия» и «Клиническая психология» в возрасте 18–22 лет. Первый и второй срез проводились с разницей 40 ± 10 дней, что соответствует требованиям, предъявляемым к ретестовой надежности психодиагностических методик [Батулин, Попов 2010]. Полученные данные первых и вторых срезов были статистически обработаны с помощью коэффициента ранговой корреляции Ч. Спирмена, подсчеты выполнялись в программе Statistica 10.0 при уровне значимости менее 0,01.

III этап. Проверка конструктивной валидности методики осуществлялась путем выявления положительных и отрицательных корреляционных связей между шкалами опросника для диагностики типа привязанности и шкалами других надежных и валидных методик. В исследовании использовались: Индивидуально-типологический опросник Л. Н. Собчик [Собчик 2022], Интегративный тест тревожности (А. П. Бизюк, Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев) [Бизюк и др. 2005], опросник «Стратегии совладающего поведения» Л. И. Вассермана и др. [Вассерман и др. 2009], Индекс жизненного стиля Л. И. Вассермана и др. [Вассерман и др. 2005], Опросник привязанности к близким людям Н. В. Сабельниковой и Д. В. Каширского [Сабельникова, Каширский 2015], Опросник стиля привязанности ASQ (J. Feeney, P. Noller) [Воронина 2017]. Дополнительно выявлялись различия по шкалам данных методик в четырех группах исследуемых: с надежным типом привязанности к матери, амбивалентным, избегающим и дезорганизованным.

Методологическим обоснованием для определения показателя конструктивной валидности являются научные мнения Н. А. Батурина, А. Ю. Попова и А. Г. Шмелева, которые отмечают, что полученные коэффициенты корреляции для определения конструктивной валидности в пределах 0,15–0,3 расцениваются как слабые, 0,3–0,5 – средние, 0,5–0,7 – сильные, выше 0,7 – как настораживающие. Очень высокие значения показателя валидности могут говорить о методических ошибках при ее проверке или о недобросовестности разработчика [Батулин, Попов 2010];

Шмелев 2002]. Поэтому в настоящей работе рассматриваются значения в диапазоне 0,3–0,7. Для статистической обработки применялся непараметрический критерий ранговой корреляции Ч. Спирмена, критерий Краскела-Уоллиса и медианный тест. Подсчеты также выполнялись в программе Statistica 10.0, уровень значимости – менее 0,01. Выборку исследования на третьем этапе представили 368 человек трех периодов взрослости по Б. Г. Ананьеву [Ананьев 2001]: 18–25 лет ($n = 132$), 26–46 лет ($n = 149$), 47–60 лет ($n = 87$). Среди исследуемых 157 человек имели высшее образование, 109 – среднее специальное, 102 – незаконченное высшее образование (студенты).

IV этап. Оценивалась критериальная валидность опросника. Основным выступил метод интервьюирования, вопросы которого были разделены по 6 блокам: Блок I. Характеристика личности; Блок II. Воспоминания о родителях и их описание; Блок III. Детство и школа; Блок IV. Отношения со сверстниками; Блок V. Романтические отношения; Блок VI. Сексуальные отношения. Проводилась диагностика с помощью разработанного авторского опросника, определялся тип привязанности, а далее результаты опросника сопоставлялись с ответами респондентов. В исследовании критериальной валидности приняли участие 52 исследуемых 19–26 лет.

Для выявления тестовых норм опросника был применен метод расчета процентилей [Митина 2013] на выборке в 404 человека мужского и женского пола в возрасте 18–60 лет.

Результаты

На **I этапе** исследования на разрешение экспертам ставились 9 вопросов, касающихся содержания утверждений авторского опросника, на основании анализа которого были внесены изменения. Обобщив изменения, их можно представить в виде следующих пунктов:

- изменена инструкция;
- условно непонятные для респондентов термины были заменены на доступные пониманию;
- утверждения переформулировались в универсальные (независимо от пола);
- были переформулированы утверждения, имеющие двойное толкование.

По результатам первого этапа исследования для каждого из 166 респондентов был определен тип привязанности, в частности по подсчету медианных значений для каждого типа привязанности, с помощью которого было определено минимальное диагностическое число. Далее с помощью метода ЧТС были

подсчитаны критерии значимости и коэффициент дискриминативности для каждого вопроса. При этом за обозначения были взяты следующие:

- А – на утверждение ответ «да» и у исследуемого данный тип привязанности;
- В – на утверждение ответ «да», но у исследуемого другой тип привязанности;
- С – на утверждение ответ «нет», но у исследуемого данный тип привязанности;
- Д – на утверждение ответ «нет» и у исследуемого другой тип привязанности.

Рассмотрим на примере утверждения № 1 – *Я помню, как мама поддерживала меня в детстве*. Данное утверждение относится к надежному типу привязанности. Каждый из 166 исследуемых был проанализирован с точки зрения этого утверждения и обозначался одной из букв:

- А – на утверждение ответ «да» и у исследуемого определился надежный тип привязанности;
- В – на утверждение ответ «да», но у исследуемого определился любой другой тип привязанности (амбивалентный, избегающий, дезорганизованный);
- С – на утверждение ответ «нет», но у исследуемого определился надежный тип привязанности;
- Д – на утверждение ответ «нет» и у исследуемого определился любой другой тип привязанности (амбивалентный, избегающий, дезорганизованный).

Соответственно, условно правильными обозначениями, повышающими значимость ϕ -коэффициента и коэффициента дискриминативности (КД) являются значения А и Д и их должно быть больше, чем вариантов В и С. Для данного утверждения получилась ЧТС, представленная в таблице 1.

Табл. 1. ЧТС для утверждения № 1 – *Я помню, как мама поддерживала меня в детстве*

Tab. 1. Four-cell contingency table for item No. 1: *I remember my mother supporting me as a child*

	Ответ на вопрос «да»	Ответ на вопрос «нет»
Надежный тип привязанности	98 (А)	13 (В)
Любой другой тип привязанности	23 (С)	32 (Д)
Результаты	* $\phi = 0,49$; $\chi = 40,19$; $КД_1 = 0,52$; $КД_2 = 0,46$; $p < 0,001$	

Можно сделать вывод, что данное утверждение действительно определяет надежный тип привязанности и его следует оставить в опроснике.

Далее представлен пример утверждения, исключенного из опросника, т. к. оно оказалось не диагностическим для амбивалентного типа привязанности, для которого было сформулировано, на что указывают отрицательные значения (табл. 2).

Табл. 2. ЧТС для вопроса № 2 – *В детстве у меня часто было чувство, что отношение мамы ко мне зависит от ее настроения в данный момент*

Tab. 2. Four-cell contingency table for item No. 2: *As a child, I often had the feeling that my mother's attitude towards me depended on her mood at the moment*

	Ответ на вопрос «да»	Ответ на вопрос «нет»
Амбивалентный тип привязанности	24 (А)	53 (В)
Любой другой тип привязанности	60 (С)	29 (Д)
Результаты	* $\phi = -0,36$; $\chi = 21,7$; $КД_1 = -0,36$; $КД_2 = -0,36$; $p < 0,001$	

Все 90 утверждений были обработаны с помощью метода ЧТС, и в результате наиболее достоверные утверждения были оставлены в опроснике для диагностики типов привязанности к матери (всего 30 утверждений). В конце статьи представлена конечная версия опросника и ключ.

Таким образом, для определения содержательной валидности методики прошла экспертную проверку и дальнейшую статистическую обработку, чтобы составить конечную версию опросника и ключ к нему.

Также по результатам статистического анализа было выявлено, что распределение является ненормальным, поэтому не представляется возможным выявление тестовых норм путем подсчета среднего значения и среднего квадратичного отклонения, поэтому все полученные результаты были переведены в процентиля (табл. 3), показатели которых позволили разработать шкалу для оценки типа привязанности к матери. Типов привязанности к матери не может быть несколько (как, например, акцентуаций характера), он всегда один, поэтому опросник позволяет определить именно один тип привязанности к матери.

Исходя из полученных процентильных данных, для интерпретации результатов методики применяются как квартили, так и квинтили. Для более детального понимания следует обратиться к таблице 4.

Так, если значения только одной шкалы более чем 50 перцентилей, то у исследуемого будет диагностирован соответствующий тип привязанности к матери (поскольку 50-й перцентиль совпадает с медианой и является одним из общепринятых показателей центральной тенденции, а значения выше 50 соответствуют показателям выше среднего [Митина 2013]). Для надежного типа привязанности к матери это единственный вариант

ее диагностирования с помощью данной методики, поскольку преобладание этой шкалы (Н) с выраженностью других шкал (И, Д) будет характеризовать амбивалентный тип привязанности, сочетающий в себе проявления надежного и избегающего типа, а также возможных минимальных проявлений дезорганизованного.

Поэтому амбивалентный тип следует определять, если значения шкалы Н более 50 перцентилей, а значения шкал И и / или Д не превышают 90 перцентилей. 90 перцентилей являются квинтилем, начиная с которого показатели считаются ярко выраженными.

Если значения шкал И и Д будут достигать 90 перцентилей, то это будет свидетельствовать о диагностировании соответствующего типа привязанности. Однако, если у двух этих шкал одновременно значения выше 90 перцентилей, то будет диагностирован дезорганизованный тип привязанности к матери, т.к. его проявления более сильные в негативном аспекте и включают в себя проявления избегающего.

Также важно отметить, что при меньшей выраженности шкалы Н, но все же ее выраженности, и при наличии менее 75 перцентилей по шкалам И и Д тоже будет диагностирован амбивалентный тип привязанности ввиду противоречивости (амбивалентности) этого типа.

Если все шкалы не достигают значения 50 перцентилей, то тип привязанности не определяется, рекомендовано ретестирование.

На **II этапе** исследования оценивалась ретестовая надежность методики. С применением непараметрического критерия ранговой корреляции Ч. Спирмена

Табл. 3. Шкала для перевода сырых баллов в процентиля, n = 404

Tab. 3. Scale for converting raw scores to percentiles, n = 404

Сырые баллы	Тип привязанности		
	Надежный (шкала Н)	Избегающий (шкала И)	Дезорганизованный (шкала Д)
0	–	6	49
1	–	19	73
2	1	41	87
3	5	60	95
4	9	79	99
5	16	90	–
6	27	96	–
7	42	99	–
8	56	–	–
9	77	–	–
10	99	–	–

Табл. 4. Определение типа привязанности к матери по результатам разработанного опросника, процентиля

Tab. 4. Mother-child attachment pattern based on the new interview, percentiles

Шкала Н	Шкала И	Шкала Д	Диагностируемый тип привязанности к матери
> 50	< 50	< 50	надежный
< 50	> 50	< 50	избегающий
любое значение	от 90	< 90	
< 50	75–89	менее чем шкала И	
любое значение	любое значение	от 90	дезорганизованный
< 50	< 50	> 50	
< 50	менее чем шкала Д	75–89	
> 50	51–89 (или одна, или две шкалы)		амбивалентный
25–49	< 75	< 75	

ретестовая надежность определялась для шкалы лжи (5 вопросов; $R = 0,77$; $p < 0,001$) и для основных шкал – надежный тип привязанности (10 утверждений; $R = 0,79$; $p < 0,001$), избегающий (10 утверждений; $R = 0,76$; $p < 0,001$) и дезорганизованный (5 утверждений; $R = 0,81$; $p < 0,001$). Таким образом, по результатам исследования можно говорить о высоком уровне надежности опросника для диагностики типа привязанности, который варьируется от 0,76 до 0,81. По мнению А. Г. Шмелева, уровень надежности для личностных тестов должен превышать 0,6, но при этом показатель выше 0,9 ученый считает настораживающим и неправдоподобным [Шмелев 2002]. Таким образом, следует утверждать, что определение типа привязанности является устойчивым. Со временем его результаты остаются неизменными, что согласуется с самой теоретической концепцией привязанности. То есть данный психодиагностический инструмент следует считать надежным.

На **III этапе** исследования выборка ($n = 364$) была разделена на 4 группы: исследуемые с надежным типом привязанности к матери ($n = 80$); с амбивалентным ($n = 148$); с избегающим ($n = 62$); с дезорганизованным ($n = 74$). У 4 респондентов тип не определился, поэтому они были исключены из исследования, как и 22 респондента, у которых шкала лжи была более 4-х баллов и из-за невозможности ретестирования.

Корреляционный анализ выявил большое количество положительных и отрицательных корреляционных связей между шкалами опросника для диагностики типа привязанности к матери и другими надежными и валидными методиками, прямо или косвенно диагностирующими привязанность и ее отражение на личностных особенностях человека. Рассматривались корреляции преимущественно от умеренных до сильных (табл. 5).

Для получения более точных данных проводилось сравнение показателей в 4 выделенных группах по типу привязанности к матери. С этой целью использовались критерий Краскела-Уоллиса и медианный тест. Определив медиану, можно рассмотреть, с какого уровня та или иная характеристика (шкала по другой методике) начнет ярко проявляться. Медианы были переведены в проценты, станайны или Т-баллы в зависимости от используемой методики (табл. 6).

Результаты по методике «Индивидуально-типологический опросник» Л. Н. Собчик показали, что для людей с надежным типом привязанности характерна экстравертированность, они открыты, у них есть потребность в общении, и они ее удовлетворяют, на это также

указывают выраженные показатели дополнительной шкалы *коммуникативность*. Им свойственны лидерские качества, у них преобладает мотивация достижения успеха, для них не характерна тревожность и зависимое поведение, лица с надежным типом привязанности к матери не склонны заикливаться на собственных неудачах, не избегают конфликтов, не провоцируют их, но готовы к их разрешению.

Люди с дезорганизованным и избегающим типами привязанности к матери характеризуются повышенной тревожностью, они осторожны, их акцентуированной чертой является интроверсия (особенно выражена она у лиц с дезорганизованным типом), поэтому они чаще обращены в мир внутренних переживаний, что, вероятно, обусловлено негативным детским опытом. При этом преобладающей является мотивация избегания неудач.

Также наблюдаются внутриличностные противоречия. С одной стороны, у них отмечается зависимое поведение, которое указывает на ранимость в отношении средовых воздействий, выраженную потребность в защите со стороны более сильной личности. А с другой стороны, лица с избегающим и дезорганизованным типами привязанности к матери характеризуются конфликтным поведением, могут быть зачинщиками в конфликтных ситуациях (на это указывают корреляционные связи со шкалой *конфликтность*). Можно предположить, что после таких ситуаций их могут мучить угрызения совести за проявленную агрессию и неумение коммуницировать.

Для людей с амбивалентным типом привязанности не выявляется интровертированность, однако отмечается повышенная тревожность, проявляющаяся в осторожности и иногда возникающей неуверенности в своих действиях, зависимым поведением, выражающимся в чувствительности и ранимости к проявлениям внешних воздействий, однако достаточный уровень коммуникативности позволяет не вступать в конфликты и говорит об умении договариваться, несмотря на боязливость. И. Г. Малкина-Пых подтверждает данную характеристику респондентов с амбивалентным типом привязанности: такие люди имеют повышенную тревожность, это порождает желание получить подтверждение чувств от партнера. Они не уверены в себе и сомневаются в партнере, тревожатся, особенно если партнер проявляет эмоциональную холодность по отношению к ним [Малкина-Пых 2017]. Подтверждение можно найти в исследовании И. Ю. Поповой: люди с амбивалентным типом привязанности ищут признания в отношениях,

им крайне необходимо, чтобы партнер подтверждал свои намерения [Попова 2019]. Это и есть их выявленное зависимое поведение.

Были выявлены корреляционные связи и различия по разным компонентам тревожности, включая общий показатель (Интегративный тест тревожности).

Табл. 5. Корреляционный анализ типов привязанности, n = 364

Tab. 5. Mother-child attachment patterns correlations, n = 364

Коррелируемые показатели		R	p
Индивидуально-типологический опросник (Л. Н. Собчик)			
Надежный тип	Экстраверсия	0,43	< 0,001
	Лидерство	0,43	< 0,001
	Интроверсия	-0,44	< 0,001
	Индивидуализм	-0,33	< 0,001
	Зависимость	-0,36	< 0,001
	Тревожность	-0,44	< 0,001
	Коммуникативность	0,41	< 0,001
Избегающий тип	Конфликтность	0,45	< 0,001
	Зависимость	0,30	< 0,001
	Тревожность	0,51	< 0,001
Дезорганизованный тип	Индивидуализм	0,35	0,001
	Интроверсия	0,34	0,002
	Зависимость	0,35	0,001
	Конфликтность	0,35	0,001
	Тревожность	0,50	< 0,001
Интегративный тест тревожности (А. П. Бизюк, Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев)			
Надежный тип	Личностная тревожность	-0,50	< 0,001
	Эмоциональный дискомфорт	-0,42	< 0,001
	Оценка перспективы	-0,52	< 0,001
Избегающий тип	Личностная тревожность	0,46	< 0,001
	Эмоциональный дискомфорт	0,37	< 0,001
	Оценка перспективы	0,44	< 0,001
Дезорганизованный тип	Личностная тревожность	0,45	< 0,001
	Эмоциональный дискомфорт	0,44	< 0,001
	Оценка перспективы	0,50	< 0,001
Стратегии совладающего поведения (Л. И. Вассерман и др.)			
Надежный тип	Бегство-избегание	-0,43	< 0,001
Избегающий тип	Бегство-избегание	0,52	< 0,001
Дезорганизованный тип	Конфронтация	0,48	0,004
	Бегство-избегание	0,48	< 0,001

Коррелируемые показатели		R	p
Индекс жизненного стиля (Л. И. Вассерман и др.)			
Надежный тип	Регрессия	-0,42	< 0,001
	Замещение	-0,42	< 0,001
Избегающий тип	Регрессия	0,54	< 0,001
	Компенсация	0,55	< 0,001
	Проекция	0,44	< 0,001
	Замещение	0,46	< 0,001
	Реактивное образование	0,37	< 0,001
Дезорганизованный тип	Регрессия	0,48	< 0,001
	Компенсация	0,46	< 0,001
	Проекция	0,42	< 0,001
	Замещение	0,63	< 0,001
	Реактивное образование	0,31	0,008
Опросник стиля привязанности ASQ (J. Feeney, P. Noller)			
Надежный тип	Второстепенность отношений	-0,32	0,004
	Потребность в одобрении	-0,41	< 0,001
	Дискомфорт от близости	-0,47	< 0,001
	Погруженность в отношения	-0,32	0,005
	Уверенность в себе	0,41	< 0,001
Избегающий тип	Второстепенность отношений	0,40	< 0,001
	Потребность в одобрении	0,48	< 0,001
	Дискомфорт от близости	0,49	< 0,001
	Погруженность в отношения	0,51	< 0,001
	Уверенность в себе	-0,27	0,001
Дезорганизованный тип	Второстепенность отношений	0,44	< 0,001
	Потребность в одобрении	0,50	< 0,001
	Дискомфорт от близости	0,46	< 0,001
	Погруженность в отношения	0,33	< 0,001
	Уверенность в себе	-0,34	0,002
Опросник привязанности к близким людям (Н. В. Сабельникова, Д. В. Каширский)			
Надежный тип	Тревожность	-0,33	0,003
	Избегание	-0,50	< 0,001
Избегающий тип	Тревожность	0,61	< 0,001
	Избегание	0,36	0,001
Дезорганизованный тип	Тревожность	0,44	< 0,001
	Избегание	0,34	0,002

Табл. 6. Результаты проверки конструктивной валидности опросника для диагностики типа привязанности с использованием критерия Краскела-Уоллиса, $n = 364$
 Tab. 6. Construct validity, Kruskal-Wallis H test, $n = 364$

Шкалы	Значение Краскела- Уоллиса, H	p	Медиана				Перевод медианы			
			Н	А	И	Д	Н	А	И	Д
Индивидуально-типологический опросник (Л. Н. Собчик)										
Индивидуализм	12,7	0,005	10	9	10	11	–			
Интроверсия	10,56	0,014	5	4	5	7	–			
Зависимость	10,55	0,015	8	11	11,5	11	–			
Тревожность	24,0	< 0,001	4	5	6,5	7	–			
Коммуникативность	8,17	0,049	11,5	12	12	9	–			
Интегративный тест тревожности (А. П. Бизюк, Л. И. Вассерман, Б. В. Иовлев)							в станайнах			
Личностная тревожность	31,33	< 0,001	16	19	22	27	6	7	7	9
Эмоциональный дискомфорт	24,57	< 0,001	78	122	128	204	5	6	6	8
Астенический компонент	9,76	0,021	29	30	56	82	3	3	4	5
Оценка перспективы	38,14	< 0,001	32	67	114	212	1	2	5	8
Фобический компонент	14,2	0,026	28	52	54	78	4	5	5	6
Социальная защита	8,13	0,043	51	56	74	83	2	2	3	3
Стратегии совладающего поведения (Л. И. Вассерман и др.)							в Т-баллах			
Конфронтация	13,14	0,004	7	9	9	10	42–45	50–52	50–52	53–56
Бегство-избегание	–0,54	< 0,001	10	12	14	16	48–50	53–54	58–59	63–65
Индекс жизненного стиля (Л. И. Вассерман и др.)							в процентилях			
Вытеснение	11,43	0,010	3	3	3	4	42	42	42	63
Регрессия	29,86	< 0,001	3	6	7	7	35	80	85	85
Компенсация	17,85	0,001	3	4	5	4	63	78	88	78
Проекция	8,41	00383	6	7	8	8	27	36	46	46
Замещение	37,5	< 0,001	2	3	3	5	37	48	48	77
Реактивное образование	8,64	0,034	2	2	3	3	39	39	61	61
Опросник стиля привязанности ASQ (J. Feeney, P. Noller)										
Второстепенность отношений	16,67	0,001	16	19	20	22	–			
Потребность в одобрении	19,7	< 0,001	18	21	23	25	–			
Дискомфорт от близости	27,93	< 0,001	33	34	40	39	–			
Погруженность в отношения	18,98	< 0,001	24	27	30	29	–			
Уверенность в себе	17,8	0,001	27	25	25	22	–			
Опросник привязанности к близким людям (Н. В. Сабельникова, Д. В. Каширский)										
Беспокойство (тревожность)	32,42	< 0,001	31	68	82	75	–			
Избегание	16,88	0,001	18	24	64	58	–			

Прим.: Н – исследуемые с надежным типом привязанности к матери ($n = 80$); А – с амбивалентным ($n = 148$); И – с избегающим ($n = 62$); Д – с дезорганизованным ($n = 74$).

Несмотря на наличие значимых статистических различий в четырех группах исследуемых, медианный тест показал, что на уровне методики такие компоненты тревожности, как фобический, астенический и компонент социальной защиты, не являются информативными при описании особенностей тревожности у людей с разным типом привязанности к матери. Однако высокий показатель общей тревожности характерен для амбивалентного, избегающего и дезорганизованного типов привязанности к матери (7–9 станайнов). Высокий эмоциональный дискомфорт как личностная характеристика тревожности свойственен лицам с дезорганизованным типом привязанности. То есть для них характерны часто сниженный эмоциональный фон, неудовлетворенность жизненной ситуацией, эмоциональная напряженность. Тревожная оценка перспектив специфична для дезорганизованного типа привязанности, и отмечается тенденция на уровне средних значений для избегающего типа привязанности. Вероятно, что из-за сложностей в построении длительных и серьезных отношений личности могут испытывать страх по поводу своего будущего, т. к., возможно, им кажется, что они никогда не найдут себе партнера на всю жизнь.

Статистический анализ методики «Стратегии совладающего поведения» выявил незначительное количество корреляционных связей. Но отмечается явное превалирование копинг-стратегии *бегство-избегание* для ненадежных типов привязанности к матери, особенно для дезорганизованного. Это говорит о том, что люди с ненадежными типами привязанности к матери чаще стремятся отрицать или игнорировать проблемы, уклоняться от ответственности и действий по разрешению возникших трудностей, проявляют пассивность, нетерпение, вспышки раздражения, погружаются в фантазии, склонны к перееданию и употреблению алкоголя с целью снижения эмоционального напряжения, которое было выявлено по шкале *эмоциональный дискомфорт*. При этом более выраженные импульсивные и иррациональные реакции отмечаются у лиц с дезорганизованным типом привязанности к матери, на это указывает умеренная корреляционная связь со стратегией конфронтации.

Важно отметить проявление эгозащитных механизмов у людей с ненадежными типами привязанности к матери. Выявлена выраженность таких механизмов, как регрессия, компенсация, замещение, реактивное образование и проекция. Большое количество механизмов подчеркивает тот уровень эмоционального напряжения, который характерен для лиц

с ненадежными типами привязанности, вероятно, они всегда готовы к тому, что что-то может пойти не так, поэтому подключаются защитные механизмы разного характера, но преимущественно неадаптивные. Они чаще импульсивны, менее склонны контролировать свое поведение, зависимы от эмоций, могут проецировать на других свои проблемы и эмоции, могут проявлять инфантильное поведение при разрешении трудных жизненных ситуаций, могут вымещать свою агрессию на более слабых, например на животных или близких людях, которые не могут им ответить тем же. Такие проявления не характерны для лиц с надежным типом привязанности к матери, на это указывают отрицательные корреляционные связи и низкие медианные значения. Но здесь важно отметить, что механизм компенсации, который является адаптивным, также может подключаться при столкновении с трудностями, поэтому лица с ненадежными типами привязанности к матери способны справляться со стрессом без вреда для своей личности.

Результаты по методике «Опросник стиля привязанности» ASQ указывают на то, что для респондентов с ненадежными типами привязанности к матери, особенно с дезорганизованным, характерна потребность в отношениях, однако, если они вступают в отношения, то либо погружаются в них полностью и испытывают от этого дискомфорт, либо отодвигают их на второй план, и тогда отношения становятся вторичными. Низкие показатели уверенности в себе показывают, что исследуемые также не уверены в своих отношениях и в своем партнере. Подтверждение этому можно найти в исследовании И. Ю. Поповой, которая пишет, что люди с избегающим типом привязанности имеют низкую самооценку, замкнуты в себе, считают себя бесполезными [Попова 2019]. Для таких личностей близость с партнером неприемлема, они в целом избегают отношений [Козырева, Фам 2024; Малкина-Пых 2017]. Напротив, люди с надежным типом привязанности уверены в себе и своих отношениях, они не испытывают тревоги по поводу своих отношений, они уверены в себе и своем партнере и не нуждаются в одобрении со стороны других.

Опросник привязанности к близким людям выявил отрицательные корреляционные связи со шкалой надежного типа привязанности и положительные – с избегающим и дезорганизованным. Полученные данные подтверждают конструкт методики, т. к. сочетание низких показателей беспокойства по поводу отношений и их избегания (низкие

показатели выявлены по медианному тесту) свойственны надежному стилю привязанности (по методике Н. В. Сабельниковой и Д. В. Каширского). То есть результаты совпадают, как и по шкалам избегающего и дезорганизованного типов, для которых характерны высокие показатели и беспокойства, и избегания, что подтверждается статистическим анализом. Для амбивалентного типа привязанности, согласно медианному тесту, характерны средние с тенденцией к высоким показатели беспокойства по поводу отношений и низкие показатели избегания, что характерно для тревожного стиля привязанности по методике Н. В. Сабельниковой и Д. В. Каширского

Таким образом, была подтверждена конструктивная валидность методики.

На **IV этапе** исследования 52 респондента были также разделены на 4 группы по типу привязанности к матери: 12 человек с надежным типом привязанности, 19 респондентов – с амбивалентным, 11 – с избегающим, 10 – с дезорганизованным. В целом по результатам сопоставления типов привязанности с биографическими данными респондентов отмечаются совпадения.

Наиболее выделяющиеся отличия ответов на определенные вопросы людей с разными типами привязанности представлены в сравнительной таблице 7.

По полученным результатам следует особенно обратить внимание на взаимодействие в семье. Так, на вопрос *Были ли в вашей семье какие-нибудь традиции, ритуалы?* С надежным типом привязанности отмечают – *Новый год вместе, длинные выходные и дни рождения в большом кругу родственников;* с амбивалентным уже менее эмоционально: *Всегда едим вместе, праздники семьей;* с избегающим типом привязанности отмечаются бытовые вещи: *Уборка, стирка на выходных, в душ ходим по очереди, ужинаем вместе;* а с дезорганизованным типом вообще говорится об их отсутствии: *Их нет. Не праздновали дни рождения, только Новый год. Мало проводили время вместе.* Описание матери также в данном случае является показательным. Респондент с надежным типом привязанности описывает мать: *внимательная, тактичная, заботливая,* а с избегающим и дезорганизованным – *требовательная, самобытная, ленивая и отстраненная, холодная, строгая.* Также на межличностное общение с людьми на вопрос

Табл. 7. Сравнение ответов на вопросы биографического интервью у людей с разными типами привязанности
Tab. 7. Responses to biographical interview: people with different attachment types

Надежный тип 100 баллов Девушка, 19 лет	Амбивалентный тип 55 баллов Девушка, 20 лет	Избегающий тип 15 баллов Юноша, 20 лет	Дезорганизованный тип 25 баллов Девушка, 19 лет
Каким человеком вы себя считаете? Назовите 10 положительных качеств			
Настойчивая, пунктуальная, сохраняю спокойствие, аккуратная, внимательная, заботливая, хитрая, приспособляемая, честная, выносливая	Могу отстоять свои интересы, не иду за обществом, целеустремленная, исполнительная, системно полагаю в голове, эмоциональная, полагаюсь на себя, ответственная, критичная, мечтательная, рефлексивная	Открытый, общительный, старательный, с чувством юмора, целеустремленный, умею расставлять приоритеты, разносторонний, легко знакоюсь с людьми, хороший друг, красивый	Эмоциональность, доброта, отзывчивость, честность, искренность, пунктуальность, мыслительность, веселость, яркость (замечательность), сочувствие
Назовите 10 отрицательных качеств			
Лень, откладывание на потом, прямолинейность, самоуверенность, ранимость, торопливость, вредность	Ожидание от окружающих, нарциссичность, контроль, необдуманные эмоции, грубая, прокрастинация, нерешительность, отстраненность от людей, неуверенность в себе, страхи, зависимость от окружающего мнения, не могу сказать в лицо, неопределенность в мнении	Ленивый, мало времени уделяю себе, много на себя беру, суетливый, не знаю чувства меры, перфекционист, слишком ответственный, грубый, тревожный	Грубость, честность (неумение промолчать), несобранность, неумение проявлять любовь, беспричинное беспокойство, равнодушие, сверхальтруизм, нетерпеливость, непостоянство

Надежный тип 100 баллов Девушка, 19 лет	Амбивалентный тип 55 баллов Девушка, 20 лет	Избегающий тип 15 баллов Юноша, 20 лет	Дезорганизованный тип 25 баллов Девушка, 19 лет
Как вы относитесь к окружающим вас людям?			
Люблю окружающих, кайфово вливаться в коллективы, отношусь с интересом. Всё индивидуально, на категории людей не делю	Боюсь навязываться, защищала слабых, моралистка (проявляла себя). Хочется быть душой компании, заставляю себя включаться в общение	В целом хорошо. Взаимное общение (в плане инициативы): максимально тепло. Не взаимно, с моей стороны – равнодушно. Не взаимно, со стороны другого человека – нужно тратить силы, чтобы общаться с человеком. Родственники – не общаемся, нейтрально	К друзьям – положительно, к знакомым – авось понадобятся, к родителям – сложно. С бабушкой – «коннект»
Часто ли испытываете грусть и тревогу?			
Тревогу – нечасто (когда не знаю, как сделать что-либо). Грусть – только, если что-то случилось	Социальная тревога: перед страстью; боюсь звонков. Грусть – очень редко, но без повода. Злость превращается в грусть, если что-то не получается	Тревогу – каждый день, эпизодически. Грусть – раньше много, сейчас нормально	Грусть – очень редко, еще со школы не свойственна. Тревогу – периодически из-за учебы и проблем с семьей
С кем вы проводили больше времени, с мамой или с папой?			
С папой я больше гуляла, к маме всегда могла обратиться за советом	С мамой	С мамой	Родители развелись, когда мне было 3 года. Ближе с бабушкой, мама постоянно работала
Какие три прилагательных наиболее удачно описывают вашу мать?			
Внимательная, тактичная, заботливая – мама	Заботливая, внимательная, переживающая	Требовательная, самобытная, ленивая	Мама – отстраненная, холодная, строгая. Бабушка – милая, добрая, честная
Какие три прилагательных наиболее удачно описывают вашего отца?			
Папа – креативность, смекалостность, доброта	Отца своего не знаю	–	–
Были ли в вашей семье какие-нибудь традиции, ритуалы?			
Новый год вместе, длинные выходные и дни рождения в большом кругу родственников	Всегда едим вместе, праздники семьей	Уборка, стирка на выходных, в душ ходим по очереди, ужинаем вместе. У каждого ребенка своя комната	Их нет. Не праздновали дни рождения, только Новый год. Мало проводили время вместе
Какие методы дисциплинарного воздействия использовали ваши родители?			
Папа – вообще не воспитывал, максимум голос повышал. Мама могла тряхнуть, чаще кричала. Ругали только лично. Иногда давали замечания	Ставили в угол (в 3–4 года), кричали, объясняли словами. Редко что-то отбирали, покупали в награду за заслуги	Физические наказания, моральное давление, крики, ставили в угол, оставляли одного	Бабушка разочаровывалась, отец и мать орали, мать иногда била. Отец со злости при мне сломал стену

Надежный тип 100 баллов Девушка, 19 лет	Амбивалентный тип 55 баллов Девушка, 20 лет	Избегающий тип 15 баллов Юноша, 20 лет	Дезорганизованный тип 25 баллов Девушка, 19 лет
Вы помните время, проведенное в детском саду?			
Не нравились каши – а дома их не заставляли есть. Дети называли ведьмой из-за цвета волос – но всё было в порядке, со всеми дружила. Плакала, когда расставалась с мамой	«Детство окрашено серым цветом». Дурдом, дети дерутся, сложно было поговорить с воспитателями	Не помню, воспитатели любили. Плевал в ведро компота со злости	Прекрасно, хорошо. «Держали с братом детсад»
Опишите самые серьезные неприятности, которые с вами случались в школе			
Учительница сказала объявить мне бойкот – присоединились близкие подруги. Выгоняли за дверь за плохое поведение	Порезала себе палец и учительница назвала дикаркой. Девочки старше приставали – перепалки, разборки	Ненавидел субботники: не понимал, зачем и почему мы должны этим заниматься? Заставляли, чувствовал обиду, несправедливость	Не было. За драки не ругали
Какими, по вашему мнению, должны быть романтические отношения?			
Не зависеть друг от друга, не заполняя пустоту в сердце, готовность к обсуждению	Физический контакт, обмен знаниями, чувствовать себя нужным и свободным. Доверять информацию, принимать таким, какой есть, не как парня или девушку – а как человека	Непродолжительными, яркими, эмоциональными, захватывающими, искренними, не до конца высказываться, поглощающими	Взаимопонимание, свобода без запретов, поддержка
Как в идеале должен вести себя ваш партнер?			
Говорить со мной, слушать, не таить обиды, бережливо относиться, с заботой, без конкуренции	Как вел себя в самом начале, быть эмоционально активным, общаться голосовыми (знать его состояние), подарки, идеальная память. Поддерживать и помогать, должна быть своя точка зрения на всё, не должен быть похож на всех	Принимать решения для себя с учетом интересов другого, быть эгоистом и делать партнеру лучше, развиваться вместе	Идеальных людей нет. Никого не представляю
Что, по вашему мнению, самое важное в сексуальных отношениях?			
Доверие, небеспорядочные половые связи, не стыдиться нежелания, всё по согласию, контрацепция	Слышать друг друга, чтобы всем было ОК. Эмоциональная включенность, отключение головы от тревог. Злит ощущение влечения к другим людям	Быть внимательным, видеть другого человека	Взаимное влечение

Как вы относитесь к окружающим вас людям? с надежным типом привязанности отмечается ответ: *Люблю окружающих, кайфово вливаться в коллективы, отношусь с интересом. Всё индивидуально, на категории людей не делю, а у лиц с ненадежными типами привязанности прослеживаются такие ответы: заставляю себя включаться в общение, к родителям – сложно, родственники – не общаемся, нейтрально.* То есть можно заключить, что проявления в межличностном и семейном общении подтверждают результаты методики для диагностики типа привязанности. Подобная разница прослеживается и по результатам других интервью.

Таким образом, методика «Диагностика типа привязанности к матери» Т. В. Капустиной, Е. Е. Волковой, Р. В. Кадырова при участии И. С. Ильиной подтвердила свою внешнюю, т. е. критериальную, валидность.

Заключение

Разработанная авторская методика для диагностики типа привязанности к матери Т. В. Капустиной, Е. Е. Волковой, Р. В. Кадырова при участии И. С. Ильиной успешно прошла апробацию и подтвердила свои диагностические возможности в оценке типа привязанности к матери. Благодаря методу экспертных оценок и частотным таблицам сопряженности была подтверждена содержательная валидность методики и разработана окончательная версия опросника, а с помощью статистической обработки были подсчитаны процентиля на выборке в 404 человек мужского и женского пола в возрасте 18–60 лет, позволяющие определять один из четырех типов привязанности к матери.

Показатели же ретестовой надежности по шкалам методик варьируются от 0,76 до 0,81, что является достаточно высоким показателем, из этого следует, что опросник для диагностики типа привязанности к матери является надежным инструментом.

При проведении проверки конструктивной валидности были выявлены значимые положительные и отрицательные корреляционные связи с надежными и валидными методиками, прямо или косвенно выявляющие особенности привязанности и последствий ее проявлений во взрослой жизни. С помощью выявления значимых различий в четырех группах исследуемых – с надежным, амбивалентным, избегающим и дезорганизованным типами привязанности к матери – были определены и описаны характерные для каждого типа личностные особенности.

Таким образом, опросник соотносится с конструктом и действительно измеряет то, что должен измерять.

Подтверждением являются результаты критериальной валидности, в ходе проверки которой результаты опросника соотносились с реальными биографическими данными респондентов, что позволило подтвердить внешнюю валидность методики.

Опросник для диагностики типа привязанности к матери Т. В. Капустиной, Е. Е. Волковой, Р. В. Кадырова при участии И. С. Ильиной можно отнести к экспресс-методам, поскольку прохождение методики не занимает большого количества времени. Его можно применять как психодиагностический инструмент в практической деятельности психолога в процессе психологического консультирования, когда необходимо оценить тип привязанности к матери, а затем обсудить полученные результаты с самим клиентом, чтобы усилить терапевтический эффект. Поскольку методика подтвердила свои психометрические параметры, то ее также можно применять в научных исследованиях.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Т. В. Капустина – разработка опросника, проведение психологического исследования, обработка результатов исследования, применение статистических методов для анализа и синтеза данных исследования, интерпретация результатов, написание статьи. Р. В. Кадыров – разработка опросника, разработка методологии исследования, надзор и ответственность за планированием и выполнением исследовательской деятельности, наставничество, утверждение статьи и ее переработка с учетом рекомендаций рецензентов. И. С. Ильина – проведение психологического исследования, интерпретация результатов, написание статьи.

Contribution: T. V. Kapustina developed the new interview method, conducted the psychological study, processed the data, applied statistical methods, interpreted the results, and drafted the article. R. V. Kadyrov developed the new interview method, designed the research methodology, supervised the research, planned and implemented research activities, and proofread the manuscript. I. S. Ilna conducted the psychological research, interpreted the results, and drafted the manuscript.

Литература / References

- Ананьев Б. Г. О проблемах современного человекознания. СПб.: Питер, 2001. 272 с. [Ananiev B. G. *Relevant issues of modern human studies*. St. Petersburg: Piter, 2001, 272. (In Russ.)]
- Батурин Н. А., Попов А. Ю. Методы контроля за качеством психодиагностических методик на основе стандарта требований к психодиагностическим методикам. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология*. 2010. № 27. С. 7–8. [Baturin N. A., Popov A. Yu. Quality monitoring of psychodiagnostic tests quality on the basis of requirements standard to psychodiagnostic techniques. *Vestnik YuYrGU. Seriya: Psikhologiya*, 2010, (27): 7–8. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mwjycz>
- Бизюк А. П., Вассерман Л. И., Иовлев Б. В. Применение интегративного теста тревожности (ИТТ). СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2005. 23 с. [Bizyuk A. P., Wasserman L. I., Iovlev B. V. *Application of the Integrative Anxiety Test (IAT)*. St. Petersburg: BPRI, 2005, 23. (In Russ.)]
- Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. 2-е изд. М.: Акад. проект, 2004. 237 с. [Bowlby J. *The making and breaking affectional bonds*. 2nd ed. Moscow: Akad. Proekt, 2004, 237. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxillp>
- Бурдина М. В., Волобуева Н. М., Сerezчко Т. А. Жизнестойкость студентов с различными типами эмоциональной привязанности к матери. *Гуманитарные науки (г. Ялта)*. 2023. № 1. С. 142–152. [Burdina M. V., Volobueva N. M., Serezchko T. A. S. Resilience of students with different types of emotional attachment to mothers. *The Humanities (Yalta)*, 2023, (1): 142–152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ekugwq>
- Бурменская Г. В. Привязанность ребенка к матери как основание типологии развития. *Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология*. 2009. № 4. С. 17–31. [Burmenskaya G. V. Child's attachment to mother as the basis of mental development typology. *Lomonosov Psychology Journal*, 2009, (4): 17–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lksdxx>
- Василенко В. Е., Рычихина Е. С. Проявления возрастного кризиса у подростков в связи с особенностями детско-родительских отношений. *Психология XXI века: системный подход и междисциплинарные исследования: Междунар. науч. конф. (Санкт-Петербург, 18–20 апреля 2017 г.)* СПб.: Скифия-принт, 2017. Т. 1. С. 255–261. [Vasilenko V. E., Rychikhina E. S. Manifestations of age crisis in adolescents in connection with the peculiarities of parent-child relationships. *Psychology of the XXI century: A systemic approach and interdisciplinary research: Proc. Intern. Sci. Conf., St. Petersburg, 18–20 Apr 2017*. St. Petersburg: Skifiia-print, 2017, vol. 1, 255–261. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zulhdd>
- Вассерман Л. И., Иовлев Б. В., Исаева Е. Р., Трифонова Е. А., Щелкова О. Ю., Новожилова М. Ю. Методика для психологической диагностики способов совладания со стрессовыми и проблемными для личности ситуациями. СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2009. 38 с. [Wasserman L. I., Iovlev B. V., Isaeva E. R., Trifonova E. A., Shchelkova O. Yu., Novozhilova M. Y. *Methods for psychological diagnosis of ways of coping with stressful and problematic situations of the individual*. St. Petersburg: BPRI, 2009, 38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/esxbjb>
- Вассерман Л. И., Ерышев О. Ф., Клубова Е. Б., Петрова Н. Н., Беспалько И. Г., Беребин М. А., Савельева М. И., Таукенова Л. М., Штрахова А. В., Аристова Т. А., Осадчий И. М. Психологическая диагностика индекса жизненного стиля. СПб.: НИПНИ им. Бехтерева, 2005. 54 с. [Wasserman L. I., Eryshev O. F., Klubova E. B., Petrova N. N., Bepalko I. G., Berebin M. A., Savelyeva M. I., Taukenova L. M., Shtrakhova A. V., Aristova T. A., Osadchiy I. M. *Psychological diagnostics of lifestyle index*. St. Petersburg: BPRI, 2005, 54. (In Russ.)]
- Волкова Е. Е., Капустина Т. В., Черемискина И. И. Развитие модели привязанности в контексте различных теоретических подходов. *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2017. Т. 6. № 1А. С. 45–53. [Volkova E. E., Kapustina T. V., Cheremiskina I. I. The development of the model of attachment in the context of different theoretical conceptions. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 2017, 6(1A): 45–53. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ytbaqj>
- Воронина М. Е. Потеря родителей и психологическое благополучие женщины среднего возраста. *Ярославский педагогический вестник*. 2017. № 1. С. 214–220. [Voronina M. E. Parents' death and psychological wellbeing of a middle-aged woman. *Yaroslavl pedagogical bulletin*, 2017, (1): 214–220. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yqybqx>
- Гуцыкова С. В. Метод экспертных оценок. Теория и практика. М.: ИП РАН, 2011. 144 с. [Gutsykova S. V. *Method of expert assessments. Theory and practice*. Moscow: IP RAS, 2011, 144. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raxsyx>

- Казанцева Т. В. Адаптация модифицированной методики «Опыт близких отношений» К. Бреннан и Р. К. Фрейли. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2008. № 74-2. С. 139–143. [Kazantseva T. V. Adaptation of the modified technique "Experience of Close Relationships" by K. Brennan and R. Fraley. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2008, 74(2): 139–143. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kknlfuf>
- Капустина Т. В., Родникова Е. А. Особенности проявления комплексного посттравматического стресса у людей с разными типами привязанности к матери. *СибСкрипт*. 2023. Т. 25. № 5. С. 615–624. [Kapustina T. V., Rodnikova E. A. Features of the manifestation of complex post-traumatic stress in people with different types of attachment to the mother. *SibScript*, 2023, 25(5): 615–624. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/sibscript-2023-25-5-615-624>
- Козырева В. В., Фам В. А. Т. Влияние взаимоотношений с матерью на романтические отношения дочерей. *Вестник университета*. 2024. № 10. С. 221–228. [Kozyreva V. V., Pham V. A. T. Influence of relationships with mothers on romantic relationships daughters. *Vestnik universiteta*, 2024, (10): 221–228. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2024-10-221-228>
- Макеева Е. А., Митина М. А., Юрченко Е. Н. Влияние нарушения привязанности на формирование личности ребенка. *Педагогика и психология как ресурс развития современного общества*: IX Междунар. науч.-практ. конф. (Рязань, 5–7 октября 2017 г.) Рязань: РГУ им. С. А. Есенина, 2017. С. 279–284. [Makeeva E. A., Mitina M. A., Yurchenko E. N. Impact of attachment disorder on the formation of a child's personality. *Pedagogy and psychology as a resource for the development of modern society*: Proc. IX Intern. Sci.-Prac. Conf., Ryazan, 5–7 Oct 2017. Ryazan: Esenin RSU, 2017, 279–284. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zrkbvf>
- Малкина-Пых И. Г. Психосоматика и типы привязанности у взрослых (на основе образа зарубежных исследований). *Ученые записки СПбГИПСП*. 2017. Т. 27. № 1. С. 8–18. [Malkina-Pykh I. G. Psychosomatics and types of attachment in adults (based on a review of foreign studies). *Uchenye zapiski SPbGIPSP*, 2017, 27(1): 8–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/whnkvc>
- Митина О. В. Разработка и адаптация психологических опросников. М.: Смысл, 2013. 235 с. [Mitina O. V. *Development and adaptation of psychological questionnaires*. Moscow: Smysl, 2013, 235. (In Russ.)]
- Попова И. Ю. Особенности взрослых с разными типами привязанности. *Психологическая газета*. 12.06.2019. [Popova I. Yu. Adults with different types of attachment. *Psikhologicheskaya gazeta*, 12 Jun 2019. (In Russ.)] URL: <https://psy.su/feed/7498/> (accessed 10 Jan 2025).
- Сабельникова Н. В., Каширский Д. В. Опросник привязанности к близким людям. *Психологический журнал*. 2015. Т. 36. № 4. С. 84–97. [Sabelnikova N. V., Kashirsky D. V. Attachment to close people questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2015, 36(4): 84–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uffwrfz>
- Собчик Л. Н. Теория и практика психологии индивидуальности. *Психологический журнал*. 2022. Т. 43. № 6. С. 119–130. [Sobchik L. N. Theory and practice of psychology of individuality. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2022, 43(6): 119–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S020595920023651-2>
- Чистопольская К. А., Митина О. В., Ениколопов С. Н., Николаев Е. Л., Семикин Г. И., Чубина С. А., Озол С. Н., Дровосеков С. Э. Адаптация краткой версии «Переработанного опросника – опыт близких отношений» (ECR-R) на русскоязычной выборке. *Психологический журнал*. 2018. № 5. С. 87–98. [Chistopolskaya K. A., Mitina O. V., Enikolopov S. N., Nikolaev E. L., Semikin G. I., Chubina S. A., Ozol S. N., Drovosekov S. E. Adaptation on a Russian sample of the short version of Experience in Close Relationships-Revised Questionnaire. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018, (5): 87–98. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S020595920000838-7>
- Шмелев А. Г. Психодиагностика черт личности. СПб.: Речь, 2002. 480 с. [Shmelev A. G. *Psychodiagnostics of personality traits*. St. Petersburg: Piter, 2002, 480. (In Russ.)]
- Якимова Л. С., Кравцова Н. А. Психосоциальные и психологические факторы развития дисморфофобий у современных подростков. *Тихоокеанский медицинский журнал*. 2017. № 3. С. 15–18. [Yakimova L. S., Kravtsova N. A. Psychosocial and psychological factors of body dysmorphic disorders development in modern adolescents. *Pacific Medical Journal*, 2017, (3): 15–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zhtxkf>
- Demirtaş A. S., Uygun-Eryurt T. Attachment to parents and math anxiety in early adolescence: Hope and perceived school climate as mediators. *Current Psychology*, 2022, 41: 4722–4738. <https://doi.org/10.1007/s12144-020-00964-1>

- Dugan K. A., Fraley R. C., Gillath O., Deboeck P. R. Changes in global and relationship-specific attachment working models. *Journal of Social and Personal Relationships*, 2022, 39(10): 3015–3043. <https://doi.org/10.1177/02654075211051408>
- Laporta-Herrero I., Jáuregui-Lobera I., Serrano-Troncoso E., Garcia-Argibay M., Cortijo-Alcarria M. C., Santed-Germán M. A. Attachment, body appreciation, and body image quality of life in adolescents with eating disorders. *Eating Disorders*, 2022, 30(2): 168–181. <https://doi.org/10.1080/10640266.2020.1763112>
- Sun Y., Li J.-B., Oktaufik M. P. M., Vazsonyi A. T. Parental attachment and externalizing behaviors among Chinese adolescents: The mediating role of self-control. *Journal of Child and Family Studies*, 2022, 31: 923–933. <https://doi.org/10.1007/s10826-021-02071-6>

Опросник для диагностики типа привязанности к матери (Т. В. Капустина, Е. Е. Волкова, Р. В. Кадыров)

Инструкция: Уважаемый респондент, Вашему вниманию предлагается опросник, в котором представлены утверждения о детстве, отношениях с партнером (или супругом), а также о некоторых особенностях Вашей личности. Заполните, пожалуйста, бланк, поставив «галочку» напротив номера каждого утверждения в столбике, соответствующем графе «Да» (если это утверждение Вам подходит) или «Нет» (если это утверждение не про Вас).

№	Утверждение	Да	Нет
1	Я помню, как мама меня поддерживала в детстве		
2	Моя мама всегда выполняла все мои желания		
3	Моя мама не имеет недостатков		
4	В детстве рядом с мамой было спокойно и безопасно		
5	В детстве мама часто кричала на меня		
6	Мама периодически била меня		
7	Если у меня возникали сложности в школе, я без проблем мог(ла) поделиться с мамой		
8	Мама практически не интересовалась моими школьными успехами или проблемами		
9	Я старался(лась) хорошо учиться в школе в большей степени потому, что, когда мама замечала мои успехи, я чувствовал(а) себя более нужной ей		
10	В детстве в семье был такой человек, который делал мне плохие вещи, о которых я не хочу говорить или думать сейчас		
11	Думая о маме, я испытываю благодарность за то спокойствие, которое было рядом с ней в детстве		
12	В моем детстве взрослые не огорчали меня никогда и ничем		
13	Вспоминая свое детство, у меня возникают неприятные ощущения		
14	У меня всегда была идеальная семья		
15	В моей жизни есть близкие отношения, которые дают защищенность и поддержку		
16	Я не нуждаюсь в близких отношениях с кем-либо		
17	Когда я в отношениях, я доверяю своему партнеру		
18	Я никогда не испытываю злости в адрес моего партнера		
19	Мне важно чувствовать постоянное внимание со стороны своего партнера		

№	Утверждение	Да	Нет
20	Мне нравится заботиться о своем партнере, и я получаю удовольствие, когда заботятся обо мне (выберите ответ «Да» только в том случае, если Вы согласны с обеими частями утверждения)		
21	Я считаю, что показывать свои чувства и обсуждать проблемы – это важная часть близких отношений в паре		
22	Я ревнивый человек		
23	Чаще всего мне нравится, как я выгляжу, меня устраивает мое тело		
24	Мне кажется, что люди, с которыми я дружу, могут предать меня в любой момент		
25	Мне часто некомфортно общаться с другими людьми, потому что я ожидаю насмешек или оскорблений		
26	У меня неустойчивое мнение о себе, которое часто зависит от оценки меня окружающими		
27	В сложных ситуациях я стремлюсь опираться только на себя		
28	При возникновении проблем в личной жизни я часто ухожу с головой в работу		
29	У меня есть люди, на которых я могу рассчитывать		
30	Мои фантазии интереснее окружающей меня жизни		

Ключ к опроснику для диагностики типа привязанности к матери:

Дополнительная шкала – *Шкала Лжи*: начисляется 1 балл за ответ «Да» на утверждения 2, 3, 12, 14, 18. Если значения по шкале от 4 баллов, то данные недостоверны, респондент отвечал неискренне.

Шкала *Надежный тип привязанности* (Н): начисляется 1 балл за ответ «Да» на утверждения 1, 4, 7, 11, 15, 17, 20, 21, 23, 29.

Шкала *Избегающий тип привязанности* (И): начисляется 1 балл за ответ «Да» на утверждения 5, 8, 9, 16, 19, 22, 24, 26, 27, 28.

Шкала *Дезорганизованный тип привязанности* (Д): начисляется 1 балл за ответ «Да» на утверждения 6, 10, 13, 25, 30.

Прим.: Амбивалентный тип привязанности, согласно теоретическому обоснованию данной методики, одновременно соотносится и с надежным, и с избегающим, и элементами дезорганизованного типа привязанности к матери, поэтому занимает промежуточное положение между ними.

обзорная статья

<https://elibrary.ru/byyskj>

Проблема созависимости в современных психологических исследованиях

Стряпухина Юлия Витальевна

Русская христианская гуманитарная академия
имени Ф. М. Достоевского, Россия, Санкт-Петербург
eLibrary Author SPIN: 4465-1584
kurry@yandex.ru

Посохова Светлана Тимофеевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, Санкт-Петербург
Русская христианская гуманитарная академия
имени Ф. М. Достоевского, Россия, Санкт-Петербург
eLibrary Author SPIN: 9016-2796
<https://orcid.org/0000-0001-5172-6774>
Scopus Author ID: 6603141560

Аннотация: В современной социокультурной ситуации созависимость остается важной проблемой не только психологической, но и клинической практики. Понимание сущности созависимости раскрывается в многообразии научных психологических подходов при минимальной системности в определениях. Неслучайно встает вопрос о целесообразности системного рассмотрения данной проблемы и создания интегральной модели, охватывающей различные аспекты ее проявления. Цель обзорного исследования – раскрыть понимание созависимости в современных психологических исследованиях. Для достижения поставленной цели решались задачи определения критериев систематизации психологических исследований по проблеме созависимости. К ним были отнесены смысловое содержание созависимости и ключевой жизненной сферы, которая создает условия для развития созависимости, определяет необходимость ее коррекции и профилактики. Использовался метод научного анализа исследований отечественных и зарубежных авторов. Во внимание принимались теоретико-методологические основы и результаты эмпирических исследований. Всего было проанализировано 94 работы. Для классификации подходов к пониманию проблемы созависимости применялся контент-анализ. Приводится ряд определений созависимости. Их анализ позволил выделить многоплановость смыслового содержания созависимости: как явление культуры, как особенность ценностно-смысловой сферы, как деформация личности и реакция беспомощности, как особое психическое состояние, деструктивные взаимоотношения с зависимым человеком и форма защитно-совладающего поведения. Представлено авторское определение созависимости. Созависимость – это многомерный, полифункциональный и динамичный клинико-психологический феномен, отражающий выраженную ориентацию личности на ценность другого человека и полную идентификацию с ним, влекущую деформацию самоотношения, дефицит целеполагания и последующую непродуктивную (патологическую) адаптацию в трудной жизненной ситуации. Созависимость проявляется на психофизиологическом, эмоциональном, ценностно-смысловом, социальном и поведенческом уровнях жизни человека и требует комплексной клинико-психологической интервенции. К числу основных сфер возникновения и трансформации созависимости отнесена семья. Созависимость как одна из форм социальной общности затрагивает всех членов семьи. Развитие созависимости, как и ее коррекция, сопровождается определенной динамикой внутрисемейных отношений.

Ключевые слова: созависимость, смысловой анализ, деформация личности, самоотношение, ценностный компонент, идентификация с зависимым, патологическая адаптация, семья, внутрисемейные отношения

Цитирование: Стряпухина Ю. В., Посохова С. Т. Проблема созависимости в современных психологических исследованиях. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 247–266. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-247-266>

Поступила в редакцию 29.07.2024. Принята после рецензирования 27.12.2024. Принята в печать 28.12.2024.

review article

Codependency in Psychological Studies

Yulia V. Stryapukhina

Russian Christian Academy for Humanities, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 4465-1584

kurry@yandex.ru

Svetlana T. Posokhova

St. Petersburg State University, Russia, St. Petersburg

Russian Christian Academy for Humanities, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 9016-2796

<https://orcid.org/0000-0001-5172-6774>

Scopus Author ID: 6603141560

Abstract: Codependency is an important psychological and clinical issue in the current socio-cultural environment. Despite the variety of scientific approaches, its definitions remain unsystematic and inconsistent. Codependency requires a systematic, integral model to cover all aspects of its manifestation. This review of the codependency phenomenon in modern psychology relied on the semantic content of codependency, as well as the key areas of life that set up predispositions for codependency development, correction, and prevention. The review covered 94 theoretical and methodological foreign and domestic research papers. The method of content analysis yielded a set of definitions that highlighted the semantic diversity of codependency as a cultural phenomenon, a value-semantic element, a personality deformation, a reaction of helplessness, a special mental state, a form of protective coping behavior, and destructive relationships with a dependent person. As a result, the authors defined codependency as a multidimensional, multifunctional, and dynamic clinical and psychological phenomenon when the person is so focused on the value of another person that starts to identify with them, which results in deformed self-attitude, poor goal-setting, and pathological adaptation in an adverse life situation. Codependency manifests itself at the psychophysiological, emotional, value-semantic, social, and behavioral levels. It requires a comprehensive clinical and psychological intervention. It emerges in the family as a form of social community and affects all its members. Codependency development and correction correlate with certain changes in intra-family relations.

Keywords: codependency, semantic analysis, personality deformation, self-attitude, value component, identification with a dependent, pathological adaptation, family, intra-family relations

Citation: Stryapukhina Yu. V., Posokhova S. T. Codependency in Psychological Studies. *SibScript*, 2025, 27(2): 247–266. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-247-266>

Received 29 Jul 2024. Accepted after peer review 27 Dec 2024. Accepted for publication 28 Dec 2024.

Введение

В современном мире многие специалисты все чаще сталкиваются с различного рода зависимостями у представителей как подрастающего, так и взрослого населения. Возникающие зависимости могут иметь разную степень развития (от увлечения до полного погружения) и разную природу (нехимические и химические зависимости). Несмотря на то что прикладываются серьезные усилия, направленные на преодоление и профилактику зависимого поведения, с каждым годом проблема причин и последствий зависимости не только не ослабевает, но все больше усложняется. При этом акцент делается на роли той атмосферы и тех взаимоотношений, которые существуют в семьях зависимых лиц. Специалисты закономерно обращаются к исследованию социальных, психологических, психофизиологических особенностей не только лиц, страдающих той или иной зависимостью,

но и их семейного окружения, включая родителей, супругов и близких родственников. Однако часто выясняется, что те, кто проживает рядом с зависимыми людьми, становятся созависимыми и нуждаются в помощи не меньше, а, с точки зрения многих специалистов, даже больше самих зависимых.

Термин *созависимость* появился в зарубежной научной литературе во второй половине XX в. [Fischer, Spann 1991; Gierysk, Willams 1986; Larsen 1985; Mulry 1987; Subby, Friel 1984; Wegscheider-Cruse 1987; Whitfield 1989; Young 1987]. В России специалисты начинают более узко описывать проблематику созависимости с конца 1980-х гг. [Бехтель 1986; Гузиков, Мейроян 1988; Зайцев 2004; Москаленко 2011]. Изначально с помощью термина *созависимость* раскрывались психологические особенности и характерные состояния членов семей, родственников и друзей зависимых лиц.

Сейчас созависимость все больше рассматривается как самостоятельный феномен, который исследуют специалисты различных областей медицины, психологии, социальной работы, педагогики. И если сначала понятие *созависимость* использовали преимущественно для описания феномена, основываясь на клинической практике врачей, психологов, социальных работников, то с 2000-х гг. наблюдается смещение в сторону серьезных эмпирических исследований, которые позволяют конкретизировать сущность и детерминанты созависимости.

В настоящее время сложность и многомерность феномена созависимости стали одной из причин вариаций его определения. Некоторые авторы используют одно или несколько определений, ссылаясь на работы коллег. Тем самым, безусловно, создается проблема целостного, непротиворечивого понимания созависимости. Проблема сохраняется и в том случае, когда предпринимаются попытки обобщить сложившиеся подходы с опорой на различные признаки, определить общность критериев проявления и создать системное представление о созависимости. Примером служит биопсихосоциальный подход [Башманов, Калиниченко 2015], медико-психолого-культуральный анализ [Шаповал 2008], метаиндивидуальный уровень анализа феномена [Запесоцкая 2012], многомерный психосоциальный подход [Vascon et al. 2020]. Так, Е. С. Иванова выделяет четыре подхода: медицинский, социальный, психологический и экзистенциальный [Иванова 2021]. В ряде случаев феномен созависимости описывается с позиций основных научных направлений, признанных в психотерапии и психологии: психоаналитического, когнитивно-поведенческого, экзистенциально-гуманистического, формирующегося лингвистического, а также в рамках отдельных психотерапевтических методов: транзактного анализа, системного семейного подхода [Артемцева 2012; Ермаков и др. 2018].

Ценность подобных подходов – в преимущественной ориентации на описание созависимости через дисциплинарное содержание уже сложившихся, проверенных временем научных концепций, на раскрытие широкого спектра социальных и психологических факторов, которые определяют вероятность психологического вмешательства. Ограничения – в признании созависимого человека объектом влияния условий ее возникновения. Ослабевает преобразующая роль самой личности в преодолении и предупреждении созависимости как болезненного состояния, в выборе адаптационной стратегии, защищающей

от компульсивных форм поведения и мнения зависимых людей, в попытке обрести уверенность в себе, в осознании собственной значимости и личного потенциала саморегуляции.

Актуальным становится вопрос о поисках научно-методологических оснований для расширения возможностей и преодоления ограничений в исследовании феномена созависимости, а также для разработки профилактических, коррекционных и обучающих программ. Возникает предположение, что некоторые ограничения могут быть преодолены благодаря анализу смыслового содержания созависимости. Сопоставление разных научных подходов и направлений показывает частое пересечение именно смыслового содержания созависимости. Практический опыт консультирования созависимых лиц подтверждает, что созависимость у каждого конкретного субъекта может приобретать особый смысл, не всегда соответствующий научной парадигме, которой придерживается консультант. Ориентация на смысловое содержание смещает плоскость исследования и оказания психологической помощи в область личностного потенциала саморегуляции и самоотношения созависимого человека как ключевого субъекта созависимости.

Цель обзорного исследования заключается в раскрытии понимания созависимости в современных психологических исследованиях. Задачи:

1. Раскрыть смысловое содержание созависимости, сложившееся в современных психологических исследованиях.
2. Определить ключевую жизненную сферу, которая создает условия для возникновения и необходимости коррекции и профилактики созависимости.

Использовался метод научного анализа исследований отечественных и зарубежных авторов по проблеме созависимости. Во внимание принимались теоретико-методологические основы и результаты эмпирических исследований. Всего было проанализировано 94 работы. Для классификации подходов к пониманию проблемы созависимости применялся контент-анализ.

Результаты

Поставленные задачи определили логику изложения результатов анализа отечественных и зарубежных исследований по проблеме созависимости. В первую очередь остановимся на разработке смыслового содержания созависимости, раскрывающего сущность, границы и критерии понимания этого феномена.

История мировой психологии представляет собой плюралистическую совокупность концепций, сыгравших существенную роль в становлении и развитии научного знания относительно созависимости. Фундамент научной самостоятельности психологии составляют несколько направлений: психоаналитическое, когнитивно-поведенческое, экзистенциально-гуманистическое, формирующееся лингвистическое. В них можно увидеть общую динамику познания психологических феноменов, в том числе и созависимости: от структуры – к функции, от внешних проявлений – к внутренним, от общего – к частному. В дальнейшем одним из приоритетных направлений становится познание личности, ее социальной активности и межличностного взаимодействия в разных жизненных сферах.

В зарубежной психологии можно привести в качестве примера индивидуальную психологию А. Адлера, в которой «вопрос об отношении одного человека к другому, то есть вопрос социальности», является первым жизненно важным вопросом [Адлер 2002: 32]. Многие представители постфрейдизма (например, Э. Эриксон, Э. Фромм, К. Хорни), придерживающиеся психодинамической ориентации, большое значение в формировании личности придавали роли культурных и межличностных факторов.

Для отечественной медицинской психологии базовой теорией личности является теория отношений В. Н. Мясищева. В данном направлении личность рассматривается как система отношений человека к окружающей действительности [Мясищев 1960]. Эти отношения представляют собой сложную иерархичную систему, которая обусловлена особенностями развития, воспитания и самовоспитания и включает в себя как наиболее важные для человека отношения, так и второстепенные. Система отношений динамична и может изменяться вследствие развития личности. Однако доминирующим для личности всегда остается отношение к людям, формирующееся в деятельности и определяющее общественно-историческую обусловленность личности [Мясищев 1998].

Среди форм межличностных отношений эмоциональная привязанность в филогенезе и онтогенезе формируется наиболее рано и наиболее значима в жизни человека и общества. Так, И. А. Шаповал считает, что привязанность имеет «базальный характер, определяющий не просто отдельные акты поведения, индивидуального и массового, но и специфику житейской философии, мышления, этики, наконец, стиля жизни» [Шаповал 2008: 79]. Новорожденный младенец

полностью зависит от своих родителей или других людей, которые за ним ухаживают. По мере взросления и социализации степень этой зависимости в норме становится меньше, и человек продвигается к большей свободе и независимости, формируя здоровые отношения с другими людьми.

Основными задачами индивидуального развития, по В. Н. Мясищеву, являются:

- «выделение себя из окружающего, образование "я" и "не я", расчленение "я" в предметной деятельности;
- формирование избирательных устойчивых реакций на окружающее, которые постепенно поднимаются до уровня сознательных отношений;
- возникновение и развитие инициативности в деятельности как осуществление самостоятельных и перспективных "волевых" действий, преодолевающих непосредственные побуждения и препятствия, сперва во внешней, а потом и во внутренней действительности, и являющихся основой внутренней личностной организации переживаний и поведения» [Мясищев 1960: 73–74].

Любые значимые отношения несут в себе оттенок эмоциональной зависимости, стремления заботиться о близком человеке, приспосабливаться к его интересам, потребностям, установкам. Если этот процесс взаимный, то, согласно концепции Б. Уайнхолда и Дж. Уайнхолд, развиваются отношения взаимозависимости, в которых человек имеет возможность свободно двигаться между соединением и отделением [Уайнхолд, Уайнхолд 2008]. Если же не происходит разделения «я» и «не я», не происходит движения в сторону свободы и взаимозависимости, то в отношениях сохраняется и развивается созависимость.

Анализ теоретико-методологических основ и эмпирических результатов отечественных и зарубежных исследований позволяет выделить сложившуюся в психологии совокупность смыслов созависимости как несформированного (деформированного) самоотношения личности. В них кристаллизуется смысл созависимости в качестве:

- социокультурного явления;
- особенностей ценностно-смысловой сферы личности;
- деформации личности;
- реакции беспомощности на трудную ситуацию;
- особого психического состояния;
- деструктивных взаимоотношений с зависимым человеком;
- формы защитно-совладающего поведения.

Каждый смысловой аспект отражает логику развития, особенности культурного, социального и психологического содержания созависимости как феномена человеческого бытия [Стряпухина, Посохова 2024]. Для построения модели смысловой организации и эмпирического исследования созависимости целесообразно подробнее рассмотреть содержание каждого аспекта.

Созависимость как социокультурное явление

Исходная позиция заключается в том, что в обществе распространена культура созависимости, когда созависимые объектные отношения между людьми считаются нормой [Березин 2010; Короленко, Дмитриева 2001; Минуллина, Михайлова 2018; Полушкина, Алаторцева 2016; Уайнхолд, Уайнхолд 2008; Шаповал 2008]. При этом образы созависимых отношений широко представлены в разных видах искусства: литературе, кинематографе, музыке, театре – и воспринимаются большинством людей как нормальные и даже желательные [Полушкина, Алаторцева 2016].

Созависимость как явление характерно для современной культуры в целом и для семьи как для малой социальной группы в частности [Березин 2010; Загородникова 2012]. Созависимость возникает и развивается в глубине социальной структуры современного общества, создающего условия для сохранения разных видов неравенства путем поддержания модели доминирования. Кроме того, в обществе распространена идея, что ценность человека находится не внутри, а во вне, и всегда обусловлена какими-то действиями, внешними людьми или обстоятельствами. Как пишет об этом Н. Г. Артемцева: «С детства в человека закладываются определенные ограничения, которые мешают реализации его ресурсов и раскрытию всех его потенциальных возможностей» [Артемцева 2012: 210]. В процессе своего развития и социализации человек воспринимает социально-культурные смыслы общения, его язык и особенности, социальный опыт. Далее в процессе интериоризации он преобразует их в собственные ценности, установки, ориентации [Артемцева 2012; Шаповал 2008].

Некоторые авторы в своих исследованиях подтверждают, что родительская созависимость является фактором риска формирования зависимости у детей [Ананьева 2017; Барцалкина 2012; Береза и др. 2016; Осинская, Кравцова 2016]. В свою очередь, дисфункциональность семьи, различного рода стрессовые факторы (зависимость или тяжелая болезнь одного или нескольких членов семьи и т.д.) повышают риск развития созависимости у детей [Москаленко 2011;

Fuller, Warner 2000]. Следовательно, в условиях воспитания в созависимых моделях поведения человек перенимает их и затем воспроизводит в виде определенных семейных сценариев и часто может стать либо зависимым, либо тем, кто будет вступать в отношения с зависимыми людьми. Таким образом, поддержание и развитие созависимости как патологической среды для развития зависимого поведения происходит подобно спирали, усложняясь с каждым новым витком.

Созависимость как особенность ценностно-смысловой сферы личности

Созависимость рассматривается как внутриличностный феномен, суть которого определяется развитием особенностей ценностно-смысловой сферы личности. Согласно В. Н. Мясищеву, «личность наиболее полно раскрывается в том, что для нее наиболее важно, значимо, к чему она наиболее сильно и настойчиво стремится: она наиболее ярко выражается в критические моменты, когда решаются жизненно важные для нее вопросы. Личность проявляется и познается в том, каковы мотивы и цели ее деятельности, определяющие уровень и состояние ее психических процессов» [Мясищев 1960: 71].

Для созависимых характерна «консервация терминальных ценностных универсалий: любовь, здоровье, счастливая семейная жизнь и т.д.» [Посохова, Яцышин 2008: 155], при этом их смысл приобретает свои особенности. Внешне человек перенимает ценности общества и семьи, но не прилагает внутренние усилия для их анализа, осмысления и самосоздания [Легостаева 2021; Шаповал 2008]. Для созависимого главными становятся ценности, установки, интересы и потребности другого человека (или других людей) [Артемцева 2012]. Фактически зависимый становится для созависимого таким же сверхценным «объектом употребления», как объект зависимости для зависимого [Короленко, Дмитриева 2001]. Такое отношение опосредует все жизненные отношения созависимого, в первую очередь самоотношение и отношение к собственной жизни [Посохова, Яцышин 2008]. Высокий уровень созависимости сочетается с низкой экзистенцией в виде неспособности к самодистанцированию, самотрансценденции, свободе, ответственности, персональности, экзистенциальности. Тем самым определяются закрытость человека, недостаток эмоциональности, сфокусированность на себе, склонность к навязчивым мыслям, высокая ситуативная реактивность на внешние раздражители,

инфантильность, беспомощность, трудности в принятии решений. Ослабевает способность нести ответственность за свои потребности и желания, за свою жизнь [Артемцева 2012; Стряпухина 2024]. Снижается уровень наполненности жизни смыслом и жизнестойкости [Гагай, Селезнева 2016].

Созависимость как деформация личности

При интенсификации развития негативного сценария взаимодействия с зависимым у созависимого прогрессируют отдельные личностные дисфункции и деформация формирования личности в целом. Фактически у созависимых существенно затрудняются «выделение себя из окружающего, образование систем "я" и "не я"» [Мясищев 1960: 73], осознание и проявление личностной автономии [Калашнова 2011: 20–21; Марин, Храпкова 2023; Осинская, Кравцова 2016; Уайнхолд, Уайнхолд 2008], формирование «концепции self» [Короленко, Дмитриева 2001]. В дальнейшем это влечет за собой деформацию всех Я-систем вплоть до отказа от своего Я, потери *самости* созависимого [Артемцева 2012; Москаленко 2011]. Наблюдаются «неспособность разрешать противоречия» [Шаповал 2008: 81], несформированность или размытость границ своего Я, отчуждение, неприятие своих собственных чувств, мыслей, желаний, потребностей, устойчивая потребность восполнения и определения своей личности через личность другого человека (или других людей) с полной зависимостью своего настроения и душевного состояния от настроения и душевного состояния другого (других) [Емельянова 2018; Зайцев 2004; Морозова 2009; Kaplan 2023: 677; Lampis et al. 2017].

Гармоничное самоотношение такой личности не может сформироваться или заметно деформируется на определенной стадии развития. Самоотношение, согласно психологической теории отношений В. Н. Мясищева, может быть рассмотрено как активная позиция человека в отношении себя, представляющая «сознательную, избирательную, основанную на опыте психологическую связь его с различными сторонами объективной действительности, выражающуюся в его действиях, реакциях и переживаниях» [Мясищев 1960: 200]. У созависимых самоотношение характеризуется рядом особенностей. Однако «самое главное, отказываясь от своего "Я", невозможно испытывать здоровое чувство любви к себе, которое предполагает адекватное отношение к себе, а также уважение и самопринятие себя как уникальной и целостной личности» [Артемцева 2012: 74].

В системе самоотношения многие авторы, описывая феномен созависимости, выделяют низкую самооценку как фундаментальную характеристику личности созависимых [Башманов, Калиниченко 2015; Битти 1997; Морозова 2009; Москаленко 2011; Wegscheider-Cruse 1987]. Действительно, с повышением уровня созависимости все более рельефно проявляются внутренняя напряженность, погруженность в собственные проблемы. В структуре личности доминируют неудовлетворенность собой, критичность и избирательность по отношению к себе, легкость изменения представлений о себе, неуверенность и сомнение в своих возможностях, трудности в принятии решений, сниженное ожидание возможности помощи и поддержки от других людей, преобладают негативный фон отношения к себе, поиск осуждаемых в себе качеств и свойств, присутствует установка на самообвинение, сопровождающаяся ощущением невозможности удовлетворения своих основных потребностей. Именно таким образом у созависимых людей проявляется самоуничижение, фиксирующее устойчивое негативное отношение к себе [Стряпухина 2024].

Созависимость как реакция беспомощности на трудную ситуацию

В последнее время активно формируется мнение, что созависимость возникает как средство защиты или способ выживания человека в неблагоприятных для него семейных обстоятельствах, как своеобразная закрепившаяся реакция беспомощности на трудную ситуацию, вызванную зависимостью близкого [Шорохова 2002; Aristazábal 2020; Mulry 1987; Young 1987]. Так, И. В. Запесоцкая пишет о снижении «эффективности психического реагирования и взаимодействия с окружающей средой, о повышении ригидности и диссоциативности» близких родственников зависимых [Запесоцкая 2012: 97].

Многие авторы определяют реакцию беспомощности как своеобразное выражение позиции жертвы [Башманов, Калиниченко 2015; Битти 1997; Москаленко 2011] или «виктимную идентичность» [Андронникова 2017: 92]. В ключе беспомощности созависимые отношения рассматриваются через призму драматического треугольника С. Карпмана [Барцалкина 2012: 21–23; Демидова, Сойко 2017: 35; Ермаков и др. 2018; Карпман 2016: 56; Никонорова 2020; Рассохин 2020: 84; Сомкина и др. 2018: 52–53; Шорохова 2002].

Смысл созависимости как реакции беспомощности неоднозначен. В частности, М. G. McGrath и В. A. Oakley

рассматривают созависимость как неспособность терпеть воспринимаемое негативное влияние других людей. Такая оценка предполагает поиски активного преодоления ситуации. Однако высоковероятна дисфункциональная эмпатическая реакция, например в виде оказания нездоровой помощи зависимому человеку. На самом деле такое поведение снижает влияние негативных факторов в конкретных жизненных ситуациях, в конкретный момент времени (здесь и сейчас), позволяет созависимому человеку почувствовать себя лучше, но в долгосрочной перспективе приводит к развитию и углублению дисфункциональной ситуации [McGrath, Oakley 2011]. В таком же ключе рассматривает созависимость и S. M. Burn, проводя границы между здоровой и нездоровой помощью [Burn 2016].

Созависимость как особое психическое состояние

Известно, что созависимость не включена в Международную классификацию болезней десятого пересмотра (МКБ-10) как состояние, которое можно однозначно диагностировать. Несмотря на это, специалисты отмечают закономерность: с повышением уровня созависимости снижается уровень общего благополучия человека, что выражается в доминировании дисфункциональных психоэмоциональных и психофизиологических состояний.

Многие авторы с разной степенью подробно описывают эти состояния. Основные акценты: страх и тревога, гнев и агрессия, вина, стыд, обида, недоверие, затянувшееся отчаяние, отчужденность, негативная эмоциональная (фрустрационная) толерантность [Ананьева 2017; Башманов, Калиниченко 2015; Береза и др. 2016; Бочаров, Шишкова 2016; Делеви 2006; Загородникова 2012; Зайцев 2004; Каяшева, Ефремова 2016; Кротова 2012; Морозова 2009; Москаленко 2011; Нашкенова 2012; Норвуд 2008; Петрова 2016; Стебакова 2022; Family interventions... 2012; Subby, Friel 1984].

С повышением уровня созависимости у человека развиваются симптомы хронического утомления [Стряпухина 2024] и истощения (которое некоторыми авторами рассматривается как признак эмоционального выгорания) [Башманов, Калиниченко 2015; Бочаров и др. 2019]. Могут развиваться психосоматические заболевания и разные виды зависимости [Менделевич, Садыкова 2002; Family interventions... 2012; Knaprek, Kuritárné Szabó 2014], аутоагрессивное и аутодеструктивное поведение [Меринов и др. 2011: 137]. На основании результатов исследования

Ю. А. Перминова отмечает, что у созависимых встречаются как суицидальные типы реакций, так и различные варианты несуйцидальной деструкции: «поражение соматической сферы, нарушения в социальном и профессиональном статусах, рискованные и виктимные формы поведения» [Перминова 2017: 72]. При этом аутоагрессивность созависимых может быть локализована как в одной, так и в нескольких сферах.

Развивающееся состояние созависимости как характеристика целостной психической организации личности затрагивает различные ее уровни и сферы. Выявляются специфические особенности когнитивной сферы: снижение когнитивных функций [Стряпухина 2024], негативное мышление в форме когнитивной ригидности [Петрова 2016], склонность к резким суждениям и навязчивым мыслям [Башманов, Калиниченко 2015; Москаленко 2011], наличие таких иррациональных установок, как катастрофизация, низкая фрустрационная толерантность, долженствование в отношении себя, долженствование в отношении других, самооценка [Купченко 2020: 32].

А. А. Кулик и Е. В. Лавриненко, а также Д. С. Кириллова, опираясь на собственные исследования, отмечают особенности временной перспективы у созависимых. У них остаются сохранными «значимые точки событийного пространства личности», но нарушаются «плавность и стройность временного переживания», в частности, снижаются «хронологическая протяженность временной перспективы, интегрированность событийного пространства прошлого», более выражен «отрицательный вектор событийной направленности» [Кириллова 2019: 46]. «Категории времени [прошлое, настоящее и будущее] разрознены и словно оторваны друг от друга», страдает возможность гибко переключаться между ними, присутствует фрагментарность восприятия. Выявлена «определенная несбалансированность временной ориентации», что, по мнению авторов, будет определять поведение созависимого человека как дисбаланс содержания воспроизведения прошлого опыта, переживаний и желаний настоящего (которые часто компульсивны) и представлений о будущих последствиях [Кулик, Лавриненко 2011: 64].

Созависимость как деструктивные взаимоотношения с зависимым человеком

Серьезные деформации наблюдаются в сфере межличностных взаимоотношений созависимых. Они затрагивают как коммуникативное поведение самого созависимого человека, так и его взаимодействие

с окружающими людьми, включая зависимого члена семьи. На основании исследований можно говорить о снижении мотивации общения [Москаленко 2011; Сtryapukhina 2024; Хемфелт и др. 2007], повышенной чувствительности к критике и негативной оценке своих действий со стороны окружающих [Harr et al. 2023].

Главная тенденция в отношениях созависимых с окружающими людьми, в первую очередь с зависимым близким, – это доминирование внешних ориентиров социальной коммуникации, внешнего локуса контроля, т.е. ориентация на *внешний* мир в целом, на мнения других людей, на их ценности, на то, как *принято* [Короленко, Дмитриева 2001; Москаленко 2011; Сtryapukhina 2024; Хемфелт и др. 2007]. С одной стороны, созависимый позволяет другому человеку оказывать сильное воздействие на себя и свою жизнь, с другой – созависимый сам одержим идеей контроля над другим, стремлением манипулировать другим человеком, т.к. видит в нем источник собственного счастья или, наоборот, неблагополучия [Абрамов и др. 2013; Битти 1997; Манухина 2019; Савина 2008]. Так, Z. Harr с соавторами отмечает, что созависимые люди склонны прилагать усилия исключительно к поддержанию отношений или усилению чувства контроля над другим человеком (или ситуацией в целом), используя это как способ косвенного осуществления власти [Harr et al. 2023].

К. С. Лисецкий и Е. В. Литягина делают акцент на том, что устойчивое отношение к зависимому человеку как к больному, а к себе как к здоровому приводит к чрезмерной опеке зависимого, к ограничению его ответственности [Лисецкий, Литягина 2014: 252]. В результате формируются искаженное отношение к близкому зависимому и деструктивные взаимоотношения с ним. Подобные отношения нередко классифицируются как объектные, поскольку сам созависимый перестает быть субъектом из-за потери способности самостоятельно принимать решения [Шаповал 2008]. Объектом отношений становится объект зависимости [Запесоцкая 2012].

Отмеченные тенденции позволяют рассматривать созависимость как аддикцию отношений [Зайцев 2004; Короленко, Дмитриева 2001; Пузырёва 2012; Wegscheider-Cruse 1987]. В таких отношениях присутствует эмоциональная зависимость одного человека от другого, а свободного пространства для развития личности практически нет, или оно полностью отсутствует [Емельянова 2018: 14–15]. Можно согласиться с Е. А. Савиной в том, что созависимое поведение «сопровождается вмешательством в жизнь алкоголика

или наркомана таким образом, что лишает последнего ответственности за свою жизнь, сглаживает негативные последствия его употребления и тем усиливает развитие его зависимости. Приводит к крайне разрушительным последствиям в жизни алкоголиков, наркоманов и их близких» [Савина 2008: 27].

Созависимость как особая форма защитно-совладающего поведения

Созависимость проявляется не только как индивидуальная внутренняя система межличностных отношений, но и как особая форма внешне проявляемого поведения. Некоторые авторы описывают феномен созависимости как вид непродуктивной адаптации [Винников 2019; Запесоцкая 2012], нарушенной адаптации [Делеви 2006: 11], самоподавляющего поведения [Family interventions... 2012], дисфункционального поведения [Минуллина, Михайлова 2018: 338], как нездоровый способ преодоления жизненных трудностей [Петрова 2016, Wegscheider-Cruse 1987], «деструктивные паттерны поведения аутоагрессивного характера» [Рожнова и др. 2020: 57].

Защитно-совладающее поведение дополняет спектр поведения созависимых, что находит подтверждение в эмпирических исследованиях. В частности, Б. В. Кузьмин и Ю. В. Потапова отмечают, что «люди с высоким уровнем созависимости в трудной ситуации не могут найти ресурс для собственного личностного роста и реагируют на нее с повышенной степенью эмоциональности», что приводит «к снижению эффективности совладающего поведения, особенно в ситуациях, которые требуют от человека рациональных, направленных на проблему активных действий», и формированию выученной беспомощности [Кузьмин, Потапова 2016: 13].

Для созависимых характерно высокое напряжение психологических защит. Они используют все формы психологической защиты от страданий: рационализацию, минимизацию, вытеснение, но больше всего – отрицание. Отрицание – это способность игнорировать, отрицать то, что происходит, избегать своих чувств, предубеждений и действительности, способность не верить своим глазам [Зайцев 2004; Кузнецова 2017; Москаленко 2011; Уайнхолд, Уайнхолд 2008]. Проявляется отрицание в том, что «созависимые не видят своих проблем» [Москаленко 2011: 24]. Именно отрицание помогает созависимому человеку выживать в трудной ситуации взаимоотношений с зависимым близким, продолжая нести на себе бремя ответственности за его жизнь и проблемы

[Уайнхолд, Уайнхолд 2008]. По своей сути отрицание – это тот защитный механизм, который дает человеку возможность пребывать в иллюзиях, продолжать верить в то, что все само собой может однажды измениться, без его активного участия. При этом, как пишет об этом И. Н. Кузнецова, «отрицая свое активное участие в создании деструктивной ситуации, созависимый сам оказывается закрытым для помощи» [Кузнецова 2017: 189]. Неслучайно, что одно из следствий отрицания – появление характерных для созависимых признаков мифологического мышления.

Эмпирические исследования выявляют характерные специфические защитные комплексы, связанные с половой дифференциацией. Отмечаются такие способы защиты и совладания созависимых женщин, как реактивное образование, регрессия, интеллектуализация [Мазурова и др. 2009], дистанцирование, бегство-избегание, конфронтация [Политика 2020; Суворова, Береснева 2020]. Такой комплекс защит говорит о ригидности, приоритете пассивных автоматических неэффективных способов реагирования на ситуацию. В. Е. Купченко отмечает, что с ростом уровня созависимости изменяются и копинг-стратегии созависимых женщин. По результатам исследования оказалось, что для женщин с умеренно выраженной созависимостью характерна копинг-стратегия *поиск социальной поддержки*, а для женщин с резко выраженной созависимостью – *конфронтация и бегство-избегание* [Купченко 2020: 32]. Как отмечают О. В. Суворова и Е. В. Береснева, «использование неэффективных стратегий приводит к сохранению и углублению травмирующей ситуации, которая непрерывно запускает в действие механизмы психологических защит» [Суворова, Береснева 2020: 360].

При практическом решении проблемы созависимости важность имеет не только понимание психологического смысла феномена, но и, конечно, знание тех условий, которые определяют развитие и трансформацию созависимых отношений. Проблема созависимости решается в отечественных и зарубежных научных исследованиях с позиции поиска жизненной сферы, которая формирует проявления созависимости и определяет необходимость ее профилактики. Авторы демонстрируют в этом вопросе большее единство, выделяя семью и семейную систему в виде пространства для формирования и развития созависимости. Одновременно семья – главный объект профилактики этой проблемы. Семья воспринимается исследователями как своеобразная арена, на которой раскрывается многообразный спектр взаимоотношений

созависимых и зависимых субъектов, которая создает условия для погружения в созависимость и инициирует необходимость ее преодоления. При этом сама семья, будучи целостной и многофункциональной структурой, в условиях созависимости одного или нескольких родственников организует свою внутреннюю жизнь и внешние социальные связи по определенным законам, подчиняется определенной динамике.

Неслучайно при развитии зависимости у одного из членов семьи делается акцент на защитно-совладающем поведении в семейной системе. Авторы выделяют разные фазы проявления защитно-совладающего поведения в семье с зависимостью одного из близких (табл.). При этом отсутствует единая система фаз. Так, В. Д. Менделевич, Е. В. Загородникова, С. Hurcom, A. Copello и J. Orford описывают три фазы, W. R. Downs – четыре, Э. Е. Бехтель, В. В. Башманов и О. Ю. Калиниченко – пять, J. Jackson – семь фаз.

Несмотря на отсутствие единства у специалистов относительно количества и содержания фаз защитно-совладающего поведения в семейной системе в трудной жизненной ситуации, вызванной зависимостью члена семьи, некоторые мнения можно систематизировать. Систематизация может строиться на разделении защитно-совладающего поведения на определенные фазы: раннюю, среднюю и заключительную [Башманов, Калиниченко 2015; Бехтель 1986; Бочаров, Шишкова 2016; Загородникова 2013; Менделевич, Садыкова 2002]. Каждая фаза обладает уникальными особенностями, а также особым смыслом для развития и преодоления созависимости.

Ранняя (ранние) фаза характеризуется отрицанием проблем, вовлеченностью в жизнь зависимого, попытками прекратить / контролировать употребление, спасательством, нарастанием негативных чувств и неопределенности, ростом фрустрационной толерантности и изоляции.

Средняя (средние) фаза сопровождается повышением толерантности к развитию зависимости за счет усиления отрицания, нарастанием семейной дисфункции, усилением моделей контроля и спасательства, в том числе за счет привлечения других людей для применения санкций к зависимому.

Заключительная (заключительные) фаза адаптации включает в себя идентификацию зависимости как болезни, изменение целей борьбы в виде необходимости мотивации зависимого на лечение, нарастание чувства бессилия, развитие у созависимых психосоматических и неврологических симптомов и разных видов зависимого поведения. Отношения

с зависимым претерпевают изменения: развивается тенденция к изолированию зависимого или разрыву отношений с ним. Если зависимый проходит лечение и вступает в период ремиссии, возможна реорганизация семьи и принятие решения о степени включения зависимого в семейную структуру.

Анализ подходов к пониманию проблемы созависимости выявил, что ряд авторов [Anderson 1994; Chiauuzzi, Liljegen 1993; Collins 1993; Gierymski, Willams 1986; Harper, Capdevilla 1990; Irwin 1995; Lisansky Gomberg 1989; Uhle 1994] критикуют концепцию созависимости как таковую, предполагая, что понятие *созависимость* может являться своеобразным

ярлыком для людей, столкнувшихся с описанными проблемами, или стигматизировать их с точки зрения как наличия болезненного состояния, так и традиционных социальных ролей. Но результаты исследования I. Васон и соавторов показали, что для созависимых людей концепция созависимости отвечает их потребностям, придает управляемый социально разделяемый смысл их сложному и хаотичному жизненному опыту. Приписывание себе созависимости, вероятно, дает людям возможность объяснить и понять ситуации, происходившие в их жизни в прошлом, а также может служить основой для будущих действий, решений и поведения [Vacon et al.: 2020: 764].

Табл. Защитно-совладающее поведение в семье при развитии зависимости у одного из членов семьи

Tab. Protective and coping behavior in the family with an addict

Автор	Название и содержание фаз защитно-совладающего поведения в семейной системе						
Jackson J. (1954) [по: Бочаров, Шишкова 2016]	Отрицание проблемы	Попытки контролировать ситуацию	Ощущение безнадежности и хаоса	Попытка поддержать стабильное семейное функционирование	Избегание проблем путем развода	Попытка реорганизовать семью без взаимодействия с зависимым	Реорганизация, возвращение зависимого при условии прекращения употребления
Downs W. R. (1982) [по: Бочаров, Шишкова 2016]	Начало кризиса в семье		Дезорганизация	Идентификация болезни	Реорганизация: • решение о степени включения зависимого в семейную систему, • может неоднократно возвращаться к стадии дезорганизации		
	• значимое влияние неопределенности в связи со сменой состояний интоксикации и абстиненции зависимого на уровень семейной организации		• усиление смены ролей, • социальное неблагополучие, • насилие, нарастание проблем, • отказ признать зависимость, • поддержание иллюзии трезвости системы, • контроль употребления – цель семейных взаимодействий	• замещение роли зависимого (гиперфункциональность другого члена семьи), • вытеснение зависимого из семейной системы	• зависимый исполняет свою роль, • новая организация семьи имеет новые признаки	• исключение зависимого из семейного функционирования (развод / создание для зависимого изолированного пространства внутри семьи)	

Автор	Название и содержание фаз защитно-совладающего поведения в семейной системе				
Бехтель Э. Е. (1986)	Смещение представления о норме	Инкапсуляция проблемы	Апелляция к ближайшему окружению и общественности	Формирование представления о зависимости	Признание поражения
	<ul style="list-style-type: none"> расширение диапазона приемлемых форм поведения 	<ul style="list-style-type: none"> борьба с зависимостью близкого в одиночку 	<ul style="list-style-type: none"> расширение круга лиц, участвующих в санкциях относительно зависимого 	<ul style="list-style-type: none"> изменение целей борьбы, попытка привлечь зависимого к лечению 	<ul style="list-style-type: none"> отказ от борьбы, распад семьи
Nurcom С., Corello А., Orford J. (2000). Трехфакторная кросс-культурная модель [по: Бочаров, Шишкова 2016]	Стадия вовлеченности		Стадия терпимости	Стадия отказа	
	<ul style="list-style-type: none"> вовлеченность в жизнь зависимого, ассертивное, контролирующее, эмоциональное и поддерживающее поведение, направленность на борьбу с зависимостью близкого 		<ul style="list-style-type: none"> повышение толерантности к развитию зависимости 	<ul style="list-style-type: none"> избегание зависимого, переключение на независимую деятельность, автономию 	
Менделевич В. Д., Садыкова Р. Г. (2002)	Ранняя стадия		Средняя стадия	Заключительная стадия	
	<ul style="list-style-type: none"> отрицание проблем, надежда на спонтанное улучшение ситуации, нарастание негативных чувств (страха, вины), ответственности за поступки зависимого (девиантного) члена семьи, возникновение и развитие изоляции от общества 		<ul style="list-style-type: none"> усиление и преобладание негативных чувств, сохранение тенденции к изоляции и поддержанию «фасада» семьи 	<ul style="list-style-type: none"> развитие у созависимых психосоматических и неврологических симптомов, разных видов зависимого поведения, разрыв отношений с зависимым 	
Затородникова Е. В. Модель стресс-копинг-здоровья (stress-coping-health model) (2013)	Вовлеченность		Бездействующая толерантность	Отстраненность	
	<ul style="list-style-type: none"> объект зависимости близкого, (употребление) «портит настроение» созависимого, ожидания, что зависимый прекратит употреблять 		<ul style="list-style-type: none"> созависимый пособничает употреблению, принимает на себя ответственность за происходящее, не способен принимать решения, сохраняется «фасад» семьи, пустые угрозы 	<ul style="list-style-type: none"> игнорирование зависимого в употреблении, избегание зависимого, забота о себе, интересы других членов семьи выше интересов зависимого 	

Автор	Название и содержание фаз защитно-совладающего поведения в семейной системе				
Башманов В. В., Калининченко О. Ю. (2015)	Отрицание / преувеличение	Озабоченность	Адаптация	Истощение	Глубокий кризис и отвержение
	<ul style="list-style-type: none"> «фасад» семьи, сравнение, возможно преувеличение проблем 	<ul style="list-style-type: none"> контроль (ограничение зависимого в употреблении, убеждение и т.д.), спасательство, нарастание негативных чувств (вина, агрессия, бессилие), рост толерантности к проблеме 	<ul style="list-style-type: none"> приспособление к деструктивным отношениям, преобладание негативных чувств, контроль, спасательство, появление и нарастание психосоматических симптомов и симптомов хронического утомления, взятие на себя ответственности за потребности и жизнь зависимого в целом 	<ul style="list-style-type: none"> нарастание чувства бессилия, потеря смысла дальнейшей жизни с зависимым, развитие депрессивных признаков, изменение отношения к зависимому на пренебрежение 	<ul style="list-style-type: none"> полное отвержение зависимого, развод или попытки избавиться от зависимого

Заключение

В проведенном обзоре отечественных и зарубежных исследований акцент сделан, прежде всего, на раскрытии смыслового содержания и условий формирования созависимости. Тем не менее представленное решение таких довольно ограниченных задач существенно расширяет понимание психологической основы феномена и намечает перспективы теоретических и эмпирических исследований. Анализ разнообразных подходов к пониманию проблемы созависимости, сложившихся в современной психологической науке, позволяет утверждать, что созависимость существует как значимый клинико-психологический и культурный феномен, рассматриваемый с разных научно-методологических позиций. В связи с этим до сих пор отсутствует ее общепринятый, однозначный психологический смысл. Как многомерный феномен созависимость может проявляться на социальном, личностном, поведенческом и психофизиологическом уровнях.

Современному обществу присущи условия и факторы распространения созависимости. В частности, созависимые объектные отношения широко представлены в разных видах искусства и воспринимаются большинством людей как нормальные и даже желательные. Особо чувствительны к негативному воздействию

созависимости семейные системы, внутри которых формируются, трансформируются и преодолеваются проявления созависимости. В семье как малой группе созависимые отношения транслируются детям в виде семейных сценариев. Ребенок, воспитываясь в созависимых моделях поведения, интериоризирует их и затем воспроизводит в своей жизни, становясь или зависимым, или тем, кто вступает в отношения с зависимыми людьми и заботится о них. Как это ни парадоксально, но именно в семье создается все более усложняющаяся патологическая среда для развития зависимого поведения. К тому же у созависимых лиц именно в семье формируется своеобразный ценностный компонент созависимости – сверхценность зависимого, т. е. другого человека, его ценностей, установок, интересов и потребностей. При этом у созависимого снижается экзистенция, ослабевают способность нести ответственность за собственные потребности, желания и жизнь в целом.

При развитии негативного жизненного сценария и взаимодействия с зависимым человеком у созависимого происходит существенная деформация личности в целом или формируются отдельные личностные дисфункции. Среди них – низкая самооценка, трудности в поддержке гармоничного

самоотношения, склонность к самоуничтожению в крайней форме – отказ от своего Я, потеря самости, нарушения Я-концепции и личностной автономии. Неизбежным следствием непринятия себя, внутриличностного конфликта становится искаженное отношение к близкому зависимому, деструктивные взаимоотношения с ним и с окружающими людьми. Главные тенденции таких отношений – объектность и внешний локус контроля. Возникает предположение, что ослабление регуляторных возможностей собственного Я усиливает напряжение психологических защит и облегчает непродуктивное совладающее поведение. Типичными для созависимых становятся реакции беспомощности на трудные жизненные ситуации, вызванные зависимостью близкого, повышение ригидности и диссоциативности, доминировании дисфункциональных эмоциональных и психофизиологических состояний, развитии симптомов хронического утомления и истощения, склонности к резким суждениям и навязчивым мыслям.

Анализ проблемы созависимости с позиции теории отношений В. Н. Мясищева позволяет видеть не только особенности личностной и поведенческой сферы созависимых людей. Возникает обоснованная возможность определить личностные ресурсы сохранения эмоционального комфорта, социального благополучия, здоровья, полноценной самореализации созависимых. Категория личностных ресурсов может быть представлена самоотношением как иерархической, динамической системой смысла и оценки собственного Я личности. Самоотношение представляет собой ключевой элемент в структуре личности, регулирующий содержание и проявления других личностных образований.

Проведенный обзор исследований продемонстрировал широкий спектр психологического анализа проблемы созависимости. Важным с теоретических и практических позиций оказалось, что за всю историю ее изучения сложился ряд подходов к пониманию сущности созависимости и условиям ее развития. Многообразие подходов обусловлено сложностью и неоднородностью проявлений созависимости, многозначностью ее функций и ролевой насыщенностью. Систематизация подходов, существующих в современных отечественных и зарубежных исследованиях, потребовала определения критериев. К числу таких критериев был отнесен психологический смысл созависимости. Конкретизация его содержания в ряде теоретических и эмпирических

исследований определила возможность понимания созависимости как социокультурного феномена, как характеристики ценностно-смысловой сферы, как деформации личности и реакции беспомощности, как специфического психического состояния, как деструктивных межличностных отношений и формы защитно-совладающего поведения.

При этом в наибольшей степени созависимость изучена как форма защитно-совладающего поведения, в наименьшей – как особенность ценностно-смысловой сферы личности. Можно предположить, что поведение созависимых – это внешний регистрируемый уровень созависимости, на котором она, вероятно, проявляется наиболее ярко, принимая различные формы и вызывая интерес исследователей. Внимание к ценностям и смыслам созависимости требует взгляда внутрь проблемы, предполагает необходимость обращаться к внутренним глубинным механизмам ее формирования и развития. Возникшее противоречие состоит в том, что большинство исследователей, занимающихся проблемой созависимости, так или иначе рассматривают один или несколько аспектов ее проявления, формируя одномерную реальность. С нашей точки зрения, проблема созависимости требует системного изучения на всех уровнях ее проявления: у индивида, в семье и культуре.

Теоретическая значимость проведенного обзора исследования заключается в том, что рассмотрение проблемы созависимости на основании предлагаемых смысловых критериев дает возможность охватить различные аспекты ее проявления и определить интегральные характеристики, общие для многих теоретических и исследовательских направлений. Эти же обобщенные характеристики представляют важность для организации коррекционного и профилактического клинко-психологического вмешательства.

Также результаты исследования дают возможность утверждать, что проблема созависимости в отечественных и зарубежных научных исследованиях решается с позиции поиска жизненной сферы, которая формирует проявления созависимости и определяет необходимость ее профилактики. Авторы демонстрируют в этом вопросе большее единство, выделяя семью и семейную систему как поле для формирования и развития созависимости, а также как главный объект профилактики проблемы.

Результаты проведенного теоретического и эмпирического анализа проблемы созависимости позволяют сформулировать определение созависимости.

Созависимость – это многомерный, полифункциональный и динамичный клинико-психологический феномен, отражающий выраженную ориентацию личности на ценность другого человека и полную идентификацию с ним, влекущую деформацию самоотношения, дефицит целеполагания и последующую непродуктивную (патологическую) адаптацию в трудной жизненной ситуации. Созависимость проявляется на психофизиологическом, эмоциональном, ценностно-смысловом, социальном и поведенческом уровнях жизни человека и требует комплексной клинико-психологической интервенции. Проведенный анализ создает основу для перспективного построения гипотетической модели, в которой созависимость может быть представлена как целостный клинико-психологический феномен и которая объединяет содержание, функции и ресурсы личности для коррекционной и профилактической клинико-психологической интервенции.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Ю. В. Стряпухина – теоретико-методологический анализ литературы по теме исследования, классификация подходов к пониманию проблемы созависимости, подготовка первого варианта статьи. С. Т. Посохова – обобщение и интеграция подходов к определению проблемы созависимости, доработка и редактирование окончательного варианта статьи.

Contribution: Yu. V. Stryapukhina wrote the review, classified scientific approaches to codependency, and drafted the manuscript. S. T. Posokhova generalized and integrated approaches and definitions, as well as revised the final version of the manuscript.

Литература / References

- Абрамов Д. Е., Цветкова Н. А., Цветков А. В. Особенности межличностных отношений у созависимых личностей. *Научное мнение*. 2013. № 5. С. 139–142. [Abramov D. E., Tsvetkova N. A., Tsvetkov A. V. Peculiarities of interpersonal relations among co-dependent personalities. *Nauchnoe mnenie*, 2013, (5): 139–142. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qikigb>
- Адлер А. Очерки по индивидуальной психологии. М.: Когито-центр, 2002. 220 с. [Adler A. *The individual psychology*. Moscow: Kogito-tsentr, 2002, 220. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/raxuch>
- Ананьева Г. А. Семья: химическая зависимость и созависимость. Работа с созависимостью. М.: Класс, 2017. 187 с. [Ananyeva G. A. *Family: chemical dependence and codependency. Working with codependency*. Moscow: Klass, 2017, 187. (In Russ.)]
- Андронникова О. О. Витимная идентичность личности созависимого типа. *Сибирский педагогический журнал*. 2017. № 2. С. 92–97. [Andronnikova O. O. Victimization identity codependent personality. *Siberian Pedagogical Journal*, 2017, (2): 92–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tptavf>
- Артемцева Н. Г. Феномен созависимости: психологический аспект. М.: МГУДТ, 2012. 222 с. [Artemtseva N. G. *The phenomenon of codependency: Psychological aspect*. Moscow: MSUDT, 2012, 222. (In Russ.)]
- Барцалкина В. В. Родительская созависимость как фактор риска формирования аддикций у детей. *Психологическая наука и образование*. 2012. Т. 17. № 4. С. 18–25. [Bartsalkina V. V. Parental codependency as a risk factor of forming addictions in children. *Psychological Science and Education*, 2012, 17(4): 18–25. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pyrbzh>
- Башманов В. В., Калиниченко О. Ю. Феномен созависимости: медико-психо-социальный аспект. *Вестник новых медицинских технологий*. 2015. № 1. [Bashmanov V. V., Kalinichenko O. Yu. The phenomenon of co-dependency: The medical-psycho-social aspect. *Journal of new medical technologies*, 2015, (1). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tlyoav>
- Бережа Ж. В., Исаева Е. Р., Горбатов С. В., Антипина Д. С. Психологические особенности и семейные эмоциональные коммуникации матерей наркозависимых. *Ученые записки СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова*. 2016. Т. 23. № 2. С. 35–38. [Bereza Zh. V., Isaeva E. R., Gorbатов S. V., Antipina D. S. Psychological peculiarities and family emotional communications of the mothers of drug addicts. *The Scientific Notes of Pavlov University*, 2016, 23(2): 35–38. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xbhkw1>

- Березин С. В. Зависимость. Созависимость. Партнерство. Социально-психологический подход. *Вестник Самарского юридического института*. 2010. № 1. С. 185–188. [Berezin S. V. Dependence. Codependency. Partnership. Socio-psychological approach. *Vestnik Samarskogo iuridicheskogo instituta*, 2010, (1): 185–188. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qbjkhl>
- Бехтель Э. Е. Донозологические формы злоупотребления алкоголем. М.: Медицина, 1986. 272 с. [Behtel E. E. *Prenosological forms of alcohol abuse*. Moscow: Meditsina, 1986, 272. (In Russ.)]
- Битти М. Алкоголик в семье, или Преодоление созависимости: Как перестать контролировать других и начать заботиться о себе. М.: Физкультура и спорт, 1997. 331 с. [Bitti M. *Codependent no more: How to stop controlling others and start caring for yourself*. Moscow: Fizkultura i sport, 1997, 331. (In Russ.)]
- Бочаров В. В., Шишкова А. М. Особенности личностного и семейного функционирования родственников наркозависимых. СПб.: Нестор-История, 2016. 472 с. [Bocharov V. V., Shishkova A. M. *Characteristics of personal and family functioning of drug addicted patient's relatives*. St. Petersburg: Nestor-Istoriia, 2016, 472. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvtcia>
- Бочаров В. В., Шишкова А. М., Ипатова К. А. Взаимосвязь клинических и социально-демографических факторов с проявлениями эмоционального выгорания у родственников больных с аддиктивными расстройствами. *Медицинская психология в России*. 2019. Т. 11. № 6. [Bocharov V. V., Shishkova A. M., Ipatova K. A. Interralation of clinical and socio-demographic factors with emotional burnout in addicted patients' relatives. *Meditsinskaya psikhologiya v Rossii*, 2019, 11(6). (In Russ.)] URL: http://medpsy.ru/mprij/archiv_global/2019_6_59/nomer09.pdf (accessed 10 Jun 2024). <https://elibrary.ru/txyart>
- Винников Л. И. Созависимость как психологический феномен. *Достижения науки и образования*. 2019. № 9-1. С. 40–41. [Vinnikov L. I. Codependency as a psychological phenomenon. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya*, 2019, (9-1): 40–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zdukyx>
- Гагай В. В., Селезнева Е. И. Внешние и внутренние факторы созависимости женщин из неблагополучных семей. *Вестник Сургутского государственного педагогического университета*. 2016. № 1. С. 65–75. [Gagay V. V., Selezneva E. I. External and internal factors of women co-dependency living in troubled families. *Vestnik Surgutskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2016, (1): 65–75. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmfgln>
- Гузиков Б. М., Мейроян А. А. Алкоголизм у женщин. Л.: Медицина, 1988. 224 с. [Guzikov B. M., Meyroyan A. A. *Alcoholism in women*. Leningrad: Medistina, 1988, 224. (In Russ.)]
- Делеви В. С. Формирование социально-активного, совладающего поведения у матерей наркозависимых подростков: автореф. дис. ... канд. психол. наук. М., 2006. 28 с. [Delevi V. S. *Formation of socially active, coping behavior in mothers of drug-addicted adolescents*: Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Moscow, 2006, 28. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njwuvj>
- Демидова Т. А., Сойко В. В. Использование концепции С. Карпмана для исследования созависимых отношений. *Таврический журнал психиатрии*. 2017. Т. 21. № 1. С. 33–37. [Demidova T. A., Soyko V. V. Using S. Karpman's concept for research codependent relationships. *Tavrisheskiy zhurnal psikhiiatrii*, 2017, 21(1): 33–37. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zwjtyz>
- Емельянова Е. В. Кризис в созависимых отношениях. Принципы и алгоритмы консультирования. СПб.: Речь, 2018. 214 с. [Emelyanova E. V. *A crisis in a codependent relationship. Principles and algorithms of consulting*. St. Petersburg: Rech, 2018, 214. (In Russ.)]
- Ермаков П. Н., Кукуляр А. М., Коленова А. С. Ретроспективный анализ феномена «созависимое поведение». *Мир науки*. 2018. Т. 6. № 5. [Ermakov P. N., Kukulyar A. M., Kolenova A. S. Retrospective analysis of the phenomenon of "co-dependent behavior". *World of Science*, 2018, 6 (5). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/82PDMN518.pdf> (accessed 10 Jun 2024). <https://elibrary.ru/vripas>
- Загородникова Е. В. Особенности взаимодействия в созависимой семье. *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. 2013. № 29. С. 19–24. [Zagorodnikova E. V. Features of interaction in a codependent family. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniia*, 2013, (29): 19–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rnfjbt>
- Загородникова Е. В. Проблемы в проявлении чувств и созависимое поведение в семье. *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2012. № 9. С. 249–254. [Zagorodnikova E. V. Problems in the manifestation

- of feelings and codependent behavior in the family. *Aktualnye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2012, (9): 249–254. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/plheij>
- Зайцев С. Н. Созависимость – умение любить: пособие для родных и близких наркомана, алкоголика. Н. Новгород, 2004. 90 с. [Zaytsev S. N. *Codependency as love: A guide for relatives and friends of a drug addict or alcoholic*. Nizhny Novgorod, 2004, 90. (In Russ.)]
- Запесоцкая И. В. Метапсихологический уровень реализации состояния зависимости. *Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Педагогика и психология*. 2012. № 3. С. 90–98. [Zapesotskaya I. V. Meta-psychological level of implementation of a state of dependence. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo gumanitarnogo universiteta im. M. A. Sholokhova. Pedagogika i psikhologiya*, 2012, (3): 90–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/peskuh>
- Иванова Е. С. Современные подходы к дефиниции феномена «созависимость». *Наука и образование сегодня*. 2021. № 2. С. 112–117. [Ivanova E. S. Modern approaches to the definition of codependency. *Nauka i obrazovanie segodnia*, 2021, (2): 112–117. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/voaviv>
- Калашнова Е. А. Проблема многообразия подходов к причинам возникновения созависимого поведения. *Мир науки, культуры, образования*. 2011. № 4-1. С. 19–21. [Kalashnova E. A. The problem of approaches' variety towards the genesis of codependent behavior. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2011, (4-1). 19–21. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbeecd>
- Карпман С. Жизнь, свободная от игр. СПб.: Метанойя, 2016. 342 с. [Karpman S. B. *A game free life*. St. Petersburg: Metanoiia, 2016, 342. (In Russ.)]
- Каяшева О. И., Ефремова Д. Н. Субъективный опыт переживания развода созависимыми женщинами. *Вестник Университета Российской академии образования*. 2016. № 1. С. 81–87. [Kayasheva O. I., Efremova D. N. The subjective experience of divorce codependent women. *Vestnik Universiteta Rossiiskoi akademii obrazovaniia*, 2016, (1): 81–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wzquav>
- Кириллова Д. С. Влияние созависимых отношений на особенности временной перспективы при состоянии алкогольной зависимости. *Коллекция гуманитарных исследований*. 2019. № 1. С. 41–49. [Kirillova D. S. Influence of independent relations on the peculiarities of a time perspective under condition of alcohol dependence. *The collection of humanitarian Researches*, 2019, (1): 41–49. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rusvwj>
- Короленко Ц. П., Дмитриева Н. В. Психосоциальная аддиктология. Новосибирск: Олсиб, 2001. 251 с. [Korolenko Ts. P., Dmitrieva N. V. *Psychosocial addictology*. Novosibirsk: Olsib, 2001, 251. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/weqayd>
- Кротова Е. В. Феномен со-зависимости и пути его преодоления в супружеских парах. *Вестник Южно-Уральского профессионального института*. 2012. Т. 3. № 9. С. 101–111. [Krotova E. V. Phenomenon of disambiguation and ways overcoming this in married couple. *Vestnik Iuzhno-Uralskogo professionalnogo instituta*, 2012, 3 (9): 101–111. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pjlqgh>
- Кузнецова И. Н. Опыт работы группы взрослых детей алкоголиков (ВДА) по теме «Отрицание». *Вопросы науки и образования*. 2017. № 11. С. 188–192. [Kuznetsova I. N. Experience working with adult children of alcoholics (ACA) on the topic of "Negative". *Voprosy nauki i obrazovaniia*, 2017, (11): 188–192. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ynprmq>
- Кузьмин Б. В., Потапова Ю. В. Созависимость как предиктор формирования копинг-поведения в юношеском возрасте. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2016. № 1. С. 10–14. [Kuzmin B. V., Potapova Yu. V. Codependency as a predictor of forming coping behaviour in adolescence. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya"*, 2016, (1): 10–14. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wmmtjf>
- Кулик А. А., Лавриненко Е. В. Особенности временной перспективы созависимых лиц. *Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки*. 2011. № 2. С. 55–65. [Kulik A. A., Lavrinenko E. V. Codependents temporal perspective. *Vestnik KRAUNTS. Gumanitarnye nauki*, 2011, (2): 55–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/onouyp>
- Купченко В. Е. Особенности иррациональных установок, волевого самоконтроля, совладающего поведения у матерей химических аддиктов с разной выраженностью созависимости. *Вестник Омского университета. Серия «Психология»*. 2020. № 3. С. 26–32. [Kupchenko V. E. Features of irrational settings, willful self-control, compatible behavior at mothers of chemical addicts with different expression of interdependence. *Vestnik Omskogo universiteta. Seriya "Psikhologiya"*, 2020, (3): 26–32. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gabbji>

- Легостаева М. В. Быть собой. Очерки православной психотерапии. М.: Изд-во Московского Подворья Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 2021. 544 с. [Legostaeva M. V. *Be yourself. Essays on Orthodox psychotherapy*. Moscow: Moscow Compound of the Holy Trinity Lavra of St. Sergius Publ., 2021, 544. (In Russ.)]
- Лисецкий К. С., Литягина Е. В. Наркомания: особенности и взаимосвязь отношения к болезни зависимых и созависимых. *Вестник Самарского государственного университета*. 2014. № 9. С. 251–257. [Lisetsky K. S., Lityagina E. V. Addiction: Peculiarities and interrelation of an attitude to the disease in drug addicted and co-dependents. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2014, (9): 251–257. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tgogqx>
- Мазурова Л. В., Стоянова И. Я., Бохан Н. А. Особенности адаптивно-защитного стиля у женщин с семейной созависимостью и алкогольной зависимостью. *Сибирский психологический журнал*. 2009. № 31. С. 33–35. [Mazurova L. V., Stoyanova I. Ya., Bokhan N. A. Peculiarities of adaptive-defensive style in patients with family co-dependence and alcohol dependence. *Sibirskiy Psikhologicheskij Zhurnal*, 2009, (31): 33–35. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/knhesr>
- Манухина Н. М. Созависимость глазами системного терапевта. М.: Класс, 2019. 215 с. [Manukhina N. M. *Codependency through the eyes of a systemic therapist*. Moscow, 2019, 215. (In Russ.)]
- Марин Е. Б., Храпкова Д. Н. Созависимость в психологической науке. *Вестник Восточно-Сибирской Открытой Академии*. 2023. № 49. [Marin E. B., Khrapkova D. N. Codependency in psychological science. *Vestnik Vostochno-Sibirskoi Otkrytoi Akademii*, 2023, (49). (In Russ.)] URL: <https://s.esrae.ru/vsoa/pdf/2023/49/1399.pdf> (accessed 10 Jun 2024). <https://elibrary.ru/nhdxn>
- Менделевич В. Д., Садыкова Р. Г. Психология зависимой личности, или Подросток в окружении соблазнов. Йошкар-Ола: Марево, 2002. 240 с. [Mendelevich V. D., Sadykova R. G. *The psychology of a dependent personality, or a teenager surrounded by temptations*. Yoshkar-Ola, 2002, 240. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/syvplp>
- Меринев А. В., Шустов Д. И., Федотов И. А. Современные взгляды на феномен созависимого поведения при алкогольной зависимости (обзор литературных данных). *Российский медико-биологический вестник имени академика И. П. Павлова*. 2011. Т. 19. № 3. С. 136–141. [Merinov A. V., Shustov D. I., Fedotov I. A. The modern views on the phenomenon of co-dependent behavior in alcohol addiction (review of literature data). *I. P. Pavlov Russian Medical Biological Herald*, 2011, 19(3): 136–141. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/oykkoh>
- Минуллина А. Ф., Михайлова М. О. Созависимость и дисфункциональное воспитание в неполных семьях. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 58-4. С. 335–339. [Minullina A. F., Mihailova M. O. Co-dependence and dysfunctional education in single-parent families. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2018, (58-4): 335–339. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yuzicn>
- Морозова Г. В. Созависимость. Модель феномена и практика психокоррекции. Ульяновск: УлГПУ им. И. Н. Ульянова, 2009. 139 с. [Morozova G. V. *Codependency. The model of the phenomenon and the practice of psychocorrection*. Ulyanovsk: UlSPU named after I. N. Ulyanov, 2009, 139. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxyrfj>
- Москаленко В. Д. Зависимость – семейная болезнь. 6-е изд., стер. М.: Генезис, 2011. 352 с. [Moskalenko V. D. *Addiction is a seed disease*, 6nd ed. Moscow: Genezis, 2011, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qlypzn>
- Мясищев В. Н. Личность и неврозы. Л.: Ленингр. ун-т, 1960. 426 с. [Myasishchev V. N. *Personality and neuroses*. Leningrad: Leningrad University, 1960, 426. (In Russ.)]
- Мясищев В. Н. Психология отношений: Избранные психологические труды. М.: Ин-т практической психологии; Воронеж: МОДЭК, 1998. 362 с. [Myasishchev V. M. *Psychology of relationships: Selected psychological works*. Moscow: Institute of Practical Psychology; Voronezh: MODEK, 1998, 362. (In Russ.)]
- Нашкенова А. М. Проблема созависимости в наркологической практике и психотерапевтические подходы в ее решении. *Вестник Казахского национального медицинского университета*. 2012. № 4. С. 95–97. [Nashkenova A. M. Problem of co-dependence in drug practices and therapeutic approaches in its decision. *Vestnik Kazakhskogo Natsionalnogo meditsinskogo universiteta*, 2012, (4): 95–97. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vvxmlr>
- Никонорова Е. Ю. Теоретический анализ феномена созависимости. *StudNet*. 2020. Т. 3. № 5. С. 198–205. [Nikonorova E. Yu. Theoretical analysis of the phenomenon of codependency. *StudNet*, 2020, 3(5): 198–205. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ddrqp>
- Норвуд Р. Женщины, которые любят слишком сильно. М.: Добрая кн., 2008. 350 с. [Norwood R. *Women who love too much*. Moscow: Dobraia kn., 2008. 350. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qokxct>

- Осинская С. А., Кравцова Н. А. Системная детерминация созависимости: некоторые подходы к объяснению феномена. *Вестник психиатрии и психологии Чувашии*. 2016. Т. 12. № 1. С. 42–56. [Osinskaya S. A., Kravtsova N. A. Systemic determination of codependence: Some approaches to the phenomenon explanation. *Vestnik psikiatrii i psikhologii Chuvashii*, 2016, 12(1): 42–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vudegf>
- Перминова Ю. А. Саморазрушающее поведение у супругов мужчин, страдающих алкогольной зависимостью. *Здравоохранение Югры: опыт и инновации*. 2017. № 3. С. 70–72. [Perminova Yu. A. Self-destructive behavior in the spouses of men suffering from alcohol dependence. *Zdravookhranenie Yugry: opyt i innovatsii*, 2017, (3): 70–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zqjsid>
- Петрова Н. Н. Проблема созависимости и подходы к ее решению. *Здоровье – основа человеческого потенциала: проблемы и пути их решения*. 2016. Т. 11. № 2. С. 606–612. [Petrova N. N. The problem of codependency and approaches to its solution. *Zdorovie – osnova chelovecheskogo potentsiala: problemy i puti ikh resheniia*, 2016, 11(2): 606–612. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yikgfb>
- Политика О. И. Профиль созависимой личности в аддиктивных отношениях. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 5-3. С. 207–210. [Politika O. I. Profile of a codependent personality in an addictive relationship. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2020, (5-3): 207–210. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mhitpb>
- Полушкина И. В., Алаторцева Ю. А. Созависимость как образ идеальных отношений для современной молодежи. *Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения*. 2016. № 50-1. С. 99–103. [Polushkina I. V., Alatorseva Yu. A. Codependency as an image of ideal relationships for modern youth. *Psikhologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniia*, 2016, (50-1): 99–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vxptnd>
- Посохова С. Т., Яцышин С. М. Ценностно-смысловые проявления созависимости матерей при наркотизации детей. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2008. № 3. С. 149–156. [Posokhova S. T., Yatzishin S. M. Value and semantic displays of co-drug addictive mothers. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2008, (3): 149–156. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kvnkqj>
- Пузырёва Л. А. Социально-психологические предпосылки созависимых отношений. *Ярославский педагогический вестник*. 2012. Т. 2. № 3. С. 246–250. [Puzyriova L. A. Social and psychological preconditions of codependent relations. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2012, 2(3): 246–250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pytwnl>
- Рассохин Д. А. 4-й угол треугольника Карпмана. *Наука и образование сегодня*. 2020. № 1. С. 84–87. [Rassokhin D. A. The 4th angle of the Karpman triangle. *Nauka i obrazovanie segodnia*, 2020, (1): 84–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/klhtkt>
- Рожнова Т. М., Костюк С. В., Малыгин В. Л., Ениколопов С. Н., Николенко В. Н. Психологические и медико-генетические аспекты феномена созависимости. *Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика*. 2020. Т. 12. № 5. С. 53–59. [Rozhnova T. M., Kostyuk S. V., Malygin V. L., Enikolopov S. N., Nikolenko V. N. The phenomenon of codependency psychological and medical genetic aspects. *Nevrologiya, Neiropsikhiatriya, Psikhosomatika*, 2020, 12(5): 53–59. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14412/2074-2711-2020-5-53-59>
- Савина Е. А. Я люблю его... М.: Адрис, 2008. 352 с. [Savina E. A. *I love him...* Moscow: Adrus, 2008, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qojchv>
- Сомкина О. Ю., Жукова Ю. А., Ефимова А. Д. К вопросу динамики созависимых отношений. *Здравоохранение Югры: опыт и инновации*. 2018. № 1. С. 51–56. [Somkina O. Yu., Zhukova Yu. A., Efimova A. D. Dynamics of codependent relationships. *Zdravookhranenie Yugry: opyt i innovatsii*, 2018, (1): 51–56. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yvjfdf>
- Стебакова Д. А. Психофизиологические маркеры в диагностике созависимости. *Национальное здоровье*. 2022. № 1. С. 132–135. [Stebakova D. A. Psychophysiological markers in the diagnosis of codependency. *National health*, 2022, (1): 132–135. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uphleg>
- Стряпухина Ю. В. Компоненты созависимости как мишени клинико-психологической интервенции. *Психическое здоровье в меняющемся мире: Всерос. конгресс с междунар. уч. (Санкт-Петербург, 23–24 мая 2024 г.)* СПб.: НМИЦ ПН им. В. М. Бехтерева, 2024. С. 215–216. [Stryapukhina Yu. V. Components of codependency as a target

- of clinical and psychological intervention. *Mental Health in a changing world: Proc. All-Russian Congress with Intern. Participation*, St. Petersburg, 23–24 May 2024. St. Petersburg: BPRI, 2024, 215–216. (In Russ.)]
- Стряпухина Ю. В., Посохова С. Т. Клинико-психологический подход в работе с созависимыми. *Вестник психотерапии*. 2024. № 89. С. 89–101. [Stryapukhina Yu. V., Posokhova S. T. Clinical and psychological approach to working with codependents. *The Bulletin of Psychotherapy*, 2024, (89): 89–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lnuzmi>
- Суворова О. В., Береснева Е. В. Особенности проявления психологических защит и копинг-стратегий у разных категорий созависимых женщин. *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 66-4. С. 357–360. [Suvorova O. V., Beresneva E. V. Features of manifestation of psychological protections and coping strategies at different categories of dependent women. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2020, (66-4): 357–360. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dldewt>
- Уайнхолд Б., Уайнхолд Дж. Освобождение от созависимости. М.: Класс, 2008. 224 с. [Weinhold B., Weinhold J. *Breaking free of the co-dependency trap*. Moscow: Klass, 2008, 224. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxtbxx>
- Хемфелт Р., Минирт Ф., Майер П. Выбираем любовь. Борьба с созависимостью. М.: Триада, 2007. 320 с. [Hemfelt R., Minirth F., Meier P. *Love is a choice: The definitive book on letting go of unhealthy relationships*. Moscow: Triada, 2007, 320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxrnlj>
- Шаповал И. А. К проблеме культурогенеза созависимости. *Педагогический журнал Башкортостана*. 2008. № 1. С. 76–87. [Shapoval I. A. On the problem of cultural genesis of interdependency. *Pedagogical Journal of Bashkortostan*, 2008, (1): 76–87. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kubdbt>
- Шорохова О. А. Жизненные ловушки зависимости и созависимости. СПб.: Речь, 2002. 136 с. [Shorokhova O. A. *Life traps of addiction and codependency*. St. Petersburg: Rech, 2002, 136. (In Russ.)]
- Anderson S. C. A critical analysis of the concept of codependency. *Social Work*, 1994, 39(6): 677–685.
- Aristazábal L. A. Codependency in the relations of couples of imprisoned women. *Social Sciences*, 2020, 9(11). <https://doi.org/10.3390/socsci9110189>
- Bacon I., McKay E., Reynolds F., McIntyre A. The lived experience of codependency: An interpretative phenomenological analysis. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2020, 18: 754–771. <https://doi.org/10.1007/s11469-018-9983-8>
- Burn S. M. *Unhealthy helping: A psychological guide to overcoming codependence, enabling, and other dysfunctional giving*. USA, San Bernardino, CA, 2016, 208.
- Chiauzzi E. J., Liljegren S. Taboo topics in addiction treatment: An empirical review of clinical folklore. *Journal of Substance Abuse Treatment*, 1993, 10: 303–316. [https://doi.org/10.1016/0740-5472\(93\)90079-h](https://doi.org/10.1016/0740-5472(93)90079-h)
- Collins B. G. Reconstructing codependency using self-in-relation theory: A feminist perspective. *Social Work*, 1993, 38(4): 470–476. <https://doi.org/10.1093/sw/38.4.470>
- Family interventions in substance abuse: Current best practices*, eds. Morgan O. J., Litzke C. H. Routledge, 2012, 240.
- Fischer J. L., Spann L. Measuring codependency. *Alcoholism Treatment Quarterly*, 1991, 8(1): 87–100. https://doi.org/10.1300/J020V08N01_06
- Fuller J. A., Warner R. M. Family stressors as predictors of codependency. *Genetic, social, and general psychology monographs*, 2000, 126(1): 5–22.
- Gieryski T., Willams T. Codependency. *Journal of Psychoactive Drugs*, 1986, 18(1): 7–13. <https://doi.org/10.1080/02791072.1986.10524474>
- Happ Z., Bodó-Varga Z., Bandi S. A., Kiss E. C., Nagy L., Csókási K. How codependency affects dyadic coping, relationship perception and life satisfaction. *Current Psychology*, 2023, 42: 15688–15695. <https://doi.org/10.1007/s12144-022-02875-9>
- Harper J., Capdevilla C. Codependency: A critique. *Journal of Psychoactive Drugs*, 1990, 22(3): 285–292. <https://doi.org/10.1080/02791072.1990.10472551>
- Irwin H. J. Codependence, narcissism, and childhood trauma. *Journal of Clinical Psychology*, 1995, 51(5): 658–665. [https://doi.org/10.1002/1097-4679\(199509\)51:5<658::aid-jclp2270510511>3.0.co;2-n](https://doi.org/10.1002/1097-4679(199509)51:5<658::aid-jclp2270510511>3.0.co;2-n)
- Kaplan V. Mental health states of housewives: An evaluation in terms of self-perception and codependency. *International Journal of Mental Health and Addiction*, 2023, 21(1): 666–683. <https://doi.org/10.1007/s11469-022-00910-1>

- Knapek E., Kuritárné Szabó I. A kodependencia fogalma, tünetei és a kialakulásában szerepet játszó tényezők [The concept, the symptoms and the etiological factors of codependency]. *Psychiatria Hungarica*, 2014, 29(1): 56–64.
- Lampis J., Cataudella S., Busonera A., Skowron E. A. The role of differentiation of self and dyadic adjustment in predicting codependency. *Contemporary Family Therapy*, 2017, 39: 62–72. <https://doi.org/10.1007/s10591-017-9403-4>
- Larsen E. *Stage II recover: Life beyond addiction*. San Francisco: Harper & Row, 1985, 101.
- Lisansky Gomberg E. S. On terms used and abused: The concept of 'codependency'. *Drugs and Society*, 1989, (3): 113–122. https://doi.org/10.1300/J023v03n03_05
- McGrath M. G., Oakley B. A. Codependency and pathological altruism. *Pathological altruism*, eds. Oakley B., Knafo A., Madhavan G., Wilson D. S. NY: Oxford University Press, 2011, 49–74. <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780199738571.003.0045>
- Mulry J. T. Codependency: A family addiction. *American Family Physician*, 1987, 35(4): 215–219.
- Subby R., Friel J. *Co-dependency: A paradoxical dependency in co-dependency: An emerging issue*. Pompano Beach, FL: Health communications, 1984, 108.
- Uhle S. M. Contextual variables in the language of social pathology. *Issues in Mental Health Nursing*, 1994, 15(3): 307–317. <https://doi.org/10.3109/01612849409009392>
- Wegscheider-Cruse S. *Choicemaking: For co-dependents, adult children, and spirituality seekers*. Health Communications, 1987, 218.
- Whitfield C. Z. Co-dependence: Our most common addiction – some physical, mental, emotional and spiritual perspectives. *Alcoholism Treatment Quarterly*, 1989, 6(1): 19–36. https://doi.org/10.1300/J020V06N01_03
- Young E. Co-alcoholism as a disease: Implications for psychotherapy. *Journal of Psychoactive Drugs*, 1987, 19(3): 257–268. <https://doi.org/10.1080/02791072.1987.10472410>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/qlpkvy>

Темпоральная опосредованность модальности ресурсов самоорганизации личности

Асютина Оксана Николаевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 4982-0850

<https://orcid.org/0000-0002-4909-447X>

asyutina55@mail.ru

Бредун Екатерина Валерьевна

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Россия, Томск

eLibrary Author SPIN: 9034-2152

<https://orcid.org/0000-0003-4214-8065>

Scopus Author ID: 57219055556

Аннотация: Настоящая статья посвящена оценке и описанию типологической специфики темпоральной модальности ресурсов самоорганизации личности студентов. Всевозрастающий интерес исследователей в рамках социально-гуманитарных наук к теме самоорганизации делает ее одним из актуальных аспектов организации учебного процесса в высших учебных заведениях. В исследовании приняли участие 55 студентов первого курса Томского государственного университета, такая выборка была обусловлена целями исследования, так как студенты первого курса меняют ракурс деятельности со школьного обучения на профессиональное, что подразумевает изменение темпа жизнедеятельности в соответствии с новыми целями и условиями их реализации. На диагностическом этапе использовались следующие методики: Опросник временной перспективы (Zimbardo Time Perspective Inventory) Ф. Зимбардо; Опросник «Темпоральные модальности жизнеосуществления» Е. В. Бредун; Опросник самоорганизации деятельности Е. Ю. Мандриковой; Тест-опросник самоотношения В. В. Столина, С. Р. Пантеева; Тест смысловых ориентаций Д. А. Леонтьева. Факторный анализ позволил выделить три фактора: темпоральная одномерность самоорганизации; темпоральная сбалансированность самоорганизации; темпоральная децентрация – с различными ключевыми показателями, на основе которых будут выделены мишени индивидуальной образовательной траектории.

Ключевые слова: самоорганизация личности, восприятие времени, темпоральность, ресурс личности, временная траектория, образовательная среда

Цитирование: Асютина О. Н., Бредун Е. В. Темпоральная опосредованность модальности ресурсов самоорганизации личности. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 267–276. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-267-276>

Поступила в редакцию 14.01.2025. Принята после рецензирования 25.02.2025. Принята в печать 03.03.2025.

full article

Modality of Personal Self-Organization Resources: Temporal Mediation

Oksana N. Asyutina

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 4982-0850

<https://orcid.org/0000-0002-4909-447X>

asyutina55@mail.ru

Ekaterina V. Bredun

Tomsk State University, Russia, Tomsk

eLibrary Author SPIN: 9034-2152

<https://orcid.org/0000-0003-4214-8065>

Scopus Author ID: 57219055556

Abstract: Self-organization is a popular research topic in humanities, especially in social studies, because it is crucial for proper academic performance at university. First-year students change the focus of their activities from general school education to professional training, which implies a different pace of life, new goals, and a new academic environment. This article introduces a typology of the temporal modality of self-organization resources in university students. The study involved 55 first-year students of the Tomsk State University, Tomsk, Russia. The diagnostic stage involved the method of Zimbardo Time Perspective Inventory, E. V. Bredun's Questionnaire of Temporal

Modalities of Life Experience, E. Yu. Mandrikova's Questionnaire of Self-Organization of Activity, V. V. Stolina and S. R. Pantileeva's Questionnaire of Self-Attitude, and D. A. Leontiev's Test of Life-Meaning Orientations. The stage factor analysis revealed three factors, i.e., the temporal one-dimensionality of self-organization, the temporal balance of self-organization, and the temporal decentration. In further research, their indicators will make it possible to identify the targets of the individual academic trajectory.

Keywords: personal self-organization, time perception, temporality, personality resource, time trajectory, academic environment

Citation: Asyutina O. N., Bredun E. V. Modality of Personal Self-Organization Resources: Temporal Mediation. *SibScript*, 2025, 27(2): 267–276. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-267-276>

Received 14 Jan 2025. Accepted after peer review 25 Feb 2025. Accepted for publication 3 Mar 2025.

Введение

На современном этапе психологических исследований самоорганизация является ключевой динамической составляющей деятельности человека и включает в себя поведенческие, когнитивные, эмоциональные, мотивационные и рефлексивные компоненты. Идея самоорганизации была отражена в рамках синергетического подхода, а после нашла свое развитие и уточнение во многих отраслях науки. У. Эшби впервые употребил понятие *самоорганизующая система* еще в 1947 г. применительно к кибернетике с опорой на теории информации и автоматов. Позднее термин *самоорганизация* внедряли в свои научные труды по физике Г. Хакен и И. Пригожин [Котова 2022].

Во второй половине XX в. самоорганизация стала общенаучной категорией, широко применялась в философских трудах и в социальных науках, в первую очередь в психологии, социологии и педагогике. Так, в философии самоорганизация рассматривается как высшая форма развития динамических систем и выступает в качестве общенаучной конкретизации философского принципа саморазвития [Котова, Шахматова 2010].

В психолого-педагогической практике данное понятие трактуется весьма широко, поэтому чаще всего выделяется ряд подходов, в рамках которых с разных сторон изучаются ключевые компоненты самоорганизации.

Например, в личностном подходе, сторонниками которого выступают Т. А. Губайдулина, М. И. Дьяченко, Т. А. Егорова, Л. А. Кандыбович, С. Н. Шуткин и др., самоорганизация рассматривается как совокупность ряда свойств личности, обуславливающих формирование таких качеств, как организованность, активность, целеустремленность. Согласно Н. А. Афанасьевой, личностная самоорганизация «представляет собой упорядоченную совокупность целей и мотивов

саморазвития, навыков самоконтроля и саморегуляции психических состояний, способностей к самоанализу и адекватной самооценке» [Афанасьева 2008: 60].

В рамках деятельностного подхода самоорганизация описывается как деятельность или процесс, для которого необходимо наличие навыков рациональной деятельности и умений. Ключевым в данном направлении является изучение и анализ структуры процесса самоорганизации, связей между функциями этой структуры и их влияния на успешность организации деятельности. К исследователям деятельностного подхода самоорганизации относятся П. В. Бритвин, В. Н. Донцов, С. Б. Елканов, В. А. Львович, Н. И. Мурачковский, А. Г. Сорокова.

Ряд исследователей (С. С. Амирова, В. Б. Арюткин, Г. Домбровецкая, Л. Т. Охитина, Н. П. Попова, И. А. Трофимова) в своих трудах объединяют два этих направления в интегральный (лично-деятельностный) подход и определяют самоорганизацию как психологическое качество, детерминирующее личность субъекта. Самоорганизация выступает как осмысленная деятельность, направленная на улучшение интеллектуальных, эмоциональных и морально-волевых свойств характера.

Технического подхода придерживаются Г. А. Архангельский, П. Берд, Н. М. Варшавский, Дж. Моргенстерн, Г. Ольдер и др. Он развился в практической психологии, в его рамках разрабатываются различные приемы и техники, направленные на повышение эффективности организации деятельности личности в разных сферах жизнедеятельности, такие как тайм-менеджмент, самоменеджмент (персональный менеджмент), методы научной организации умственного труда и пр. [Котова 2022]. Элементы данного подхода используются во всех направлениях самоорганизации и позволяют повышать уровень организации собственной деятельности личности.

В целом можно сделать вывод, что процесс самоорганизации направлен на развитие и совершенствование внутренних качеств личности и содержит в себе не только знаниевые и деятельностные характеристики, но также волевые и оценочные [Богдалова 2018].

Отдельно стоит выделить личностные аспекты самоорганизации студентов [Гунина и др. 2021; Портнягина, Ноговицына 2020; Романова 2017]. Н. А. Афанасьева выделяет в структуре данного термина совокупность мотивов саморазвития, навыков самоконтроля и саморегуляции психических состояний, целей, способностей к самоанализу и адекватной самооценке [Афанасьева 2008]. Самоорганизацию в контексте профессиональной подготовки студентов рассматривают М. Ю. Титова и И. А. Шаршов, определяя ее как совокупность процессов по развитию и упорядочиванию собственных умений и качеств личности, необходимых для эффективной подготовки к будущей профессиональной деятельности [Титова, Шаршов 2020]. С. С. Котова определяет самоорганизацию в учебно-профессиональной деятельности как деятельность обучающегося, реализуемую с помощью комплекса интеллектуальных операций, направленную на решение задач эффективной организации своего учебного труда [Котова 2022]. Ключевыми аспектами и особенностью самоорганизации личности студентов в открытом образовательном пространстве вузов являются умение рационально использовать время, совершенствование мышления, контроль и рефлексия своей деятельности [Васильева, Валеева 2019].

Учитывая сложность данного феномена, требуется углубленное изучение факторов, значимо влияющих на оценку и понимание индивидуальных особенностей самоорганизации. На современном этапе развития системы высшего образования, которое претерпевает целый ряд изменений, включающих в себя в числе прочего повышение уровня информатизации, непрерывность и открытость, первостепенными задачами становятся устранение однолинейности содержания образования, а также внедрение новых оригинальных подходов к содержанию образования. Общая модернизация образовательного процесса, реализация новых федеральных государственных образовательных стандартов, предусматривающих увеличение доли самостоятельной учебной деятельности студентов, повышают степень их ответственности за построение своей индивидуальной образовательной траектории. Взаимодействие традиционных и инновационных технологий высшего образования, гибкость образовательных форм, увеличение доли самостоятельной

учебной деятельности, внедрение различных учебных и производственных практик – все это повышает роль проявления индивидуальных качеств личности в самореализации и требует высокого уровня развития навыков самоорганизации личности, умения распределять время на выполнение учебных и внеучебных задач, анализировать свои возможности, концентрироваться при длительном выполнении поставленных задач, грамотно расставлять приоритеты и при необходимости оперативно вносить корректировки в свой индивидуальный образовательный маршрут.

Особенно сложным это является для студентов первых курсов, т.к. они, в одной стороны, оказываясь в новой среде, получают широкие возможности в научно-исследовательской (участие в конференциях, форумах, в лабораториях в составе исследовательских групп, факультативных и кампусных курсах) и во внеучебной деятельности (студенческое самоуправление, отрядная работа, волонтерство и добровольчество, реализация социальных инициатив и проектов), а с другой – не могут в полном объеме воспользоваться имеющимися ресурсами из-за низкого уровня самоорганизации личности и недостаточно развитой способности к рефлексии [Асютина, Костюкова 2022].

Для того чтобы стать конкурентноспособными специалистами, студентам требуется совершенствование в освоении всевозрастающих объемов учебно-практических материалов, развитие *hard skills* и *soft skills* [Ивонина и др. 2017]. И если развитие *hard skills*, или жестких профессиональных навыков, осуществляется в процессе освоения основной образовательной программы, то мягкие (*soft skills*) зависят преимущественно от личностных качеств индивидуума, что актуализирует задачу по комплексному развитию навыков самоорганизации личности. В процессе обучения в вузе у студента должны развиваться разные виды компетенций: социальные, коммуникативные, академические, предметные, включающие в себя широкий спектр навыков – от умения действовать в обществе до умения анализировать и самостоятельно добывать профессиональные знания [Машарова 2019]. Использование новых принципов персонификации образования дает возможность студентам формировать не только профессиональные, но и надпрофессиональные компетенции, необходимые для дальнейшей успешной профессиональной деятельности.

При возрастающем уровне требований к готовности студентов к активным формам и методам обучения, повышению уровня их самостоятельности временной фактор выступает одним из ведущих показателей

самоорганизации: как в явном своем проявлении – планирование, целеполагание, развитие, так и в неявном – регуляция, переработка информации, ожидание, пластичность действий и т.д.

Интерес к проблеме восприятия времени остается стабильным на протяжении многих десятилетий, вопросы изучения временных характеристик человека поднимали в своих работах как зарубежные, так и отечественные исследователи (Ф. Зимбардо, Ж. Пиаже, П. Фресс, Б. Трейси, К. А. Абульханова-Славская, Б. Г. Ананьев, К. А. Гиносян, Е. И. Головаха, Е. А. Ильинская, Н. В. Козловская, А. А. Кроник, А. М. Молокостова, В. А. Павлов, И. Пригожин, С. Л. Рубинштейн, Д. Г. Элькин и др.), что подтверждает значимость данного фактора в развитии психических процессов. Многочисленные исследования восприятия времени демонстрируют, что понимание времени и его точный расчет значимы в разнообразных повседневных действиях человека, а также оно имеет важное значение в развитии личностных и поведенческих качеств. Несмотря на ведущую роль временного фактора в понимании сложной структуры последовательности действий, способность понимать и применять эти паттерны подвержена значительным искажениям, внешним и внутриличностным.

Одним из вопросов психологии времени является отражение баланса модальности временного восприятия на развитие личности, как люди представляют будущее и прошлое в динамическом взаимодействии, из которого возникают сложные формы поведения в настоящем [Абульханова-Славская, Березина 2001; Бредун и др. 2018; Зимбардо, Бойд 2010; Фоминых 2019]. Это взаимодействие включает представления о своих возможностях и открывает перспективу контроля своего поведения. Причинность самоконтроля может раскрываться в темпоральных характеристиках деятельности человека. Временная конструкция контекстуально включает в себя нелинейные связи между прошлыми, настоящими и будущими событиями, упорядоченность и ментальная репрезентация этих событий позволяют формировать основу для краткосрочного и долгосрочного планирования деятельности и целенаправленного поведения.

Восприятие временных периодов пластично, поскольку зависит от множества нерелевантных стимулов, которые влияют на воспринимаемую продолжительность [Gibbon et al. 1984]. Но темпоральная характеристика личности может выступать устойчивым интегративным качеством самоорганизации. Темпоральность отражена в целостности понимания

временных аспектов образа мира, что является причинностью поведения человека в соответствии с контекстом его представлений и потребностей. Временные траектории отражены в определенных задачах: как краткосрочных – например выполнение действия, решение сиюминутной задачи, так и в долгосрочных – получение профессии, подготовка и осуществление проекта и т.д., что позволяет структурировать и осмыслить не только саму задачу, но и индивидуальные представления о себе и своей жизни в целом. Такие временные конструкции могут составлять основу формирования самоорганизации деятельности и отражать индивидуальные различия в настойчивости и мотивации [Bartra et al. 2013; McGuire, Kable 2013; Spreng, Levine 2006].

В настоящее время существуют исследования, отслеживающие взаимосвязь временного компонента и самоорганизации, что, несомненно, подтверждает актуальность и значимость данной темы [Литвина 2016; Панышина и др. 2021; Юдин 2017]. Но при этом мало работ, описывающих временные характеристики личности в контексте самоорганизации. Концептуальные принципы системной антропологической психологии (В. Е. Ключко) позволяют расширить предметное поле таких исследований с учетом многомерности жизненного мира человека [Ключко 2005]. Такой подход дает основания выявить и описать типологические характеристики самоорганизации личности с учетом темпоральных маркеров и в дальнейшем идентифицировать психологические мишени индивидуальной траектории развития для разработки эффективных стратегий вмешательства.

Таким образом, в рамках данного исследования предполагается, что временная траектория деятельности может отражать совокупность темпоральных качеств личности, выступающих ресурсным показателем особенностей самоорганизации человека. Цель настоящего исследования заключается в оценке и описании типологической специфики темпоральной модальности ресурсов самоорганизации личности.

Методы и материалы

Разработана программа исследования, включающая в себя следующие диагностические методики:

1. Опросник временной перспективы (Zimbardo Time Perspective Inventory – ZPTI) Ф. Зимбардо направлен на оценку индивидуальных различий в восприятии времени, позволяет изучить отношение человека к различным временным категориям своей жизни (прошлое, настоящее и будущее). Включает в себя

следующие шкалы: негативное прошлое, позитивное прошлое, гедонистическое настоящее, фаталистическое настоящее, будущее [Сырцова и др. 2008]. В данном исследовании применяется для изучения модальности направленности личности по временной траектории различных аспектов жизнеосуществления человека, что позволит понять характеристики восприятия времени человека в данный период жизни.

2. Опросник «Темпоральные модальности жизнеосуществления» (ТМЖ) Е. В. Бредун направлен на изучение структуры восприятия времени в контексте жизнедеятельности. Опросник включает три шкалы: эмоциональная фиксация на событиях, реализация периодов времени жизнеосуществления, сбалансированность модальных оценок [Бредун и др. 2021]. В данном исследовании применяется для понимания того, как временная модальность отражается на стратегиях деятельности человека, что позволит понять темпоральные аспекты самоорганизации личности.

3. Опросник самоорганизации деятельности (ОСД) Е. Ю. Мандриковой (расширенная адаптация Time Structure Questionnaire – TSQ, Н. Фишер, М. Бонд) направлен на изучение навыка и структуры самоорганизации, позволяет оценить способность к планированию и эффективность достижения поставленных целей. Опросник включает в себя следующие шкалы: планомерность, целеустремленность, настойчивость, фиксация, самоорганизация, ориентация на настоящее [Мандрикова 2010]. В рамках данного исследования используется для определения уровня самоорганизации личности.

4. Тест-опросник самоотношения (ОСО) В. В. Столина, С. Р. Пантिलеева направлен на исследование восприятия собственной личности. В данном опроснике были учтены только 5 основных шкал: глобальное самоотношение, самоуважение, аутосимпатия, ожидаемое отношение от других и самоинтерес [Пантилеев, Столин 1988]. Опросник использовался для понимания того, как человек оценивает себя и свои достижения, что отражает степень ожиданий в процессе самоорганизации.

5. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО) Д. А. Леонтьева направлен на изучение особенностей целеполагания, смысла и степени контроля собственной жизни. Включает следующие шкалы: цели, процесс, результат, локус контроля – Я, локус контроля – жизнь, общий показатель осмысленности жизни [Леонтьев 2000]. В исследовании использовался для понимания осмысленности временной траектории в контексте характеристик самоорганизации.

Выборка исследования составила 55 человек, средний возраст респондентов – 18 лет. Все участники диагностического этапа являлись студентами первого курса Томского государственного университета. Выборка обоснована целями исследования, т. к. студенты первого курса меняют ракурс деятельности со школьного обучения на профессиональное, что подразумевает изменение темпа жизнедеятельности в соответствии с новыми целями и условиями их реализации.

Статистический анализ данных проводился с использованием программного обеспечения JASP.

Результаты

Для изучения наиболее значимых временных характеристик самоорганизации была осуществлена группировка шкал на основании факторного анализа методом главных компонент с вращением Варимакс. Были выделены три фактора (табл.).

Первый фактор включает в себя позитивное отношение к самому себе, что положительно коррелирует с целеустремленностью и настойчивостью в достижении своих планов, временная траектория прослеживается в ориентации человека на настоящее время (гедонистическое настоящее), при этом ориентация на будущие цели и устремленность в будущее имеет отрицательную значимость.

Второй фактор представляет показатель вовлеченности личности в структуру организации себя и своей деятельности, темпоральные показатели фиксируют ориентацию на настоящее при осмысленном распределении задач по временной траектории.

Третий фактор является полностью временным и отражает особенности восприятия динамики событий временной траектории, которые могут детерминировать самоорганизационные качества личности, поскольку временная модальность отражает устойчивость темпоральных характеристик.

Показатели фаталистического настоящего (ZPI) и ориентация на настоящее (ОСД) не были включены в показатели и проявляются автономно.

Далее был применен кластерный анализ методом Ward.D2 (метрика Евклидово расстояние) для группировки испытуемых по типологическим различиям (рис.).

В результате группа респондентов была разделена на 2 подгруппы. Первая подгруппа (кластер 1) – участники, у которых при выраженности фактора 1 характеристики факторов 2 и 3 имеют отрицательное значение. Вторая подгруппа (кластер 2) – респонденты, у которых выражены факторы 3 и 2, а фактор 1, наоборот, имеет отрицательную динамику.

Табл. Результаты факторного анализа показателей темпоральных, самоорганизационных качеств личности
Tab. Factor analysis of temporal and self-organizational qualities of personality

Фактор	Показатели	Значение
Фактор 1	Осмысленность жизни (СЖО)	0,976
	Результат (СЖО)	0,949
	Локус контроля – жизнь (СЖО)	0,888
	Процесс (СЖО)	0,885
	Самоотношение (ОСО)	0,878
	Цель (СЖО)	0,855
	Аутосимпатия (ОСО)	0,838
	Локус контроля – Я (СЖО)	0,820
	Самоуважение (ОСО)	0,750
	Целеустремленность (ОСД)	0,707
	Ожидаемое отношение от других (ОСО)	0,668
	Эмоциональная фиксация (ТМЖ)	-0,645
	Самоинтерес (ОСО)	0,644
	Настойчивость (ОСД)	0,607
	Негативное прошлое (ЗРТИ)	-0,549
	Будущее (ЗРТИ)	-0,465
	Гедонистическое настоящее (ЗРТИ)	0,416
Фактор 2	Планомерность (ОСД)	0,775
	Гедонистическое настоящее (ЗРТИ)	0,693
	Фиксация (ОСД)	0,670
	Самоорганизация (ОСД)	0,623
	Рационализация периодов (ТМЖ)	0,484
	Целеустремленность (ОСД)	0,450
Фактор 3	Негативное прошлое (ЗРТИ)	0,627
	Сбалансированность модальных оценок (ТМЖ)	0,593
	Эмоциональная фиксация (ТМЖ)	0,582
	Позитивное прошлое (ЗРТИ)	0,567
	Будущее (ЗРТИ)	0,497
	Рационализация периодов (ТМЖ)	0,476

Таким образом, были выделены 2 подгруппы, в одной из которых преобладающими типологическими характеристиками являются достижение целей и высокий уровень самоотношения в настоящем времени, а во второй – вовлеченность в самоорганизацию и целостное восприятие временной траектории. Такие предельные смещения могут служить типологическими индикаторами особенностей самоорганизации личности.

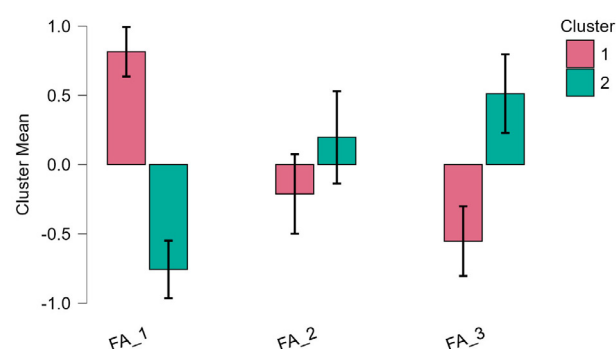

Рис. Результаты кластерного анализа выделенных факторов
Fig. Cluster factor analysis

Обсуждение

Проведенный в ходе исследования анализ позволяет заключить, что выявленные факторы могут отражать характеристики темпоральной модальности самоорганизации личности. При этом фактор 1 (темпоральная одномерность самоорганизации) демонстрирует высокую степень ориентации на настоящее время. Так, студенты, у которых преобладают показатели данного фактора, обладают чертами, позволяющими в полной мере использовать возможности образовательного пространства вуза здесь и сейчас. Они открыты новому опыту, получению знаний, необходимых для профессионального и личностного роста. Высокий уровень краткосрочной самоорганизации позволяет успешно выполнять актуальные учебные задачи и иметь высокий уровень успеваемости в образовательной среде. Склонность фиксироваться на настоящем моменте и наделять особой ценностью и значимостью текущий краткосрочный временной промежуток отмечает Л. М. Романова при изучении и разработке программы формирования компетенций самоорганизации у студентов первого курса [Романова 2017].

Но при этом гедонистическая ориентация на настоящее время может свидетельствовать о неспособности и / или нежелании жертвовать чем-либо сейчас для получения выгоды, вознаграждения

в неопределенном и неясном будущем. Студенты данной подгруппы демонстрируют навык краткосрочного планирования, без построения долгосрочной временной перспективы, что может соотноситься со слабо выраженным пониманием образа профессионального и личностного развития. Образ будущего может быть неопределенным или не включать в себя отражение актуальных задач и целей, в том числе образовательных. Отсюда возникает непонимание того, как знания, получаемые сейчас, в актуальной учебной задаче, могут быть применены в жизни и профессиональной деятельности. Соответственно, несмотря на позитивную картину самоорганизации в настоящем, нет пролонгации этого аспекта жизнедеятельности в будущее, нет понимания того, как в дальнейшем использовать компетенции и навыки, получаемые сегодня для самореализации. Слабые навыки планирования и низкие показатели настойчивости выделяют Т. В. Портнягина и Н. М. Ноговицына [Портнягина, Ноговицына 2020].

Подобная характеристика самоорганизации может выступать мишенью индивидуальной образовательной траектории для дальнейшей работы с данной категорией студентов.

Фактор 2 (темпоральная сбалансированность самоорганизации) демонстрирует показатели вовлеченности в структуру самоорганизации, то, насколько студент осмысленно подходит к процессу решения различных актуальных учебных и внеучебных задач во временной траектории. Для данного фактора характерно строгое планирование и следование намеченным этапам действий, высокая степень самоорганизации и дисциплины. Целеустремленность как показатель достижения намеченных задач является преобладающим маркером поведенческих характеристик личности. При этом временные характеристики самоорганизации включают в себя не только фиксацию на настоящем времени (что логично связано со строгим планированием), но и рационализацию периодов времени жизнеосуществления, что демонстрирует последовательное стремление к намеченной цели. В учебной среде студент четко понимает, для чего необходимо выполнять какие-либо учебные и внеучебные задачи сейчас, чтобы получить максимальный эффект и выгоду в будущем. Но при этом чрезмерная фиксация на планах, строгой последовательности может быть индикатором нетерпимости к случайным задачам, смене планов или сроков выполнения. Это находит подтверждение в исследовании Л. М. Романовой, которая отмечает

недостаточную гибкость в планировании деятельности при наличии таких качеств, как исполнительность и обязательность. Также автор отмечает сложности в планомерном следовании разработанному плану части исследуемых [Романова 2017].

Такая ригидность может препятствовать эффективной самоорганизации в системе многозадачности. Открытость к неопределенности может стать мишенью индивидуальной образовательной траектории для дальнейшей работы с данной категорией студентов.

Фактор 3 (темпоральная децентрация) отражает временные характеристики и то, какими темпоральными качествами обладает личность. Данные показатели, являясь устойчивыми, находят свое отражение в особенностях самоорганизации личности. Центрация на одном из периодов временной траектории является показателем застревания, т. к. происходит временное смещение. Например, ориентация на негативное прошлое как бы удерживает человека в переживаниях о прошедших событиях и не позволяет двигаться вперед, а также влияет на мотивацию, что может сказаться на академической успеваемости и построении профессиональной траектории; ориентация только на будущее время, напротив, заставляет человека жить исключительно мыслями о том, что этот период будет самым успешным, а проживание сегодняшнего времени полностью провисает; эмоциональная фиксация на событиях также не позволяет перейти к следующему этапу роста, а при негативном развитии сценария может привести к регрессии личности. Одним из проявлений такой фиксации может выступать затрудненность в принятии самостоятельного решения, выстраивании профессиональных и жизненных приоритетов, постоянных колебаниях, отсутствии долгосрочного планирования, что не позволяет в полной мере развивать свой личностный и образовательный потенциал студенту, лишает возможности выбирать разные варианты развития своей индивидуальной образовательной траектории и профессионального маршрута.

Эти данные подтверждают результаты исследования, выполненного Е. В. Гуниной, К. А. Мартемьяновой и А. И. Лебедевой, которые отметили, что средний уровень самоорганизации студентов зачастую связан в числе прочего с неправильной расстановкой приоритетов и слабовыраженной мотивацией приобретения знаний в университете [Гунина и др. 2021]. Такие показатели не только отражают целостность восприятия временной траектории и свое положение

в ней, но и описывают темпоральные характеристики личности. Работа с восприятием временной траектории студента может позволить улучшить навыки как долгосрочной, так и краткосрочной самоорганизации.

Заключение

Целью данного пилотажного исследования стала оценка и описание типологической специфики темпоральной модальности ресурсов самоорганизации личности. Была выявлена специфика показателей самоорганизации личности, которая может оцениваться по трем значимым факторам: темпоральная одномерность самоорганизации, темпоральная сбалансированность самоорганизации, темпоральная децентрация. Темпоральная опосредованность самоорганизации может выступить значимым маркером для работы по повышению индивидуальной эффективности образовательной траектории студентов. Учет данных факторов позволит идентифицировать мишени для разработки эффективных стратегий вовлеченности студентов в образовательную среду и стратегического планирования профессиональных задач в процессе жизнеосуществления. Данная модель факторов нуждается в дальнейшем уточнении и доработке с привлечением большего количества участников исследования.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: О. Н. Асютина – написание, подготовка и редактирование текста, интерпретация результатов исследования. Е. В. Бредун – концептуализация идеи, формулирование целей исследования, применение статистических и других формальных методов для анализа данных исследования.

Contribution: O. N. Asyutina drafted the article and interpreted the research results. E. V. Bredun developed the research concept, formulated the research objectives, and performed the analysis, including the statistical processing.

Финансирование: Результаты получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № FSWM-2025-0003.

Funding: The research was part of State Assignment from the Ministry of Education and Science of Russia No. FSWM-2025-0003.

Литература / References

- Абульханова-Славская К. А., Березина Т. Н. *Время личности и время жизни*. СПб.: Алетеия, 2001. 304 с. [Abulkhanova-Slavskaya K. A., Berezina T. N. *The time of personality and the time of life*. St. Petersburg: Aleteia, 2001, 304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxoqgt>
- Асютина О. Н., Костюкова Т. А. Социогуманитарные технологии самоменеджмента как способ повышения эффективности самостоятельной работы студентов вузов. *Научно-педагогическое обозрение*. 2022. № 3. С. 60–67. [Asyutina O. N., Kostyukova T. A. Socio-humanitarian technologies of self-management as a way to improve the efficiency of university students' independent work. *Pedagogical Review*, 2022, (3): 60–67. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23951/2307-6127-2022-3-60-67>
- Афанасьева Н. А. Самоорганизация – фактор успешности учебной деятельности. *Фундаментальные исследования*. 2008. № 2. С. 60–61. [Afanasyeva N. A. Self-organization as a factor of successful academic performance. *Fundamental research*, 2008, (2): 60–61. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ijmdgb>
- Богдалова Е. Ю. Компетенция самоорганизации личности студентов вуза как предмет психолого-педагогического исследования. *Педагогический вестник*. 2018. № 4. С. 17–20. [Bogdalova E. Yu. Competence of self-organization of personality of university students as a member of psychological-pedagogical research. *Pedagogicheskii vestnik*, 2018, (4): 17–20. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxhedz>
- Бредун Е. В., Краснорядцева О. М., Щеглова Э. А. Типологические особенности субъективного восприятия времени в контексте хронотопической жизни человека. *Сибирский психологический журнал*. 2018. № 68. С. 32–45. [Bredun E. V., Krasnoryadtseva O. M., Shcheglova E. A. Typological features of subjective time perception in the context of chronotopical human life. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2018, (68): 32–45. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/68/2>

- Бредун Е. В., Щеглова Э. А., Смешко Е. В., Шмер Т. А. Диагностические возможности опросника «Темпоральные модальности жизнеосуществления». *Сибирский психологический журнал*. 2021. № 82. С. 174–190. [Bredun E. V., Shcheglova E. A., Smeshko E. V., Shmer T. A. Diagnostic capabilities of "Temporal modality of life fulfillment" questionnaire. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2021, (82): 174–190. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/82/10>
- Васильева М. А., Валеева Р. Р. Самоорганизация студента. *Миллионщиков-2019: II Всерос. науч.-практ. конф.* (Грозный, 30–31 мая 2019 г.) Грозный: Спектр (ИП Алматова З. С.), 2019. Т. II. С. 429–431. [Vasileva M. A., Valeeva R. R. Student self-organization. *Millionaires 2019: Proc. II All-Russian Sci.-Prac. Conf.*, Grozny, 30–31 May 2019. Grozny: Spektr (IP Almatova Z. S.), 2019, vol. II, 429–431. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/amhnqp>
- Гунина Е. В., Мартемьянова К. А., Лебедева А. И. Изучение самоорганизации и самообразования студентов. *Научные исследования и инновации: V Междунар. науч.-практ. конф.* (Саратов, 12 апреля 2021 г.) Саратов: Цифровая наука, 2021. С. 414–420. [Gunina E. V., Martemyanova K. A., Lebedeva A. I. Study of students' self-organization and self-education. *Scientific research and innovation: Proc. V Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Saratov, 12 Apr 2021. Saratov: Tsifrovaia nauka, 2021, 414–420. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fuztwo>
- Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь: исправь Прошлое, наслаждайся Настоящим и управляй Будущим. СПб.: Речь, 2010. 352 с. [Zimbardo P. G., Boyd J. N. *The time paradox: The new psychology of time that will change your life (a self-help guide to time)*. St. Petersburg: Rech, 2010, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxzblbn>
- Ивонина А. И., Чуланова О. Л., Давлетшина Ю. М. Современные направления теоретических и методических разработок в области управления: роль soft skills и hard skills в профессиональном и карьерном развитии сотрудников. *Интернет-журнал Науковедение*. 2017. Т. 9. № 1. [Ivonina A. I., Chulanova O. L., Davletshina Ju. M. Modern directions of theoretical and methodological developments in the field of management: The role of soft-skills and hard skills in the professional and career development of employees. *Internet-zhurnal Naukovedenie*, 2017, 9(1). (In Russ.)] URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/90EVN117.pdf> (accessed 20 Dec 2024). <https://elibrary.ru/ymxpol>
- Клочко В. Е. Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с. [Klochko V. E. *Self-organization in psychological systems: Problems of emergence of the mental space of a person (introduction into the transspetive analysis)*. Tomsk: TSU, 2005, 174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxpeuv>
- Котова С. С. Технологии самоорганизации и саморазвития. Екатеринбург: РГППУ, 2022. 195 с. [Kotova S. S. *Technologies of self-organization and self-development*. Ekaterinburg: RSVPU, 2022, 195. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gnvtcs>
- Котова С. С., Шахматова О. Н. Основы эффективной самоорганизации. Екатеринбург: РГППУ, 2010. 145 с. [Kotova S. S., Shakhmatova O. N. *Fundamentals of effective self-organization*. Ekaterinburg: RSVPU, 2010, 145. (In Russ.)]
- Леонтьев Д. А. Тест смысложизненных ориентации (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. 18 с. [Leontiev D. A. *Test the mining of life orientations*. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2000, 18. (In Russ.)]
- Литвина С. А. Индивидуальные достоинства как основания осмысленности и целенаправленности в самоорганизации деятельности. *Сибирский психологический журнал*. 2016. № 61. С. 33–46. [Litvina S. A. Individual merits as fundamentals of meaningfulness and purposefulness of self-organization activity. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2016, (61): 33–46. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/61/3>
- Мандрикова Е. Ю. Разработка опросника самоорганизации деятельности (ОСД). *Психологическая диагностика*. 2010. № 2. С. 87–111. [Mandrikova E. Yu. Developing a questionnaire of self-control. *Psikhologicheskaya diagnostika*, 2010, (2): 87–111. (In Russ.)]
- Машарова Т. В. Педагогическое сопровождение самоорганизации личности обучающегося как внешнее проявление его самости. *Вестник Калужского университета. Серия 1. Психологические науки. Педагогические науки*. 2019. Т. 2. № 3. С. 20–29. [Masharova T. V. Pedagogical support of student self-organization as an external manifestation of his selfhood. *Bulletin of Kaluga University. Series 1. Psychological Sciences. Pedagogical Sciences*, 2019, 2(3): 20–29. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pihytu>

- Пантеев С. Р., Столин В. В. Тест-опросник самоотношения. *Практикум по психодиагностике. Психодиагностические материалы*, ред. А. А. Бодалев. М.: МГУ, 1988. С. 123–130. [Pantileev S. R., Stolin V. V. Test-questionnaire of self-attitude. *Workshop on psychodiagnostics. Psychodiagnostic materials*, ed. Bodalev A. A. Moscow: MSU, 1988, 123–130. (In Russ.)]
- Паньшина С. Е., Сунгурова Н. Л., Карабущенко Н. Б. Личностные характеристики студентов в регуляции сетевой активности. *Образование и наука*. 2021. Т. 23. № 3. С. 101–130. [Panshina S. E., Sungurova N. L., Karabushchenko N. B. Personality characteristics of students in the regulation of network activity. *Obrazovanie i Nauka*, 2021, 23(3): 101–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17853/1994-5639-2021-3-101-130>
- Портнягина Т. В., Ноговицына Н. М. Самоорганизация студентов педагогического вуза. *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 68-2. С. 283–286. [Portnyagina T. V., Nogovitsyna N. M. Self-organization of students of pedagogical university. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2020, (68-2): 283–286. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aqjxqy>
- Романова Л. М. Проектирование программы формирования компетенций самоорганизации у студентов вуза. *Вестник Казанского государственного энергетического университета*. 2017. Т. 34. № 2. С. 105–114. [Romanova L. M. Program designing of formation self-organization level of high school students. *Kazan State Power Engineering University Bulletin*, 2017, 34(2): 105–114. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zaouvt>
- Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо. *Психологический журнал*. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109. [Syrtsova A., Sokolova E. T., Mitina O. V. Adaptation of F. Zimbardo Time Perspective inventory. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2008, 29(3): 101–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/inmjij>
- Титова М. Ю., Шаршов И. А. Формирование умений самоорганизации у студентов: теоретический аспект. *Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста: XVI Междунар. науч.-практ. Интернет-конф. (Тамбов, 3–10 июня 2020 г.)* Тамбов: ИД Державинский, 2020. С. 292–294. [Titova M. Yu., Sharshov I. A. Formation of self-organization skills in students: Theoretical aspect. *Personal and professional development of a future specialist: Proc. XVI Intern. Sci.-Prac. Internet-Conf., Tambov, 3–10 Jun 2020*. Tambov: ID Derzhavinskii, 2020, 292–294. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mdtqyc>
- Фоминых Е. С. Темпоральные основы развития и психического здоровья личности в зарубежных концепциях. *Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета*. 2019. № 2. С. 210–216. [Fominykh E. S. Temporal foundations of development and mental health in foreign publications. *Uchenye zapiski. Ehlektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2019, (2): 210–216. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxngxb>
- Юдин С. А. Исследование темпоральных характеристик личности студентов с различными показателями самоорганизации учебной деятельности. *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2017. Т. 10. № 4. С. 99–106. [Yudin S. A. Temporal personality characteristics in students with various indicators of self-organization of academic activities. *Teoreticheskaya i ehksperimentalnaya psikhologiya*, 2017, 10(4): 99–106. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yulgp0>
- Bartra O., McGuire J. T., Kable J. W. The valuation system: A coordinate-based meta-analysis of BOLD fMRI experiments examining neural correlates of subjective value. *NeuroImage*, 2013, 76: 412–427. <https://doi.org/10.1016/j.neuroimage.2013.02.063>
- Gibbon J., Church R. M., Meck W. H. Scalar timing in memory. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1984, 423(1): 52–77. <https://doi.org/10.1111/j.1749-6632.1984.tb23417.x>
- McGuire J. T., Kable J. W. Rational temporal predictions can underlie apparent failures to delay gratification. *Psychological Review*, 2013, 120(2): 395–410. <https://doi.org/10.1037/a0031910>
- Spreng R. N., Levine B. The temporal distribution of past and future autobiographical events across the lifespan. *Memory & Cognition*, 2006, 34, 1644–1651. <https://doi.org/10.3758/BF03195927>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/reutnk>

Значение ситуативного контекста в представлениях о счастье в детском и пожилом возрасте

Булкина Наталья Анатольевна

Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону

eLibrary Author SPIN: 4274-7828

<https://orcid.org/0000-0002-0525-8313>

Scopus Author ID: 58061174800

aboulkina@yandex.ru

Аннотация: Изучение представлений о счастье людей – актуальная тема качественных исследований. Цель – оценить значение ситуативного контекста в представлениях о счастье в различных возрастных группах. Была изучена устойчивость представлений о счастье людей на протяжении жизни, для чего проведены два сравнительных исследования представлений о счастье в детском и пожилом возрасте, одно из них – кросс-временное. Общая выборка составила 567 человек (305 детей и 262 пожилых взрослых). В двух исследованиях участвовали подростки 11–14 лет (2023 г., $n = 185$); дети 7–10 лет (2021 г., $n = 120$); пожилые люди 60–84 лет (2023 г., $n = 180$), пожилые люди 60–90 лет (2021 г., $n = 82$). Для качественного изучения ответов респондентов применен контент-анализ, для сравнения выборок – критерий хи-квадрат с расчетом величины эффекта h Коэна. Установлено, что представления людей о счастье динамичны и могут меняться в зависимости от возраста и ситуативного контекста. У пожилых людей в 2021 г., в период эпидемии COVID-19, по сравнению с 2023 г., счастье в два раза чаще отождествлялось со здоровьем, более значимой также была *жизнь как ценность*. В 2023 г. в представлениях о счастье пожилых людей и детей появились категории *мир без войны, отсутствие несчастья, внутренняя гармония и спокойствие*, что может быть связано с ситуативным контекстом. Не выявлено больших различий в представлениях о счастье подростков 11–14 и детей 7–10 лет. Респонденты обеих групп преимущественно воспринимают счастье как положительные эмоции, которые варьируются от интенсивной радости, восторга, удовольствия до спокойного удовлетворения и возникают при общении с семьей, родителями, друзьями, в процессе различных видов активности и отдыха. Детям свойственно переживание моментального счастья. Пожилые люди понимают счастье как благополучие свое и близких людей. Счастье пожилых людей связано со стабильностью и предсказуемостью. Общим и главным представлением о счастье детей и пожилых людей является семья.

Ключевые слова: счастье, благополучие, моментальное счастье, пожилые люди, пожилой возраст, дети, подростки, ситуативный контекст

Цитирование: Булкина Н. А. Значение ситуативного контекста в представлениях о счастье в детском и пожилом возрасте. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 277–289. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-277-289>

Поступила в редакцию 07.08.2024. Принята после рецензирования 09.10.2024. Принята в печать 14.10.2024.

full article

Concept of Happiness in Children and Older Adults: Situational Context

Natalia A. Bulkina

Southern Federal University, Russia, Rostov-on-Don

eLibrary Author SPIN: 4274-7828

<https://orcid.org/0000-0002-0525-8313>

Scopus Author ID: 58061174800

aboulkina@yandex.ru

Abstract: Everyday ideas about happiness is a relevant research topic. This article introduces a comparative analysis of the concept of happiness in children and older adults; one of them was cross-temporal. The author focused on the situational context in ideas about happiness in different age groups, as well as evaluated the temporal stability of these ideas. The total sample included 567 people (305 children and 262 older adults): adolescents aged 11–14 years ($n = 185$; 2023); children aged 7–10 years ($n = 120$; 2021); older adults aged 60–84 years ($n = 180$; 2023), older adults aged 60–90 years ($n = 82$; 2021). The study relied on the methods of content analysis and comparative analysis based on the *chi*-squared test with the Cohen's *h* effect size. The concept of happiness proved dynamic: it changed depending on age and context. During the COVID-19 pandemic of 2021, the older adults tended to associate happiness with health, with life being more significant as a value. In 2023, both adults and children demonstrated such ideas as *peace*, *absence of unhappiness*, and *inner harmony and tranquility*, which also could be related to the situational context. The concept of happiness was almost the same in the adolescents and the children. Both groups described happiness as positive emotions, ranging from intense joy, delight, and pleasure to calm satisfaction and arising from communication with family, parents, and friends during various activities and recreation. The children tended to experience happiness in the moment. The older adults explained happiness as the well-being of their own and their loved ones. Family remained the core idea of happiness, shared by the children and the older adults.

Keywords: happiness, well-being, instant happiness, older adults, old age, children, adolescents, situational context

Citation: Bulkina N. A. Concept of Happiness in Children and Older Adults: Situational Context. *SibScript*, 2025, 27(2): 277–289. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-277-289>

Received 7 Aug 2024. Accepted after peer review 9 Oct 2024. Accepted for publication 14 Oct 2024.

Введение

Стремление к счастью – одновременно и цель, и смысл человеческой жизни. Истинное, глубинное стремление людей – стать счастливыми. Аристотель называл счастье высшим благом, Абсолютом, максимально значимой целью всех людей. К богатству, славе, удовольствию человек стремится ради достижения счастья и никогда наоборот [Aristotle 2006]. Польский философ В. Татаркевич считал счастье идеалом, а жизнь, приближенную к этому идеалу, – счастливой жизнью [Татаркевич 1981]. М. Фордис сравнил счастье с мерой, которая оценивает, насколько хорошо складывается наша жизнь [Fordyce 1988]. Из-за восприятия счастья как чего-то неуловимого и слишком субъективного в академическом сообществе долгое время присутствовал скептицизм по отношению к счастью [Ibid.],

велся поиск его научных аналогов. В настоящее время пришло осознание значимости счастья в жизни людей, однако в научных дискуссиях о счастье нет полной терминологической ясности. Сегодня счастье в широком значении термина выступает как универсальный конструкт [Леонтьев 2020], который объединяет в себе различные представления о добре и применяется для обозначения всего хорошего [Veenhoven 2012].

В психологической науке счастье может трактоваться как яркая положительная эмоция [Goldman 2017], эмоциональное состояние [Haybron 2005], чувство, состояние, эмоция удовольствия или удовлетворенности [Uchida, Oishi 2016]. В психологических и социальных исследованиях счастье выступает аналогом понятий качества жизни, удовлетворенности

жизнью [Veenhoven 2012], субъективного благополучия [Леонтьев 2020; Diener 2000], психологического благополучия [Bradburn 1969], приравнивается к положительному психическому здоровью [Huppert, So 2013], входит в состав конструкта благополучия как эмоциональный компонент [Haybron 2005; Ruggeri et al. 2020].

За последние десятилетия появилось много количественных исследований счастья, его коррелятов и предикторов [Ларин, Филясов 2018; Holder, Coleman 2009; Kolosnitsyna et al. 2014; Kraft, Kraft 2023; Mogilner et al. 2011; Steptoe 2019]. Но по-прежнему мало качественных исследований, связанных с изучением представлений о счастье обычных людей [Delle Fave et al. 2016]. Данное обстоятельство обусловило актуальность настоящей работы. Народные представления о счастье могут расширить и дополнить научные представления об этом феномене, т.к. являются теми идеалами, к которым стремятся люди [Scollon, King 2011], источниками смысла, индивидуальных ценностей и культурных убеждений [Fletcher 1995].

Во многих качественных исследованиях феномена счастья изучаются источники счастья [Sotgiu 2016; Sotgiu et al. 2011]. Респондентам задают вопросы: что делает вас счастливыми?; что вам надо для счастья? [Izzaty 2018; Leontiev, Rasskazova 2014; Sotgiu 2016]; какие из перечисленных ценностей соответствуют вашему представлению о счастье? [Донская 2022]; реже спрашивают: что такое счастье лично для вас? [Delle Fave et al. 2016]. Согласно исследованиям, формулировка вопроса, формат и контекст оказывают влияние на результаты опроса [Schwarz 1999]. Когда респондентам задавали вопрос о том, что они считают самым важным для детей, чтобы подготовить их к жизни, и предлагали варианты ответов, то 61,5 % участников опроса выбрали ответ *думать самостоятельно*. Когда варианты ответов не предлагались, только 4,6 % респондентов дали похожий ответ [Schuman, Presser 1981: 105–107].

На счастье людей может оказывать влияние ситуативный контекст, т.е. обстоятельства времени, места, любых фактов реальной жизни [Donnellan, Lucas 2021; Oishi et al. 2003; Schwarz, Strack 1999; Suh et al. 1996]. По мнению исследователей, влияние контекста велико, и его непросто устранить [Baumeister et al. 2001; Deaton, Stone 2016]. К ситуативному контексту относятся как экзогенные (внешние) факторы – глобальные события и явления (природные, техногенные

катастрофы, политические перевороты, экономические кризисы и рецессии, войны, эпидемии) [Deaton 2012; Eltarkawe, Miller 2018; Morrison et al. 2022], так и текущее настроение или личные обстоятельства жизни отдельного человека [Diener et al. 2013]. Исследования, проведенные в десяти европейских странах и странах Южного полушария, показали, что во время эпидемии COVID-19 в течение 2020 г. уровень счастья имел тенденцию к снижению [Blázquez-Fernández et al. 2021; Greyling et al. 2021]. В другой работе установлено, что некая заданная гомеостатическая точка счастья (*set point*) может быть подорвана негативными глобальными событиями – военными конфликтами, эпидемиями, различными кризисами. Были проанализированы ежегодные оценки национального счастья в европейских странах, опубликованные во Всемирной базе данных о счастье¹ за период 2007–2019 гг. В результате регрессионного анализа выявлено, что в 14 из 26 европейских стран (более 50 %) гомеостаз счастья отсутствует, в остальных случаях заданное значение смещается, и лишь в 5 странах выявлена устойчивость к несчастьям [Mueller 2023]. С учетом вышеизложенного была выдвинута исследовательская проблема: могут ли меняться представления о счастье людей, в частности в связи с такими глобальными событиями ситуативного контекста, как пандемия COVID-19 и специальная военная операция?

В статье представлены два сравнительных исследования понимания счастья в детском и пожилом возрасте, одно из них – кросс-временное. Детство и отрочество – начальные этапы жизненного пути, формирующие основы для дальнейшего развития личности и ее психологического благополучия. Пожилой возраст – заключительный этап жизни. Выбор возрастных категорий для сравнительного исследования обусловила цель – оценить значение ситуативного контекста в представлениях о счастье в различных возрастных группах. Также была изучена устойчивость представлений о счастье людей на протяжении жизни. Гипотезы исследования:

1. В представлениях о счастье людей, полученных в 2021 г., в период пандемии COVID-19, и в представлениях о счастье, полученных в период проведения специальной военной операции, могут быть различия, связанные с ситуативным контекстом.

2. Представления о счастье людей не являются фиксированными, а могут изменяться в процессе жизни.

¹ World database of happiness. URL: <https://worlddatabaseofhappiness-archive.eur.nl> (accessed 3 May 2024).

Методы и материалы

В работе использовались смешанные методы исследования. Контент-анализ применили для качественного изучения ответов респондентов. Различия категориальных данных, представленных в процентных отношениях, исследовали с помощью критерия согласия Пирсона χ^2 с последующими расчетами размера эффекта в статистической программе R 4.0.3.

Исследование 1

Большинство пожилых участников были привлечены через личное общение на улицах и в скверах Ростова-на-Дону, возле торговых центров, продуктовых гипермаркетов, в других общественных местах. Опрос проходил во второй половине июня 2023 г. в дневное время. Участникам не предлагали денежных или иных поощрений. Всем респондентам задавался открытый вопрос: Что такое счастье по вашему личному мнению? Ответы записывались, также фиксировался пол и возраст респондентов. В исследовании приняли участие 180 пожилых людей в возрасте 60–84 лет: 47 мужчин, 133 женщины. Средний возраст участников составил 69,2 года, медиана возраста – 69,0; SD = 6,77. Двадцать человек отказались участвовать в исследовании: 5 женщин и 15 мужчин.

Исследование детских представлений о счастье проходило в последнюю учебную неделю мая 2023 г. Согласно Международной конвенции защиты прав ребенка, принятой в России, к детям относятся человеческие индивидуумы в возрасте от рождения до 18 лет, включая и подростковый период [Ваганов и др. 2018]. Участниками стали 185 учащихся 4–7 классов одной из городских школ: 92 мальчика, 93 девочки. Возраст варьировался от 11 до 14 лет, средний возраст – 12,3 года, медиана возраста – 12,0; SD = 0,99. Для получения субъективного мнения подростков в отношении темы исследования применили открытый вопрос. Участникам рассказали о цели исследования – выяснить, как лично они понимают слово *счастье*. Ответы записывались на листках бумаги с указанием пола и возраста.

Контент-анализ проводился в соответствии с методологией А. Страусса и Дж. Корбин [Corbin, Strauss 1990; Strauss, Corbin 1990] и включал три этапа:

1. Открытое кодирование. Были выписаны ответы всех респондентов максимально индуктивно. Затем в процессе изучения и сравнения ответов выбирались идентичные и близкие (вариативные) по смыслу ответы, которые сокращались или сводились к абстракции и концептуализировались. Теоретический анализ

предполагает работу с концептуализацией данных, а не с фактическими данными как таковыми. Например, ответы *счастье – это хорошо сдать экзамен по географии и получать отличные оценки* концептуализировались как *успехи в учебе*.

2. Аксиальное (Axial Coding) или осевое кодирование. Данные после открытого кодирования объединяются путем установления новых связей между существующими данными и категориями [Strauss, Corbin 1990: 96]. Ответы, относящиеся к одному и тому же явлению, были сгруппированы в более абстрактные категории. Например, ответы *счастье – чувство, греющее душу* и *когда на душе радостно и хорошо* отнесены к категории *положительные эмоции*.

3. Селективное или выборочное кодирование, когда происходил процесс выбора наиболее значимых категорий с последующей проверкой взаимосвязей между категориями.

Полученные данные проверялись на достоверность.

Исследование 2

В кросс-временном исследовании были проведены сравнение представлений о счастье пожилых взрослых и детей, полученных в результате опросов в 2023 г. и 2021 г. [Булкина 2022]; оценка значения ситуативного контекста, под которым понимаются как глобальные события, так и различные обстоятельства реальной жизни. Общая выборка составила 567 человек (305 детей и 262 пожилых взрослых): 185 подростков (92 мальчика и 93 девочки) в возрасте 11–14 лет, M = 12,3 (2023 г.); 120 детей (61 мальчик и 59 девочек) в возрасте 7–10 лет, M = 8,31 (2021 г.); 180 пожилых людей 60–84 лет: 47 мужчин, 133 женщины, M = 69,2 (2023 г.); 82 пожилых человека 60–90 лет: 31 мужчина, 51 женщина, M = 70,4 года (2021 г.).

Для сравнения выборок 2023 г. и 2021 г. мы использовали критерий согласия Пирсона χ^2 . Разницу между двумя пропорциями рассчитали с помощью величины эффекта *h* Коэна.

Результаты

Исследование 1

Контент-анализ показал, что многие участники исследования дали не одно, а несколько определений счастья. От пожилых респондентов получено 330 определений счастья, от подростков – 438. Ответы респондентов были сгруппированы по категориям, у подростков – 26 категорий, у пожилых людей – 18 категорий. Мы не стали объединять семантические

единицы *любовь; дружба; понимание, взаимопонимание* в одну категорию *межличностные отношения*, чтобы избежать нивелирования эмоциональных различий между этими близкими, но не тождественными понятиями. Количество ответов в каждой категории,

а также их доля в общем количестве ответов в процентах представлены в таблице 1.

Для большинства пожилых людей счастье – это в первую очередь семья (38 %); здоровье (32 %); когда всё хорошо (22 %); любовь (17 %); мир без войны (16 %);

Табл. 1. Количество ответов респондентов и процентные доли по категориям, 2023 г.

Tab. 1. Definitions of happiness: number of responses and percentages by category, 2023

Категории	Пожилые люди 60–84 лет (n = 180)		Подростки 11–14 лет (n = 185)	
	количество ответов	%	количество ответов	%
Здоровье	58	32	26	14
Семья: родители, дети, внуки, родственники, близкие люди	68	38	79	43
Друзья, дружба	5	3	39	21
Любовь, отношения	30	17	15	8
Все хорошо	40	22	14	8
Успехи в учебе, работе, спорте	–	–	11	6
Физическая активность (спорт, подвижные игры, путешествия)	–	–	17	9
Спокойствие, внутренняя гармония	16	9	6	3
Доход, материальное благополучие	18	10	16	9
Отдых, каникулы, досуг, развлечения	4	2	21	11
Домашние животные	–	–	6	3
Положительные эмоции (радость, восторг, удовольствие)	9	5	52	28
Погода, природа	–	–	10	5
Жизнь как ценность	6	3	18	10
Достижение целей	1	1	7	4
Удача, везение	–	–	4	2
Приятные события и моменты	5	3	24	13
Исполнение желаний	1	1	6	3
Вкусная еда, лакомства	–	–	18	10
Покупки, подарки	–	–	6	3
Учеба, работа (процесс)	–	–	6	3
Понимание, взаимопонимание	18	10	–	–
Мир без войны	28	16	11	6
Хобби, увлечения, любимое дело	2	1	4	2
Вера в Бога	7	4	1	1
Отсутствие несчастья	14	8	21	11

Прим.: Жирным шрифтом выделены наиболее высокие значения процентных долей.

материальное благополучие (10 %); взаимопонимание (10 %). Для подростков счастье – это семья (43 %); положительные эмоции (28 %); друзья (21 %); здоровье (14 %); приятные моменты (13 %); отдых, развлечения (11 %); отсутствие несчастья (11 %); вкусная еда (10 %).

Для оценки статистической значимости различий между качественными характеристиками выборки из каждой категории применили критерий согласия Пирсона χ^2 . Для уточнения разницы между пропорциями рассчитали величину эффекта h Коэна (табл. 2).

Табл. 2. Сравнение ответов пожилых людей и подростков, 2023 г.

Tab. 2. Definitions of happiness: older adults vs. adolescents, 2023

Категория	χ^2	p	CI, LL	CI, UL	h Коэна
Здоровье	15,987	< 0,001	–0,271	–0,091	0,439
Семья: родители, дети, внуки, родственники, близкие люди	0,726	0,393	–0,056	0,155	–0,100
Друзья, дружба	27,128	< 0,001	0,114	0,252	–0,619
Любовь, отношения	5,416	0,019	–0,158	–0,012	0,264
Всё хорошо	14,402	< 0,001	–0,223	–0,069	0,424
Успехи в учебе, работе, спорте	9,094	0,002	0,019	0,099	–0,493
Физическая активность (спорт, подвижные игры, путешествия)	15,340	< 0,001	0,044	0,138	–0,616
Спокойствие, внутренняя гармония	4,185	0,040	–0,110	–0,002	0,243
Доход, материальное благополучие	0,069	0,791	–0,078	0,051	0,046
Отдых, каникулы, досуг, развлечения	10,529	0,001	0,035	0,147	–0,388
Домашние животные	4,098	0,042	0,001	0,063	–0,362
Положительные эмоции (радость, восторг, удовольствие)	33,359	< 0,001	0,153	0,308	–0,667
Погода, природа	8,078	0,004	0,015	0,092	–0,469
Жизнь как ценность	5,079	0,024	0,008	0,119	–0,267
Достижение целей	3,057	0,080	–0,002	0,067	–0,242
Удача, везение	2,192	0,138	–0,004	0,048	–0,295
Приятные события и моменты	11,609	< 0,001	0,042	0,161	–0,402
Исполнение желаний	2,220	0,136	–0,006	0,060	–0,213
Вкусная еда, лакомства	16,405	< 0,001	0,049	0,145	–0,634
Покупки, подарки	4,098	0,042	0,001	0,063	–0,362
Учеба, работа (процесс)	4,098	0,042	0,001	0,063	–0,362
Понимание, взаимопонимание	17,385	< 0,001	–0,149	–0,050	0,644
Мир без войны	7,849	0,005	–0,164	–0,027	0,318
Хобби, увлечения, любимое дело	0,142	0,705	–0,020	0,041	–0,083
Вера в Бога	3,337	0,067	–0,069	0,002	0,250
Отсутствие несчастья	0,963	0,326	–0,029	0,101	–0,122

Прим.: CI (confidence interval) – 95 % ДИ (доверительный интервал); LL (lower limit) – нижняя граница ДИ, UL (upper limit) – верхняя граница ДИ, жирным шрифтом выделены значения $p \leq 0,05$.

В представлениях о счастье у пожилых взрослых и подростков 11–14 лет много различий. Пожилые люди ассоциируют счастье со взаимопониманием; здоровьем; когда всё хорошо; любовью, отношениями; миром без войны; спокойствием, внутренней гармонией. Для подростков 11–14 лет счастье – это положительные эмоции; друзья; вкусная еда; активность. Также для подростков счастье ассоциируется с приятными событиями и моментами; отдыхом, развлечениями; успехами в учебе; погодой, природой; жизнью как ценностью; в равной мере – домашними животными; покупками, подарками; учебой.

Анализ ответов респондентов показывает, что счастье и для подростков, и для пожилых людей в первую очередь связано с семьей: 43 и 38 % соответственно. Дальше представления о счастье пожилых людей и подростков расходятся. Пожилые люди выбирают благополучие, включающее в себя здоровье (32 %), стабильность, когда всё хорошо (22 %), любовь (17 %), мир без войны (16 %), доход (10 %), взаимопонимание (10 %). Дети выбирают гедонистическое счастье (глубинная, наиболее древняя разновидность счастья, воспринимаемая психикой как баланс боли и наслаждения) в виде положительных эмоций радости, удовольствия (28 %); приятных моментов и событий (13 %); отдыха, развлечений, путешествий (11 %); отсутствия несчастья (11 %); вкусной еды (10 %); исполнения желаний (3 %); покупок, подарков (3 %). Если к этому прибавить 9 % физической активности, в процессе которой вырабатывается гормон удовольствия дофамин, 5 % от общения с природой, хобби (2 %), то категории гедонистического счастья составят 95 %. Подросткам 11–14 лет не чуждо восприятие счастья как благополучия. Категория *семья* набирает максимальное количество ответов (43 %). Дальше следуют друзья (21 %), здоровье (14 %), жизнь как ценность (10 %), деньги (9 %), любовь (8 %), всё хорошо (8 %), успехи в учебе (6 %), мир без войны (6 %), достижение целей (4 %), учеба как процесс (3 %), дающие в сумме 132 %.

Распределение процентных долей в типах детского счастья (как яркая положительная эмоция / чувство и как благополучие) в данном случае весьма условно, потому что семья и друзья обеспечивают детям не только когнитивное принятие и поддержку, но и приносят огромные гедонистические бонусы.

Исследование 2

Представления о счастье пожилых людей, полученные в 2021 г., сравнили с представлениями о счастье пожилых людей в 2023 г. по 19 категориям. В 2021 г.,

в период пандемии COVID-19, для пожилых людей счастье больше ассоциировалось со здоровьем, чем в 2023 г.; жизнью как ценностью. Более важны были успехи на работе; достижение целей; доход и материальное благополучие; хобби, любимое дело (табл. 3). В 2023 г., во время проведения специальной военной операции, по сравнению с 2021 г., увеличилось количество пожилых людей, понимающих счастье как мир без войны; как спокойствие, внутреннюю гармонию; отсутствие несчастья. Счастье для пожилых людей в 2023 г. стало больше ассоциироваться с семьей и близкими людьми.

Мы также сравнили представления о счастье детей 7–10 лет, полученные в 2021 г., и подростков 11–14 лет (младших школьников и среднее звено), полученные в 2023 г. Сравнение не выявило кардинальных различий в понимании счастья, но некоторые различия есть. Дети 7–10 лет больше связывают счастье с праздниками, такими как Новый год, день рождения, о чем они писали в своих ответах; а также положительными эмоциями (радость, восторг, удовольствие). У детей постарше счастье ассоциируется с приятными событиями и моментами, что не исключает праздники и дни рождения, но расширяет перечень приятных событий. В 2023 г. подростки 11–14 лет объясняют счастье как отсутствие несчастья; называют счастьем мир без войны. Подростки чаще, чем младшие школьники, связывают счастье с вкусной едой; у мальчиков это пельмени, шаурма и пицца, у девочек – фрукты в шоколаде и свежая клубника (табл. 4).

Обсуждение

Установлено, что представления о счастье людей не являются неизбывными, а меняются с возрастом и ситуативным контекстом. Кросс-временное исследование представлений о счастье показало, что различий в понимании счастья выявлено больше у пожилых людей, чем у детей.

Здоровье необходимо людям для хорошего функционирования и субъективного благополучия [Донская 2022; Steptoe 2019]. В период пандемии COVID-19, в 2021 г., категория *здоровье* в представлениях о счастье набрала 61 % ответов пожилых людей и 22 % – детей. В 2023 г. опасность смерти от коронавирусной инфекции резко снизилась [Карелина и др. 2023], в это же время почти в два раза сократился процент пожилых взрослых (32 %) и подростков (14 %), связывавших свои представления о счастье со здоровьем.

Многочисленные исследования связи денег и счастья дают неоднозначные результаты [Ларин, Филисов 2018;

Табл. 3. Сравнение ответов пожилых людей в 2021 г. и 2023 г.

Tab. 3. Definition of happiness: older adults in 2021 vs. older adults in 2023

Категории	χ^2	p	CI, LL	CI, UL	h Коэна
Здоровье	18,054	< 0,001	–0,422	–0,152	0,585
Семья: дети, внуки, близкие люди	4,780	0,028	0,021	0,270	–0,319
Друзья, дружба	< 0,001	1	–0,041	0,047	–0,021
Любовь, отношения	0,728	0,393	–0,166	0,060	0,134
Всё хорошо	0,625	0,429	–0,058	0,161	–0,130
Успехи в учебе, работе	26,758	< 0,001	–0,246	–0,070	0,819
Спокойствие, внутренняя гармония	6,290	0,012	0,038	0,139	–0,605
Доход, материальное благополучие	17,475	< 0,001	–0,335	–0,098	0,553
Отдых, каникулы, досуг, развлечения	0,667	0,414	–0,008	0,052	–0,299
Положительные эмоции (радость, восторг, удовольствие)	2,872	0,090	0,009	0,090	–0,451
Жизнь как ценность	13,198	< 0,001	–0,231	–0,043	0,485
Достижение целей	18,474	< 0,001	–0,212	–0,045	0,601
Приятные события и моменты	0,113	0,736	–0,027	0,058	–0,114
Исполнение желаний	< 0,001	1	–0,010	0,021	–0,149
Понимание, взаимопонимание	0,780	0,377	–0,143	0,050	0,142
Мир без войны	8,309	0,003	0,059	0,202	–0,497
Хобби, увлечения, любимое дело	5,383	0,020	–0,129	0,005	0,337
Вера в Бога	1,951	0,162	0,001	0,076	–0,397
Отсутствие несчастья	5,287	0,021	0,029	0,126	–0,565

Прим.: Жирным шрифтом выделены значения $p \leq 0,05$.

Kolosnitsyna et al. 2014; Kraft, Kraft 2023]. Реальный доход – плохой индикатор субъективного благосостояния [Ларин, Филясов 2018]. Как сказал один из респондентов: *Кому-то щи пусты, кому-то бриллианты мелки* (женщина, 60 лет). Согласно нашему исследованию, в 2023 г. пожилые люди стали значительно меньше ассоциировать счастье с доходом или материальным благополучием (10 % ответов против 32 % в 2021 г.). Дети и подростки еще реже связывают материальное благополучие со счастьем (11–14 лет – 9 %; 7–10 лет – 6 %). Показательно выражена противоречивость денег как аналога счастья в ответе ребенка: *К сожалению, все человечество полностью зависит от денег. Образование, жилье, пропитание и многие жизненно важные компоненты зависят от денег. Однако, не только в деньгах счастье, но и в любви, которую не купишь* (девочка, 14 лет).

В данном исследовании лидером в ответах о счастье стала категория *семья*. Такой выбор сделали 43 % подростков, 38 % пожилых людей в 2023 г; для сравнения: в 2021 г. счастье олицетворяли с семьей 38 % детей и 23 % пожилых людей, что подтвердило народную мудрость: *семья – опора счастья*. Семья поддерживает человека в трудные времена, в семье человек находит принятие, любовь, заботу. Из ответов детей и подростков о семье, родителях, близких: *Счастье – когда есть куда вернуться после тяжелого дня* (мальчик, 14 лет); *Когда с родными и близкими все хорошо. Ты с удовольствием возвращаешься домой* (мальчик, 14 лет); *Моя замечательная семья* (девочка, 12 лет); *Когда рядом большая семья* (девочка, 13 лет); *Прийти домой и поесть мамин суп и чай* (мальчик, 11 лет); *Когда все твои родные рядом и могут поддержать в трудные времена* (девочка, 12 лет); *Любящая и добрая семья*

Табл. 4. Сравнение ответов детей 7–10 лет, 2021 г., и подростков 11–14 лет, 2023 г.

Tab. 4. Definition of happiness: children in 2021 vs. adolescents in 2023

Категория	χ^2	p	CI, LL	CI, UL	h Коэна
Здоровье	2,468	0,116	–0,172	0,019	0,200
Семья: родители, дети, родственники, близкие люди	0,615	0,432	–0,067	0,171	–0,106
Друзья, дружба	0,193	0,660	–0,070	0,125	–0,069
Любовь, отношения	0,059	0,807	–0,051	0,080	–0,055
Всё хорошо	2,117	0,145	–0,136	0,020	0,190
Успехи в учебе, работе, спорте	1,771	0,183	–0,120	0,023	0,178
Физическая активность (спорт, подвижные игры, путешествия)	0,075	0,783	–0,092	0,059	0,054
Спокойствие, внутренняя гармония	2,466	0,116	0,0003	0,064	–0,362
Доход, материальное благополучие	0,472	0,491	–0,037	0,093	–0,109
Отдых, каникулы, досуг, развлечения	0,919	0,337	–0,131	0,041	0,131
Домашние животные	1,244	0,264	–0,092	0,024	0,160
Праздники	20,036	< 0,001	–0,180	–0,052	0,697
Положительные эмоции (радость, восторг, удовольствие)	14,084	< 0,001	–0,336	–0,101	0,453
Погода, природа	0,596	0,439	–0,095	0,036	0,116
Жизнь как ценность	0,527	0,467	–0,038	0,099	–0,112
Достижение целей	< 0,001	1	–0,042	0,051	–0,024
Удача, везение	0,185	0,666	–0,020	0,046	–0,112
Приятные события и моменты	12,687	< 0,001	0,063	0,179	–0,554
Исполнение желаний	2,466	0,116	0,009	0,064	–0,362
Вкусная еда, лакомства	4,860	0,027	0,014	0,130	–0,317
Покупки, подарки	1,244	0,264	–0,092	0,024	0,160
Учеба, работа (процесс)	2,466	0,116	0,009	0,064	–0,362
Мир без войны	5,790	0,016	0,018	0,100	–0,493
Хобби, увлечения, любимое дело	1,061	0,302	–0,079	0,022	0,156
Вера в Бога	< 0,001	1	–0,010	0,021	–0,147
Отсутствие несчастья	12,911	< 0,001	0,060	0,166	–0,687

Прим.: Жирным шрифтом выделены значения $p \leq 0,05$.

(мальчик, 13 лет); *Вернуться вечером туда, где тебя любят и ждут* (девочка, 12 лет). Из ответов пожилых людей о семье: *Взаимопонимание, гармония, лад в семье* (мужчина, 75 лет); *Взаимопонимание в семье* (мужчина, 76 лет); *Благополучие моей семьи* (мужчина, 60 лет); *Семейное благополучие* (женщина, 61 год); *Все хорошо*

в семье (женщина, 60 лет). Исследование понимания дефиниции счастья, проведенное в 12 странах мира с общей выборкой 2799 взрослых, выявило приоритет семьи и межличностных отношений в социально-контекстуальных категориях [Delle Fave et al. 2016]. Исследование понимания счастья детьми 4–6 лет

установило высокую значимость семьи для счастья детей (77,9 % ответов); для сравнения – игрушки (1,3 %) [Izzaty 2018].

Психологическая наука определяет счастье как яркую позитивную эмоцию или эмоциональное состояние [Uchida, Oishi 2016]. Счастье как положительную эмоцию или чувство воспринимают 50 % детей 7–10 лет и 28 % подростков 11–14 лет, что согласуется с данными другого исследования [Izzaty 2018].

Результаты показывают, что пожилые люди почти не отождествляют счастье с положительными эмоциями (только 5 % – в 2023 г. и 0 % – в 2021 г.). Контент-анализ ответов респондентов показал, что представления о счастье пожилых людей более рассудочны и менее разнообразны, чем детские, что можно отчасти объяснить сосредоточением пожилых людей на настоящем, а не на будущем, а также лучшей интеграцией эмоций в когнитивные процессы в пожилом возрасте [Carstensen 2021]. Изучение представлений о счастье через ассоциации в 12 млн веб-блогах показало, что блогеры 12–20 лет ассоциировали счастье с волнением и в 5 раз чаще выражали радостное возбуждение, чем блогеры старше 50 лет ($p < 0,001$), которые больше связывали счастье с умиротворением [Mogilner et al. 2011]. Пожилым людям хочется стабильности и предсказуемости, а молодые стремятся покорить мир.

Согласно результатам настоящего исследования, пожилые люди практически не связывают счастье с дружбой (3 % – в 2023 г., 2 % – в 2021 г.), в отличие от детей (21 % – в 2023 г., 18 % – в 2021 г.). Исследование, проведенное в Канаде, показало, что семейные и дружеские контакты способствуют счастью детей 9–12 лет, их родителей и членов семьи [Holder, Coleman 2009].

Понимание счастья как отсутствия несчастья обусловило 8 % ответов пожилых взрослых и 11 % подростков. Пожилые люди так и формулируют: *Счастье – это отсутствие несчастья*. Детские ответы разнообразнее: *Никто не болеет* (девочка, 12 лет); *Не надо беспокоиться* (девочка, 13 лет); *Тебя ничего не бесит* (мальчик, 13 лет); *Родители не проверили дневник* (мальчик, 12 лет); *Не ударился мизинцем о тумбочку* (мальчик, 11 лет); *Не вызвали к доске, когда не готов к уроку* (мальчик, 12 лет). По мнению исследователей, негативные события более устойчивы к опровержению, они имеют очень сильное влияние на людей. Поскольку человечество всегда живет в условиях различных угроз и опасностей (военные конфликты, загрязнение окружающей среды, глобальное потепление, эпидемии), люди больше стремятся избегать плохого, чем желать хорошего [Baumeister et al. 2001].

В 2023 г. в ответах респондентов о счастье появилась категория *мир без войны*. В 2021 г. только 2 % пожилых людей называли счастьем *мир и благополучие всех людей*. В 2023 г. категория *мир без войны* набрала 16 % ответов пожилых людей и 6 % ответов подростков (*Когда в мире нет войн, и всем хорошо* (мальчик, 11 лет)). Исследователи считают, что ситуативные факторы могут оказывать влияние на суждения о субъективном благополучии [Schwarz, Strack 1999; Suh et al. 1996] и даже определять его [Donnellan, Lucas 2021]. По нашему мнению, ситуативные факторы могут вносить коррективы и в представления о счастье.

В 2023 г. жизнь как ценность связали со счастьем только 3 % пожилых респондентов против 17 % в 2021 г. Возможно, после снятия ковидных ограничений пожилые люди стали меньше волноваться за свою жизнь.

В 2023 г. респонденты из обеих групп назвали счастьем внутреннюю гармонию и спокойствие (9 % пожилых людей и 3 % подростков), для сравнения – 0 % ответов в 2021 г. Желание покоя и внутренней гармонии может быть связано с внутренним напряжением и усталостью от хронической тревоги.

В ходе двухлетнего лонгитюдного исследования в рамках изучения субъективного благополучия и личности с участием 115 студентов колледжа было установлено, что на удовлетворенность жизнью респондентов преимущественно влияли события предыдущих 3–6 месяцев, в дальнейшем влияние событий резко снижалось [Suh et al. 1996]. Контент-анализ детских ответов показал, что предстоящие события могут внести коррективы в представления о счастье. В 2023 г. 21 детский ответ (11 %) о счастье был связан с будущим летним отдыхом. В конце мая дети писали о счастье: *Мы поедem с мамой и папой в путешествие* (девочка, 11 лет). Другие ответы: *Веселое лето с друзьями* (девочка, 13 лет); *Пойти в поход* (мальчик, 11 лет); *Съездить на море* (мальчик, 11 лет); *Бесконечное лето* (девочка, 12 лет); *Поехать летом на сборы, пойти на пробежку. Вспотеть, устать, с разбегу прыгнуть в прохладное море* (мальчик, 12 лет); *Каникулы* (девочка, 13 лет).

Представления подростков о счастье впечатляют глубиной обобщений. Счастье – *Когда человек осознает неизбежность смерти, и когда мир нуждается в нем* (мальчик, 12 лет); *Радоваться мелочам, любить и быть любимым* (девочка, 12 лет); *Моменты, в которых ты ощущаешь, что жизнь не вечная; яркие события в жизни* (девочка, 14 лет); *Встретить каждый день* (мальчик, 11 лет); *Когда светит солнце* (мальчик, 11 лет).

Заключение

Представления о счастье людей динамичны, они могут изменяться в процессе жизни, в том числе в связи с ситуативным контекстом. В представлениях о счастье людей, полученных в 2021 г., в период пандемии COVID-19, и в представлениях о счастье, полученных в период проведения специальной военной операции, выявлены различия. Установлено, что у пожилых людей в 2021 г., во время эпидемии COVID-19, по сравнению с 2023 г., счастье в два раза чаще отождествлялось со здоровьем, более значимой была жизнь как ценность. В 2023 г., во время проведения специальной военной операции, в представлениях о счастье пожилых людей и подростков появились категории *мир без войны, отсутствие несчастия, внутренняя гармония и спокойствие*, что может быть связано с ситуативным контекстом.

Не выявлено больших различий в представлениях о счастье подростков 11–14 и детей 7–10 лет. Дети и подростки преимущественно воспринимают счастье как положительные эмоции, варьирующиеся от интенсивной радости, восторга, удовольствия до спокойного удовлетворения и возникающие при общении с семьей, родителями, друзьями, в процессе различных видов активности и отдыха. Детям и подросткам присуще переживание моментального счастья (множества приятных моментов). Пожилые люди выносят о счастье когнитивные оценочные

суждения исходя из жизненного опыта, понимают счастье как благополучие свое и близких людей. Счастье пожилых людей связано со стабильностью и предсказуемостью. Общим и главным в представлениях о счастье детей и пожилых людей является семья. Полученные результаты требуют дальнейшего осмысления и обсуждения.

К ограничениям исследования можно отнести отсутствие результатов сравнения представлений о счастье с учетом пола участников: между мужчинами и женщинами, мальчиками и девочками.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Благодарности: Автор выражает благодарность за помощь в организации и проведении исследования учителю МАОУ Лицей № 11 (Ростов-на-Дону) Палецких Елене Викторовне.

Acknowledgements: The author would like to thank Elena V. Paletskikh from Lyceum No. 11 (Rostov-on-Don) for her help in organizing and conducting this research.

Литература / References

- Булкина Н. А. Особенности представлений о счастье в детском и пожилом возрасте. *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2022. Т. 24. № 4. С. 440–445. [Bulkina N. A. Concept of happiness in children and older adults. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, 24(4): 440–445. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21603/2078-8975-2022-24-4-440-445>
- Ваганов П. Д., Яновская Э. Ю., Манджиева Э. Т. Периоды детского возраста. *Российский медицинский журнал*. 2018. Т. 24. № 4. С. 185–190. [Vaganov P. D., Yanovskaya E. Yu., Mandzhieva E. T. Periods of childhood. *Rossiiskii meditsinskii zhurnal*, 2018, 24(4): 185–190. (In Russ.)] <http://dx.doi.org/10.18821/0869-2106-2018-24-4-185-190>
- Донская О. А. Роль ценностных ориентаций в формировании представлений о счастье у пожилых людей. *International Journal of Medicine and Psychology*. 2022. Т. 5. № 3. С. 19–22. [Donskaya O. A. The role of value orientations in creating ideas about happiness in older people. *International Journal of Medicine and Psychology*, 2022, 5(3): 19–22. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gvuxqa>
- Карелина С. И., Кашпур Я. О., Косарева Е. А. Анализ статистических данных за период эпидемии с 2020 г. по 2023 г. новой коронавирусной инфекции на территории РФ и ее субъектов по данным средств массовой информации. *Universum: медицина и фармакология*. 2023. № 4-5. С. 42–46. [Karelina S. I., Kashpur Ya. O., Kosareva E. A. Analysis of statistical data for the epidemic period from 2020 to 2023 of the new coronavirus infection on the territory of the Russian Federation and its subjects according to the data of the media. *Universum: Medicine and Pharmacology*, 2023, (4-5): 42–46. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/uepxjg>

- Ларин А. В., Филясов С. В. Парадокс Истерлина и адаптация в России. *Экономический журнал Высшей школы экономики*. 2018. Т. 22. № 1. С. 59–83. [Larin A. V., Filiasov S. V. Adaptation and the Easterlin paradox in Russia. *HSE Economic Journal*, 2018, 22(1): 59–83. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1813-8691-2018-22-1-59-83>
- Леонтьев Д. А. Счастье и субъективное благополучие: к конструированию понятийного поля. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020. № 1. С. 14–37. [Leontiev D. A. Happiness and well-being: Toward the construction of the conceptual field. *Monitoring Obshchestvennogo Mneniya: Ekonomicheskie i Sotsial'nye Peremeny*, 2020, (1): 14–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.1.02>
- Татаркевич В. О счастье и совершенстве человека. М.: Прогресс, 1981. 365 с. [Tatarkiewicz W. *Happiness and human perfection*. Moscow: Progress, 1981, 365. (In Russ.)]
- Aristotle. *Nicomachean ethics*. Chicago-L., 2006, XXI+339.
- Baumeister R. F., Bratslavsky E., Finkenauer C., Vohs K. D. Bad is stronger than good. *Review of General Psychology*, 2001, 5(4): 323–370. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/1089-2680.5.4.323>
- Blázquez-Fernández C., Cantarero-Prieto D., Pascual-Sáez M. Quality of life, health and the great recession in Spain: Why older people matter? *International Journal Environmental Research and Public Health*, 2021, 18(4). <https://doi.org/10.3390/ijerph18042028>
- Bradburn N. M. *The structure of psychological well-being*. Chicago: Aldline Publishing Company, 1969, 332.
- Carstensen L. L. Socioemotional selectivity theory: The role of perceived endings in human motivation. *The Gerontologist*, 2021, 61(8): 1188–1196. <https://doi.org/10.1093/geront/gnab116>
- Corbin J. M., Strauss A. Grounded theory research: Procedures, canons, and evaluative criteria. *Qualitative Sociology*, 1990, 13(1): 3–21. <https://doi.org/10.1007/BF00988593>
- Deaton A. The financial crisis and the well-being of Americans 2011 OEP Hicks Lecture. *Oxford Economic Papers*, 2012, 64(1): 1–26. <https://doi.org/10.1093/oep/gpr051>
- Deaton A., Stone A. A. Understanding context effects for a measure of life evaluation: How responses matter. *Oxford Economic Papers*, 2016, 68(4), 861–870. <https://doi.org/10.1093/oep/gpw022>
- Delle Fave A., Brdar I., Wissing M. P., Araujo U., Castro Solano A., Freire T., Hernández-Pozo M. D. R., Jose P., Martos T., Nafstad H. E., Nakamura J., Singh K., Soosai-Nathan L. Lay definitions of happiness across nations: The primacy of inner harmony and relational connectedness. *Frontiers in Psychology*, 2016, 7. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2016.00030>
- Diener E. Subjective well-being: The science of happiness and a proposal for a national index. *American Psychologist*, 2000, 55(1): 34–43. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0003-066X.55.1.34>
- Diener E., Inglehart R., Tay L. Theory and Validity of Life Satisfaction Scales. *Social Indicators Research*, 2013, 112: 497–527. <https://doi.org/10.1007/s11205-012-0076-y>
- Donnellan M. B., Lucas R. E. Happiness is completely determined by situational factors. In: Donnellan M. B., Lucas R. E. *Great myths of personality*. Wiley & Sons, 2021, 157–165. <https://doi.org/10.1002/9781118851715.ch18>
- Eltarkawe M. A., Miller S. L. The impact of industrial odors on the subjective well-being of communities in Colorado. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2018, 15(6). <https://doi.org/10.3390/ijerph15061091>
- Fletcher G. J. O. *The scientific credibility of folk psychology*. Mahwah, NJ: Lawrence Erlbaum, 1995, 128. <https://doi.org/10.4324/9780203763452>
- Fordyce M. W. A review of research on the happiness measures: A sixty second index of happiness and mental health. *Social Indicators Research*, 1988, 20: 355–381. <http://dx.doi.org/10.1007/BF00302333>
- Goldman A. H. Happiness is an emotion. *The Journal of Ethics*, 2017, 21(1): 1–16. <https://doi.org/10.1007/s10892-016-9240-y>
- Greyling T., Rossouw S., Adhikari T. A tale of three countries: How did Covid-19 lockdown impact happiness? *South Africa Journal of Economic*, 2021, 89(1): 25–43. <https://doi.org/10.1111/saje.12284>
- Haybron D. M. On being happy or unhappy. *Philosophy and Phenomenological Research*, 2005, 71(2): 287–317. <https://doi.org/10.1111/j.1933-1592.2005.tb00450.x>
- Holder M. D., Coleman B. The contribution of social relationships to children's happiness. *Journal of Happiness Studies*, 2009, 10: 329–349. <https://doi.org/10.1007/s10902-007-9083-0>
- Huppert F. A., So T. T. C. Flourishing across Europe: Application of a new conceptual framework for defining well-being. *Social Indicator Research*, 2013, 110(3): 837–861. <https://doi.org/10.1007/s11205-011-9966-7>

- Izzaty R. E. Happiness in early childhood. *Psychological Research and Intervention*, 2018, 1(2): 64–77.
- Kolosnitsyna M., Khorkina N., Dorzhiev K. What happens to happiness when people get older? Socio-economic determinants of life satisfaction in later life. *HSE Working papers*, 2014, (68/EC). <https://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2515730>
- Kraft P., Kraft B. The income-happiness nexus: Uncovering the importance of social comparison processes in subjective wellbeing. *Frontiers in Psychology*, 2023, 14. <https://doi.org/10.3389/fpsyg.2023.1283601>
- Leontiev D., Rasskazova E. What makes people happy: Well-being and sources of happiness in Russian students. *HSE Research Paper*, 2014, (31/PSY). <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2559143>
- Mogilner C., Kamvar S. D., Aaker J. The shifting meaning of happiness. *Social Psychological and Personality Science*, 2011, 2(4): 395–402. <https://doi.org/10.1177/1948550610393987>
- Morrison P. S., Rossouw S., Greyling T. The impact of exogenous shocks on national wellbeing. New Zealanders' reaction to COVID 19. *Applied Research in Quality of Life*, 2022, 17(3): 1787–1812. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1007/s11482-021-09977-9>
- Mueller G. P. The recent dangers for European happiness: Is homeostatic resilience sufficient? *Applied Research in Quality of Life*, 2023, 18: 2089–2105. <https://doi.org/10.1007/s11482-023-10178-9>
- Oishi S., Schimmack U., Colcombe S. J. The contextual and systematic nature of life satisfaction judgments. *Journal of Experimental Social Psychology*, 2003, 39(3): 232–247. [https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/S0022-1031\(03\)00016-7](https://psycnet.apa.org/doi/10.1016/S0022-1031(03)00016-7)
- Ruggeri K., Garcia-Garzon E., Maguire A., Matz S., Huppert F. A. Well-being is more than happiness and life satisfaction: A multidimensional analysis of 21 countries. *Health and Quality of Life Outcomes*, 2020, 18. <https://doi.org/10.1186/s12955-020-01423-y>
- Schuman H., Presser S. *Questions and answers in attitude surveys: Experiments on question form, wording, and context*. NY: Academic Press, 1981, XII+370.
- Schwarz N. Self-reports: How the questions shape the answers. *American Psychologist*, 1999, 54(2): 93–105. <https://doi.org/10.1037/0003-066X.54.2.93>
- Schwarz N., Strack F. Reports of subjective well-being: Judgmental processes and their methodological implications. *Well-Being: The Foundations of Hedonic Psychology*, eds. Kahneman D., Diener E., Schwarz N. NY: Russell Sage Foundation, 1999, 61–84.
- Scollon C. N., King L. A. What people really want in life and why it matters: Contributions from research on folk theories of the good life. *Positive psychology as social change*, ed. Biswas-Diener R. Dordrecht: Springer, 2011, 1–11. https://doi.org/10.1007/978-90-481-9938-9_1
- Sotgiu I. Conceptions of happiness and unhappiness among Italian psychology undergraduates. *PLoS ONE*, 2016, 11(12). <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0167745>
- Sotgiu I., Galati D., Manzano M., Rognoni E. Happiness components and their attainment in old age: A cross-cultural comparison between Italy and Cuba. *Journal of Happiness Studies*, 2011, 12: 353–371. <https://doi.org/10.1007/s10902-010-9198-6>
- Steptoe A. Happiness and health. *Annual Review of Public Health*, 2019, 40: 339–359. <https://doi.org/10.1146/annurev-publhealth-040218-044150>
- Strauss A., Corbin J. *Basics of qualitative research: Grounded theory procedures and techniques*. 2nd ed. California: Sage Publications Inc., 1990, 272.
- Suh E., Diener E., Fujita F. Events and subjective well-being: Only recent events matter. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1996, 70(5): 1091–1102. <https://psycnet.apa.org/doi/10.1037/0022-3514.70.5.1091>
- Uchida Y., Oishi S. The happiness of individuals and the collective. *Japanese Psychological Research*, 2016, 58(1): 125–141. <https://doi.org/10.1111/jpr.12103>
- Veenhoven R. Happiness: Also known as "life satisfaction" and "subjective well-being". *Handbook of social indicators and quality of life research*, eds. Land K., Michalos A., Sirgy M. Dordrecht: Springer, 2012, 63–77. https://doi.org/10.1007/978-94-007-2421-1_3

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/lvsww>

Специфика переживания биографических кризисов и кризиса идентичности при различных профилях временной перспективы личности в экстремальных условиях жизнедеятельности

Мещерякова Елена Михайловна

Камчатский государственный университет имени Витуса Беринга, Россия, Петропавловск-Камчатский

eLibrary Author SPIN: 1014-8777

<https://orcid.org/0009-0008-7443-940X>

colombina6@mail.ru

Аннотация: Переживания, связанные с нормативными и ненормативными кризисами развития, снижают адаптивность и саморегуляцию человека, что делает актуальным изучение личностных ресурсов для их преодоления. Одним из таких ресурсов является временная перспектива личности. В настоящее время существует ограниченное количество исследований, посвященных особенностям переживания биографических кризисов, включая кризис идентичности, в контексте временной перспективы, большинство из которых сосредоточено на отдельных временных ориентациях и их взаимосвязи с проявлениями кризиса. Новизна работы состоит в исследовании специфики переживания биографических кризисов и кризиса идентичности при различных профилях временной перспективы, отражающих системную взаимосвязь временных ориентаций. Цель – выявить отличительные особенности интенсивности и характера переживания биографических кризисов и кризиса идентичности в зависимости от профиля временной перспективы. С помощью кластерного анализа сформированы выборки, объединяющие респондентов со схожими профилями временной перспективы; дано описание отличительных особенностей временной перспективы, характерных для респондентов каждой из групп; проведен сравнительный анализ особенностей интенсивности переживания биографических кризисов в зависимости от профиля временной перспективы; дана содержательная характеристика сфер кризисных ситуаций, способствующих переживанию кризиса идентичности, при различных профилях временной перспективы. Исследование носит поисковый характер, что обусловлено сравнительно небольшим объемом выборки, в которую вошел 101 человек, проживающий в Камчатском крае, регионе с экстремальными условиями жизнедеятельности. В результате исследования были сделаны следующие выводы: наиболее ресурсным профилем временной перспективы для лиц, проживающих в экстремальных условиях жизнедеятельности, является профиль с выраженной ориентацией на позитивное прошлое; люди, ориентированные на будущее или гедонистическое настоящее, менее адаптивны к кризисным состояниям; наибольший риск интенсивного переживания кризисов развития характерен для людей, ориентированных на фаталистическое настоящее и негативное прошлое; специфика профиля временной перспективы не указывает на обязательное переживание кризиса идентичности, а лишь повышает риски и меняет акценты в его переживании.

Ключевые слова: биографический кризис, кризис идентичности, временная перспектива, экстремальные условия жизнедеятельности

Цитирование: Мещерякова Е. М. Специфика переживания биографических кризисов и кризиса идентичности при различных профилях временной перспективы личности в экстремальных условиях жизнедеятельности. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 290–304. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-290-304>

Поступила в редакцию 26.01.2025. Принята после рецензирования 20.02.2025. Принята в печать 24.02.2025.

full article

Coping with Biographical and Identity Crises across Different Profiles of Personal Time Perspective in Extreme Living Conditions

Elena M. Meshcheryakova

Vitus Bering Kamchatka State University, Russia, Petropavlovsk-Kamchatsky

eLibrary Author SPIN: 1014-8777

<https://orcid.org/0009-0008-7443-940X>

colombina6@mail.ru

Abstract: Experiences related to normative and non-normative developmental crises reduce adaptability and self-regulation, making crisis coping studies a relevant research topic. Personal time perspective is a personality resource that defines the coping strategy. Coping with biographical or identity crises remains understudied in the context of time perspective, most publications focusing on specific temporal orientations and their correlation with crisis manifestations. This article describes the specifics of coping with biographical and identity crises across different profiles of time perspective through the prism of the temporal orientation system. The author studied the effect of time perspective profile on the intensity and nature of crisis experience and coping. The study relied on a relatively small sample of 101 residents of the Kamchatka Region with its extreme living conditions. The respondents were clustered by time perspective profile to compare the intensity of experiencing biographical crises and the spheres of crisis situations that contribute to coping with the identity crisis. A strong orientation toward the positive past proved to be the most resourceful profile of time perspective for people living in extreme climate. The respondents oriented toward the future or hedonistic present appeared to be less adaptive to crisis states. Those oriented toward a fatalistic present and a negative past demonstrated the greatest risk. However, the time perspective profile did not guarantee an identity crisis, but only increased the risks and changed the emphasis.

Keywords: biographical crisis, identity crisis, time perspective, extreme living conditions

Citation: Meshcheryakova E. M. Coping with Biographical and Identity Crises across Different Profiles of Personal Time Perspective in Extreme Living Conditions. *SibScript*, 2025, 27(2): 290–304. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-290-304>

Received 26 Jan 2025. Accepted after peer review 20 Feb 2025. Accepted for publication 24 Feb 2025.

Введение

В современном мире, характеризующемся быстрыми изменениями и неопределенностью, особое внимание уделяется вопросам сохранения психологического здоровья и личностного развития. Переживание как нормативных кризисов развития, связанных с психологическими новообразованиями, влияющими на структуру личности и характер ее взаимодействия со средой, так и ненормативных кризисов, источником которых становятся внешние стрессовые ситуации [Василук 1984], неизбежно ведет к снижению уровня адаптивности субъекта, его эффективности и саморегуляции во взаимодействии с внешним миром.

Концепция биографических кризисов была разработана Р. А. Ахмеровым, который определял кризис как специфическую особенность внутреннего мира, проявляющуюся в различных формах переживания человеком неэффективности своего жизненного пути.

Источником кризиса может стать неоптимальная жизненная программа, выражающаяся в чрезмерной категоричности при оценке событий и игнорировании наличия причинно-следственных связей между событиями жизни, а также в сложной системе взаимобусловливания этих событий. Переживание кризиса сопровождается снижением оценки продуктивности жизни и усилением чувства опустошенности и бесперспективности [Кривова 2024; Манукян 2010].

Как отмечает Е. П. Белинская, современное социальное пространство становится все более непредсказуемым и трудным для контроля со стороны субъекта, рождая у современного человека ощущение онтологической неопределенности [Белинская 2024]. В условиях стресса и непредсказуемости, вызванных такими факторами, как войны, природные катастрофы и значимые социальные перемены, личность

может столкнуться с проблемами в поддержании целостного образа Я, что относится к проблематике идентичности и обращает нас к переживанию кризиса идентичности. Сегодня даже относительно устойчивые компоненты социальной идентичности (гендерные, этнические, профессиональные и т. д.) довольно часто требуют внутренней и структурной перестройки с целью повышения эффективности существования человека в окружающей нестабильной реальности [Браун и др. 2022].

Н. В. Дмитриева и коллеги определяли кризисную идентичность как особую психическую организацию Я-концепции, в которой наблюдается нарушение интеграции в когнитивной, эмоциональной и ценностно-смысловой сферах. Исходя из этого понимания, авторы разработали концепцию кризисной идентичности, которая характеризуется дисфункцией в указанных сферах и сопровождается повышенной тревожностью, чувством растерянности, неуверенностью в себе, депрессией и уходом от реальности. Кризисная идентичность рассматривается как результат воздействия стрессогенных ситуаций, которые могут быть как внутренними (внутриличностный конфликт, дисгармония в ценностно-мотивационной и эмоциональной сферах), так и внешними (социально-демографические факторы) [Дмитриева и др. 2010; 2011].

Кризис идентичности перестает быть нормативным кризисом развития, связанным с психическими новообразованиями; зачастую к состоянию переживания кризиса идентичности человека подводят различные жизненные ситуации [Белинская 2024].

В свете вышеотмеченного актуальным становится запрос на поиск личностных ресурсов, позволяющих человеку справляться с кризисными переживаниями, сохраняя при этом целостность идентичности в ее необходимой динамике. В ранее проведенном нами исследовании было доказано, что таким ресурсом может выступать временная перспектива (ВП), параметры которой являются предикторами переживания кризиса идентичности [Мещерякова и др. 2024].

Ф. Зимбардо и Дж. Бойд отмечают важность ВП в организации жизни человека. Подчеркивая ее неосознаваемую и субъективную природу, авторы указывают, что разделение опыта на временные отрезки помогает человеку упорядочить события своей жизни и придать им смысл. Временная перспектива функционирует как фильтр, влияющий на восприятие прошлого, настоящего и будущего [Zimbardo, Boyd 1999]. Авторы считают, что людей можно типологизировать по уровню выраженности того

или иного параметра ВП, рассматриваемого в их концепции. Соответственно, сильно проявленная ориентация на конкретный временной модус выдает индивидуальные черты характера и особенности поведения, схожие для людей с подобным типом временной ориентации [Зимбардо, Бойд 2010]. Ученые выделяют конструкт сбалансированной ВП, который является наиболее ресурсным вариантом сочетаний различных временных ориентаций. Ряд исследований подтверждает значимость сбалансированной ВП в повышении адаптивности и саморегуляции субъекта [Нестик и др. 2019; Сырцова и др. 2008; Boniwell et al. 2014; Zimbardo, Boyd 1999].

Исследования показывают, что параметры ВП оказывают влияние на личностные характеристики, такие как психологическое благополучие [Drake et al. 2008], самооценку и адаптивность к жизненным условиям [Mello et al. 2022].

Н. С. Глуханюк и др. представили теоретический анализ исследований, которые в различной степени раскрывают характер связи ВП личности с мотивационной сферой, уровнем активности, выбором копинг-стратегий в кризисных ситуациях, постановкой жизненных целей, установками относительно здоровья и рискованного поведения. В работе также отражены результаты эмпирического исследования, подтверждающего сопряженность ВП с показателями субъективного благополучия, с регулятивными и смысловыми компонентами личностной ресурсности [Глуханюк и др. 2024].

Исследований, в которых изучаются особенности переживания различных биографических кризисов, в том числе и кризиса идентичности, с учетом ВП личности, на сегодняшний день существует не так много, и большинство из них раскрывают взаимосвязь отдельных параметров ВП с кризисными проявлениями [Майер и др. 2023; Попова 2020; Сарычева и др. 2020].

Цель – изучить специфику переживания биографических кризисов и кризиса идентичности при различных профилях временной перспективы. Исследование носит поисковый характер, что обусловлено сравнительно небольшим объемом выборки, в которую вошли респонденты, проживающие в Камчатском крае.

Камчатский край относится к регионам с экстремальными условиями жизнедеятельности: климатические особенности, сейсмическая активность, извержение вулканов, угроза цунами в некоторых районах края, выход диких животных в зону человеческих поселений, риски схода лавин – всё это можно отнести к природным факторам экстремальности. Рассматривая

социально-экономические условия, определяющие экстремальность края, можно выделить следующие: географическая удаленность и изолированность от центральной части России, специфика инфраструктуры, ограниченные возможности получения профессионального образования, устройства на работу, карьерного роста, доступность качественных услуг в сфере медицины и т.д. [Фризен и др. 2024].

Важно отметить, что специфика региона, отражающаяся на макро- и микросреде, оказывает значительное влияние на характер временной перспективы субъекта. Так, проведенные ранее исследования выявили различия в показателях ВП в зависимости от таких социальных факторов, как трудоустройство, уровень дохода и квалификация. Эти результаты подчеркивают взаимосвязь ВП с социальными условиями жизни, ее значимость для субъективного благополучия и влияние на психологические проблемы в сложных социальных контекстах [Кулик 2024; Сырцова и др. 2007]. Результаты, полученные в ходе проведенного нами исследования, необходимо с осторожностью транспонировать на людей, проживающих в регионах с менее экстремальной природной и социальной ситуацией.

Методы и материалы

Для изучения особенностей временной перспективы использовался опросник временной перспективы личности Ф. Зимбардо в адаптации А. Сырцовой, Е. Т. Соколовой, О. В. Митиной [Сырцова и др. 2008].

Исследование содержательных компонентов кризисной идентичности проводилось с помощью опросника кризисной идентичности (ОКИ) [Дмитриева и др. 2014].

Особенности психологического содержания и интенсивности переживания биографических кризисов изучалось с помощью анкеты кризисных событий и переживаний В. Р. Манукян [Манукян 2010; Шнейдер 2020].

При обработке полученных данных использовались методы статистического анализа: кластерный анализ, корреляционный анализ (ранговая корреляция Спирмена), U-критерий Манна-Уитни, критерий Краскела-Уоллиса.

На первом этапе исследования приняли участие 101 человек (54 женщины, 47 мужчин) в возрасте 18–48 лет. Для формирования групп респондентов, схожих между собой по параметрам ВП, нами был проведен кластерный анализ, основой которого выступили данные по шкалам опросника временной перспективы Ф. Зимбардо. В результате кластерного

анализа для сохранения большей однородности сформированных групп часть респондентов была отсеяна (34 человека). По результатам проведенного анализа было сформировано 4 эмпирические группы (ЭГ) респондентов (всего 67 человек), отличающихся друг от друга выраженностью различных временных ориентаций: в ЭГ1 вошло 12 человек, ЭГ2 – 16, ЭГ3 – 17, ЭГ4 – 22. Достоверных различий между выборками по половому и возрастному признаку выявлено не было.

Дальнейший ход исследования отражает следующие задачи:

- провести анализ отличительных особенностей ВП, характерных для респондентов каждой из групп, и описать на основе этого анализа выявленные профили ВП;
- провести сравнительный анализ особенностей интенсивности переживания биографических кризисов в зависимости от профиля временной перспективы;
- дать содержательную характеристику сфер кризисных ситуаций при различных профилях ВП.

Результаты

С целью описания характерных особенностей ВП, отличающих респондентов, сформированных в ходе кластерного анализа, был проведен сравнительный анализ выраженности показателей временных ориентаций (табл. 1).

Анализ полученных данных с использованием критерия Краскела-Уоллиса позволил выявить статистически достоверные различия по трем параметрам временной перспективы: негативное прошлое, позитивное прошлое и фаталистическое настоящее. Эти три временные ориентации выступают ключевыми характеристиками при дифференциации выборок. При попарном сравнении с применением U-критерия Манна-Уитни достоверные различия в выраженности временных ориентаций были обнаружены не во всех случаях (табл. 2).

Графическое изображение профилей ВП, характерных для сравниваемых эмпирических групп, наглядно демонстрирует доминирующие временные ориентации (рис. 1).

В ЭГ1 вошли респонденты, чья временная перспектива характеризуется скорее негативным, чем позитивным отношением к прошлому. Ориентация на негативное прошлое в сравнении с другими выборками выражена средне: для этих людей реконструкция и интерпретация событий прошлого довольно часто имеют негативный характер, но далеко не всегда.

Табл. 1. Сравнение средних ранговых значений временных ориентаций с использованием критерия Краскела-Уоллиса

Tab. 1. Mean rank values of temporal orientations, Kruskal-Wallis Test

Временные ориентации	Среднее ранговое значение				Критерий Краскела-Уоллиса	p
	ЭГ1	ЭГ2	ЭГ3	ЭГ4		
Негативное прошлое	29,88	35,41	15,12	49,82	31,17	< 0,001
Гедонистическое настоящее	29,96	41,53	31,88	32,36	3,28	0,351
Будущее	43,12	36,5	29,5	30,68	4,47	0,215
Позитивное прошлое	20,92	39,88	44,65	28,64	13,67	0,003
Фаталистическое настоящее	27,58	29,78	20,85	50,73	26,13	0,000

Табл. 2. Результаты попарного сравнения выраженности временных ориентаций в эмпирических группах (U-критерий Манна-Уитни)

Tab. 2. Pairwise comparison of temporal orientations in empirical groups, Mann-Whitney U test

Сравниваемые выборки	ЭГ2	ЭГ3	ЭГ4
ЭГ1	позитивное прошлое (U = 40,5**)	негативное прошлое (U = 36,0**) позитивное прошлое (U = 31,0***)	негативное прошлое (U = 33,5***) фаталистическое настоящее (U = 33,5***)
ЭГ2	X	негативное прошлое (U = 54,5**)	негативное прошлое (U = 100*) фаталистическое настоящее (U = 63,5***)
ЭГ3	X	X	негативное прошлое (U = 13,5***) позитивное прошлое (U = 93,5**) фаталистическое настоящее (U = 30***)

Прим.: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; *** – $p \leq 0,001$.

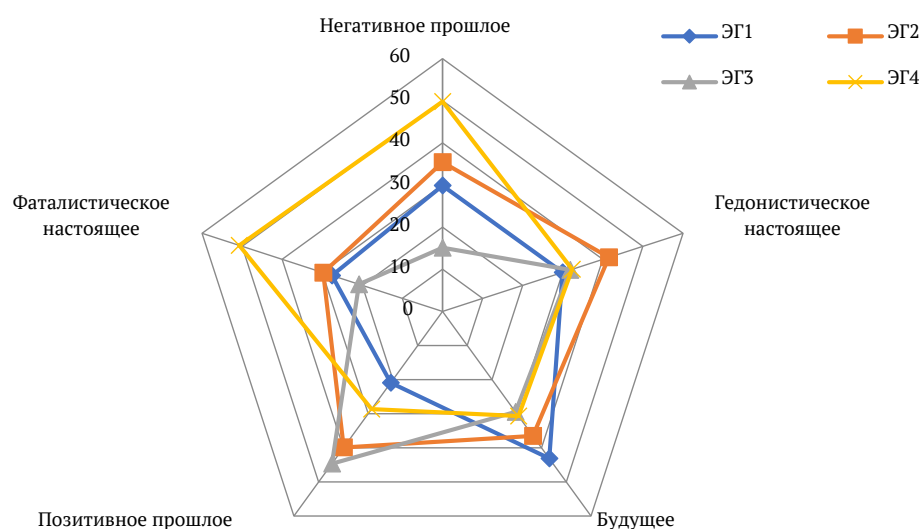

Рис. 1. Профили временной перспективы эмпирических групп, построенные с учетом среднего рангового значения по шкалам опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо
Fig. 1. Profiles of temporal perspective in different empirical groups, mean rank values of Zimbardo Time Perspective Inventory

В то же время ориентация на позитивное прошлое, которая часто выступает ресурсом для совладания с различными тяжелыми жизненными ситуациями, имеет наименьший показатель по сравнению с остальными выборками.

Профиль ВП, характерный для респондентов ЭГ1, отличается некоторым смещением к ориентации на будущее, хотя статистически достоверных различий по этой шкале не было выявлено. Однако, если рассматривать особенности ВП в системе, можно охарактеризовать респондентов ЭГ1 как довольно целеустремленных людей с выраженной направленностью на будущее, при этом прошлое для них зачастую интерпретируется через призму проблем и сложностей.

Респонденты ЭГ2 демонстрируют более сбалансированную с точки зрения выраженности различных временных ориентаций временную перспективу. Ориентация на позитивное прошлое выше, чем в ЭГ1. Наблюдается усиление ориентации на гедонистическое настоящее, которая выражена ярче, чем в других эмпирических группах. Люди с таким типом ВП обладают более значительной ресурсной базой, позволяющей им находить положительные смыслы в жизненных событиях, наполнять их приятными эмоциями и оценивать через призму приобретенных знаний, умений и навыков. Будущее в структуре ВП представлено умеренно. Ориентация на негативное прошлое достаточно выражена, что свидетельствует о конфликтном и противоречивом отношении к субъективному прошлому.

Профиль ВП ЭГ3 заметно смещен в сторону ориентации на позитивное прошлое, при этом показатель негативного прошлого значительно ниже, чем во всех остальных выборках. Средневыраженные ориентации на гедонистическое настоящее и будущее находятся примерно в равном соотношении. Для людей с таким типом ВП важнейшую роль в детерминации поведения играют положительные воспоминания и установки относительно своего прошлого. Сформированное отношение к прошлому отражает достаточно высокий уровень уверенности в себе и своих силах, способствует личностному развитию, поскольку смысловая нагрузка произошедших событий практически всегда интерпретируется через призму положительного исхода. Столкнувшись с трудными жизненными ситуациями, человек с таким типом ВП значительно легче усваивает полученный опыт, способен извлечь даже из негативных ситуаций уроки, способствующие развитию личности.

При сравнении ЭГ3 с ЭГ1 можно заметить разницу в выраженности перспективы будущего: инициативность и целеустремленность не выходят за рамки нормативности, способность к планированию будущего есть, но дальность этого планирования уступает представителям рассмотренных выше типов ВП. Важно также подчеркнуть невыраженные фаталистические установки относительно своей жизни, говорящие о способности респондентов ЭГ3 брать ответственность за происходящие в жизни события на себя.

Профиль ВП ЭГ4 характеризуется ярко выраженными ориентациями на негативное прошлое и фаталистическое настоящее. Принимая во внимание реконструктивную природу прошлого [Зимбардо, Бойд 2010: 85], можно утверждать, что смысловое и эмоциональное поле, свойственное людям с таким типом ВП, носит скорее негативный характер и оказывает влияние на общий негативный образ событий прошлого. Вместе с тем представление о том, что события жизни не зависят от собственных усилий, а обусловлены внешними факторами, судьбой, лишают человека активности, направленной на изменение условий жизни. Подобная ВП сопряжена с чувством беспокойства и подавленности, повышенным уровнем агрессии, слабым контролем импульсивного поведения [Там же: 92]. Можно сделать предположение, что проявления кризисной идентичности у таких людей будут более выражены, чем у респондентов других групп.

Опираясь на положения концепции временной перспективы, предложенной Ф. Зимбардо и Дж. Бойдом, мы посчитали возможным дать условные обозначения эмпирическим группам, сформированным в ходе кластерного анализа:

- ЭГ1 – ориентированные на будущее;
- ЭГ2 – на гедонистическое настоящее;
- ЭГ3 – на позитивное прошлое;
- ЭГ4 – фаталисты.

Сравнение психологического содержания биографических кризисов и их интенсивности (анкета кризисных событий и переживаний В. Р. Манукян) с использованием критерия Краскела-Уоллиса показало статистически достоверные сдвиги в субъективной оценке переживания кризисов в зависимости от профиля временной перспективы (табл. 3). Различия по измеряемым показателям наглядно представлены на рисунке 2.

Интенсивность переживания кризиса бесперспективности выражена во всех группах примерно одинаково, однако нами был обнаружен интересный

Табл. 3. Сравнение уровня интенсивности переживания биографических кризисов респондентов с различными профилями временной перспективы

Tab. 3. Intensity of experiencing biographical crises across different time perspective profiles

Биографические кризисы	Среднее значение интенсивности кризисных переживаний, Т-баллы				Критерий Краскела-Уоллиса	Попарное сравнение, U-критерий Манна-Уитни
	ЭГ1	ЭГ2	ЭГ3	ЭГ4		
Кризис нереализованности	52,11	50,92	43,97	52,51	9,99*	ЭГ1 и ЭГ3, U = 54,5* ЭГ2 и ЭГ3, U = 81,5* ЭГ3 и ЭГ4, U = 78**
Кризис бесперспективности	48,84	50,80	46,09	52,87	4,68	ЭГ3 и ЭГ4, U = 111*
Кризис опустошенности	50,60	52,12	43,44	55,53	18,39**	ЭГ1 и ЭГ3, U = 56,5* ЭГ2 и ЭГ3, U = 62,5** ЭГ3 и ЭГ4, U = 33,5**
Общепсихологический признак кризиса	48,71	50,17	45,31	50,57	4,83	ЭГ3 и ЭГ4, U = 117*
Кризис идентичности	46,12	51,98	42,94	56,19	20,30**	ЭГ1 и ЭГ4, U = 62* ЭГ2 и ЭГ3, U = 60,5** ЭГ3 и ЭГ4, U = 33**
Кризисный процесс вхождения во взрослость (вуз)	46,95	52,56	46,18	53,00	7,98*	ЭГ3 и ЭГ4, U = 101,5*
Кризисный процесс вхождения во взрослость (начало профессиональной деятельности)	44,89	53,59	45,52	52,21	13,05**	ЭГ1 и ЭГ2, U = 43* ЭГ1 и ЭГ4, U = 63* ЭГ2 и ЭГ3, U = 64,5** ЭГ3 и ЭГ4, U = 97**

Прим.: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; ЭГ1 – ориентированные на будущее; ЭГ2 – ориентированные на гедонистическое настоящее; ЭГ3 – ориентированные на позитивное прошлое; ЭГ4 – фаталисты.

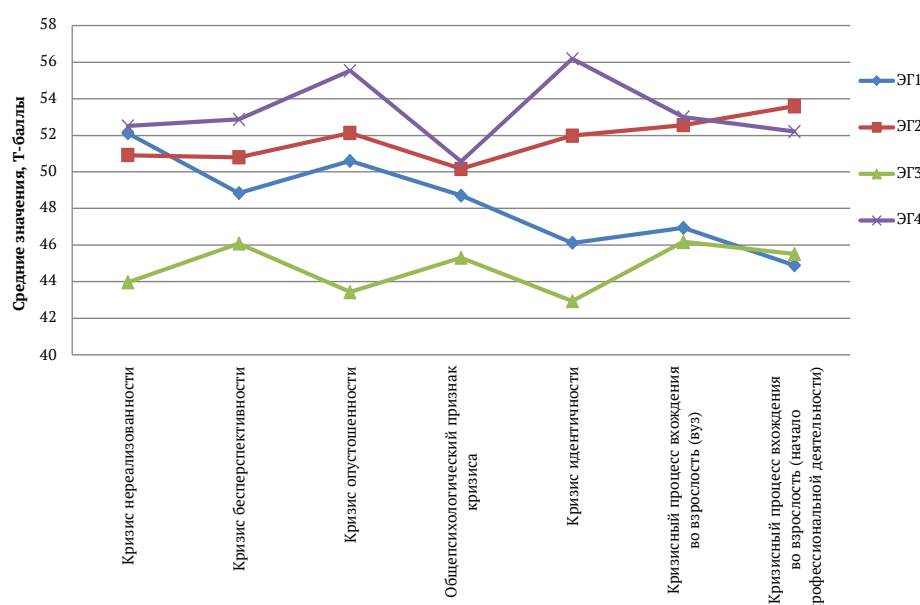

Рис. 2. Интенсивность переживания биографических кризисов респондентов с различными профилями временной перспективы
Fig. 2. Intensity of experiencing biographical crises across different time perspective profiles

исследовательский факт: показатель данного кризиса находится в прямой взаимосвязи с ориентацией на негативное прошлое ($r = 0,54$; $p \leq 0,05$) у респондентов ЭГ2 (условно – гедонисты) и в обратной взаимосвязи ($r = -0,449$; $p \leq 0,05$) у респондентов ЭГ4 (условно – фаталисты).

Возможно, негативная оценка событий прошлого во втором случае служит определенным ресурсом для создания более конкретизированного образа будущего, компенсирующего пережитые трудности. Другим объяснением может выступать сценарий отложенной жизни, формирующий особенности ВП. [Неяскина 2012]. Учитывая, что исследование проводилось на выборке респондентов, проживающих в экстремальных условиях жизнедеятельности, можно предположить, что среди тех, кто ориентирован на негативный опыт прошлого, много людей, желающих покинуть Камчатский край. Это может означать, что в их сознании существует более или менее конкретный план для достижения поставленной цели.

Интенсивность переживания кризиса опустошенности, выражаемого в недостаточной осмысленности жизни, общей усталости и отсутствии энергии для реализации важных задач, выше у лиц с временной ориентацией на фаталистическое настоящее и негативное прошлое. Наименее выражены переживания данного кризиса у людей с позитивной оценкой прошлого. При этом у людей (ЭГ1 и ЭГ2), чья ВП отличается большей нацеленностью на будущее, и у людей, ориентированных на гедонистическое настоящее, переживание данного кризиса коррелирует с ориентацией на негативное прошлое ($r = 0,666$; $p \leq 0,01$ и $r = 0,671$; $p \leq 0,05$ соответственно). Как отмечают Ф. Зимбардо и Дж. Бойд, то, что человек думает о своем прошлом, в большей степени влияет на его решения, поступки и эмоции в настоящем, чем реально произошедшие события прошлого [Зимбардо, Бойд 2010]. В нашем случае у респондентов ЭГ1 и ЭГ2 реконструкция событий прошлого в негативном смысловом поле сопряжена с повышением переживания кризиса опустошенности.

Выявлен статистически достоверный сдвиг в силе переживания кризиса идентичности в зависимости от профиля ВП. Переживание своего образа Я носит более конфликтный характер при ориентации на негативное прошлое и фаталистическое настоящее. Похожий уровень переживания рассматриваемого кризиса наблюдается и у людей с ориентацией на гедонистическое настоящее. Менее выражен данный кризис у респондентов ЭГ3.

Переживание кризисного процесса вхождения во взрослость характеризуется возникновением трудностей, связанных с началом профессионального обучения, трудностями в общении с однокурсниками, отсутствием желания работать по выбранной профессии, переживанием собственной некомпетентности, трудностями адаптации в трудовом коллективе и др. [Манукян 2010]. В зависимости от профиля ВП данный кризис обнаруживает достоверные сдвиги в уровне выраженности. В целом можно наблюдать уже проявленную тенденцию: наименее кризисным он оказывается для лиц, чья временная перспектива имеет высокую ориентацию на позитивное прошлое, а также для респондентов, профиль временной перспективы которых отличается направленностью на будущее. Более интенсивно этот кризис переживают респонденты ЭГ2 и ЭГ4, из чего мы делаем вывод, что фатализм, негативное отношение к прошлому и ориентация на гедонистическое настоящее снижают ресурсность личности и ее адаптивную способность.

Анализ корреляционных связей временных ориентаций и биографических кризисов во всех группах с расчетом ранговой корреляции Спирмена показал, что только ориентация на негативное прошлое вступает в те или иные взаимосвязи с показателями кризисов. Учитывая объемы выборок, мы признаем возможность появления других взаимосвязей параметров при увеличении числа респондентов. Однако роль ориентации на негативное прошлое в переживании кризисов, скорее всего, останется неизменной. Это связано с тем, что ориентация на негативное прошлое тесно связана с ценностно-смысловым компонентом личности. Система убеждений, ценностей и смыслов, существующая в настоящем, придает окрашенность событиям прошлого и является ядром личности и идентичности, что непосредственно влияет на переживание кризисных событий.

Содержательная характеристика сфер кризисных ситуаций при различных профилях ВП составлена по результатам сравнительного анализа данных, полученных с помощью ОКИ.

Показатели по шкалам методики представляют собой оценку стрессогенности различных сфер жизни и аспектов личности. Аспекты, обладающие наиболее высокими значениями, с большей вероятностью могут выступать в качестве фундамента для переживания кризиса идентичности. Сферы с высокими показателями стрессогенности можно рассматривать как слабые места, с которых начнется системное изменение личности, вызванное кризисом идентичности.

При анализе средних значений по шкалам опросника кризисной идентичности важно отметить, что независимо от профиля ВП все показатели кризисной идентичности находятся в пределах низких и средних значений (табл. 4).

Нами была выдвинута гипотеза: при различных профилях временной перспективы степень субъективной оценки стрессогенности различных жизненных сфер будет иметь отличительные особенности как в количественном, так и в качественном плане. Для проверки данной гипотезы был проведен сравнительный анализ данных с использованием критерия Краскела-Уоллиса и U-критерия Манна-Уитни (табл. 4).

Результаты свидетельствуют о статистически достоверном сдвиге выраженности как общего показателя кризиса идентичности, так и оценок стрессогенности отдельных жизненных сфер. Достоверный сдвиг выявлен в оценке детско-родительских отношений, межличностных и профессиональных отношений, ценностно-смыслового аспекта и поведенческого аспекта, а также в значениях общего показателя кризисности идентичности.

Особенности содержательного наполнения сфер жизнеосуществления в контексте различных профилей ВП представлены в таблице 5.

При попарном сравнении значений по шкалам методики ОКИ с использованием U-критерия Манна-Уитни между респондентами ЭГ1 и ЭГ2 не было выявлено достоверных различий (табл. 4). Это свидетельствует о том, что выраженность в профиле ВП как ориентации на будущее, так и ориентации на гедонистическое настоящее обладает одинаковым адаптационным и ресурсным потенциалом. Важно отметить, что оба профиля ВП отличаются сравнительно высоким уровнем ориентации на негативное прошлое, что, на наш взгляд, может повышать риски возникновения кризиса идентичности при столкновении человека с триггерами.

Попарное сравнение значений шкал в ЭГ3 и ЭГ4 выявило значимые различия практически по всем показателям стрессогенности жизненных сфер (табл. 4): детско-родительские отношения, ценностно-смысловой аспект, эмоциональный аспект, поведенческий аспект, межличностные и профессиональные отношения, стрессовый фактор, общий показатель кризисной идентичности. Наиболее ресурсным профилем ВП для лиц, проживающих в экстремальных условиях жизнедеятельности, является профиль, в котором выражена ориентация на позитивное прошлое, а склонность человека к застреванию в негативном

Табл. 4. Сравнительный анализ стрессогенности жизненных сфер, включенных в структуру кризисной идентичности
Tab. 4. Stress-generating life spheres in the identity crisis structure

Сферы кризисной идентичности	Среднее значение по шкалам, Т-баллы				Критерий Краскела-Уоллиса	U-критерий Манна-Уитни
	ЭГ1	ЭГ2	ЭГ3	ЭГ4		
Детско-родительские, семейные отношения	37,75	38,48	31,94	44,37	7,81*	ЭГ3 и ЭГ4, U = 92**
Ценностно-смысловой аспект	29,42	33,45	27,23	40,83	12,14**	ЭГ1 и ЭГ4, U = 68,0* ЭГ3 и ЭГ4, U = 72,5**
Эмоциональный аспект	46,55	47,04	37,99	50,87	7,35	ЭГ3 и ЭГ4, U = 94,5**
Поведенческий аспект	49,76	44,51	34,45	55,23	14,30**	ЭГ1 и ЭГ3, U = 50,5* ЭГ3 и ЭГ4, U = 60,5**
Межличностные и профессиональные отношения	39,49	38,54	35,48	44,72	8,53*	ЭГ3 и ЭГ4, U = 89,0**
Сексуальный аспект	36,23	38,76	32,49	38,30	4,93	–
Стрессовые факторы	34,13	40,61	32,80	41,36	5,97	–
Общий показатель кризиса идентичности	27,27	28,45	18,51	34,85	11,97**	ЭГ2 и ЭГ3, U=77,5* ЭГ3 и ЭГ4, U= 65,0**

Прим.: * – $p \leq 0,05$; ** – $p \leq 0,01$; ЭГ1 – ориентированные на будущее; ЭГ2 – ориентированные на гедонистическое настоящее; ЭГ3 – ориентированные на позитивное прошлое; ЭГ4 – фаталисты.

Табл. 5. Содержательная характеристика сфер кризисных ситуаций при различных профилях временной перспективы
 Tab. 5. Crisis situation spheres across different temporal perspective profiles

Профиль временной перспективы	Характеристика сфер кризисных ситуаций
Детско-родительские, семейные отношения	
Ориентация на будущее (ЭГ1)	<ul style="list-style-type: none"> • доверительные отношения с родителями; • трансляция родителями уважения личного пространства ребенка, его мнения; • эмоциональная отзывчивость родителей; • общая удовлетворенность семейными отношениями
Ориентация на гедонистическое настоящее (ЭГ2)	
Ориентация на позитивное прошлое (ЭГ3)	
Фаталисты (ЭГ4)	<ul style="list-style-type: none"> • отношения с родителями в детстве характеризуются эмоциональной сдержанностью, недостаточностью эмоциональной теплоты; • возможно игнорирование интересов, чувств и мнения ребенка
Ценностно-смысловой аспект	
Ориентация на будущее (ЭГ1)	<ul style="list-style-type: none"> • понимание личностных приоритетов и целей; • гибкость при постановке целей и выборе средств для их достижения; • принятие своей индивидуальности, социальных ролей, статуса; • признание значимости личных достижений; • доверие к себе и осознание своей уникальности; • способность к изменениям без потери самоидентичности
Ориентация на гедонистическое настоящее (ЭГ2)	
Ориентация на позитивное прошлое (ЭГ3)	
Фаталисты (ЭГ4)	<ul style="list-style-type: none"> • расплывчатый характер целей в жизни; • трудности могут привести к отказу от достижения поставленной цели; • самопринятие, позитивное отношение к себе; • при неудачах актуализируются личностные недостатки, самообвинение, обвинение окружающих
Эмоциональный аспект	
Ориентация на будущее (ЭГ1)	<ul style="list-style-type: none"> • несколько возбужденный эмоциональный фон; • возможны вспышки гнева, апатия в ситуации фрустрации; • усталость (с разной степенью выраженности), проблемы со сном
Ориентация на гедонистическое настоящее (ЭГ2)	
Фаталисты (ЭГ4)	
Ориентация на позитивное прошлое (ЭГ3)	<ul style="list-style-type: none"> • спокойное, расслабленное эмоциональное состояние; • оптимистичное, позитивное настроение; • склонность к решению проблем без впадения в отчаяние
Поведенческий аспект	
Ориентация на будущее (ЭГ1)	<ul style="list-style-type: none"> • активные действия зачастую носят слабо осмысленный характер; • стремление к управлению своей жизнью, при этом жизненные ситуации воспринимаются отдельно от собственного Я; • возможна импульсивная реакция на критику и неудачи; • возможно переживание состояния беспомощности и неопределенности
Ориентация на гедонистическое настоящее (ЭГ2)	
Фаталисты (ЭГ4)	
Ориентация на позитивное прошлое (ЭГ3)	<ul style="list-style-type: none"> • активная жизненная позиция: трудности не вызывают желания отступить; • задачи решаются по мере поступления; • стремление к управлению своей жизнью через активное участие в жизненных событиях; • дружеские отношения с окружающими

Профиль временной перспективы	Характеристика сфер кризисных ситуаций
Межличностные и профессиональные отношения	
Ориентация на будущее (ЭГ1)	<ul style="list-style-type: none">возможна некоторая скованность в обществе;может выражать неудовольствие поведением других;избегание установления доверительных отношений;в ситуации близких отношений сохраняется установка на быстрый разрыв;общая удовлетворенность выбранной работой;возможно переживание дискомфорта в сфере профессиональных взаимоотношений
Фаталисты (ЭГ4)	
Ориентация на гедонистическое настоящее (ЭГ2)	<ul style="list-style-type: none">удовольствие от общения с окружающими;бесконфликтный характер отношений;сформированное доверие к окружающим;ясное представление о выбранной работе и о перспективах;удовлетворенность выбранным профессиональным путем
Ориентация на позитивное прошлое (ЭГ3)	
Сексуальный аспект	
Ориентация на будущее (ЭГ1)	<ul style="list-style-type: none">принятие собственной половой роли;сексуальная поляризация;гармоничные отношения с партнером противоположного пола;удовольствие от сексуальных отношений;принятие своего тела
Ориентация на гедонистическое настоящее (ЭГ2)	
Ориентация на позитивное прошлое (ЭГ3)	
Фаталисты (ЭГ4)	
Стрессовые факторы	
Ориентация на будущее (ЭГ1)	<ul style="list-style-type: none">рациональность и эмоциональная взвешенность при разрешении стрессовых ситуаций;высокая толерантность к стрессу
Ориентация на позитивное прошлое (ЭГ3)	
Ориентация на гедонистическое настоящее (ЭГ2)	<ul style="list-style-type: none">подверженность стрессу, выраженная в активности и напряжении;стрессовые ситуации выступают как активаторы целенаправленной деятельности, с одной стороны, и как источники дополнительных проблем и забот – с другой, что может снижать устойчивость к стрессу
Фаталисты (ЭГ4)	
Общий показатель кризиса идентичности*	
Ориентация на будущее (ЭГ1)	<ul style="list-style-type: none">достаточно высокий личностный адаптационный потенциал: при столкновении с триггерами возможны ситуации переживания спутанности ролей и непонимания своего места в жизни
Ориентация на гедонистическое настоящее (ЭГ2)	
Ориентация на позитивное прошлое (ЭГ3)	<ul style="list-style-type: none">наиболее высокий личностный адаптационный потенциал;доверие к миру, оптимизм и устойчивая система ценностей, повышающая адаптивную способность субъекта;лично значимые цели, ценности и убеждения обеспечивают чувство осмысленности жизни
Фаталисты (ЭГ4)	<ul style="list-style-type: none">наименее выраженный личностный адаптационный потенциал;возможно нарушение интеграции когнитивной, эмоциональной и ценностно-смысловой сфер;менее выраженная стрессоустойчивость;возможна повышенная тревожность, психологический дискомфорт, депрессивные тенденции;менее выраженное принятие своей социальной роли и статуса;возникающие на пути трудности могут уменьшить стремление к цели

Прим.: * – респонденты выделенных профилей ВП в целом характеризуются отсутствием ярко выраженного переживания кризиса идентичности, профиль ВП согласуется с некоторой тенденцией к обострению кризисности идентичности.

прошлом и убежденность в предрешенности событий выступают факторами риска, повышающими вероятность переживания кризиса идентичности.

Можно предположить, что проживание в регионе, где существует риск столкновения с разрушительными природными явлениями, а возможности для самореализации крайне ограничены, ориентация на будущее играет не такую важную роль в формировании адаптационного ресурса человека, как, например, это представлено в работах Ф. Зимбардо и Дж. Бойда [Зимбардо, Бойд 2010; Zimbardo, Boyd 1999]. Напротив, лица, у которых достаточно сильно во временной перспективе выражена ориентация на будущее, чаще сталкиваются с преодолением сложностей, обусловленных спецификой края, на пути достижения своих целей. О том, что ориентации на негативное прошлое и фаталистическое настоящее наименее продуктивны для повышения субъективного качества жизни и психологического благополучия, свидетельствует множество исследований [Глуханюк и др. 2024; Секацкая 2024; Удодова 2024]. Полученные нами результаты подтверждают данные выводы.

Заключение

Проведенное исследование открывает возможность сформировать целостное представление о специфике проявления биографических кризисов и кризиса идентичности у индивидов с различными профилями временной перспективы.

Для людей, проживающих в экстремальных условиях жизнедеятельности, ключевыми характеристиками дифференциации профилей временной перспективы выступают ориентации на негативное прошлое, позитивное прошлое и фаталистическое настоящее.

Выявлены различия в субъективной оценке переживания биографических кризисов в зависимости от профиля временной перспективы. Интенсивность переживания кризиса бесперспективности выражена во всех группах примерно одинаково, при этом негативная оценка событий прошлого при фаталистической ВП может выступать определенным ресурсом для создания более конкретизированного образа будущего, компенсирующего пережитые трудности.

Интенсивность переживания кризиса опустошенности, выражаемого в недостаточной осмысленности жизни, общей усталости и отсутствии энергии для реализации важных задач, выше у лиц с временной ориентацией на фаталистическое настоящее и негативное прошлое. Наименее выражены переживания данного кризиса у людей с позитивной оценкой прошлого.

При профиле ВП с выраженной ориентацией на будущее и профиле с ориентацией на гедонистическое настоящее реконструкция событий прошлого в негативном смысловом поле сопряжена с повышением переживания кризиса опустошенности.

Переживание кризиса идентичности носит более конфликтный характер у людей с ориентацией на негативное прошлое и фаталистическое настоящее. Похожий уровень переживания рассматриваемого кризиса наблюдается и у людей с ориентацией на гедонистическое настоящее. Менее выражен данный кризис у респондентов, ориентированных на позитивное прошлое.

Переживание кризисного процесса вхождения во взрослость наименее острым оказывается для лиц, чья временная перспектива имеет высокую ориентацию на позитивное прошлое, а также для респондентов, профиль временной перспективы которых отличается направленностью на будущее. Фатализм, негативное восприятие прошлого и акцент на гедонистическом настоящем уменьшают ресурсы личности и ее способность адаптироваться в условиях начала профессионального обучения или вступления в профессиональную деятельность.

Все показатели кризиса идентичности, независимо от профиля ВП, находятся в пределах низких и средних значений. Однако при различных профилях ВП степень субъективной оценки стрессогенности различных жизненных сфер будет отличаться как количественно, так и качественно. Различия между выборками выявлены в оценке следующих областей: детско-родительские отношения, межличностные и профессиональные отношения, ценностно-смысловой аспект и поведенческий аспект.

Выраженность в профиле ВП как ориентации на будущее, так и ориентации на гедонистическое настоящее для лиц, проживающих в экстремальных условиях жизнедеятельности, обладает одинаковым адаптационным и ресурсным потенциалом: оба профиля временной перспективы отличаются сравнительно высоким уровнем ориентации на негативное прошлое, что может повышать риски возникновения кризиса идентичности при столкновении человека со стрессогенными ситуациями.

Полученные результаты показывают, что для людей, проживающих в экстремальных условиях жизнедеятельности, наиболее ресурсным является профиль ВП, ориентированный на позитивное прошлое. Такой профиль соответствует представлениям о сбалансированной временной перспективе, которая

характеризуется высокой ориентацией на позитивное прошлое, а также умеренно-высокой ориентацией на будущее и гедонистическое настоящее при низкой ориентации на фаталистическое настоящее и негативное прошлое.

Склонность застревать в негативном прошлом и убеждение в предопределенности событий являются факторами риска, которые увеличивают вероятность возникновения кризиса идентичности.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Финансирование: Исследование выполнено в рамках Межведомственной программы комплексных научных исследований Камчатского полуострова и сопредельных акваторий, реализуемой Камчатским государственным университетом имени Витуса Беринга.

Funding: The research was part of the Interdepartmental Program for Comprehensive Scientific Research of the Kamchatka Peninsula and Adjacent Waters, implemented by the Vitus Bering Kamchatka State University.

Литература / References

- Белинская Е. П. Соотношение социальных и персональных идентичностей: современное состояние проблемы. *Социальная психология и общество*. 2024. Т. 15. № 4. С. 5–11. [Belinskaya E. P. Correlation of social and personal identities: Current state of the problem. *Social Psychology and Society*, 2024, 15(4): 5–11. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2024150401>
- Браун О. А., Серый А. В., Яницкий М. С., Аркузин М. Г., Аршинова Е. В. Я-концепция личности как система идентичностей: структурно-содержательные характеристики и динамика в процессе обучения в вузе. Кемерово: КемГУ, 2022. 96 с. [Broun O. A., Seryu A. V., Yanitskiy M. S., Arkuzin M. G., Arshinova E. V. *Self-concept of personality as a system of identities: Structural and content characteristics and dynamics in the process of university education*. Kemerovo: KemSU, 2022, 96. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/trocrq>
- Василюк Ф. Е. Психология переживания: анализ преодоления критических ситуаций. М.: МГУ, 1984. 200 с. [Vasiluk F. E. *The psychology of experiencing. An analysis how critical situation are dealt with*. Moscow: MSU, 1984, 200. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tpdztn>
- Глуханюк Н. С., Сергеева Т. Б., Борисов Г. И., Панченко П. Б. Сопряженность временной перспективы, субъективного благополучия и личностной ресурсности в позднем возрасте. *Перспективы науки и образования*. 2024. № 2. С. 424–441. [Glukhanyuk N. S., Sergeeva T. B., Borisov G. I., Panchenko P. B. The relationship between time perspective, subjective well-being and personal resource capacity in late age. *Perspektivy Nauki i Obrazovaniya*, 2024, (2): 424–441. (In Russ.)] <https://doi.org/10.32744/pse.2024.2.26>
- Дмитриева Н. В., Козырева Т. С., Перевозкина Ю. М. Кризисная идентичность посттравматической личности. Новосибирск: НГПУ, 2014. 191 с. [Dmitrieva N. V., Kozyreva T. S., Perevozkina Yu. M. *The crisis identity of a post-traumatic personality*. Novosibirsk: NSPU, 2014, 191. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tqzhst>
- Дмитриева Н. В., Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М., Самойлик Н. А. Разработка и психометрический анализ методики «Опросник кризисной идентичности» (ОКИ). *Мир науки, культуры, образования*. 2011. № 4-1. С. 228–237. [Dmitrieva N. V., Perevozkina S. B., Perevozkin Yu. M., Samoylik N. A. Working out and the psychometric analysis of the technique "Questionnaire of Crisis Identity" (OCI). *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2011, (4-1): 228–237. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pbeezp>
- Дмитриева Н. В., Перевозкин С. Б., Перевозкина Ю. М., Самойлик Н. А. Разработка методики «Опросник кризисной идентичности» (ОКИ). *Гуманитарные науки и образование в Сибири*. 2010. № 6. С. 69–78. [Dmitrieva N. V., Perevozkina S. B., Perevozkin Yu. M., Samoylik N. A. Developing an identity crisis questionnaire (OCI). *Gumanitarnyye nauki i obrazovaniye v Sibiri*, 2010, (6): 69–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ymckxd>
- Зимбардо Ф., Бойд Дж. Парадокс времени. Новая психология времени, которая улучшит вашу жизнь: исправь Прошлое, наслаждайся Настоящим и управляй Будущим. СПб.: Речь, 2010. 352 с. [Zimbardo P. G., Boyd J. N. *The time paradox: The new psychology of time that will change your life (a self-help guide to time)*. St. Petersburg: Rech, 2010, 352. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxzlbn>

- Кривова Ю. Ю. Биографические кризисы и их преодоление в молодости. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2024. Т. 12. № 2. [Krivova Yu. Yu. Biographical crises and their overcoming in youth. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2024, 12(2). (In Russ.)] URL: <https://mir-nauki.com/PDF/25PSMN224.pdf> (accessed 20 Jan 2025). <https://elibrary.ru/ychenx>
- Кулик А. А. Специфика временной перспективы личности в условиях социальной экстремальности. *Личность в экстремальных условиях и кризисных ситуациях жизнедеятельности*. 2024. № 14. С. 117–128. [Kulik A. A. Specificity of personality's time perspective in conditions of social extreme. *Lichnost v ekstremalnykh usloviakh i krizisnykh situatsiiakh zhiznedeiatelnosti*, 2024, (14): 117–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/njkujv>
- Майер С. В., Серый А. В., Яницкий М. С. Смысловые и темпоральные характеристики кризиса профессиональной идентичности в среднем возрасте. *Психология человека в образовании*. 2023. Т. 5. № 4. С. 594–606. [Mayer S. V., Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Semantic and temporal characteristics of the crisis of professional identity in middle age. *Psychology in Education*, 2023, 5(4): 594–606. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/2686-9527-2023-5-4-594-606>
- Манукян В. Р. Нормативные кризисы развития в период взрослости. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика*. 2010. № 1. С. 39–45. [Manukyan V. R. Normative crises in adult development. *Vestnik of Saint Petersburg University. Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy*, 2010, (1): 39–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mvubhx>
- Мещерякова Е. М., Серый А. В., Яницкий М. С. Временная перспектива личности как ресурс преодоления кризиса идентичности на различных этапах жизнеосуществления. *Социальная психология и общество*. 2024. Т. 15. № 4. С. 75–93. [Meshcheryakova E. M., Seryy A. V., Yanitskiy M. S. Personality's time perspective as a resource for overcoming the identity crisis at different stages of life realization. *Social Psychology and Society*, 2024, 15(4): 75–93. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2024150406>
- Нестик Т. А., Шаповалова О. С., Плужник С. А. Социальная идентичность и временная перспектива личности как предпосылки отношения к коллективному прошлому, настоящему и будущему. *Институт психологии Российской академии наук. Социальная и экономическая психология*. 2019. Т. 4. № 4. С. 102–126. [Nestik T. A., Shapovalova O. S., Pluzhnik S. A. Person's social identity and time perspective as predictors of attitudes toward common past, present, and future. *Institute of Psychology Russian Academy of Sciences. Social and Economic Psychology*, 2019, 4(4): 102–126. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yliima>
- Неяскина Ю. Ю. Сценарий отложенной жизни как один из вариантов деформации временной перспективы личности. *Теория и практика современных гуманитарных и естественных наук: межрегион. науч.-практ. конф.* (Петропавловск-Камчатский, 8–11 февраля 2011 г.) Петропавловск-Камчатский: КамГУ им. Витуса Беринга, 2012. Вып. 1. Ч. 2. С. 184–191. [Neyaskina Yu. Yu. The scenario of deferred life as a distortion of personality temporal perspective. *Theory and practice of modern humanities and natural sciences: Ptoc. Interregional Sci.-Prac. Conf., Petropavlovsk-Kamchatsky, 8–11 Feb 2011*. Petropavlovsk-Kamchatsky: Vitus Bering KamsU, 2012, iss. 1, pt. 2, 184–191. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wbssjl>
- Попова О. Н. Прогнозирование эффективности самоопределения личности по характеристикам сбалансированности временной перспективы. *Сибирский психологический журнал*. 2020. № 75. С. 195–208. [Popova O. N. Predictive efficiency of self-determination based on the balance types of the time perspective. *Sibirskiy Psikhologicheskii Zhurnal*, 2020, (75): 195–208. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17223/17267080/75/11>
- Сарычева Ю. В., Курусь И. А., Пономаренко И. В., Хафизова К. В. Особенности временной перспективы студентов в зависимости от специфики проявлений кризиса идентичности. *Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология*. 2020. № 2. С. 49–54. [Sarycheva Yu. V., Kurus I. A., Ponomarenko I. V., Khafizova K. V. Features of time perspective of students depending on the specifics of manifestations of identity crisis. *Vektor nauki Toliattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Pedagogika, psikhologiya*, 2020, (2): 49–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.18323/2221-5662-2020-2-49-54>
- Секацкая Е. О. Исследование взаимосвязи проактивных копинг-стратегий с эмоциональным состоянием, временной перспективой и личностными характеристиками. *Мир науки. Педагогика и психология*. 2024. Т. 12. № 1. [Sekatskaya E. O. Study of the relationship between proactive coping strategies and emotional state, time perspective and personality characteristics. *World of Science. Pedagogy and Psychology*, 2024, 12(1). (In Russ.)] <https://elibrary.ru/olyjvb>

- Сырцова А., Митина О. В., Бойд Д., Давыдова И. С., Зимбардо Ф., Непряхо Т. Л., Никитина Е. А., Семенова Н. С., Фьёлен Н., Ясная В. А. Феномен временной перспективы в разных культурах (по материалам исследований с помощью методики ZPTI). *Культурно-историческая психология*. 2007. № 4. С. 19–31. [Sircova A., Mitina O. V., Boyd J., Davydova I. S., Zimbardo P. G., Nepryaho T. L., Nikitina E. A., Semyonova N. S., Fieulaine N., Yasnaya V. A. The phenomenon of time perspective across different cultures: Review of researches using ZPTI scale. *Cultural-Historical Psychology*, 2007, (4): 19–31. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jxuizt>
- Сырцова А., Соколова Е. Т., Митина О. В. Адаптация опросника временной перспективы личности Ф. Зимбардо. *Психологический журнал*. 2008. Т. 29. № 3. С. 101–109. [Sircova A., Sokolova E. T., Mitina O. V. Adaptation of Zimbardo time perspective inventory. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2008, 29(3): 101–109. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/inmjij>
- Удодова А. Н. Временная перспектива в контексте личностного благополучия. *Вестник Владимирского государственного университета им. Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых. Серия: Педагогические и психологические науки*. 2024. № 1. С. 91–100. [Udodova A. N. The study of the time perspective in the context of personal well-being. *Vestnik Vladimirskogo gosudarstvennogo universiteta imeni Aleksandra Grigorevicha i Nikolaia Grigorevicha Stoletovykh. Seriya. Pedagogicheskie i psikhologicheskie nauki*, 2024, (1): 91–100. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nmghmy>
- Фризен М. А., Неяскина Ю. Ю., Ширяева О. С., Кулик А. А., Водинчар Е. А. Взаимосвязь оценки безопасности места проживания и субъективного благополучия личности (на примере молодежи Камчатского края). *Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования*. 2024. Т. 13. № 3-1. С. 22–36. [Frizen M. A., Neyaskina Yu. Yu., Shiryayeva O. S., Kulik A. A., Vodinchar E. A. The relationship between the assessment of the security of the place of residence and the subjective well-being of the individual (on the example of the youth of the Kamchatka Territory). *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya*, 13(3-1): 22–36. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mnodbi>
- Шнейдер Л. Б. Психология идентичности. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2020. 328 с. [Shneider L. B. *Psychology of identity*. 2nd ed. Moscow: Iurait, 2020, 328. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wevmsz>
- Boniwell I., Osin E., Sircova A. Introducing time perspective coaching: A new approach to improve time management and enhance well-being. *International Journal of Evidence Based Coaching & Mentoring*, 2014, 12(2): 24–40.
- Drake L., Duncan E., Sutherland F., Abernethy C., Henry C. Time perspective and correlates of well-being. *Time & Society*, 2008, 17(1): 47–61. <https://doi.org/10.1177/0961463X07086304>
- Mello Z. R., Barber S. J., Vasilenko S. A., Chandler J., Howell R. Thinking about the past, present, and future: Time perspective and self-esteem in adolescents, young adults, middle-aged adults, and older adults. *British Journal of Developmental Psychology*, 2022, 40(1): 92–111. <https://doi.org/10.1111/bjdp.12393>
- Zimbardo P. G., Boyd J. N. Putting time in perspective: A valid, reliable individual differences metric. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1999, 77(6): 1271–1288. <https://doi.org/10.1037/0022-3514.77.6.1271>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ehvnlv>

Феномен соприсутствия – синергетика консультирования / психотерапии

Осетрова Мария Александровна

НИУ ВШЭ – Москва, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 4970-9368

<https://orcid.org/0000-0001-8250-5050>

psy@osetrova.pro

Серкин Владимир Павлович

НИУ ВШЭ – Москва, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 3720-9652

<https://orcid.org/0000-0003-1752-4372>

Scopus Author ID: 55445565200

Аннотация: В связи с высокой интенсивностью экстремальных событий современности возросло количество обращений за психотерапевтической помощью, приобрело свою специфику качество запросов клиентов, что сделало своевременным углубленное изучение процессуальных аспектов психотерапии для повышения ее эффективности. Для преодоления существующей проблемы между академической психологией и психотерапией авторами впервые было сформулировано исследовательское предположение о существовании синергетического этапа в процессе взаимодействия специалиста и клиента – соприсутствия, которое было проверено несколькими эмпирическими работами. Научная новизна заключалась в том, что впервые в исследовательском пространстве была осуществлена попытка целостного рассмотрения феномена соприсутствия специалиста и клиента в процессе психотерапии различных практических школ. Цель – раскрыть структуру переживания феномена соприсутствия специалиста и клиента. Для реализации поставленной цели были использованы методы: феноменологическое глубинное полуструктурированное интервью, метод качественного анализа данных А. Джорджи и Б. Джорджи, метод групповой семантической универсалии, факторный анализ. В результате реализованного исследования удалось построить интегральную модель феномена соприсутствия, а также разработать бланк семантического дифференциала «Психотерапевтическое соприсутствие» и осуществить его апробацию. В статье представлены результаты многоэтапного изучения неопisanного ранее синергетического феномена соприсутствия, которые подтвердили его существование как части психотерапевтического процесса и раскрыли содержательные аспекты его переживания, имея практическую ценность для практики психологии и открывая перспективу дальнейших эмпирических исследований. Бланк семантического дифференциала «Психотерапевтическое соприсутствие» приведен в конце данной статьи.

Ключевые слова: психотерапия, исследование психотерапевтического процесса, клиент-терапевтическое взаимодействие, феномен присутствия в психотерапии, феномен соприсутствия в психотерапии, семантический дифференциал, психотерапевтическое присутствие, семантическая структура, синергетический эффект

Цитирование: Осетрова М. А., Серкин В. П. Феномен соприсутствия – синергетика консультирования / психотерапии. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 305–314. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-305-314>

Поступила в редакцию 17.01.2025. Принята после рецензирования 17.02.2025. Принята в печать 17.02.2025.

full article

Phenomenon of Co-Presence: Synergy of Counseling and Psychotherapy

Maria A. Osetrova

HSE University – Moscow, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 4970-9368

<https://orcid.org/0000-0001-8250-5050>

psy@osetrova.pro

Vladimir P. Serkin

HSE University – Moscow, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 3720-9652

<https://orcid.org/0000-0003-1752-4372>

Scopus Author ID: 55445565200

Abstract: As more and more people seek psychotherapeutic support, the current global situation gives their demands and expectations a certain shared specificity. An effective system of psychological support needs to bridge the gap between the academic psychology and the applied psychotherapy. This research examined the phenomenon and structure of co-presence as a synergetic stage in relations between the psychologist and the client during various types of psychotherapy. It relied on the method of a phenomenological in-depth semi-structured interview, A. Giorgi and B. Giorgi's qualitative data analysis, the method of group semantic universal, and the factor analysis. The obtained integral model of co-presence was tested as a semantic differential of Psychotherapeutic Co-Presence (see Appendix for a sample form). This complex study proved that co-presence is a comprehensive part of the psychotherapeutic process with particular substantive aspects for each stage of experience. The practical value of the proven hypothesis opens up some prospects of further empirical research.

Keywords: psychotherapy, study of the psychotherapeutic process, client-therapeutic interaction, phenomenon of presence in psychotherapy, phenomenon of co-presence in psychotherapy, semantic differential, psychotherapeutic presence, semantic structure, synergetic effect

Citation: Osetrova M. A., Serkin V. P. Phenomenon of Co-Presence: Synergy of Counseling and Psychotherapy. *SibScript*, 2025, 27(2): 305–314. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-305-314>

Received 17 Jan 2025. Accepted after peer review 17 Feb 2025. Accepted for publication 17 Feb 2025.

Введение

Психотерапия опирается на широкий спектр теоретико-методических подходов, каждый из которых ориентирован на собственное понимание природы человека¹, в связи с чем она представляет собой большой потенциал для исследований с целью уточнения, углубления, расширения моделей, позволяющих повышать эффективность оказываемой психологической помощи клиентам. В настоящее время подробно описаны последовательность этапов психотерапии [Кочунас 2005], а также особенности организации процесса психотерапии в различных направлениях практических школ: цикл контакта в гештальт-терапии [Перлз 2015], диалогичный обмен в экзистенциальном анализе [Лэнгле и др. 2018], установка эмпатии в клиент-центрированном подходе [Роджерс 2015] и др.

Накопленный в практике оказания психологической помощи массив опыта авторов статьи натолкнул на идею значимости синергетического эффекта,

возникающего в процессе психотерапии между его участниками (специалист и клиент), что направило исследовательский интерес в сторону качества того, как именно присутствуют и сопresentствуют психотерапевт и клиент во время сессии.

Созвучное содержание в характеристиках психотерапевтического процесса можно было наблюдать в описаниях: присутствие через молчание рядом с клиентом [Ван Дорцен-Смит 2008; Хайдеггер 2015], переживание доверия к клиенту в полном присутствии психотерапевта [Ялом 2014], установление контакта с пациентом на уровне переживаний при активном включении чувств самого психотерапевта [Джендлин 1993], трансформирующий резонансный опыт в процессе психотерапии [Штайнерт 2023]. М. Бубер в размышлениях о феномене встречи сообщал о направленности Я к Ты, пространстве между, которое разворачивалось во взаимодействии

¹ Большой психологический словарь, сост. и ред. Б. Г. Мещеряков, В. П. Зинченко. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 672 с.

[Бубер 1993; 1995]. Саморефлексия профессионального опыта К. Роджерса феноменологично описывала качество его собственного присутствия во время осуществления практики: «когда я ближе всего к моему внутреннему, интуитивному Я, когда я каким-то образом соприкасаюсь с неизвестным во мне, когда, возможно, я нахожусь в слегка измененном состоянии сознания, тогда все, что бы я ни делал, оказывается целительным. Тогда просто мое присутствие освобождает и помогает. В такие моменты кажется, что мой внутренний дух вышел вовне и прикоснулся к внутреннему духу другого человека. Наше отношение трансцендирует себя и становится частью чего-то большего» [Роджерс 2001: 51]. А. Лэнгле выделял уровень пра-интенциональности, находящийся под всеми четырьмя фундаментальными мотивациями теории экзистенциального анализа, на котором «диалог доходит до спиритуальной глубины – ощущаемая духовная открытость величию» [Лэнгле А. 2023: 16]. Ф. Е. Василук разрабатывал теорию синергийной психотерапии с центральным действующим элементом в виде практики молитвы, при которой необходимо, чтобы Бог дал согласие на участие в ней [Василук 1997]. В. П. Серкин описывал синергетическое взаимодействие консультативной диады *клиент – консультант*, которое способствовало совместному порождению нового решения в затруднительной ситуации обратившегося за помощью [Серкин 2018]. Ш. Геллер изучала способность психотерапевта находиться в присутствии во время встречи с клиентом, создавая основу для глубоких отношений [Геллер 2020]. Современные исследования показали, что существует взаимосвязь между альянсом и степенью синхронизации специалиста и клиента на различных уровнях (межмозговой, гормональный, поведенческий) [Орешина, Жукова 2023].

Ранее были осуществлены попытки понимания того, как влияет характер присутствия психотерапевта на процесс оказываемой помощи. Реализованное авторами статьи многоэтапное исследование имеет существенное отличие в том, что равноценными участниками психотерапевтического процесса (и со-исследователями в данной эмпирической работе) одновременно выступили и клиент, и специалист. А дизайн исследований разрабатывался при строгой ориентации на процедурное охватывание опыта переживания феномена соприсутствия всех участников психотерапевтического процесса.

Первые два этапа эмпирической работы были организованы в рамках качественной методологии

[Клюева 2016; Лэнгле С. 2023], сбор данных осуществлялся через проведение глубинных полуструктурированных интервью с клиентами и специалистами, получающими / оказывающими психотерапевтическую помощь в различных направлениях практических школ (33 респондента: 6 мужчин, 27 женщин; средний возраст – 35 лет), которые впоследствии подверглись трудоемкой обработке согласно описательному феноменологическому методу А. Джорджи и Б. Джорджи [Giorgi, Giorgi 2003]. Результаты работы позволили построить интегральную модель феномена соприсутствия, объединившую в себе организационный, структурный, процессуальный и динамический аспекты изучаемого явления [Осетрова, Серкин 2024]. Модель отразила следующую последовательность взаимосвязей между компонентами явления:

1. Феномен соприсутствия имеет предпосылки: компоненты, которыми можно сознательно управлять, развивать в процессе обучения (пребывание в настоящем, бытие собой, установка открытости, скромность: признание незнания, принцип эпохе, внимание, интерес, доверие к процессу).

2. Особая проводящая функция психотерапевта (Респондент 4: *Чистый проводник: важно, чтобы то, что будет проводиться, оно не было как-то искажено или замусорено*) [Осетрова, Серкин 2024: 119].

3. Переживание самого феномена соприсутствия в процессе психотерапии имеет пять шагов (резонанс; появление общего пространства; единение; поток; третье, участвующее в психотерапии).

4. Переживаемый опыт соприсутствия оказывает эффект на участников психотерапевтического процесса (ощущение опоры и безопасности, соотнесение с ценностями, эмоциональное тепло, повышение витальных сил, аутентичность, переживание свободы, расширение восприятия, совокупно приводящие к трансформации жизни).

5. Феномен имеет параметры, выходящие за пределы времени и пространства одной сессии, курса психотерапии (аккумулируется со временем, имеет память, существует за рамками сессинга) [Осетрова, Серкин 2024].

Новаторскую ценность в изучении феномена представил один из инвариантных компонентов разработанной модели – *третий участник психотерапии* (синергия терапевта и клиента, мы) [Осетрова 2023], который респонденты описывали следующим образом: *Похоже на трансовое состояние, потому что это уже не я действую, а что-то вне меня, оно само по себе действует; Это между мной и клиентом.*

То есть оно не принадлежит мне точно совершенно. И оно не принадлежит клиенту. Это некий эфир тот самый, телесловский эфир, который можно пощупать, но он ничей; И этот купол, который накрывает, это же тоже про что-то большее. Я чувствую здесь что-то третье, что-то большее, нас туда включающее [Осетрова, Серкин 2024: 119, 120].

Исследовательский продукт первых двух эмпирических шагов в изучении феномена соприсутствия позволил открыть синергетическую фазу в процессе глубинного взаимодействия психотерапевта и клиента. Авторы исследования ввели понятие соприсутствие и дали его определение.

Соприсутствие является переживаемым синергетическим объединением психотерапевта и клиента, процессуальная динамика которого развивается вплоть до появления общего третьего (следствие эффекта синергетичности), участвующего в психотерапии и творчески порождающего варианты консультативного решения. Феномен соприсутствия аккумулируется со временем, имеет память, существует за рамками сеттинга. Производимый эффект явления имеет несколько характеристик, которые совокупно приводят к трансформации жизни. В конструкции феномена управляемыми являются предпосылки его возникновения, в то время как само его бытие остается свободным.

Интегральная модель феномена соприсутствия специалиста и клиента в процессе психотерапии представлена на рисунке.

Стратегия разработки и последующей апробации бланка семантического дифференциала (СД) «Психотерапевтическое соприсутствие» на двух группах испытуемых (клиенты и психотерапевты) позволила утвердить достоверность существования выделенного феномена. Процесс и результат проведенной эмпирической работы на данном этапе подробно представлен в статье.

Методы и материалы

Процедура проектирования бланка СД «Психотерапевтическое соприсутствие» соответствовала алгоритму, разработанному В. П. Серкиным [Серкин 2016], содержание шагов которого представлено ниже.

1. Сбор информации в отношении существующих терминов, близких по значению к понятию *психотерапевтическое соприсутствие* и описывающих характеристики данного процесса консультирования и психотерапии.
2. Выделение первого набора дескрипторов понятия *психотерапевтическое соприсутствие* на основании анализа литературы.
3. Составление второго набора дескрипторов изучаемого явления в результате применения метода определения понятия, который был использован в отношении экспертов в области психологического консультирования и психотерапии, а также метода свободного ассоциативного эксперимента, ориентированного на группу респондентов.

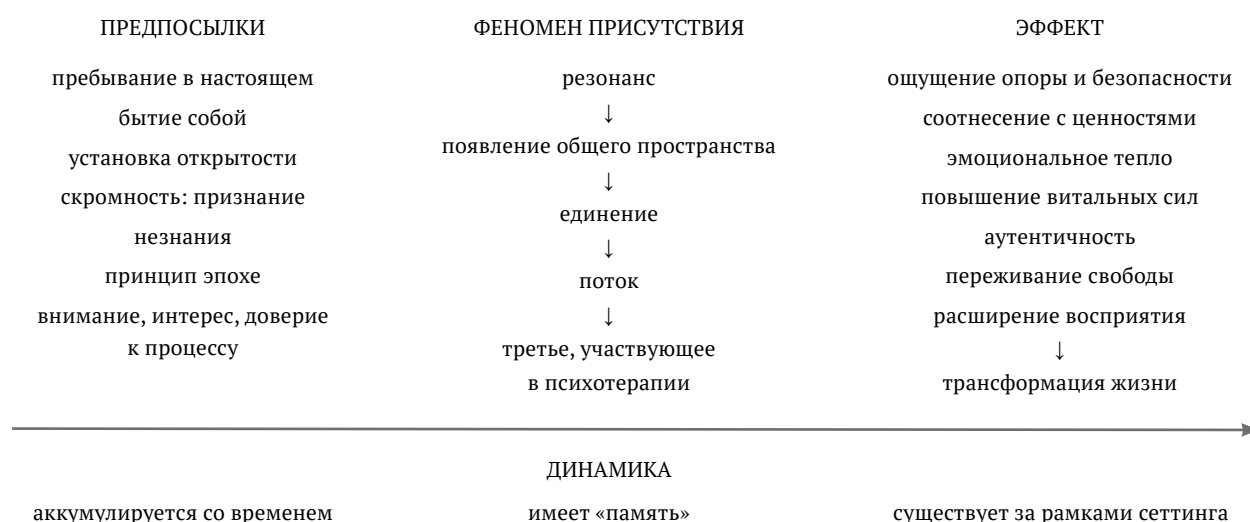

Рис. Интегральная модель феномена соприсутствия в процессе психотерапии [Осетрова, Серкин 2024: 118]

Fig. Integral model of co-presence in psychotherapy [Osetrova, Serkin 2024: 118]

Благодаря реализованным шагам был составлен первичный набор дескрипторов психотерапевтического соприсутствия, в который вошли наиболее весомые (частотные) дефиниции.

4. Разработка первичного варианта бланка СД «Психотерапевтическое соприсутствие» вследствие обработки и дополнения антонимами набора дескрипторов. Он состоял из 31 шкалы попарных определений, которые намеренно были равномерно разнесены по правому и левому полюсам, чтобы не создавать у респондентов ситуации неосознанных выборов дескрипторов в связи с привычкой ориентироваться на одну часть бланка.
5. Построение первичной матрицы результатов оценивания на основе работы с бланком группы респондентов.
6. Конструирование рабочего варианта СД «Психотерапевтическое соприсутствие» на основании синтеза дескрипторов групповой семантической универсалии и результатов факторного анализа данных.
7. Осуществление проверки на валидность рабочего варианта СД через апробацию бланка на четко различающихся группах испытуемых.
8. Внесение при необходимости незначительных корректировок в рабочий вариант СД и создание окончательного варианта специализированного СД (представлен в конце статьи).
9. Последующая потенциальная оптимизация методики при работе с альтернативными группами испытуемых.

Для осуществления проектирования и последующей апробации СД «Психотерапевтическое соприсутствие» были привлечены три группы испытуемых. Группа респондентов 1 приняла участие в методе свободного ассоциативного эксперимента. Параметры группы: 97 респондентов (21 мужчина и 76 женщин, из них 63 клиента и 34 психотерапевта); средний возраст – 34 года. Группа респондентов 2 была привлечена для апробации первичного бланка СД «Психотерапевтическое присутствие». Параметры группы: 50 респондентов (12 мужчин и 38 женщин, из них 37 клиентов и 13 психотерапевтов); средний возраст – 33 года. Группа респондентов 3 была собрана для апробации окончательного бланка СД (представлен в конце статьи). Параметры группы: 50 респондентов (17 мужчин и 33 женщины, из них 25 клиентов и 25 психотерапевтов); средний возраст – 36 лет. Всего – 197 человек.

Направления психотерапевтических школ, в рамках которых оказывали / получали помощь респонденты, принявшие участие в разработке и апробации СД на всех этапах: гештальт-терапия, экзистенциальный анализ, психоанализ, когнитивно-поведенческая терапия, транзактный анализ, дизайн-анализ, телесно-ориентированная терапия, семейная системная терапия, клиент-центрированная терапия, логотерапия, EMDR-терапия, юнгианский анализ, диалектическая поведенческая терапия, ориентированная на решение терапия, нарративная психотерапия.

Результаты

Первичная матрица результатов была обработана с помощью процедур выделения семантических универсалий Е. Ю. Артемьевой [Артемьева 1999] и факторного анализа (метод вращения Varimax, использована программа SPSS, версия 11).

При использовании первичного бланка СД «Психотерапевтическое соприсутствие» (93 %-ый интервал) были получены 9 дескрипторов групповой семантической универсалии: контакт, сопереживание, искренность, честность, внимание, включенность, интерес, взгляд, заинтересованность. Пренебрежение данных определений было исключено, т. к. они отражали общепризнанные характеристики оцениваемого понятия, впоследствии список дескрипторов был включен в рабочий вариант бланка СД.

Факторная структура описания значения позволила выделить 9 факторов, которые объяснили 77,1 % дисперсии результатов (табл. 1).

На основании синтеза дескрипторов групповой семантической универсалии и результатов факторного анализа данных был сконструирован рабочий вариант СД «Психотерапевтическое соприсутствие», который соответствовал требованиям стандартизированного описания результатов исследования: само существование факторной структуры и универсалии доказало, что явление существует [Артемьева 1999; Артемьева, Мартынов 1975].

Последующая апробация рабочего варианта бланка СД была осуществлена на двух группах испытуемых: клиенты и психотерапевты. Факторный анализ полученного массива данных от клиентов позволил выделить 5 факторов, которые объяснили 76,06 % дисперсии результатов; от психотерапевтов – 5 факторов, которые объяснили 82,1 % дисперсии результатов.

Группа клиентов:

1 фактор: близость, аутентичность, безоценочное восприятие, искренность (18,23 %);

Табл. 1. Факторы, полученные при использовании первичного бланка специализированного СД «Психотерапевтическое соприсутствие» (метод главных компонент, вращение Varimax; процент объясняемой дисперсии – 77,1%)

Tab. 1. Factors obtained from the primary semantic differential of Psychotherapeutic Co-Presence (principal component method, Varimax rotation; 77.1% variance)

Фактор	Вес фактора, %
Соучастие – безразличие	34,3
Формальное внимание – настоящее внимание	11,2
Рациональность – иррациональность	6,1
Нарушение личностных границ – уважительное соотнесение	5,9
Критичность – принятие	4,7
Псевдоблизость – близость	4,2
Искусственность – аутентичность	4,1
Оценивание – безоценочное восприятие	3,4
Дистанцированность – сближение	3,2

2 фактор: разъединение, халатность, слепота, невнимательность (15,9 %);

3 фактор: сопереживание, включенность, соучастие (14,3 %);

4 фактор: честность, уважительное соотнесение, искренность (12,1 %);

5 фактор: критичность, включенность, рациональность (8,02 %).

Группа психотерапевтов:

1 фактор: включенность через интерес, заинтересованность, контакт, аутентичность (25,31 %);

2 фактор: нарушение личных границ, оценивание, включенность, фальшь, лживость (23,15 %);

3 фактор: внимание, искренность, соучастие, принятие (13,01 %);

4 фактор: интерес, сопереживание, иррациональность, близость (11,9 %);

5 фактор: включенность, взгляд, иррациональность, дистанцированность (8,7%).

Последующее обобщение выделенных факторов по двум группам позволило обнаружить схожую факторную структуру исследуемого феномена соприсутствия (табл. 2).

Табл. 2. Факторная структура феномена соприсутствия в восприятии клиентов и психотерапевтов

Tab. 2. Factor structure of co-presence as perceived by clients and psychotherapists

Фактор	Клиенты	Психотерапевты
1	Полное принятие	Подлинная заинтересованность
2	Невнимательность	Неискренность
3	Эмпатическая включенность	Соучастие
4	Уважительная диалогичность	Эмоциональная близость
5	Объективность	Изучение

Обсуждение

Концептуальная валидность разработанного бланка СД «Психотерапевтическое соприсутствие» была обоснована соблюдением структуры семантической оценки. Метод семантической реконструкции подтвердил валидность метода семантических универсалий [Артемьева 1999]. Участникам экспертной группы, которые не были проинформированы о целях исследования, был предоставлен бланк семантического дифференциала (без указания названия) с инструкцией: *Как Вы думаете, какой процесс или феномен изучается с помощью данного бланка?* В качестве высокочастотных ответов были утверждения, семантически соответствующие феномену психотерапевтического соприсутствия (в связи с малоизученностью темы понятие еще не популяризировано, не утверждено в оборотах речи). При этом ни одно содержательно другое процессуальное явление экспертами названо не было. Таким образом, диагностический инструмент был разработан корректно и рекомендован к практическому использованию, например при работе с группой студентов для лучшего феноменологического схватывания соприсутствия; при оказании психотерапевтической помощи помогать определять способность / готовность клиента к соприсутствию, необходимую для построения глубинных отношений (с собой, партнером) и др.

Последующая апробация разработанного бланка СД «Психотерапевтическое соприсутствие» на двух выборках показала наличие схожей факторной структуры феномена соприсутствия в восприятии клиентов

и психотерапевтов, что подтвердило существование выдвинутого авторами феномена соприсутствия (результат синергетического взаимодействия между специалистом и клиентом во время психотерапевтического процесса) и позволило единым образом семантически раскрыть изучаемое явление.

Авторам исследования удалось обнаружить пока не описанный в мировой психологической литературе важнейший тонкий аспект процесса психотерапии, в котором клиент и специалист достигают синергетического единения в со-творческой работе над проблемой, подчеркнуто включая в процесс активность именно клиента. В период переживания феномена соприсутствия пропадает фактор индивидуального времени, фактор пространства (оно становится общим): и клиент, и консультант, сохраняя индивидуальность, становятся чем-то единым, образуя новую субъектность – общее *мы* (взаимодействующие клиент и специалист) [Осетрова 2023].

В понимании феномена соприсутствия авторы вышли за рамки традиционной (фрейдовской и последователей) психотерапии, ориентированной на устранение нарушений функционирования психики или снижения интенсивности выраженных симптомов, ставя главной задачей не столько в возвращении состояния клиента к утвержденной норме, а в том, чтобы в изменяющихся жизненных обстоятельствах найти творчески новое решение для успешной изменяющейся жизни обратившегося за помощью.

Феномен соприсутствия был обозначен и с помощью эмпирических данных описан впервые, однако его репрезентация в культуре существует столетия. В практике чукотских шаманов зачастую встречается эффект в процессе совместного действия-объединения (шамана и клиента) в работе над проблемой, когда во время обсуждения (шаманского транса) появляется *третий* (у чукчей это называется *Дух пришел, шаман привел Духа*). При этом для такого мировоззрения очевидно, что данные практики возможно реализовывать только совместно.

Данный синергетический (тогда не было терминологии системного подхода) эффект отчасти был отмечен еще в Евангелии от Матфея (18:19, 20) как молитва по соглашению: *Истинно говорю Вам, что если двое из Вас согласятся на земле просить о всяком деле, то, что бы они ни попросили, будет им от Отца Моего Небесного. Ибо где двое или трое собрались во имя Мое, там Я посреди Них.*

Заключение

Ориентируясь на ценность углубления и развития существующих методологических оснований ведения психологической практики, авторы работы провели многоэтапное исследование синергетического аспекта процесса психотерапии – феномена соприсутствия (качественно-количественный дизайн). Была успешно разработана и описана интегральная модель феномена соприсутствия клиента и специалиста в процессе психотерапии, введено понятие *соприсутствие* и дано его определение, сконструирован и апробирован диагностический инструмент – бланк СД «Психотерапевтическое соприсутствие», что свидетельствует о достижении поставленной цели: структура переживания феномена соприсутствия специалиста и клиента была раскрыта.

Ключевым результатом, свидетельствующим о научной новизне реализованной эмпирической работы, выступило семантическое схватывание (обнаружение) и последующее доказательство существования синергетической фазы процесса психотерапии – феномена соприсутствия, в переживании которого и клиент, и психотерапевт трансцендируют до общего третьего состояния *мы* (субъектная структура феномена соприсутствия). При этом подлинные изменения обеспечиваются продуктивной работой процесса сопереживания, в котором специалист вместе с клиентом в буквальном смысле слова становятся творческими соучастниками психотерапевтического процесса.

Интегральная модель психотерапевтического соприсутствия имеет практическую значимость в аспекте совершенствования обучения и практической подготовки специалистов, может быть использована в сопровождении конкретного клиентского случая, где запрашивается поддержание глубинного уровня взаимодействия. Разработанный бланк СД «Психотерапевтическое соприсутствие» является инструментом, способствующим операционализации слабоформализованного и неопisanного в литературе феномена, содействует решению задач дальнейших исследований и практики психотерапии.

Возможные траектории будущих исследований феномена соприсутствия: продолжение изучения синергийного эффекта; выявление потенциальных ограничений в применении на практике установки психотерапевтического соприсутствия (на текущий период познания явления они не были выявлены); количественное исследование феномена соприсутствия посредством организации дизайна, ориентированного

на поиск корреляционных связей между различными интересующими параметрами, для чего исходными могут быть данные, собранные при помощи бланка СД «Психотерапевтическое соприсутствие».

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Литература / References

- Артемяева Е. Ю. Основы психологии субъективной семантики. М.: Наука; Смысл, 1999. 349 с. [Artemieva E. Yu. *Basic psychology of subjective semantics*. Moscow: Nauka; Smysl, 1999, 349. (In Russ.)]
- Артемяева Е. Ю., Мартынов Е. М. Вероятностные методы в психологии. М.: Моск. ун-т, 1975. 207 с. [Artemieva E. Yu., Martynov E. M. *Probabilistic methods in psychology*. Moscow: MSU, 1975, 207. (In Russ.)]
- Бубер М. Два образа веры. М.: Республика, 1995. 464 с. [Buber M. *Two types of faith*. Moscow: Respublika, 1995, 464. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sncusd>
- Бубер М. Я и Ты. М.: Высш. шк., 1993. 175 с. [Buber M. *I and Thou*. Moscow: Vyssh. shk., 1993, 175. (In Russ.)]
- Ван Дорцен-Смит Э. Терапевтический диалог. *Московский психотерапевтический журнал*. 2008. № 4. С. 150–166. [Van Deurzen-Smith E. Therapeutic dialogue. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 2008, (4): 150–166. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kaufxb>
- Василук Ф. Е. На подступах к синергичной психотерапии: история упований. *Московский психотерапевтический журнал*. 1997. Т. 5. № 2. С. 5–24. [Vasilyuk F. E. Towards synergistic psychotherapy: A history of hopes. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 1997, 5(2): 5–24. (In Russ.)]
- Геллер Ш. Практическое руководство по развитию терапевтического присутствия. М.: Корвет, 2020. 204 с. [Geller S. *A practical guide to cultivating therapeutic presence*. Moscow: Korvet, 2020, 204. (In Russ.)]
- Джэндлин Ю. Субвербальная коммуникация и экспрессивность терапевта: тенденции развития клиентоцентрированной психотерапии. *Московский психотерапевтический журнал*. 1993. Т. 2. № 3. [Gendlin E. Subverbal communication and therapist expressiveness: Trends in the development of client-centered psychotherapy. *Moskovskii psikhoterapevticheskii zhurnal*, 1993, 2(3). (In Russ.)]
- Клюева Н. В. Качественные методы исследования. Ярославль: ЯрГУ, 2016. 116 с. [Klyueva N. V. *Qualitative research methods*. Yaroslavl: YarSU, 2016, 116. (In Russ.)]
- Кочунас Р. Основы психологического консультирования. СПб.: Питер, 2005. 240 с. [Kochunas R. *Basics of psychological counseling*. St. Petersburg: Piter, 2005, 240. (In Russ.)]
- Лэнгле А. Экзистенциальный эффект в терапии и консультировании. Пра-интенциональность как основа для передачи «воспламеняющей искры» в диалоге. *Экзистенциальный анализ: бюллетень*. 2023. № 15. С. 13–43. [Längle A. Existential effect in therapy and counseling. Pra-intentionality as a basis for the emergence and transmission of the "igniting spark" in dialogue. *Ekzistentsialnyi analiz: biulleten*, 2023, (15): 13–43. (In Russ.)]
- Лэнгле А., Уколова Е. М., Шумский В. Б. Современный экзистенциальный анализ: история, теория, практика, исследования. М.: Юрайт, 2018. 556 с. [Längle A., Ukolova E. M., Shumskiy V. B. *Modern existential analysis: History, theory, practice, and research*. Moscow: Iurait, 2018, 556. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/plbjko>
- Лэнгле С. Феноменологическое исследование в экзистенциальном анализе. *Экзистенциальный анализ: бюллетень*. 2023. № 15. С. 44–68. [Längle S. Phenomenological research in existential analysis. *Ekzistentsialnyi analiz: biulleten*, 2023, (15): 44–68. (In Russ.)]
- Орешина Г. В., Жукова М. А. История развития и современные исследования альянса в психотерапии и консультировании. *Клиническая и специальная психология*. 2023. Т. 12. № 3. С. 30–56. [Oreshina G. V., Zhukova M. A. The historical evolution and modern research of the alliance in psychotherapy and counseling. *Clinical Psychology and Special Education*, 2023, 12(3): 30–56. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/cpse.2023120302>

- Осетрова М. А. Восприятие времени как один из критериев глубины психотерапевтического присутствия. *Ломоносов-2023: Междунар. науч. конф.* (Москва, 10–21 апреля 2023 г.) М.: МАКС Пресс, 2023. [Osetrova M. A. Time perception as a criterion of the depth of psychotherapeutic presence. *Lomonosov-2023: Proc. Intern. Sci. Conf.*, Moscow, 10–21 Apr 2023. Moscow: MAKS Press, 2023. (In Russ.)] URL: https://lomonosov-msu.ru/archive/Lomonosov_2023/data/28561/152078_uid687704_report.pdf (accessed 11 Jan 2025).
- Осетрова М. А., Серкин В. П. Организационная интегральная модель феномена присутствия в процессе индивидуального психологического консультирования. *Организационная психология*. 2024. Т. 14. № 2. С. 112–127. [Osetrova M. A., Serkin V. P. Organizational integral model of the phenomenon of presence in the process of psychological counselling. *Organizatsionnaya Psikhologiya*, 2024, 14(2): 112–127. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/2312-5942-2024-14-2-112-127>
- Перлз Ф. Гештальтподход и свидетель терапии. М.: Акад. проект; Культура, 2015. 207 с. [Perls F. *The gestalt approach and eye witness to therapy*. Moscow: Akad. proekt; Kultura, 2015, 207. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrsdrd>
- Роджерс К. Клиентоцентрированный / человекоцентрированный подход в психотерапии. *Вопросы психологии*. 2001. № 2. С. 48–58. [Rogers C. Client-centered / person-centered approach to therapy. *Voprosy Psikhologii*, 2001, (2): 48–58. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nbeund>
- Роджерс К. Консультирование и психотерапия. Новейшие подходы в психологической практике. М.: ИОИ, 2015. 200 с. [Rogers C. *Counseling and psychotherapy. The latest approaches in psychological practice*. Moscow: IOI, 2015, 200. (In Russ.)]
- Серкин В. П. Методологические и организационные вопросы разработки клиентского психотерапевтического мифа. *Организационная психология*. 2018. Т. 8. № 4. С. 156–167. [Serkin V. P. Client psychotherapeutic myth: Methodological and organizational issues. *Organizatsionnaya Psikhologiya*, 2018, 8(4): 156–167. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yxscxz>
- Серкин В. П. Психосемантика. М.: Юрайт, 2016. 318 с. [Serkin V. P. *Psychosemantics*. Moscow: Iurait, 2016, 318. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vtvunp>
- Хайдеггер М. Бытие и время. М.: Акад. проект, 2015. 460 с. [Heidegger M. *Being and time*. Moscow: Akad. proekt, 2015, 460. (In Russ.)]
- Штайнерт К. Экзистенциальный анализ и резонанс. Психотерапия как пространство резонанса. *Экзистенциальный анализ: бюллетень*. 2023. № 15. С. 113–141. [Steinert K. Existential analysis and resonance. Psychotherapy as a space of resonance. *Ekzistentsialnyi analiz: biulleten*, 2023, (15): 113–141. (In Russ.)]
- Ялом И. Все мы творения на день и другие истории. М.: Моск. ин-т психоанализа, 2014. 240 с. [Yalom I. *Creatures of a day and other tales of psychotherapy*. Moscow: Moscow Institute of Psychoanalysis, 2014, 240. (In Russ.)]
- Giorgi A. P., Giorgi B. M. The descriptive phenomenological psychological method. *Qualitative research in psychology: Expanding perspectives in methodology and design*, eds. by P. M. Camic, Rhodes J. E., Yardley L. Washington, DC: American Psychological Association, 2003, 243–273. <https://doi.org/10.1037/10595-013>

Бланк семантического дифференциала «Психотерапевтическое соприсутствие»

Оцените, пожалуйста, характеристики соприсутствия в процессе психотерапии.

Психотерапевтическое соприсутствие (операциональное определение) – синергетическое объединение психотерапевта и клиента, процессуальная динамика которого способствует творческому порождению вариантов консультативного / психотерапевтического решения.

Перед Вами список попарно сгруппированных существительных, выражающих качественно противоположные характеристики понятия *соприсутствие*. Обведите в кружок цифру (из ряда 3210123), которая, по Вашему мнению, наиболее точно определяет содержание оцениваемого понятия, при условии, что характеристика:

- 0 – не выражена;
- 1 – слабо выражена;
- 2 – средне выражена;
- 3 – сильно выражена.

Например, Вы выбираете из пары *контакт – разъединение* параметр *контакт* и полагаете, что данная характеристика ярко выражает оцениваемое понятие, тогда из ряда цифр 3210123 между словами *контакт – разъединение* обведете цифру 3 – ту, которая ближе к слову *контакт*, т.е. левее от 0 (центра шкалы).

Просим Вас не пропускать пары слов и сделать свой выбор по каждой паре.

Пример:

Контакт	③210123	Разъединение
---------	---------	--------------

1	Контакт	3210123	Разъединение
2	Халатность	3210123	Внимание
3	Включенность	3210123	Безразличие
4	Скука	3210123	Интерес
5	Сопереживание	3210123	Равнодушие
6	Слепота	3210123	Взгляд
7	Искренность	3210123	Лживость
8	Невнимательность	3210123	Заинтересованность
9	Честность	3210123	Фальшь
10	Безразличие	3210123	Соучастие
11	Настоящее внимание	3210123	Формальное внимание
12	Рациональность	3210123	Иррациональность
13	Уважительное соотнесение	3210123	Нарушение личностных границ
14	Критичность	3210123	Принятие
15	Близость	3210123	Псевдоблизость
16	Искусственность	3210123	Аутентичность
17	Безоценочное восприятие	3210123	Оценивание
18	Дистанцированность	3210123	Сближение

обзорная статья

<https://elibrary.ru/ejiqgk>

Телесные феномены: классический, неклассический и постнеклассический аспекты

Чернышова Ольга Ивановна

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 5349-1087

<https://orcid.org/0000-0001-5356-8204>chernyshova82@mail.ru

Аннотация: Целью данного теоретического исследования стал анализ телесных феноменов в различных психологических направлениях: естественно-научном, культурно-деятельностном, психоаналитическом, гуманистическом, когнитивном и конструктивистском. Методология исследования направлена на выявление общих сходств и различий в описании феноменов телесности: как с точки зрения обозначенных подходов, так и с учетом идеалов рациональности. Рассмотрены авторские интерпретации феноменов телесности в соответствии с введенными В. С. Степиным парадигмальными воззрениями в науку: классическими, неклассическими, постнеклассическими. Логика выделения психологических подходов и направлений, описывающих феномены телесности, следует за представлениями В. А. Лекторского, А. Г. Асмолова и Д. А. Леонтьева о парадигмальных сдвигах в методологических основаниях психологической науки. Телесные образы, соответствующие классическому идеалу рациональности, формируются через понятие *схема тела* и являются представлениями механистических и физиологических школ на телесность. На переходе к неклассическим воззрениям в науку появляются группы теорий, в которых понятия образа тела, концепции тела и образа физического Я представляются видовыми по отношению к понятию образа Я продуктами самосознания. В соответствии с постнеклассическим идеалом рациональности феномены тела представляют собой когнитивные конструкты, описывающие представления человека о телесности на уровнях организма, социума и культуры. В результате определены сходства и различия феноменов телесности с опорой на парадигмальные идеалы рациональности, а также выделены психологические подходы в изучении телесности, имеющие наибольшие перспективы в практическом применении.

Ключевые слова: идеал рациональности, самосознание, Я-концепция, образ тела, образ физического Я, культурно-деятельностный подход, психоаналитический подход, конструктивистский подход

Цитирование: Чернышова О. И. Телесные феномены: классический, неклассический и постнеклассический аспекты. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 315–331. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-315-331>

Поступила в редакцию 14.01.2025. Принята после рецензирования 04.03.2025. Принята в печать 10.03.2025.

review article

Physical Self-Image: Classical, Non-Classical, and Post-Non-Classical Aspects

Olga I. Chernyshova

Altay State University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 5349-1087

<https://orcid.org/0000-0001-5356-8204>chernyshova82@mail.ru

Abstract: This theoretical study reviews the phenomena of physical self-image across psychological approaches, i.e., natural-scientific, cultural, activity-based, psychoanalytic, humanistic, cognitive, and constructional. The methodological aim was to identify the similarities and differences in the way the phenomena of physicality are described in various psychological approaches, as well as from the perspectives of rationality. Individual

interpretations were analyzed in line with the classical, non-classical, and post-non-classical paradigms introduced by V. S. Stepin. The classification relied on the ideas about paradigmatic shifts expressed by V. A. Lektorskiy, A. G. Asmolov, and D. A. Leontiev. The physical self-images that correspond to the classical ideal of rationality follow the idea of body scheme and represent the mechanistic or physiological views on physicality. The non-classical views introduce the concept of physical self-image as a product of self-consciousness, specific in relation to the concept of self-image. In the post-non-classical ideal of rationality, the physical self-image is a cognitive construct that describes one's ideas about one's physicality at the levels of the organism, society, and culture. The classification of similarities and differences of the physical self-image across paradigms revealed the major directions in physicality studies with practical application prospects.

Keywords: ideal of rationality, self-consciousness, self-concept, body image, physical self-image, cultural and activity-based approach, psychoanalytic approach, constructionist approach

Citation: Chernyshova O. I. Physical Self-Image: Classical, Non-Classical, and Post-Non-Classical Aspects. *SibScript*, 2025, 27(2): 315–331. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-315-331>

Received 14 Jan 2025. Accepted after peer review 4 Mar 2025. Accepted for publication 10 Mar 2025.

Введение

В отечественной психологии образ физического Я представляется как продукт самосознания [Белова и др. 2014: 621]. В зарубежных подходах по отношению к описанию феноменов тела используются другие понятия: схема тела, образ тела, концепция тела [Каминская, Айламазян 2015: 47]. Все эти определения имеют схожие элементы в описаниях телесности, однако мы предлагаем рассматривать их содержание в соответствии с основаниями методологии господствующих в различное время воззрений в психологической науке.

Теоретической основой работы выступает концепция науки как системы знаний, которая, по мнению В. С. Степина [Степин 2003], отделяется от философии в период Нового времени и проходит три этапа в своем развитии [Ипполитова, Ральникова 2016: 7–12; Лекторский 2023]. Первый этап, классический, характеризуется изучением простых систем. На классическом этапе объект воспринимается как нечто первичное по отношению к процессу. Сложные явления в аналитической логике сводятся к простым. На втором, неклассическом этапе, рассматриваются саморегулирующиеся сложные системы, основным качеством которых является несводимость целого к сумме элементов. Появляются представления о причинности, не укладывающиеся в линейные зависимости явлений друг от друга. На третьем этапе, постнеклассическом, исследователи изучают сложные самоорганизующиеся открытые системы, определяющие цели своего развития, изменяющие свои свойства и структуру и другие характеристики в процессе развития. Причинные связи в таких системах носят

не только нелинейный характер, но и характеризуются тем, что следствие начинает воздействовать на причину изменений (кольцевая причинность) [Лебедев 2020: 13–15].

По мнению Ю. П. Зинченко и Е. И. Первичко к классическому этапу в психологии относятся психологические подходы, разработанные в конце XIX – начале XX в. [Зинченко, Первичко 2012]. Это психология сознания В. Вунда, теория высшей нервной деятельности И. П. Павлова, рефлексология В. М. Бехтерева, структурализм Э. Титченера и др. На переходе к неклассическому этапу (1930–1970-е гг.) появляются группы теорий, преодолевающие постулат непосредственности. Д. А. Леонтьев и А. Г. Асмолов относят к этой группе теорий культурно-исторический подход Л. С. Выготского, деятельностный подход А. Н. Леонтьева, психоанализ З. Фрейда и К. Г. Юнга, гуманистическую психологию А. Маслоу, экзистенциализм Р. Мэй [Асмолов 2007; Леонтьев 2005: 60–71]. В. А. Лекторский и Е. О. Труфанова считают постнеклассическую рациональность основанием для когнитивизма и социального конструирования (середина XX в. – наши дни) [Лекторский, Труфанова 2019: 120].

Следуя за вышеобозначенными исследователями, мы выделяем ряд телесных феноменов с опорой на идеалы рациональности и анализируем их содержательное наполнение в соответствующих этим идеалам психологических подходах. Согласно классическому идеалу рациональности взгляды на телесные феномены формируются через понятие *схема тела* и являются продуктом механистических и физиологических воззрений. Как правило, это понятие не является

центральным в физиологических теориях своего времени, а лишь сопровождает взгляды исследователей на те или иные физиологические процессы, а также патологии восприятия тела, изученные в медицине [Левик 2012: 99–102]. Неклассическая парадигма формирует группы теорий, в которых понятия *образ тела*, *концепция тела* и *образ физического Я* могут рассматриваться в единстве физических и психических воззрений [Меджидова 2021: 10–15]. Теоретические построения этого периода за константу принимают существование глобальной Я-концепции, подразумевающей наличие образов Я как продуктов развития самосознания (в том числе образа телесного Я). Постнеклассический идеал рациональности рассматривает образы тела и телесные феномены в качестве когнитивных конструкторов, формирующихся как представления человека о теле на уровнях организма, социума и культуры. Психологические конструкторы не существуют вне языкового сознания, не образуют глобальной Я-концепции и изучаются с помощью определенных методологических инструментов, а именно методов субъективной семантики и психосемантики [Фаустова 2018: 525].

За основу исследования взят комплексный эпистемологический подход, включающий собственно феноменологический, компаративистский, исторический методы. Другими словами, методология исследования предполагает рассмотрение и сравнение феноменов телесности в различных психологических подходах в соответствии с парадигмальными представлениями в науке. Такая постановка проблемы обусловлена целью нашего теоретического исследования – проанализировать феномены телесности в различных психологических направлениях и обозначить наиболее перспективную линию их изучения.

Результаты

Содержательное описание понятий *схема тела*, *концепция тела*, *образ тела* и *образ физического Я* в различных психологических подходах формируется исходя из соответствующего идеала рациональности. Первоначальный, или классический, естественно-научный идеал рациональности базируется на механистических воззрениях Нового времени, в частности на взглядах Р. Декарта [Гайденоко 2000: 138–140]. Р. Декарт утверждал, что движения человека происходят по правилам механики и один механический процесс детерминирует другой. Таким образом, для последующих исследователей мыслитель, по сути, заложил научную программу изучения элементарных актов

двигательного поведения и феноменов тела [Шатова 2014: 367], которые далее будут описаны подробно.

Центральные теории, осмысливающие механизмы работы человеческого тела с естественно-научных позиций, изложены в трудах физиологов середины XIX – начала XX в. Прежде всего, это исследования В. М. Бехтерева, И. П. Павлова, И. М. Сеченова, которые занимались развитием рефлекторной теории на основе принципа реактивности [Бехтерев 1928; Павлов 1973; Сеченов 1947].

В рамках рефлекторной теории сложные движения и акты, построенные на их основе, рассматриваются как комплексы множественных рефлексов их сочетаний. В 1930-е гг. Н. А. Бернштейн изучал принципы координации двигательных актов посредством сложных колец управления информацией, поступающей из внешней среды. На смену понятию *рефлекторная дуга* автор вводит понятие *рефлекторное кольцо*; на смену принципу реактивности приходит принцип активности. В рамках этой концепции Н. А. Бернштейн исследовал понятие *схемы тела*. Впервые сходное понятие – *постуральная схема тела* – было введено в научный дискурс Г. Хэдом и Г. Холмом в начале XX в. [Поликанова 2024: 29]. По их мнению, *постуральная схема тела* – это трехмерная модель тела, которая изменяется вместе с изменениями, происходящими с телом во время его движения, в том числе когда меняется сама поза тела. Эта модель носит динамический и бессознательный характер. Н. А. Бернштейн расширил это понятие, понимая его как контроль и регулирование пространственного положения тела, коррекцию и контроль движения [Бернштейн 1990: 23].

Последователь Н. А. Бернштейна В. С. Гурфинкель на основе схемы управления движением тела пришел к выводу, что мозг формирует сложные модели собственного тела только во взаимосвязи с окружающей средой [Гурфинкель, Левик 1995: 32–37]. Ю. С. Левик отмечает, что таких моделей тела, построенных мозгом, может быть несколько, т. к. существуют сенсорные, кинестетические и другие каналы восприятия информации как от тела, так и от окружающей среды. Центральная нервная система при этом выполняет координационную функцию в совместном функционировании этих моделей, становясь надмодальным образованием [Левик 2012: 101]. По мнению автора, большинство интегративных действий, выполняемых внутренней моделью тела, не осознается личностью и находится в зоне бессознательных процессов.

Дальнейшее развитие представлений об образах телесности рассматривается через их взаимосвязь с социальной средой, деятельностью человека, а также их смысловое наполнение, что находит отражение в концепции самосознания личности [Немцева 2017: 297]. Происходит переход от классических научных воззрений к неклассическим в изучении феноменов телесности [Зуев 2016: 27–29].

Культурно-деятельностный подход

На переходе к неклассическому идеалу рациональности появляются психологические подходы, в которых теоретические построения о телесных представлениях личности носят, как правило, интегрирующий характер и объединяют разнородные элементы психики в единый концепт, а принцип причинности в таких подходах заменяется с непосредственного на опосредованный [Панферов, Безгодова 2015: 22–25].

В ряду неклассических подходов концепция Л. С. Выготского занимает особое место. Именно в культурно-историческом подходе реализуется принцип опосредования психических явлений социальной и культурной ситуацией. Л. С. Выготский вносит тезис о том, что психические явления на ранних стадиях онтогенеза опосредуются биологическим и физиологическим развитием человека, однако впоследствии развитие психики опосредуется социальными и культурными феноменами [Выготский 2024]. Таким образом, телесные феномены в культурно-историческом подходе не только опосредованы физиологическим развитием, но и вписаны в социальную ситуацию существования человека. Психическое измерение, сформированное внешней ситуацией, соединяется с внутренним, физиологическим [Бутахин, Иванова 2024: 34].

Последователи культурно-исторического подхода Г. А. Арина, В. М. Леонова и В. В. Николаева исследуют процессы интериоризации компонентов телесности, начиная с первичных телесных функций (первичный перцептивный образ, простые двигательные функции), которые авторы называют психосоматическими, и заканчивая их психосоциальной регуляцией через овладение сложными движениями и сопровождающими их эмоциями, представлениями о собственной внешности и симптомах в отношении дихотомии *здоровье – болезнь* [Николаева и др. 2012]. А. Ш. Тхостов и А. В. Лукин исследуют психосоматическое единство человека, феномены телесности в норме и патологии. Авторы также пишут об активной, подвижной границе телесности как о явлении, имеющем и объективные, и субъективные причины своего развития,

объединяющем их в психологическое единство. Они изучают телесность как высшую психическую функцию с соответствующими ей законами развития, минуя при этом использование понятий *образ тела* и *образ физического Я* [Тхостов, Лукин 2015].

Интересен подход В. А. Лабунской и Г. В. Серикова к внешним проявлениям Я личности через экспрессивные телесные выражения, которые трактуются как часть психических явлений в проявлении внешней формы их существования. В этом случае рассматривать показатели внешних проявлений телесности можно через совокупность статических (выражения лица и тела, конституциональные характеристики), среднединамических (оформление внешности: прическа, косметика, одежда, аксессуары) и динамических параметров выражения телесности (экспрессивное поведение). Все эти параметры организуются в компоненты структуры личности, отражающие устойчивые психические образования в отношении тела. Формирование этих компонентов происходит в ситуациях межличностного общения (важные другие и социальное окружение) и культурных взаимодействий и составляет содержательный компонент телесных феноменов [Лабунская, Сериков 2018: 91–95].

Наследуя идею Л. С. Выготского об интериоризации предметной деятельности в сознании за счет знаковых форм [Хуторная 2021: 111–115], А. Н. Леонтьев приходит к мысли о том, что сознание и самосознание достигает своего высшего развития только в вовлечении в предметную деятельность и в отношении с другими людьми в процессе этой деятельности. Концепция А. Н. Леонтьева содержит три основных компонента сознания, опосредующих друг друга. Это *чувственная ткань* конкретных образов реальности, а также их значение и личностный смысл, которыми эти образы наделяются [Леонтьев 1975].

В. П. Зинченко в своих построениях относительно сознания идет дальше и включает в его структуру не только ткань чувственных образов, значение и смысл, но и *биодинамическую ткань* движения и действия [Зинченко 1991]. Такой подход позволяет говорить не только об интериоризации образов предметов, но и об их деятельностных компонентах, в том числе и о двигательных актах. В концепции автора биодинамическая ткань действия и чувственная ткань образов образуют бытийно-деятельностный слой, а значение и личностный смысл – рефлексивный слой сознания, через который формируется отношение личности к воспринимаемому предмету

и деятельности. С одной стороны, биодинамическая ткань сознания реализует программу движения и соотносит ее с поведением, она формируется на основе схемы тела, описанной Н. А. Бернштейном. С другой стороны, формирование чувственных образов через восприятие, ощущение и представление становится возможным за счет существования сенсорно-перцептивной организации восприятия [Завалова, Пономоренко 1980]. Полученные образы формируют *чувственную ткань* бытийного слоя сознания. Заострим внимание на том, что в рефлексивном слое сознания образы преобразуются в знаковые формы (значения) и личностные смыслы, свойственные только этому индивиду [Зинченко 1991]. Такие теоретические построения, позволяющие перейти от физической причинности двигательной активности и деятельности к психологическим опосредованным рефлексивным слоям сознания, соответствуют неклассическому идеалу рациональности в науке и формируют единые представления о психофизической концепции сознания.

Развитие проблематики личностного смысла как рефлексивного слоя сознания отражено в работах А. Г. Асмолова, Б. С. Братуся, Е. Е. Насиновской, В. В. Столина, а также их предшественников [Леонтьев 2007]. Например, А. Г. Асмолов вводит понятие динамической смысловой системы, которая характеризуется производностью от деятельности субъекта, занимаемой им позиции, динамичностью смыслов и установок [Асмолов 2001: 34–37]. Однако смысловые образования личности, связанные с развитием телесных феноменов, при этом изучены недостаточно [Чернышова, Лужбина 2022: 195].

Е. В. Черепанова переходит от концепции сознания к самосознанию и выделяет физический уровень, отражающий ощущения своего тела, социальный, позволяющий индивиду вписываться в социальные отношения и нормы, и рефлексивный, отвечающий за выстраивание картины мира (в том числе смысловой) [Черепанова 2004]. Сходные концепции самосознания предлагают и другие авторы: И. С. Кон, Е. В. Кучерова, М. И. Лисина, В. С. Мерлин, Е. Т. Соколова, И. И. Чеснокова [Лисина 1997; Мерлин 1990; Чеснокова 1977].

В. В. Столин в структуре самосознания выделяет несколько уровней, связанных с биологической (организмической), индивидуальной и личностной организациями, дает описательное определение образу Я, трактуя его как целостный продукт самосознания. Образ Я включает различие между содержательным компонентом (знания или представления о себе, оценка себя

в отношении выраженности определенных качеств) и самоотношением как устойчивым эмоциональным самовосприятием [Столин 1983: 48–52].

Е. Т. Соколова и А. Н. Дорожевец, анализируя основные подходы к образам Я, особенно к телесным компонентам самосознания, описывают образ тела как целостный феномен самосознания [Соколова, Дорожевец 1985: 40–47]. Если схема тела закладывается на основе восприятия ощущений от проприорецепторов, органов чувств, удержаний позы и движения, то образ тела – это сложное комплексное единство восприятия, оценок, установок, представлений личности, связанных с телесной внешностью и функциями тела.

Основные взгляды на образы телесности культурно-деятельностного подхода:

1. Основой телесного самовосприятия является схема тела, механизмы восприятия которой реализуются через взаимодействие окружающей среды и организма посредством центральной нервной системы. Схема тела как основа когнитивного компонента самосознания формируется первой и является базисом для дальнейшего развития восприятия телесных феноменов.

2. Психологическое восприятие образа тела реализуется в социальной и культурной среде. Человек начинает включать в представления о себе гендерные, семейные и социальные роли, что сказывается на восприятии феноменов тела и их оценках. Это происходит на этапе формирования совместной деятельности индивида с другими людьми, когда возникает потребность в причислении себя к каким-либо значимым социальным группам.

3. Потребность в социальном и культурном взаимодействии рождает смысловые образования (значения и личностные смыслы) в структуре самосознания, реализуемые через эмоционально-ценностное отношение к своему телу и движениям.

Резюмируя, отметим, что в культурно-деятельностном подходе первичными элементами представлений человека о себе становятся образы тела, реализующиеся в схеме тела и в отображении взаимодействия личности в пространстве значимых других, социальных связей, культуры и деятельности. Личностные смыслы опосредуются феноменами телесности (как физиологическими, так и психологическими) и в структуре самосознания реализуются в знаковой форме, что отвечает неклассическим представлениям в психологической науке об опосредованной причинности психологических явлений.

Психоаналитический и гуманистический подходы

Психоаналитическое направление в психологии также включено в неклассический подход в науке. Основоположник психоанализа З. Фрейд описал формирование личностных характеристик, невротических установок и ценностных ориентаций индивида через стадии психосексуального развития. На каждой стадии происходит центрирование личности на определенных зонах тела [Фрейд 1998]. Его последователи А. Лоуэн и В. Райх, развивая идеи учителя, связывали компоненты психического опыта с телесными явлениями, утверждая, что непрожитый психоэмоциональный опыт контейнируется в телесные спазмы и зажимы [Лоуэн 2000; Райх 1997].

Авторы теории объектных отношений М. Кляйн, Х. Кохут, М. Малер, Дж. Мастерсон уделяли внимание опыту ранних взаимодействий ребенка со значимыми взрослыми, что формирует личностные характеристики ребенка, границы его телесности, способы общения и психологические защиты [Фенихель 2013]. Неофрейдисты придерживаются утверждений, что предсознательные мотивы сформированы культурной, социальной средой и определенными отношениями (Г. Салливан, Э. Фромм, К. Хорни) [Фромм 1995; Хорни 2021].

Современные последователи сценарного анализа Э. Берна Я. Стюарт и В. Джойнс пишут о том, что человек в ситуации стресса бессознательно начинает вести себя как в привычном эмоциональном состоянии, при этом телесные паттерны, соответствующие этому состоянию, формируются в раннем детстве и сопровождают человека в течение всей жизни [Стюарт, Джойнс 2019: 205].

Более полное описание телесной организации в психоаналитическом ключе впервые произвел психиатр П. Шильдер в 1935 г. в концепции П. Шильдера понятие образа тела рассматривается не только как представления о теле, его пропорциях и величине, но и как формирование целостного психического образа телесности в единстве своих компонентов. Образ тела включает элементы активного восприятия и представления о теле, а также социального опыта, т. е. культурных норм и высказываний значимых других [Каминская, Айламазян 2015: 45–46].

Другие представители психоаналитического направления связывают психические проявления личности, в том числе экспрессивное поведение и телесные выражения, со смыслами человеческих действий. Например, А. Адлер вводит понятие *стиль*

жизни, который формирует как ситуативные (поведенческие) смыслы на протяжении жизни человека, так и глобальные смыслы личности [Леонтьев 2007]. Свои поздние работы автор посвятил исследованию именно смысла жизни. Во многом сходные взгляды на проблематику смысла жизни наблюдаются у К. Г. Юнга. Автор глубинной психологии закладывает основания для анализа символов фантазий и снов как смысловых образований личности [Юнг 1997]. По мнению К. Г. Юнга, воображение человека уже с самого раннего детства облачает важные события жизни в символичные, мифологические и сказочные образы.

Юнгианские психологи (Э. Нойманн, М. Л. Фон Франц, Б. Ханна, Дж. Хиллман), а также культурологи (Г. Башляр, М. Элиаде) и социологи (Ж. Дюрбан) исследуют эти знаковые и смысловые формы в культуре, утверждая, что они играют важную роль и в онтогенезе личности, и в филогенезе всего человечества. М. Л. Фон Франц и Б. Ханна исследуют сказки, Э. Нойманн – символику сознания и бессознательного, М. Элиаде и Г. Башляр – символику природных явлений в различных культурах [Башляр 2004: 97–105; Нойманн 2015: 178; Хиллман 1997: 124–130].

На наш взгляд, примечателен интегрирующий подход к развитию символики тела в концепции Ж. Дюрбана, последователя К. Г. Юнга и Г. Башляра в антропологии [Дугин 2010: 83]. В работе «Антропологические структуры воображаемого» автор описывает формирование символических антропологических образов, реализуемых человеческим воображением, через проявления первичных физиологических рефлексов. В первую очередь это постуральный рефлекс, описанный В. М. Бехтеревым, пищевой рефлекс И. П. Павлова и копулятивный рефлекс У. М. Уфлянда. Обозначенные рефлексы, по теории А. А. Ухтомского, образуют ведущие антропологические доминанты человеческого организма [Там же: 92–95]. Интегральный механизм сенсорного восприятия, перцепции и последующего воображения перерабатывает соответствующие рефлексы в символичные значения. Так, постуральность обозначается символикой меча, скипетра, восхождения; пищевой рефлекс реализуется через символику объемных предметов (вазы, чаши сундуки); сексуальная доминанта – через символику ритма, танца. В символику облачаются также двигательные телесные доминанты. Ж. Дюрбан утверждает, что символика антропологического воображения экстериоризируется в виде знаковых или символических представлений в различных культурах и определяет взгляды на телесность в них.

Ранний телесный опыт, культурное и социальное взаимодействие в психоаналитических направлениях опосредуют взаимодействие личности со значимым окружением во взрослом возрасте и соответствуют неклассическим взглядам на телесные феномены.

С развитием гуманистических воззрений в психологии самоопределение личности рассматривается с позиции Я-концепции. По мнению К. Роджерса, это понятие включает совокупность всех представлений о себе, в том числе представлений о теле. Я-концепция является сложным понятием, образующим систему взаимоотношений явлений психической жизни отдельной личности [Роджерс 1994].

Основные элементы Я-концепции подразумевают, согласно Р. Бернсу, наличие у человека устойчивых знаний и установок в отношении себя (когнитивный компонент), оценочного отношения к этим установкам, которое выражается как в эмоциональном плане (эмоциональный компонент), так и в плане поведения (поведенческий компонент) [Бернс 1986: 210]. В соответствии с описанием феномена Я-концепции когнитивный компонент восприятия своего тела и его движений в структуре Я-концепции формируется первым и является базисом для дальнейшего развития и формирования образа телесного Я. Здесь стоит заметить, что, по мнению Р. Уайли, по мере изучения Я-концепции многие исследователи образа Я переходят от описаний восприятия компонентов тела к изучению многомерных психологических феноменов телесности личности в контексте социального и культурного взаимодействия [Файзрахманов и др. 2020: 317–318].

Так, С. Фишер и С. Кливеленд (1958) полагали, что телесность человека является посредником между Я-концепцией (психологическим ядром личности) и социальным окружением, внешним миром, что личность воспринимает свое тело в качестве «проекционного экрана», отражающего отношение со стороны значимых других. Восприятие этого отражения не осознается индивидом и характеризуется проницаемостью границ его образа тела. Это понятие, введенное С. Фишером, показывает, как человек воспринимает свою отграниченность от окружающей среды. При этом четкость и определенность границ образа тела характеризует психологически независимую личность, ориентированную во вне и способную к налаживанию социальных связей [Шутова и др. 2015: 170].

Другую позицию занимает Дж. Чаплин, который в 1974 г. ввел понятие *концепция тела* – продукт

познавательного процесса восприятия тела, характеризующийся набором признаков, определяющих отношение к своему телу [Шишковская 2009: 74].

В теории Д. Беннета под концепцией тела понимаются такие характеристики тела, которыми индивид его описывает, говорит о нем или рисует в изображении фигуры человека. Д. Беннет выделяет понятия обобществленной и индивидуальной концепции тела. Обобществленная концепция тела позволяет человеку обозначить признаки тела в символической форме, в описаниях тела, элементах рисунка. Индивидуальная концепция тела позволяет использовать эти символические описания для обозначения собственной телесности, вербально описать тело или изобразить его на рисунке. Кроме концепции тела исследователь выделяет понятие *восприятие тела*: чувственный образ, зрительная картина объекта [Шишковская 2009].

Наконец, в 1969 г. Ф. Шонц [Shontz 1969] описывает уровневую систему в восприятии телесности человека и выделяет феномены *схемы тела*, *телесного Я*, *телесного представления* и *собственно концепции тела* [Шишковская 2009: 72–74]. В понятие *схемы тела* Ф. Шонц закладывает фундаментальную основу перцептивного восприятия тела, его локализации и ориентации частей тела по отношению друг к другу. Схема тела – наиболее стабильное образование психики, которое мало подвергается изменению при воздействии научения. На следующем уровне телесных феноменов, уровне телесного Я, восприятие телесных сегментов дифференцируется из схемы тела и позволяет индивиду выделить границы тела, его заднюю и переднюю поверхность, верх и низ, а также закладывает первичное отношение к удовольствию и боли, испытываемым телом.

Следующий уровень восприятия телесности автор называет *телесной фантазией*, или телесным представлением. На данном уровне индивид фантазирует о своем теле, представляет его в виде символов или образов, таким образом обозначая свое отношение к собственному телу. На самом высоком уровне восприятия телесности полностью дифференцируется, позволяя определять телесные выражения в понятных человеку символах (например, речи и рисунке) и тем самым устанавливать для себя границы здоровья и патологии в форме рациональных суждений. Этот уровень и есть концепция тела человека. Нарушение восприятия телесности на каждом уровне способствует развитию поведенческих и личностных расстройств [Shontz 1969].

Дж. Лихтенберг и Г. Крюгер рассматривают понятие *телесное Я*, которое включает образ тела как одну из составляющих Я личности и основывается на динамическом равновесии между когнитивными представлениями и переживаниями человека, образованными в результате интериоризации различных телесных, поведенческих и других паттернов, сформированных в процессе индивидуального развития. Г. Крюгер показывает, что телесные образы человека в виде символических и смысловых представлений формируют психологические компоненты личности, которые включаются по мере развития в целостное Я личности. Ранние травматические отклонения психики зачастую не осознаются человеком и могут быть выражены в символической форме, они представляются также и в форме личностных смыслов [Krueger 2002].

Основные воззрения на образ телесного Я с позиции психоаналитического и гуманистического подходов:

1. Психоанализ: телесное Я как первичное ядро формирования личностных структур, которое в результате дифференциации и взаимодействия со значимыми другими реализуется в плане формирования личностных границ, контейнирования эмоций, эмоционального и символического отношения к телесным образам и паттернам поведения.

2. Гуманистическая психология и Я-концепция: образ тела представляет уровневое построение, включающее как первичные представления о схеме тела, так и сложные образы, связанные с символикой телесных компонентов, границами Я в норме и патологии, в том числе во взаимодействии с социальным и культурным окружением.

3. Телесное измерение в данных подходах рассматривается в соответствии с различными символическими и смысловыми значениями, проявляющимися на сознательном уровне как отражение бессознательных процессов, в том числе психотравмирующего характера. Смысловые измерения позволяют сформировать человеку отношение к телесным компонентам и в символической форме, и в форме рациональных суждений, а также использовать их в описаниях своей телесности в виде рисунков тела.

Можно заметить, что изучение телесных феноменов в рамках обозначенных подходов сближается в направлении исследования смысловых представлений человека об образе телесного Я в том, как личность описывает образы тела через рисунок, символические или вербальные выражения в рамках неклассического подхода в психологической науке.

Когнитивный и конструктивистский подходы

Основным отличием от неклассических взглядов для этих подходов как включенных в постнеклассическую рациональность является изучение психологических феноменов (сознания, телесности и др.) как сложноорганизованных структур, способных к переходу к новым состояниям с изменением иерархии элементов, а также наличием кольцевой причинности изменения этих структур. В рамках когнитивной психологии образ Я относится к кругу таких психологических феноменов и определяется как Я-схема [Найссер 1981]. Целостность глобальной Я-концепции отрицается, поскольку считается, что человек обладает множественными концепциями Я и процессами самоконтроля, которые могут изменяться в разные моменты времени от ситуации к ситуации и опосредовать друг друга. Понятие *образ Я* рассматривается как одна из форм множественной концепции Я (форм социальной ментальной репрезентации, Я-схемы) и способствует формированию постоянных и временных функциональных схем знаний о себе (Ж. Р. Ришар различает собственно знания и текущие репрезентации). Образ тела в таком случае исследуется как одна из Я-схем – когнитивных структур обобщения относительно своей телесности и прошлого эмоционального и двигательного опыта, которые направляют и упорядочивают процесс переработки информации, связанной с понятием Я [Татаурова 2012: 20–22]. Чем более схематичен с точки зрения когнитивного подхода сформированный образ тела, тем более устойчивы представления человека о своем теле.

Е. А. Сергиенко выделяет базовое ядро Я-схемы как интегрирующий компонент для элементов представления человека о Мире. Автор предполагает, что первым элементом, составляющим ядро Я-схемы, является представление о своем теле и физическом окружении. Далее интеграция представлений идет по линии социального окружения и взаимодействий со значимыми другими [Сергиенко 2005]. Эти первичные элементы восприятия о теле и социальных взаимоотношениях впоследствии включаются и дифференцируются в сложной системе вторичного представления о Мире, которое и образует ментальную репрезентацию, или Я-схему [Главатских, Реверчук 2022: 10–15].

Другим важным элементом в восприятии образа тела в данном подходе является понятие когнитивной обработки информации, которая включает наличие активирующих событий, связанных с восприятием образа, и когнитивно-поведенческих стратегий,

позволяющих индивиду либо избегать решения возникающих проблематик тела, либо решать их [Найссер 1981].

Т. Кэш в рамках когнитивного подхода предложил следующее понятие *образа тела*: многомерный психологический конструкт, состоящий из перцептивного и установочного компонентов. Перцептивный компонент показывает степень осознанности и точности в количественном измерении телесных пропорций, схемы тела. Установочный компонент включает когнитивный, аффективный и поведенческий аспекты самоотношения субъекта к своему телу. Это мысли, чувства и поведенческие паттерны личности [Cash 2012].

Впоследствии на основании подхода Т. Кэша было выработано понятие позитивного образа тела. При изучении данного феномена было доказано, что позитивное восприятие образа тела формируется не как уход от привычных деструктивных паттернов поведения и мышления, а как сложный процесс изменения восприятия своего тела. Процесс формирования позитивного образа тела связан с принятием компонентов тела, расширением культуральных взглядов личности на красоту тела, устойчивостью личности к негативным воздействиям со стороны социума и здоровья, осознанием сильных сторон своей личности [Мешкова 2021: 56–58; Swami et al. 2024; Tiggemann 2015]. Интересен подход Т. L. Tylka, в котором позитивный образ тела представлен как многомерный конструкт, подверженный изменению в течение жизни [Tylka 2018: 25–27]. Так, в исследованиях женщин разного возраста было доказано, что образ тела приобретает положительные характеристики при изменении отношения к своей внешности с критического на сострадательное, а также инвестировании во внешний вид – изменение имиджа, программы питания и движения. В настоящий момент изучается такой концепт, как нейтральный образ тела и его отличие от позитивного восприятия телесности [Wood-Barcalow et al. 2024].

Для когнитивного подхода характерно разделение психологических устоявшихся (ядро Я-схемы) и ситуативных факторов, влияющих на образ тела. Наличие Я-схем как конструктов сознания роднит когнитивный подход с идеями конструкционизма [Богданова 2016: 90–92]. Конструкционизм как миропонимание субъектом той психологической реальности, в которую он погружен, рассматривается многими исследователями в качестве идеи конструирования моделей реальности [Петренко 2012], что соответствует, по мнению В. А. Лекторского, постнеклассическому подходу в науке. Согласно методологическому принципу

гуманитарных наук и идеалу постнеклассической рациональности науки, выдвинутому В. С. Степиным, знания не содержатся непосредственно в объектах реальности и не извлекаются из них в процессе познания. Знания конструируются познающим субъектом в виде моделей, которые могут быть как альтернативны друг другу, так и взаимодополняемы. Конструкционизм не является концепцией одного автора, он представляет целое направление в парадигме постнеклассической науки, определяющейся как сетевая, уходящая от идеи монизма в постижении истины. В психологии конструкционизм базируется на идее активности познающего субъекта, являющейся неотъемлемой частью отечественной психологии, как и зарубежных концепций и подходов [Мусиец 2019: 95–98].

Философ Е. О. Труфанова различает концепции социального конструкционизма и психологического конструктивизма и рассматривает проблематику сознания и самосознания в связи с субъектностью и позицией Я личности [Труфанова 2017: 104–107]. Самосознание, или Я личности, по мнению Е. О. Труфановой, формируется как продукт социальных влияний, отношений и деятельности. Автор указывает, что в истории развития взглядов на проблему Я происходит усложнение представлений о Я, они становятся все более многоуровневыми и многогранными. Такая фрагментированность в восприятии Я создает основу для моделирования субъектом своих собственных психологических миров. В психологии же конструктом признаются психологические феномены сознания и самосознания. С позиции конструктивизма образы Я – это продукты деятельности самосознания, включающие осознаваемые и бессознательные компоненты [Никитина 2009]. При этом самосознание действует как активный агент, конструирующий образы Я в результате проживаемых событий и свободного выбора. Д. Канеман приводит в пример *Я интерпретирующее* как активный компонент самосознания, который конструирует версии прожитых событий в соответствии с потребностями и актуальными задачами личности [Петренко 2012].

С исследованием Я как системы опыта связана теория личностных конструктов Дж. Келли, оперирующая понятием конструкта как единицы опыта и способа толкования реальности, изобретенного человеком. Человеческий опыт, таким образом, формируется на основе системы личных конструктов. В более конкретном смысле под личными конструктами

понимается система бинарных оппозиций, используемых субъектом для категоризации себя и других людей. Содержание таких противопоставлений определяется представлениями самого испытуемого, его имплицитной теорией личности. Дж. Келли определяет свою теорию личностных конструктов как конструктивистский альтернативизм, что позволяет описать не само явление, а его феномены в круге самоосознания личности [Келли 2000].

В 1980–1990-х гг. появились методики психологической субъективной семантики и психосемантики, разработанные отечественными психологами Е. Ю. Артемьевой, В. Ф. Петренко, А. Г. Шмелевым, В. П. Серкиным и др., позволяющие моделировать структуры субъективного опыта личности, находить взаимосвязи между категориями психических феноменов в языковой терминологии [Петренко 2005]. Важно отметить, что А. Г. Шмелев описал данные структуры субъективного опыта личности как семантическое пространство личности, как пространственно-координатную модель индивидуальной или групповой системы представлений. Семантическое пространство обладает свойством многослойности. А. Г. Шмелев выделил глубинный уровень психики, описываемый семантическим пространством, включающий эмоционально-перцептивные элементы психики, и поверхностный уровень, включающий социально-нормативные универсалии сознания [Шмелев 1983].

Е. Ю. Артемьева при разработке проблематики структурирования субъективной реальности пришла к выводу, что это структурирование осуществляется через опыт человека и придаваемый ему смысл, вербализованный в семантике личности. Системы смыслов Е. Ю. Артемьева и представляет как субъективные семантики [Артемьева 2007]. Применительно к исследованию образа физического Я методами психосемантики наиболее часто используют методики изображения слов, ситуаций, состояний и построения субъективных шкалированных пространств (субъективного шкалирования).

Любопытен подход социолога Р. Харре, отрицающего существование Я вне языковой культуры, поэтому феномены сознания, по мнению исследователя, должны изучаться с помощью лингвистических и языковых методов. Автор, являясь умеренным конструкционистом, предлагает описывать сознание человека на разных уровнях грамматики. В рамках предложенного подхода Р. Харре выделяет М-, О- и П-грамматики. М-грамматика описывает

человека на уровне отдельных веществ, гуморальных регуляций, например гормонов; О-грамматика – на уровне простейших двигательных актов (неосознаваемые движения животных и детей), которые целесообразны, но не осмыслены; П-грамматика – на уровне сознательных действий, в том числе сложных поведенческих актов и рациональных рассуждений. Исследователь утверждает, что все эти грамматики могут как дополнять, так и противоречить друг другу. Данный подход объединяет дискурсивные методы изучения феноменов Я в контексте человекознания [Харре 2005].

Современные авторы показывают, как конструируется концепция телесности человека на различных уровнях осмысления [Макаров, Торопова 2016: 17–20; Поляков 2017]. На уровне конструирования организменного бытия человек рассматривает тело как личностные характеристики формы и частей тела, атрибутов внешнего облика, пищевого поведения. Эти характеристики подвержены социальным влияниям, но в большей степени они зависят от повседневного опыта человека в проживании телесности и его знаний о физиологических характеристиках работы тела. На социальном уровне тело воспринимается как способ коммуникации с другими людьми по принятым в обществе правилам. На данном уровне конструируются также гендерные репрезентации личности. Культурный уровень телесности предполагает, что человек усваивает нормы культуры, в которой он живет и развивается (этническая, национальная субкультуры, субкультуры внутри социума). На данном уровне конструирование телесности строится в соответствии со смыслами, которыми оперирует культура [Мусиц 2019: 97–98].

С 1970-х гг. в научных периодических изданиях активно осящались проблемы, очерченные областью *Women's study* [Coynper 1999] – областью научных исследований, связанной с изучением проявлений телесности у женщин в контексте удовлетворенности образами тела, внешнего облика и поведения [Bellard et al. 2022: 110]. Телесные феномены в данной области анализировались как психологические конструкты, формирующиеся у женщин разных возрастов под воздействием социальных стандартов и норм, в том числе в социальных сетях, отношения к внешности, детско-родительских отношений, половых и гендерных различий [Evens et al. 2021].

Предлагаем выделить общность взглядов когнитивного и конструктивистского подходов. Относительно содержания образа тела эти взгляды включают:

1. Психологические конструкты телесности, как и ментальные репрезентации (Я-схемы), формируются на основании перцептивных элементов психики (в первую очередь, восприятия собственных эмоциональных и поведенческих паттернов относительно телесных компонентов), более поверхностные слои включают социально-нормативные (ситуативные) и смысловые элементы самосознания.

2. На субъективном уровне конструкты сознания определяются с помощью лингвистических, семантических выражений и не существуют в отрыве от языка сознания (субъективные семантики). Значения субъективных семантик являются значениями и смыслами отдельной личности.

3. Образы тела как психологические конструкты не образуют иерархию самосознания личности (существование глобальной Я-концепции отрицается). Психологические конструкты, описывающие телесные феномены и их смысловое наполнение на уровне организма, социума и культуры, являются равнозначными психологическими образованиями.

Авторские концепции в данных подходах описывают образ физического Я с позиции эмоциональных и поведенческих паттернов, имеющих и глубинное, и ситуативное измерение. С точки зрения постнеклассического подхода в науке существует кольцевая причинность, опосредующая развитие телесных психологических конструктов, которые рассматриваются на языке субъективных семантик отдельной личности. При этом компонентам удержания позы, симметрии тела, его пропорциональности (компонентам схемы тела) в данных подходах уделяется меньшее внимание, что может быть недостатком данных концепций. На уровнях социальных отношений и культуры телесные воззрения также образуют конструкты, формирующиеся на каждом уровне отдельно, но при этом влияют как друг на друга, так и на личностные конструкты индивида без образования единого иерархического концепта телесности.

Заключение

Классический аспект в научных воззрениях на телесные феномены проявлен через понятие *схема тела*, понимаемое как объективный компонент телесного измерения, параметры которого не зависят от субъективных оценок личности. На переходе к неклассическим воззрениям в науке появляются подходы, в которых понятия образа тела, концепции тела и образа физического Я представляются видовыми по отношению к понятию образа Я

продуктами самосознания и Я-концепции и включают как объективные представления личности о теле и его функциях, так и интериоризированные социальные и личностные смыслы. При этом физические феномены телесности опосредуют восприятие психологических феноменов, к которым, в свою очередь, добавляются также социальные нормы, правила и культуральные взгляды. В соответствии с постнеклассическим идеалом рациональности феномены тела являются когнитивными конструктами, представленными разнородными элементами, описывающими представления человека о телесности на уровнях организма, социума и культуры без включения их в единую концепцию самосознания.

Основные компоненты в описании феноменов телесности, представляющие интерес в практическом применении:

1. Первичные перцептивные компоненты телесности имеют схожее содержание во всех вышеозначенных подходах. Так, культурно-деятельностный подход рассматривает в качестве первичных перцептивных компонентов телесности элементы схемы тела; представители психоаналитического и гуманистического направлений также выделяют данный компонент как первичный. Последователи когнитивного и конструктивистского подходов выделяют в качестве первичных компонентов ранние эмоциональные и поведенческие паттерны личности, связанные с телесными феноменами.

2. Вторичными компонентами в различных психологических подходах являются содержательные характеристики телесности, связанные с личностными оценками внешнего облика тела, его оформления, оценками телесности от значимых других, с нормами культуры и социальных ролей в отношении телесности. Данные компоненты также включают формирование восприятия психологических границ тела. Эти компоненты, как правило, менее укоренены в психике и определяют ситуативное восприятие образа тела личностью.

3. Символьное и смысловое наполнение образов телесности представлено во всех вышеописанных подходах, однако имеет различное трактование. Так, представители культурно-деятельностного подхода рассматривают смысловые образования личности, связанные с телесными феноменами в качестве элемента структуры сознания и самосознания; психоаналитическое и гуманистическое направления относят смысловые компоненты телесности к когнитивному компоненту Я-концепции; когнитивный

и конструктивистский подходы отрицают наличие глобальной Я-концепции и описывают смыслы, связанные с телесными феноменами, в качестве Я-схем и конструктов, определяющих возможность для свободного выбора личности.

Существуют как достоинства, так и недостатки в описании образа физического Я во всех выше-названных направлениях, однако, на наш взгляд, теоретические основания культурно-деятельностного подхода являются наиболее перспективными для дальнейшего изучения связи телесных компонентов со смысловым наполнением самосознания. Образ физического Я личности в данном подходе и является содержательным продуктом, и имеет опосредованную связь с рефлексивным слоем самосознания, организующим смысловую сферу личности и ее направленность.

В последнее десятилетие широко развиваются практические терапевтические направления в психологии:

телесная и песочная терапия; осознанные направления фитнеса (йога, метод Фельденкрайза, пилатес и др.), которые используют аффилиции к смыслообразующей сфере личности в связи с работой с опосредованными компонентами телесности в практической деятельности. Область исследований феноменов телесности в данных направлениях остается малоизученной и требует дальнейшей научной разработки, чему могут способствовать как теоретические, так и экспериментальные исследования образа физического Я со стороны культурно-деятельностного подхода.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The author declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

- Асмолов А. Г. Психология личности: культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл, 2007. 528 с. [Asmolov A. G. *Personality psychology: Cultural and historical understanding of human development*. 3rd ed. Moscow: Smysl, 2007, 528. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxqimt>
- Асмолов А. Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. 2-е изд. М.: Смысл, 2001. 416 с. [Asmolov A. G. *Personality psychology: Principles of general psychological analysis*. 2nd ed. Moscow: Smysl, 2001, 416. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cwvhir>
- Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. 2-е изд. М.: ЛКИ, 2007. 350 с. [Artemieva E. Yu. *Psychology of subjective semantics*. 2nd ed. Moscow: LKI, 2007, 350. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxrrfv>
- Башляр Г. Избранное: поэтика пространства. М.: РОССПЭН, 2004. 376 с. [Bachelard G. *The poetics of space*. Moscow: ROSSPEN, 2004, 376. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qwgjct>
- Белова И. М., Парфенов Ю. А., Сологуб Д. В., Нехвядович Э. А. Структурные и динамические характеристики компонентов самосознания: системный подход. *Фундаментальные исследования*. 2014. № 3-3. С. 620–628. [Belova I. M., Parfenov Yu. A., Sologub D. V., Nekhvyadovich E. A. Structural and dynamic characteristics of the components of consciousness: A systematic approach. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2014, (3-3): 620–628. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzmczx>
- Бернс Р. Развитие Я-концепции и воспитание. М.: Прогресс, 1986. 420 с. [Burns R. *Self-concept development and education*. Moscow: Progress, 1986, 420. (In Russ.)]
- Бернштейн Н. А. Физиология движений и активность. М.: Наука, 1990. 494 с. [Bernstein N. A. *Physiology of movements and activity*. Moscow: Nauka, 1990, 494. (In Russ.)]
- Бехтерев В. М. Общие основы рефлексологии человека. М.: Гиз, 1928. 544 с. [Bekhterev V. M. *General principles of human reflexology*. Moscow: Giz, 1928, 544. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zfzwnj>
- Богданова В. О. Образ «Я». Конструктивистский подход. *Философская мысль*. 2016. № 4. С. 89–100. [Bogdanova V. O. The image of "I". Constructivist approach. *Philosophical Thought*, 2016, (4): 89–100. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2409-8728.2016.4.18336>
- Буташиной А. Д., Иванова Е. М. Психологическая структура телесности. *Культурно-историческая психология*. 2024. Т. 20. № 2. С. 32–39. [Butashina A. D., Ivanova E. M. The psychological structure of corporeality. *Cultural-Historical Psychology*, 2024. 20(2): 32–39. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/chp.2024200204>

- Выготский Л. С. История развития высших психических функций. М.: Юрайт, 2024. 336 с. [Vygotsky L. S. *The history of the development of higher mental functions*. Moscow: Iurait, 2024, 336. (In Russ.)]
- Гайденоко П. П. История новоевропейской философии в ее связи с наукой. СПб.: Пер сз, 2000. 456 с. [Gaidenko P. P. *History of New European philosophy in its connection with science*. St. Petersburg: Per Se, 2000, 456. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sjpger>
- Главатских М. М., Реверчук И. В. Социокогнитивный подход в психологических исследованиях: результаты, проблемы, перспективы. Калининград: БФУ им. И. Канта, 2022. 247 с. [Glavatskikh M. M., Reverchuk I. V. *Sociocognitive approach in psychological research: Results, problems, and prospects*. Kaliningrad: IKBFU, 2022, 247. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tralbe>
- Гурфинкель В. С., Левик Ю. С. Система внутреннего представления и управления движениями. *Вестник Российской академии наук*. 1995. № 1. С. 29–37. [Gurfinkel V. S., Levik Yu. S. The system of internal representation and motion control. *Vestnik Rossijskoj Akademii Nauk*, 1995, (1): 29–37. (In Russ.)]
- Дугин А. Г. Социология воображения (введение в структурную социологию). М.: Трикста, 2010. 564 с. [Dugin A. G. *Sociology of imagination: An introduction to structural sociology*. Moscow: Triksta, 2010, 564. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qoltld>
- Завалова Н. Д., Пономоренко В. А. Структура и содержание психического образа как механизма внутренней регуляции предметных действий. *Психологический журнал*. 1980. Т. 1. № 2. С. 37–51. [Zavalova N. D., Ponomarenko V. A. The structure and content of the mental image as a mechanism of internal regulation of subject actions. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 1980, 1(2): 37–51. (In Russ.)]
- Зинченко В. П. Миры сознания и структура сознания. *Вопросы психологии*. 1991. № 2. С. 15–37. [Zinchenko V. P. Worlds of consciousness and the structure of consciousness. *Voprosy Psihhologii*, 1991, (2): 15–37. (In Russ.)]
- Зинченко Ю. П., Первичко Е. И. Постнеклассическая методология в клинической психологии: научная школа Л. С. Выготского – А. Р. Лурия. *Национальный психологический журнал*. 2012. № 2. С. 32–45. [Zinchenko Yu. P., Pervichko E. I. Postnonclassical methodology in clinical psychology: Vygotsky-Luria school. *National Psychological Journal*, 2012, 2(8): 32–45. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sbpfsr>
- Зуев В. В. Представления о научной реальности и особенности перехода от классической науки к неклассической. *Философский журнал*. 2016. Т. 9. № 3. С. 25–40. [Zuev V. V. The notion of scientific reality and the character of transition from classical to nonclassical science. *Philosophskii zhurnal*, 2016, 9(3): 25–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2016-9-3-25-40>
- Ипполитова Е. А., Ральникова И. А. Психология личности. Барнаул: АлтГУ, 2016. 100 с. [Ippolitova E. A., Ralnikova I. A. *Psychology of personality*. Barnaul: ASU, 2016, 100. (In Russ.)]
- Каминская Н. А., Айламазян А. М. Исследования образа физического «Я» в различных психологических школах. *Национальный психологический журнал*. 2015. № 3. С. 45–55. [Kaminskaya N. A., Ailamazyan A. M. Studies of the body image in various psychological approaches. *National Psychological Journal*, 2015, (3): 45–55. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xabvnl>
- Келли Дж. Теория личности. Психология личных конструктов. СПб.: Речь, 2000. 249 с. [Kelly G. A *theory of personality. The psychology of personal constructs*. St. Petersburg: Rech, 2000, 249. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ruuzar>
- Лабунская В. А., Сериков Г. В. Теоретические основы и методические подходы к изучению феномена «ценность внешнего облика». *Социальная психология и общество*. 2018. Т. 9. № 3. С. 91–103. [Labunskaya V. A., Serikov G. V. Theoretical foundations and methodological approaches to the study of the phenomenon of the "value of appearance". *Social Psychology and Society*, 2018, 9(3): 91–103. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/sps.2018090310>
- Лебедев С. А. Постнеклассическая эпистемология: сущность и основные принципы. *Журнал философских исследований*. 2020. Т. 6. № 1. С. 13–18. [Lebedev S. A. Post-nonclassical epistemology: Essence and basic principles. *Zhurnal filosofskikh issledovaniy*, 2020, 6(1): 13–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/dkaouh>
- Левик Ю. С. Нейробиология системы внутреннего представления собственного тела: введение в проблему и прикладные аспекты. *Современная зарубежная психология*. 2012. Т. 1. № 2. С. 97–110. [Levik Yu. S. Neurobiology of the system of internal representation of own body: Introduction to the problem and applied aspects. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2012, 1(2): 97–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcsmxj>

- Лекторский В. А. В. С. Стёпин и идея исторических типов рациональности. *Третьи Степинские чтения. Перспективы философии науки в современную эпоху*: Междунар. конф. (Москва, 20–21 июня 2023 г.) Курск: Унив. кн., 2023. С. 32–41. [Lektorsky V. A. V. S. Stepin and the idea of historical types of scientific rationality. *Stepin's Readings III. Perspectives of the Philosophy of Science in the Modern era*: Proc. Intern. Conf., Moscow, 20–21 Jun 2023. Kursk: Univ. kn., 2023, 32–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gdpsgt>
- Лекторский В. А., Труфанова Е. О. Конструктивизм в эпистемологии и науках о человеке. *Человек*. 2019. Т. 30. № 1. С. 102–124. [Lektorsky V. A., Trufanova E. O. Constructivism in epistemology and human sciences. *Chelovek*, 2019, 30(1): 102–124. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31857/S023620070003025-4>
- Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. 304 с. [Leontiev A. N. *Activity. Consciousness. Personality*. Moscow: Politizdat, 1975, 304. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zjuelz>
- Леонтьев Д. А. Неклассический вектор в современной психологии. *Постнеклассическая психология: социальный конструкционизм и нарративный подход*. 2005. № 1. С. 51–71. [Leontiev D. A. The non-classical vector in modern psychology. *Postneklassicheskaya psikhologiya: sotsialnyi konstruksionizm i narrativnyi podkhod*, 2005, (1): 51–71. (In Russ.)]
- Леонтьев Д. А. Психология смысла: природа, строение и динамика смысловой реальности. 3-е изд., доп. М.: Смысл, 2007. 510 с. [Leontiev D. A. *Psychology of meaning: Nature, structure, and dynamics of semantic reality*. Moscow: Smysl, 2007, 510. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxquuj>
- Лисина М. И. Общение, личность и психика ребенка. М.: Прогресс, 1997. 316 с. [Lisina M. I. *Communication, personality, and psyche of child*. Moscow: Progress, 1997, 316. (In Russ.)]
- Лоуэн А. Терапия, которая работает с телом: Биоэнергетика. М.: Речь, 2000. 272 с. [Lowen A. *Therapy that works with the body: Bioenergetics*. Moscow: Rech, 2000, 272. (In Russ.)]
- Макаров А. И., Торопова А. А. Отчужденные тела: трактовка концепта телесности в постмодернизме. *Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7: Философия. Социология и социальные технологии*. 2016. № 4. С. 16–26. [Makarov A. I., Toropova A. A. Aloof bodies: Interpretation of the concept of the corporality in the postmodernism. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii 7: Filosofiia. Sotsiologiia i sotsialnye tekhnologii*, 2016, (4): 16–26. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.2>
- Меджидова Н. Телесно-ориентированный подход в философской антропологии. *Metafizika*. 2021. Т. 14. № 15-3. С. 7–18. [Medzhidova N. The body-oriented approach in philosophical anthropology. *Metafizika*, 2021, 14(15-3): 7–18. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yoewtd>
- Мерлин В. С. Структура личности: характер, способности, самосознание. Пермь: ПГГПУ, 1990. 110 с. [Merlin V. C. *Personality structure: Character, abilities, and self-awareness*. Perm: PSHPU, 1990, 110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rzyupn>
- Мешкова Т. А. Концепция позитивного образа тела в современной зарубежной психологии. *Современная зарубежная психология*. 2021. Т. 10. № 2. С. 55–69. [Meshkova T. A. The concept of a positive body image in modern foreign psychology. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya*, 2021, 10(2): 55–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100206>
- Мусиц П. В. К вопросу о субъект-ориентированном подходе к конструированию социальной реальности. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки*. 2019. № 4. С. 95–103. [Musiets P. V. To the issues of the subject-oriented approach to social reality construction. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serii: Filosofskie nauki*, 2019, (4): 95–103. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/cxcswv>
- Найссер У. Познание и реальность: Смысл и принципы когнитивной психологии. М.: Прогресс, 1981. 230 с. [Neisser U. *Cognition and reality: Principles and implications of cognitive psychology*. Moscow: Progress, 1981, 230. (In Russ.)]
- Немцева А. В. К вопросу о роли телесности в формировании самосознания личности. *Современный ученый*. 2017. № 6. С. 295–298. [Nemtseva A. V. On the role of corporality in the formation of individual consciousness. *Sovremennyyi uchenyi*, 2017, (6): 295–298. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zwqrrr>
- Никитина Е. А. В поисках утраченного единства сознания: исчезло ли «Я»? *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2009. № 5. С. 31–44. [Nikitina E. A. In search of the lost unity of consciousness: Has "the self" disappeared? *Lomonosov Philosophy Journal*, 2009, (5): 31–44. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kyqilp>

- Николаева В. В., Арина Г. А., Леонова В. М. Взгляд на психосоматическое развитие ребенка сквозь призму концепции П. Я. Гальперина. *Культурно-историческая психология*. 2012. № 4. С. 67–72. [Nikolaeva V. V., Arina A. G., Leonova V. M. Looking at psychosomatic development of child through the lens of Galperin's theory. *Cultural-Historical Psychology*, 2012, (4): 67–72. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pzstlv>
- Нойманн Э. Человек и миф. М.: Клуб Касталия, 2015. Т. 1. 278 с. [Neumann E. *Man and myth*. Moscow: Klub Kastaliia, 2015, vol. 1, 278. (In Russ.)]
- Павлов И. П. Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей деятельности (поведения) животных. 10-е изд. М.: Наука, 1973. 660 с. [Pavlov I. P. *Twenty-year experience of objective study of higher activity (behavior) of animals*. 10th ed. Moscow: Nauka, 1973, 660. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ztovhx>
- Панферов В. Н., Безгодова С. А. Методология интегрального синтеза в психологической науке. *Психологический журнал*. 2015. Т. 36. № 1. С. 20–33. [Panferov V. N., Bezgodova S. A. The methodology of integral synthesis in psychological science. *Psikhologicheskii Zhurnal*, 2015, 36(1): 20–33. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tluhzh>
- Петренко В. Ф. Основы психосемантики. 2-е изд. СПб.: Питер, 2005. 480 с. [Petrenko V. F. *Fundamentals of psychosemantics*. 2nd ed. St. Petersburg: Piter, 2005, 480. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qxmdqt>
- Петренко В. Ф. Парадигма конструктивизма в гуманитарных науках. *Развитие личности*. 2012. № 2. С. 88–98. [Petrenko V. F. The paradigm of constructivism in the humanities. *Razvitie lichnosti*, 2012, (2): 88–98. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qluqfl>
- Поликанова И. С. Схема тела и система внутреннего представления движений человека. *Теоретическая и экспериментальная психология*. 2024. Т. 17. № 1. С. 26–49. [Polikanova I. S. Body schema and the system of mental representation of human movements. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya*, 2024, 17(1): 26–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.11621/TEP-24-02>
- Поляков С. Э. Концепты и другие конструкции сознания. СПб.: Питер, 2017. 624 с. [Polyakov S. E. *Concepts and other constructions of consciousness*. St. Petersburg: Piter, 2017, 624. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smenlv>
- Райх В. Функция оргазма: основные сексуально-экономические проблемы биологической энергии. СПб.: Унив. кн., 1997. 367 с. [Reich W. *The function of the orgasm: Sex-economic problems of biological energy*. St. Petersburg: Univ. kn., 1997, 367. (In Russ.)]
- Роджерс К. Р. Становление человека. Взгляд на психотерапию. М.: Высш. шк., 1994. 153 с. [Rogers C. R. *On Becoming a Person: A therapist's view of psychotherapy*. Moscow: Vyssh. shk., 1994, 153. (In Russ.)]
- Сергиенко Е. А. Революция в когнитивной психологии развития. *Российский психологический журнал*. 2005. Т. 2. № 2. С. 44–60. [Sergienko E. A. Revolution in the cognitive psychology of development. *Russian Psychological Journal*, 2005, 2(2): 44–60. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nxrtnf>
- Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М.: Госполитиздат, 1947. 648 с. [Sechenov I. M. *Selected philosophical and psychological works*. Moscow: Gospolitizdat, 1947, 648. (In Russ.)]
- Соколова Е. Т., Дорожевец А. Н. Исследования «образа тела» в зарубежной психологии. *Вестник Московского университета. Серия 14. Психология*. 1985. № 4. С. 39–49. [Sokolova E. T., Dorozhevets A. N. Physical self-images in foreign psychology. *Lomonosov Psychology Journal*, 1985, (4): 39–49. (In Russ.)]
- Степин В. С. Саморазвивающиеся системы и постнеклассическая рациональность. *Вопросы философии*. 2003. № 8. С. 5–17. [Stepin V. S. Self developing systems and post-non-classical rationality. *Voprosy Filosofii*, 2003, (8): 5–17. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ooauxx>
- Столин В. В. Самосознание личности. М.: Просвещение, 1983. 288 с. [Stolin V. V. *Self-consciousness of personality*. Moscow: Prosveshchenie, 1983, 288. (In Russ.)]
- Стюарт Я., Джойнс В. Современный транзактный анализ. СПб.: Метанойя, 2019. 444 с. [Stewart I., Joines V. *TA today: A new introduction to transactional analysis*. St. Petersburg: Metanoiia, 2019, 444. (In Russ.)]
- Татаурова С. С. Сравнительное кросс-культуральное исследование образа тела как когнитивной структуры самосознания. *Вестник ЮУрГУ. Серия: Психология*. 2012. № 31. С. 18–24. [Tataurova S. S. A comparative cross-cultural study of body image as a cognitive structure of consciousness. *Vestnik YuUrGU. Seria: Psikhologiya*, 2012, (31): 18–24. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pcyoft>
- Труфанова Е. О. Я как реальность и как конструкция. *Вопросы философии*. 2017. № 8. С. 100–112. [Trufanova E. O. The self as reality and as construction. *Voprosy Filosofii*, 2017, (8): 100–112. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zcdmfh>

- Тхостов А. Ш., Лукин А. В. Феномен телесности в контексте современного научного знания: обзор литературы. *Психические расстройства в общей медицине*. 2015. № 1. С. 34–39. [Thostov A. Sh., Lukin A. V. The phenomenon of corporeity in the context of modern scientific knowledge. *Psikhicheskie rasstroistva v obshchei meditsine*, 2015, (1): 34–39. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ugutut>
- Файзрахманов И. И., Халилুলлин Ф. Ф., Гайнуллин Д. Е. Формирование Я-концепции как условие развития самосознания личности. *Проблемы современного педагогического образования*. 2020. № 68-4. С. 316–320. [Fayzrakhmanov I. I., Khalilullin F. F., Gainullin D. E. Formation of self-concepts as a condition for development of self-consciousness of personality. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2020, (68-4): 316–320. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ueljns>
- Фаустова А. Г. Соотношение категорий «образ тела» и «концепция тела» в трудах зарубежных ученых. *Личность в меняющемся мире: здоровье, адаптация, развитие*. 2018. Т. 6. № 3. С. 520–532. [Faustova A. G. Relation between the categories of "body image" and "body concept" in the reports of foreign scientists. *Personality in a Changing World: Health, Adaptation, Development*, 2018, 6(3): 520–532. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yatkmp>
- Фенихель О. Психоаналитическая теория неврозов. М.: Акад. Проект, 2013. 624 с. [Fenichel O. *The psychoanalytic theory of neurosis*. Moscow: Akad. Proekt, 2013, 624. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vrsgij>
- Фрейд З. Я и Оно. М.: Эксмо-Пресс, 1998. 1037 с. [Freud Z. *The Ego and the Id*. Moscow: Eksmo-Press, 1998, 1037. (In Russ.)]
- Фромм Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1995. 239 с. [Fromm E. *The human situation*. Moscow: Smysl, 1995, 239. (In Russ.)]
- Харре Р. Гибридная психология: союз дискурс-анализа с нейронаукой. *Эпистемология и философия науки*. 2005. Т. 6. № 4. С. 38–63. [Harré R. Hybrid psychology: The marriage of discourse analysis with neuroscience. *Epistemology and Philosophy of Science*, 2005, 6(4): 38–63. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ncofvj>
- Хиллман Дж. Аналитическая психология. М.: АСТ, 1997. 371 с. [Hillman J. *Analytical psychology*. Moscow: AST, 1997, 371. (In Russ.)]
- Хорни К. Наши внутренние конфликты. Конструктивная теория невроза. СПб.: Питер, 2021. 257 с. [Horney K. *Our inner conflicts; a constructive theory of neurosis*. St. Petersburg: Piter, 2021, 257. (In Russ.)]
- Хуторная М. Л. Исследование методологического значения культурно-исторической теории Л. С. Выготского. *Современные проблемы гуманитарных и общественных наук*. 2021. № 3. С. 109–116. [Hutornaya M. L. The research of methodological significance of L. S. Vygotsky cultural-historical theory. *Sovremennnye problemy gumanitarnykh i obshchestvennykh nauk*, 2021, (3): 109–116. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/czeozh>
- Черепанова Е. В. Психологические факторы развития самосознания личности и условия их реализации: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Красноярск, 2004. 23 с. [Cherepanova E. V. *Psychological factors in the development of self-awareness of the individual and conditions for their implementation*. Cand. Psychol. Sci. Diss. Abstr. Krasnoyarsk, 2004, 23. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nhvuzd>
- Чернышова О. И., Лужбина Н. А. Ведущий уровень двигательной активности женщин, занимающихся «мягкими техниками» фитнеса. *Труды молодых ученых Алтайского государственного университета*. 2022. № 19. С. 194–197. [Chernyshova O. I., Luzhbina N. A. The leading level of motor activity of women engaged in soft fitness. *Trudy molodykh uchenykh Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2022, (19): 194–197. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rxnqbh>
- Чеснокова И. И. Проблема самосознания в психологии. М.: Наука, 1977. 143 с. [Chesnokova I. I. *The problem of self-consciousness in psychology*. Moscow: Nauka, 1977, 143. (In Russ.)]
- Шатова Н. Д. Генезис понятия «рефлекс»: от реактивности Р. Декарта к условному рефлексу И. П. Павлова. *Вестник алтайской науки*. 2014. № 4. С. 364–370. [Shatova N. D. The genesis of the concept of "reflex": From the reactivity of R. Descartes, to conditional reflex I. P. Pavlov. *Vestnik altaiskoi nauki*, 2014, (4): 364–370. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tghysf>
- Шишковская А. В. Теоретические представления об образе физического Я в психологии. *Северо-Кавказский психологический вестник*. 2009. Т. 7. № 3. С. 71–78. [Shishkovskaya A. V. Theoretical conceptions of body image in psychology. *Severo-Kavkazskii psikhologicheskii vestnik*, 2009, (3): 71–78. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rcqgij>

- Шмелев А. Г. Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности. М.: МГУ, 1983. 157 с. [Shmelev A. G. *Introduction to experimental psychosemantics: Theoretical and methodological foundations and psychodiagnostic possibilities*. Moscow: MSU, 1983, 157. (In Russ.)]
- Шутова Н. В., Суворова О. В., Куасси А. П. Влияние физического образа «Я» на самоотношение формирующейся личности. *Современные наукоемкие технологии*. 2015. № 12-1. С. 169–174. [Shutova N. V., Suvorova O. V., Kouassi A. P. The impact of the physical image of "I" to the self-developing personality. *Modern High Technologies*, 2015, (12-1): 169–174. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vdwnmx>
- Юнг К. Г. Трансцендентная функция: Сознание и бессознательное. СПб.: Унив. кн., 1997. 313 с. [Jung C. G. *Transcendental function: Consciousness and the unconscious*. St. Petersburg: Univ. kn., 1997, 313. (In Russ.)]
- Bellard A., Urgesi C., Cazzato V. Self-body recognition and attitudes towards body image in younger and older women. *Archives of Women's Mental Health*, 2022, 25(1): 107–119. <https://doi.org/10.1007/s00737-021-01164-x>
- Cash T. F. Cognitive-behavioral perspectives on body image. *Encyclopedia of Body Image and Human Appearance*, ed. T. F. Cash. London-San Diego, CA: Academic Press, 2012, 334–342. <https://doi.org/10.1016/B978-0-12-384925-0.00054-7>
- Coyner S. Women's Studies. *NWSA Journal*, 1999, 3(3): 349–354.
- Evens O., Stutterheimb S. E., Alleva J. M. Protective filtering: A qualitative study on the cognitive strategies young women use to promote positive body image in the face of beauty-ideal imagery on Instagram¹. *Body Image*, 2021, 39: 40–52. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2021.06.002>
- Krueger D. W. *Integrating body self and psychological self: Creating a new story in psychoanalysis and psychotherapy*. 2nd ed. NY: Routledge, 2002, 284.
- Shontz F. C. *Perceptual and cognitive aspects of body experience*. NY: Academic Press, 1969, 250.
- Swami V., Voracek M., Todd J., Furnham A., Horne G., Tran U. S. Positive self-beliefs mediate the association between body appreciation and positive mental health. *Body Image*, 2024, 48. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2024.101685>
- Tiggemann M. Considerations of positive body image across various social identities and special populations. *Body Image*, 2015, 14: 168–176. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2015.03.002>
- Tylka T. L. Overview of the field of positive body image. *Body positive: Understanding and Improving Body Image in Science and Practice*, eds. Daniels E. A., Gillen M. M., Markey C. H. Cambridge: Cambridge University Press, 2018, 6–33. <https://doi.org/10.1017/9781108297653.002>
- Wood-Barcalow N. L., Alleva J. M., Tylka T. L. Revisiting positive body image to demonstrate how body neutrality is not new. *Body Image*, 2024, 50. <https://doi.org/10.1016/j.bodyim.2024.101741>

¹ Компания *Meta Platforms*, владеющая социальными сетями *Facebook* и *Instagram*, признана экстремистской организацией, ее деятельность запрещена на территории РФ. *Meta Platforms, the parent company of Facebook and Instagram, is banned in the Russian Federation as an extremist organization.*

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/ejwnqo>

Основные направления деятельности психологической службы в системе высшего образования: актуальное состояние и перспективы развития

Гани Светлана Вячеславовна

Российская академия образования, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5582-5056

<https://orcid.org/0000-0003-1689-7548>

sgani@mail.ru

Брель Елена Юрьевна

Российская академия образования, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 1306-8390

<https://orcid.org/0000-0002-7737-8058>

Хайрова Зульфия Рафиковна

Российская академия образования, Россия, Москва

Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н. И. Пирогова, Россия, Москва

eLibrary Author SPIN: 5360-2495

<https://orcid.org/0000-0002-5367-2156>

Scopus Author ID: 57219895600

Аннотация: Актуальность тематики деятельности психологических служб в системе высшего образования обусловлена необходимостью непрерывного совершенствования методов и форм работы психологической службы с учетом современных требований системы высшего образования с целью сохранения психологического здоровья и благополучия всех участников образовательных отношений. Представлены результаты двух мониторинговых исследований состояния психологического сопровождения обучающихся в системе высшего образования, проведенных в 2022–2023 и 2023–2024 учебных годах. Цель – изучить динамику развития основных направлений психологического сопровождения, реализуемых психологическими службами вузов – участников пилотной апробации модели психологической службы в системе высшего образования Российской Федерации. Описаны основные направления научно-методического обеспечения развития психологической службы вуза, реализуемые Федеральным ресурсным центром психологической службы в системе высшего образования, рассмотрены ключевые трудности при осуществлении каждого направления деятельности психологической службы. Сделаны выводы о развитии таких направлений деятельности, как психологическое просвещение, психологическая диагностика, системы экстренной и кризисной психологической помощи. Несмотря на очевидно положительную динамику, отмечены слабо развитое просветительское направление деятельности в части работы с родителями (законными представителями) обучающихся, а также недостаточная представленность групповой формы консультирования в практике специалистов психологической службы университета.

Ключевые слова: высшее образование, психологическая служба, направления деятельности, научно-методическое обеспечение, психологическое здоровье, студенты

Цитирование: Гани С. В., Брель Е. Ю., Хайрова З. Р. Основные направления деятельности психологической службы в системе высшего образования: актуальное состояние и перспективы развития. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 332–344. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-332-344>

Поступила в редакцию 16.01.2025. Принята после рецензирования 11.02.2025. Принята в печать 17.02.2025.

full article

Psychological Support in Higher Education: Major Activities, Status, and Prospects

Svetlana V. Gani

Russian Academy of Education, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 5582-5056

<https://orcid.org/0000-0003-1689-7548>

sgani@mail.ru

Elena Yu. Brel

Russian Academy of Education, Russia, Moscow

eLibrary Author SPIN: 1306-8390

<https://orcid.org/0000-0002-7737-8058>

Zulfiya R. Khayrova

Russian Academy of Education, Russia, Moscow

Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow, Russia

eLibrary Author SPIN: 5360-2495

<https://orcid.org/0000-0002-5367-2156>

Scopus Author ID: 57219895600

Abstract: As part of the university education system, psychological support services continuously improve their methods and work forms to match the modern standards and maintain the psychological well-being of all participants in academic relations. The article reports two monitoring studies of psychological support for university students made in 2022–2023 and 2023–2024. They focused on the psychological counselling at the universities that participate in the pilot testing of a new psychological support model in the national higher education system. The research concentrated on the main areas and challenges of scientific and methodological support provided by the Federal Resource Center for Psychological Service in Higher Education. Despite the positive dynamics in psychological education, diagnostics, and emergency support, the spheres of group counseling and family counseling remain underdeveloped.

Keywords: higher education, psychological service, activity directions, scientific and methodological support, psychological health, students

Citation: Gani S. V., Brel E. Yu., Khayrova Z. R. Psychological Support in Higher Education: Major Activities, Status, and Prospects. *SibScript*, 2025, 27(2): 332–344. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-332-344>

Received 16 Jan 2025. Accepted after peer review 11 Feb 2025. Accepted for publication 17 Feb 2025.

Введение

Психологическая служба современного вуза является неотъемлемой частью образовательной системы, призванной обеспечивать психологическое благополучие всех участников образовательного процесса: обучающихся, их родителей (законных представителей)¹, преподавателей, административного персонала. Ее функционирование основывается на комплексном психологическом сопровождении субъектов образовательной деятельности с учетом их психофизического развития, состояния здоровья, возрастных характеристик и социального контекста² [Калинина и др. 2019: 6–7; Ташёва и др. 2022: 204]. Необходимость такого комплексного подхода обусловлена растущим

числом студентов, испытывающих эмоциональные и / или поведенческие проблемы, ухудшение соматического здоровья [Рыбакова, Гарифуллина 2016; Холмогорова и др. 2019: 43; Яценко и др. 2023: 224; Fauzi et al. 2021; Hope, Henderson 2014: 964]. Согласно исследованию, проведенному под руководством С. Б. Малых в Российской академии образования, каждый пятый первокурсник сталкивается с подобными трудностями [Басюк и др. 2022: 6]. При этом следует учесть, что не все студенты обращаются за помощью, не осознавая необходимости профессиональной поддержки, и фактическое количество обучающихся, нуждающихся в психологической помощи, может

¹ Об образовании в РФ. ФЗ № 273-ФЗ от 29.12.2012 (ред. от 25.12.2023). СПС КонсультантПлюс.

² Методические рекомендации по организации психологической службы в образовательных организациях высшего образования. М., 2023. 99 с. URL: <https://rusacademedu.ru/wp-content/uploads/2024/01/metodicheskie-rekomendacii-po-organizacii-psihologicheskoy-sluzhby-v-obrazo....pdf> (дата обращения: 07.01.2025).

быть несколько выше. Кроме того, в фокусе внимания психологической службы должны оказываться сотрудники университета, поскольку на сегодняшний день остро стоит вопрос профилактики эмоционального выгорания профессорско-преподавательского состава вуза [Ильина 2022: 23–24; Никулина 2023: 35; Самсонова 2022: 66].

Проблема сохранения психологического здоровья и благополучия студентов особенно актуальна в условиях современной высшей школы, характеризующейся высокой конкуренцией, растущими академическими требованиями [Гагиева 2018: 443; Котова 2014]. Стресс, связанный с учебной нагрузкой, необходимостью справляться с большим объемом самостоятельной работы, постоянным стремлением к самосовершенствованию и достижению успехов, может привести к развитию различных психосоматических расстройств, депрессии, тревожным расстройствам [Городецкая, Солодовникова 2016: 125–126]. Переход к самостоятельной студенческой жизни – значимый стрессогенный фактор, связанный с адаптацией к новой среде, потерей привычного социального круга и необходимостью выстраивания новых межличностных отношений [Иванова, Николаева 2013: 39–41; Салихова, Фахрутдинова 2021: 106–110; Gonta, Bulgac 2019].

Взаимодействие участников образовательного процесса в вузе представляет собой сложную многоуровневую систему, где противоречия могут возникать на всех уровнях. Различия в ценностных ориентациях, установках разных поколений, стилях межличностного общения, опыте и ожиданиях между всеми участниками образовательных отношений неизбежно приводят к искажению коммуникации. Например, преподаватели старшего поколения могут испытывать трудности в общении с цифровым поколением студентов, более адаптированных к быстрому темпу жизни и мгновенной обратной связи, и затруднения в работе со студентами, имеющими недостаточный уровень подготовки при поступлении в вуз [Богдан, Самсонова 2020: 173; Estrela et al. 2024]. Студенты, в свою очередь, могут испытывать трудности с адаптацией к академическим требованиям и авторитарному стилю общения некоторых преподавателей [Канина и др. 2020: 4–5]. Родители, зачастую сохраняющие традиционные взгляды на образование и воспитание, также могут вступать в противоречия со студентами и представителями администрации вуза, осложняя процесс адаптации к обучению [Котомина, Сажина 2022: 162–163].

Академическая мобильность, характерная для современного высшего образования, еще больше усугубляет эту картину. Студенты из разных регионов России и зарубежья, обладающие различными культурными, языковыми особенностями и представлениями о нормах поведения и общения, могут испытывать трудности в интеграции в коллектив и адаптации к новой образовательной среде [Белоглазов и др. 2023: 75; Гани и др. 2024: 68–69; Гнатышина и др. 2018: 40–41]. Это может приводить к изоляции, чувству непринадлежности и снижению учебной мотивации [Гладуш и др. 2008: 6–7].

Психологическая служба высшего учебного заведения должна учитывать вышеперечисленные факторы и охватывать весь спектр направлений деятельности [Басюк и др. 2022: 14]. Особое внимание обращают на себя проблемы, связанные с адаптацией первокурсников, обеспечением необходимой информационной и психологической поддержки в первые месяцы обучения, своевременной и профессиональной психологической помощи участникам образовательных отношений, оказавшимся в кризисной ситуации [Андронникова 2020: 89; Басюк и др. 2024: 21; Цымбалюк и др. 2017: 236].

Важной составляющей работы психологической службы является взаимодействие с преподавателями, администрацией вуза и родителями (законными представителями) обучающихся. В задачи специалистов психологической службы входит информирование сотрудников университета о психологических особенностях студентов, помощь им в понимании причин возможных трудностей в обучении, разработка эффективных стратегий взаимодействия с обучающимися. Кроме того, психологическая служба должна участвовать в разработке и реализации программ по профилактике выгорания преподавателей и повышению их психологической компетентности.

Таким образом, эффективная работа психологической службы вуза является необходимым условием обеспечения качества образования и создания благоприятного психологического климата в образовательной организации, поскольку только в условиях психологического благополучия обучающиеся могут достичь высоких образовательных результатов и реализовать свой профессиональный и личностный потенциал. При этом, несмотря на очевидную актуальность организации эффективной системы психологической поддержки участников образовательных отношений в системе высшего образования, требуется

существенная доработка системы нормативного правового регулирования деятельности психологической службы вуза [Метелькова 2024: 42].

В соответствии с решением Министерства науки и высшего образования в 2022 г. на базе Российской академии образования был создан Федеральный ресурсный центр психологической службы в системе высшего образования (ФРЦ РАО), основной функцией которого стало обеспечение организационной и научно-методической работы психологических служб университетов в целях координации психологического сопровождения высшего образования.

Основные направления деятельности ФРЦ РАО:

- организация и проведение мониторинговых исследований в интересах развития психологического сопровождения высшего образования;
- повышение квалификации сотрудников психологических служб университетов;
- проведение научных экспертиз программ психологической помощи участникам образовательных отношений;
- подготовка методических материалов в области психологического сопровождения образовательной деятельности в системе высшего образования³.

В 2022–2023 и 2023–2024 учебных годах ФРЦ РАО были проведены два мониторинговых исследования состояния психологического сопровождения обучающихся в системе высшего образования РФ с учетом региональной специфики и типа образовательной организации высшего образования. Первое исследование было проведено в соответствии с планом мероприятий по реализации Концепции развития сети психологических служб в образовательных организациях высшего образования в РФ на период 2022–2023 учебного года⁴.

В соответствии с результатами мониторинга специалистами ФРЦ РАО был проведен ряд мероприятий научно-методической и образовательной направленности для сотрудников психологических служб вузов: проектно-аналитические сессии, круглые столы, научно-методические семинары, курсы повышения квалификации, конференция, конкурс просветительских практик, разработаны методические рекомендации.

Второй мониторинг был реализован в рамках организации и проведения ФРЦ РАО мероприятий по реализации государственного задания № 075-00542-24-00 на 2024 год «Экспертное сопровождение научной и научно-технической деятельности», пункт № 19 «Научно-методическое обеспечение развития психологической службы в системе образования Российской Федерации», с целью изучения развития основных направлений психологического сопровождения, реализуемых психологическими службами вузов – участников пилотной апробации модели психологической службы в системе высшего образования РФ.

Цель данной работы – описать этапы разработки и поддержки системы научно-методического обеспечения функционирования единой сети психологических служб вузов. Актуальность проведения мониторинговых исследований обусловлена необходимостью непрерывного совершенствования методов и форм работы психологической службы вуза с учетом современных требований образовательной системы с целью успешной реализации задач, определенных в положениях Концепции развития сети психологических служб в образовательных организациях высшего образования.

Методы и материалы

При проведении мониторинга в 2022–2023 учебном году в качестве приоритетных нами были поставлены следующие задачи: проанализировать основные направления и содержание деятельности психологического сопровождения, реализуемого психологическими службами вузов, оценить доступность психологической помощи, классифицировать запросы, поступающие от участников образовательных отношений.

Выборку исследования составили 13 из 15 вузов, принимающих участие в пилотной апробации модели психологической службы в системе высшего образования Российской Федерации. 10 из 13 вузов (76,93 %) находятся в ведомстве Министерства науки и высшего образования РФ, и по 1 вузу – в ведомстве Правительства РФ, Министерства просвещения РФ и Министерства здравоохранения РФ.

³ Федеральный ресурсный центр психологической службы в системе высшего образования. URL: <https://rusacademedu.ru/nfrcpsvsvo/> (дата обращения: 10.12.2024).

⁴ Концепция развития сети психологических служб в образовательных организациях высшего образования в Российской Федерации. Утверждена Министерством науки и высшего образования РФ. 29.08.2022. № ВФ/1-Кн. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/iblock/516/xdfty8026hfpsj25wku83syp6akmxd9.pdf> (дата обращения: 25.12.2024).

8 из 13 вузов (61,54 %) – федеральные государственные бюджетные образовательные учреждения высшего образования, 5 (38,46 %) – федеральные государственные автономные образовательные учреждения высшего образования.

С целью анализа реализации направлений деятельности психологических служб был разработан инструмент количественного исследования – анкета, которая была предоставлена непосредственно руководителям психологических служб вузов – участникам мониторинга. Анкета включала блок «Направленность обращений» по каждому из основных направлений деятельности:

- Психологическое консультирование.
- Психологическая диагностика.
- Психологическое просвещение.
- Психологическая профилактика.
- Психологическая коррекция.
- Экстренная и кризисная психологическая помощь.

Анализ проводили по следующим параметрам: количество, тематика, контингент участников мероприятий по каждому из направлений в рамках психологического сопровождения всех участников образовательных отношений: обучающихся, профессорско-преподавательского состава, административно-управленческого персонала (в том числе кураторов групп, комендантов общежитий), родителей (законных представителей) обучающихся, а также были рассмотрены ключевые трудности при осуществлении каждого направления деятельности психологической службы.

На основании полученных данных сотрудниками ФРЦ РАО в течение 2023–2024 учебного года были разработаны методические рекомендации, касающиеся различных аспектов организации направлений деятельности психологических служб, реализован ряд мероприятий научно-методической и образовательной направленности с целью дальнейшего развития и оптимизации ключевых направлений деятельности психологических служб: научно-методические семинары, проектно-аналитические сессии, круглые столы, регулярные супервизии трудных случаев. Тематика мероприятий затронула такие острые

вопросы, как адаптация студентов (в том числе иностранных); деятельность психологических клубных сообществ; кризисное консультирование; психологическая безопасность в образовательной среде и т. п.⁵ Кроме того, была проведена Всероссийская научно-практическая конференция с международным участием «Психологическая служба университета: проблемы и перспективы развития», в рамках которой были представлены результаты научных исследований и методических разработок психологических служб более 60 вузов из 29 регионов РФ⁶. Также впервые был проведен Всероссийский конкурс программ по психологическому просвещению в образовательных организациях высшего образования, направленный на развитие одного из направлений работы психологической службы вуза, на повышение качества программ по психологическому просвещению, реализуемых психологическими службами вузов⁷.

Как и научно-методические мероприятия, программы повышения квалификации для специалистов и руководителей психологических служб организаций высшего образования, реализуемые ФРЦ РАО, охватывают широкий спектр актуальных запросов, поступающих от специалистов: основы оказания экстренной и кризисной психологической помощи в образовательной среде; изучение различных подходов в психологическом консультировании, в частности в работе с посттравматическим стрессовым расстройством; организация психологического просвещения в образовательной организации⁸.

Созданы телеграм-каналы «Чат – Психологическая служба университета» и «ФРЦ РАО: психологам вуза», в которых специалисты психологических служб оперативно получают ответы на вопросы о нормативно-правовом, методическом обеспечении деятельности психологической службы вуза.

Для оценки эффективности научно-методической и образовательной деятельности ФРЦ РАО, а также развития направлений деятельности психологических служб вузов в июне 2024 г. было проведено повторное мониторинговое исследование.

Выборку исследования составили 14 из 15 вузов, принимающих участие в пилотной апробации модели

⁵ Материалы мероприятий – 2024. URL: <https://rusacademedu.ru/event-merop/> (дата обращения: 10.12.2024).

⁶ Психологическая служба университета: проблемы и перспективы развития: Всерос. науч.-практ. конф. с Междунар. уч. (Москва, 24–25 апреля 2024 г.) М.: РАО, 2024. 318 с. URL: https://rusacademedu.ru/wp-content/uploads/2024/09/Sbornik_tezisov_3sentyabrya.pdf (дата обращения: 11.01.2025).

⁷ Конкурс просветительских практик – 2024. URL: <https://rusacademedu.ru/konkurs-programm-2024/> (дата обращения: 10.12.2024).

⁸ Образовательные мероприятия. URL: <https://rusacademedu.ru/nfrcpsvsvo-edu-event/> (дата обращения: 12.12.2024).

психологической службы в системе высшего образования, из 8 федеральных округов РФ. Сбор сведений в рамках реализации мониторинга осуществлялся с помощью опроса руководителей психологических служб в системе высшего образования. В анкету был включен блок «Мероприятия РАО», направленный на сбор информации об участии сотрудников психологических служб в научно-методических и образовательных мероприятиях, организованных ФРЦ РАО. Анкетирование было реализовано в электронном формате.

Результаты

Анализ полученных данных мониторинга, проведенного в 2022–2023 учебном году, показал, что психологические службы вузов в той или иной степени реализуют все основные направления деятельности (табл. 1). Кроме того, психологическими службами реализуются дополнительные формы работы, такие как горячая линия (телефон доверия); клубные сообщества (психологический клуб, киноклуб, клуб самопомощи, волонтерские сообщества и др.); мероприятия для отдельных групп обучающихся (с ОВЗ и инвалидностью, повышенной мотивацией к обучению, иностранных студентов) и групп риска. Анализ запросов обучающихся при обращении в психологическую службу университета выявил следующие проблемные сферы: медико-психологические проблемы; профориентация и профессиональная самореализация; нарушение адаптации к образовательной среде вуза; трудности межличностных взаимоотношений;

личностные и эмоциональные нарушения [Хайрова и др. 2024: 164–165]. Обычно запрос включает в себя сразу несколько тем, что подразумевает владение специалистом-психологом навыками клинической диагностики и кризисного консультирования.

Полученные данные свидетельствуют о том, что наибольшее внимание в деятельности психологических служб уделяется таким направлениям работы, как психологическое просвещение и психологическое консультирование. Отметим, что эти направления деятельности осуществляются в основном в отношении обучающихся. Просветительские мероприятия для преподавателей и административно-управленческого персонала проводятся лишь в 46,15 и 38,46 % вузов соответственно. Тем не менее формат и тематика таких мероприятий очень разнообразны: в ходе семинаров, бесед, лекций, тренингов, дискуссий обсуждаются алгоритмы выявления студентов, которым необходима психологическая помощь, признаки дезадаптации у первокурсников, особенности взаимодействия со студентами, испытывающими трудности в обучении. Мероприятия направлены и на освоение принципов и навыков поддержки ментального здоровья, профилактику эмоционального выгорания сотрудников вуза.

Наименее охваченной просветительскими мероприятиями аудиторией стали родители (законные представители) обучающихся (только 15,38 % психологических служб организуют мероприятия для данной целевой группы). Лекции, тематические посты в социальных сетях, медиапроекты сконцентрированы

Табл. 1. Направления деятельности психологических служб, 2022–2023 учебный год

Tab. 1. Activities conducted by psychological support services, 2022–2023

Направление деятельности	Целевая группа, количество психологических служб, осуществляющих направление деятельности (%)			
	Обучающиеся	ППС	АУП	Родители
Психологическое просвещение	12 (92,31)	6 (46,15)	5 (38,46)	2 (15,38)
Психологическая диагностика	8 (61,54)	–	–	–
Психологическая профилактика	8 (61,54)	3 (23,08)	6 (46,15)	1 (7,69)
Индивидуальное психологическое консультирование	12 (92,31)	7 (53,85)	7 (53,85)	4 (30,77)
Групповое психологическое консультирование	2 (15,38)	–	2 (15,38)	1 (7,69)
Психологическая коррекция	7 (53,85)	1 (7,69)	1 (7,69)	–
Экстренная и кризисная психологическая помощь	8 (61,54)	–	–	–

Прим.: общее количество вузов – 13.

на темах особенностей и трудностей адаптации обучающихся к новым условиям, описании психологических особенностей юношеского возраста, профориентации, информировании о деятельности психологической службы университета.

Психологическая диагностика обучающихся проводится в более чем половине вузов – участников мониторинга (61,54 %) и включает такие направления, как социально-психологическое тестирование; профориентация; диагностика при индивидуальном обращении; скрининговая диагностика в период адаптации к образовательной среде вуза. Специалисты-психологи отмечают нехватку валидного психодиагностического инструментария, стандартизированного на российской выборке; методик, адаптированных для психодиагностики обучающихся с ОВЗ и инвалидностью, а также отсутствие методических рекомендаций по применению психодиагностических методик в вузе. Среди сотрудников вузов психологическая диагностика не проводилась, этот факт связан с большой загруженностью специалистов психологических служб.

По результатам психологической диагностики в половине вузов в течение учебного года были организованы мероприятия коррекционно-развивающего характера, направленные на развитие коммуникативных компетенций, навыков саморегуляции и эмоциональной устойчивости; оптимизацию межличностного взаимодействия в учебной группе; коррекцию делинквентного поведения обучающихся; коррекцию стресс-индуцированных расстройств с помощью БОС-терапии. Коррекционные мероприятия для административно-управленческого персонала и профессорско-преподавательского состава проводились лишь в одном вузе и были посвящены снятию психоэмоционального напряжения (сеансы психологической разгрузки в сенсорной комнате).

Мероприятия по психологической профилактике для студентов были организованы примерно в половине вузов и в гораздо меньшей степени – для сотрудников (только в 3 вузах была организована психопрофилактическая работа с преподавателями, в 6 вузах – с административно-управленческим персоналом). В процессе осуществления данного направления деятельности сотрудники психологических служб сталкиваются с низкой мотивацией к участию в мероприятиях как со стороны студентов, так и со стороны сотрудников вуза.

Экстренная и кризисная психологическая помощь реализуется только в половине вузов. В своих ответах

практически все участники исследования отметили, что реализация данного направления деятельности значительно затруднена из-за недостаточного уровня профессиональных компетенций специалистов психологических служб и нехватки знаний относительно нормативно-правового, этического регулирования сложных случаев при участии различных ведомств.

Основные трудности, с которыми сталкиваются специалисты и руководители психологических служб при осуществлении психологического сопровождения участников образовательных отношений по различным направлениям деятельности, представлены в таблице 2.

Второе мониторинговое исследование было проведено в июне 2024 г. Отметим, что все специалисты и руководители психологических служб вузов, участвующих в пилотной апробации модели психологической службы в системе высшего образования, принимали участие в мероприятиях, организованных на базе ФРЦ РАО как в качестве слушателей, так и докладчиков и дискуссионтов. 92,86 % участников опроса отметили регулярное участие в супервизиях, что, безусловно, способствует повышению качества деятельности и профессиональной компетентности. Результаты, полученные в ходе повторного мониторинга, представлены в таблице 3.

Можно отметить, что по сравнению с 2022–2023 учебным годом значительно увеличилось количество вузов, реализующих мероприятия по психологическому просвещению для профессорско-преподавательского состава (78,57 %) и административно-управленческого персонала (50 %). Это свидетельствует о возросшем понимании эффективности данного направления деятельности в предупреждении различных форм деструктивного поведения у обучающихся, симптомов эмоционального выгорания у сотрудников вуза. В то же время руководители психологических служб отмечают, что работа с целевой группой родителей (законных представителей) крайне затруднена из-за дефицита взаимодействия (иностранцы, иногородние студенты), а также загруженности кадрового состава психологических служб.

Среди основных затруднений, возникающих в процессе осуществления деятельности по данному направлению, специалисты продолжают отмечать недостаток временного ресурса у преподавателей и студентов для посещения мероприятий, а также трудности методического оформления из-за их большого количества (в одном из вузов было проведено более 100 мероприятий в течение учебного года).

Табл. 2. Ключевые трудности реализации направлений деятельности сотрудниками психологических служб, %
 Tab. 2. Challenges faced by psychological support staff, %

Ключевые трудности	Учебный год	
	2022–2023	2023–2024
Трудности при осуществлении психологического просвещения		
Несоответствие отклика запросу целевой аудитории	60	12,5
Недостаток временного ресурса для посещения мероприятий у ППС	20	25
Недостаток временного ресурса для подготовки и проведения мероприятий	20	–
Недостаток временного ресурса для посещения мероприятий у студентов	–	37,5
Сложность методического оформления при большом количестве мероприятий	–	12,5
Языковой барьер при значительном количестве иностранных студентов в группе	–	12,5
Трудности при осуществлении психологической диагностики		
Недостаток надежного и валидного психодиагностического инструментария	60	–
Недостаток адаптированного инструментария для обучающихся с ОВЗ и инвалидностью	40	–
Недостаток методических рекомендаций по использованию психологических диагностических методик	20	–
Трудности при осуществлении психологической профилактики		
Недостаточная мотивация участников образовательных отношений к участию в мероприятиях	100	80
Недостаток временного ресурса для посещения мероприятий у студентов	–	20
Трудности при осуществлении психологического консультирования		
Количество запросов превышает ресурсные возможности подразделения	50	14,3
Получение бесплатных супервизий специалистами-психологами	50	14,3
Отсутствие навыков медиации у специалистов-психологов, отсутствие службы медиации в вузе	25	14,3
Недоверие к штатному психологу вуза	25	14,3
Нерегулярное посещение консультаций студентами и сотрудниками вуза	–	28,6
Этнокультурные традиции в многонациональной образовательной среде	–	14,3
Отсутствие врача-психиатра в штате психологической службы	–	14,3
Трудности при осуществлении экстренной и кризисной психологической помощи		
Недостаточный уровень профессиональных компетенций	80	33,3
Недостаток знаний, касающихся нормативно-правового, этического регулирования сложных случаев при участии различных ведомств	60	16,7

Табл. 3. Направления деятельности психологических служб, 2023–2024 учебный год

Tab. 3. Activities conducted by psychological support services, 2023–2024

Направление деятельности	Целевая группа, количество психологических служб, осуществляющих направление деятельности (%)			
	Обучающиеся	ППС	АУП	Родители
Психологическое просвещение	13 (92,86)	11 (78,57)	7 (50)	3 (21,43)
Психологическая диагностика	13 (92,86)	1 (7,14)	1 (7,14)	–
Психологическая профилактика	13 (92,86)	3 (21,43)	3 (21,43)	–
Индивидуальное психологическое консультирование	14 (100)	10 (71,43)	6 (42,86)	5 (35,71)
Групповое психологическое консультирование	4 (28,57)	1 (7,14)	1 (7,14)	1 (7,14)
Психологическая коррекция	9 (64,28)	1 (7,69)	3 (21,43)	–
Экстренная и кризисная психологическая помощь	12 (85,71)	–	–	–

Прим.: общее количество вузов – 14.

Кроме того, были получены данные, значительно отличающиеся от первого исследования, в части проведения психологической диагностики и психологической профилактики среди обучающихся. В 2023–2024 учебном году работа по этим направлениям деятельности велась уже практически во всех вузах (92,86 %). Психодиагностика административно-управленческого персонала и профессорско-преподавательского состава проводится в одном вузе (7,14 %) с целью выявления симптомов профессионального выгорания и оценки социально-психологической дезадаптации. По данным мониторинга 2022–2023 учебного года психологическая диагностика, направленная на изучение актуального состояния данных категорий участников образовательных отношений, не проводилась ни в одном из вузов.

Индивидуальное психологическое консультирование проводится всеми психологическими службами, принявшими участие в исследовании. Отметим, что по сравнению с результатами первого исследования возросло количество вузов, реализующих данную форму работы с профессорско-преподавательским составом (71,43 %).

Анализ результатов повторного исследования показал развитие важнейшего направления деятельности психологической службы вуза, требующего от психологов специальных знаний и компетенций, – экстренной и кризисной психологической помощи, которая в течение 2023–2024 учебного года осуществлялась в 12 вузах (85,71 %) в следующих ситуациях:

- сложные психиатрические нозологии;
- самоповреждающее поведение;
- депрессивные и тревожные состояния клинического уровня;
- суицидальные интенции;
- насилие (эмоциональное, психологическое, физическое, сексуальное);
- переживания горя и потери;
- острые конфликтные ситуации, буллинг.

Обращения, связанные с суицидальными намерениями (мыслями, интенциями, попытками), зафиксированы психологическими службами 8 университетов – участников мониторинга. В ряде вузов данные обращения носят неединичный характер.

Обращает на себя внимание тот факт, что значительно меньшее количество специалистов отметили трудности, связанные с организацией экстренной и кризисной помощи, а также недостатком профессиональных компетенций.

В результате анализа итогов мониторинговых исследований можно сделать следующие выводы о динамике деятельности психологических служб на базе вузов – участников пилотной апробации модели психологической службы в системе высшего образования:

- происходит активное развитие просветительского направления деятельности в части организации мероприятий для профессорско-преподавательского состава и административно-управленческого персонала вузов;

- расширяется масштаб психодиагностической работы с обучающимися, в частности по выявлению и оценке рисков суицидального поведения, состояний социально-психологической дезадаптации, кризисных состояний;
- развивается система экстренной и кризисной психологической помощи: практически все психологические службы пилотных вузов начали активно включать данное направление деятельности в свою работу;
- наблюдается более интенсивная работа по развитию системы профилактики рисков отклоняющегося поведения среди обучающихся, а также рисков профессионального выгорания сотрудников вузов.

Несмотря на очевидно положительную динамику развития деятельности психологических служб, следует отметить слабо развитое просветительское направление деятельности в части работы с родителями (законными представителями) обучающихся и недостаточную представленность групповой формы консультирования в практике специалистов психологической службы университета. Исходя из выявленных дефицитов перспективным направлением работы видится формирование реестра просветительских и профилактических программ с доказанной эффективностью, целевыми группами которых являются все категории участников образовательных отношений.

Заключение

Проведенные мониторинговые исследования обозначили положительную роль научно-методического сопровождения, создания и укрепления профессионального сообщества в развитии направлений деятельности университетских психологических служб. Однако в настоящий момент сохраняется отсутствие единого подхода к организации их деятельности, дефицит стандартизированного психодиагностического инструментария, доступности программ с доказанной эффективностью по психологическому просвещению и профилактике кризисных состояний. Важнейшей проблемой остается слабая нормативно-правовая регламентированность работы психологической службы высшей школы, а также отсутствие стандарта оказания психологической помощи в системе высшего образования. Актуальны вопросы реализации межведомственного взаимодействия специалистов-психологов со специалистами системы здравоохранения (наркологами, психиатрами, неврологами). Их сотрудничество необходимо при организации работы по сопровождению кризисных

состояний самого широкого спектра: суицидальные намерения, переживания горя и утраты, кризис идентичности и т. д.

В данном контексте особенно важен вопрос привлечения высококвалифицированных кадров в психологические службы университетов. Различия и содержательные разрывы в уровне подготовки специалистов-психологов сегодня достаточно очевидны, что затрудняет возможность реализации отдельных востребованных форм психологического сопровождения (особенно это относится к сопровождению сложных целевых групп обучающихся, например с выявленными рисками отклоняющегося поведения). В этой связи особенно значима работа по актуализации профессионального стандарта «Педагог-психолог (психолог в сфере образования)», в который планируется включение новой обобщенной трудовой функции: психолого-педагогическое сопровождение образовательного процесса в образовательных организациях высшего образования.

В связи с вышеперечисленными вопросами перспективным направлением деятельности с целью достижения положительного социального результата для студентов и преподавателей, а именно их психологического благополучия и успешной профессиональной и личностной самореализации, видится дальнейшее развитие системы ресурсного обеспечения психологической службы, включающей образовательное, научное и методическое сопровождение реализации основных направлений ее деятельности.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: С. В. Гани – концептуализация, анализ данных, написание, редактирование. Е. Ю. Брель – концептуализация, написание, редактирование. З. Р. Хайрова – сбор и анализ данных, редактирование.

Contribution: S. V. Gani developed the research concept, analyzed the data, drafted the manuscript, and proofread the final version. E. Yu. Brel developed the research concept, wrote the review, and proofread the manuscript. Z. R. Khayrova collected the research material, analyzed the data, and proofread the manuscript.

Литература / References

- Андронникова О. О. Психологическая служба в системе высшего образования: проблемы и актуальные задачи. *Вестник практической психологии образования*. 2020. Т. 17. № 1. С. 85–94. [Andronnikova O. O. Psychological service in higher education system: Problems and urgent tasks. *Bulletin of Practical Psychology of Education*, 2020, 17(1): 85–94. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/bppe.2020170110>
- Басюк В. С., Брель Е. Ю., Мурафа С. В. Организация психологического просвещения в образовательных организациях высшего образования. М.: РАО, 2024. 30 с. [Basyuk V. S., Brel E. Yu., Murafa S. V. *Organization of psychological education in higher education institutions*. Moscow: RAE, 2024, 30. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qrhueg>
- Басюк В. С., Малых С. Б., Тихомирова Т. Н. Федеральная сеть психологических служб образовательных организаций высшего образования: концепция, приоритеты и ресурсы развития. *Психологическая наука и образование*. 2022. Т. 27. № 6. С. 4–18. [Basyuk V. S., Malykh S. B., Tikhomirova T. N. Federal network of psychological services of educational institutions of higher education: Concept, priorities and development resources. *Psychological Science and Education*, 2022, 27(6): 4–18. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/pse.2022270601>
- Белоглазов А. А., Белоглазова Л. Б., Антонова Н. А., Исаева М. Д. Проблема социокультурной адаптации иностранных студентов в условиях цифровизации образования. *Вестник МГПУ. Серия «Информатика и информатизация образования»*. 2023. № 2. С. 73–82. [Beloglazov A. A., Beloglazova L. B., Antonova N. A., Isaeva M. D. The problem of socio-cultural adaptation of foreign students in conditions of digitalization of education. *MCU Journal of Informatics and Informatization of Education*, 2023, (2): 73–82. (In Russ.)] <https://doi.org/10.25688/2072-9014.2023.64.2.07>
- Богдан Н. Н., Самсонова Е. А. Эмоциональное выгорание у преподавателей вузов: способы выявления и предупреждения. *Международный научно-исследовательский журнал*. 2020. № 6-2. С. 170–175. [Bogdan N. N., Samsonova E. A. Burnout of university teachers: Ways of identification and prevention. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal*, 2020, (6-2): 170–175. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ypoubj>
- Газиева М. З. Особенности психологического стресса студенческой молодежи. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 59-1. С. 442–445. [Gazieva M. Z. Features of psychological stress of student youth. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2018, (59-1): 442–445. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xrabdn>
- Гани С. В., Хайрова З. Р., Брель Е. Ю. Психологическое сопровождение социокультурной адаптации иностранных студентов в системе высшего образования: итоги проектно-аналитической сессии. *Развитие образования*. 2024. Т. 7. № 3. С. 67–75. [Gani S. V., Khayrova Z. R., Brel E. Yu. Psychological support for socio-cultural adaptation of foreign students in the higher education system: Results of the design and analytical session. *Development of education*, 2024, 7(3): 67–75. (In Russ.)] <https://doi.org/10.31483/r-112205>
- Гладуш А. Д., Трофимова Т. Н., Филиппов В. М. Социально-культурная адаптация иностранных граждан к условиям обучения и проживания в России. М.: РУДН, 2008. 146 с. [Gladush A. D., Trofimova T. N., Filippov V. M. Social and cultural adaptation of foreign citizens to the conditions of study and residence in Russia. Moscow: PFUR, 2008, 146. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/aouyva>
- Гнатышина Е. А., Уварина Н. В., Савченков А. В. Характеристика адаптационных процессов в вузе в условиях социокультурной динамики: сравнительный анализ адаптационных процессов иностранных и отечественных студентов вуза. *Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки»*. 2018. Т. 10. № 2. С. 34–43. [Gnatyshina E. A., Uvarina N. V., Savchenkov A. V. Characteristics of adaptive processes in the university in terms of socio-cultural dynamics: A comparative analysis of adaptation processes of foreign and domestic students. *Bulletin of the South Ural State University. Ser. Education. Educational Sciences*, 2018, 10(2): 34–43. (In Russ.)] <https://doi.org/10.14529/ped180205>
- Городецкая И. В., Солодовникова О. И. Оценка уровня учебного стресса у студентов ВГМУ. *Вестник Витебского государственного медицинского университета*. 2016. Т. 15. № 2. С. 118–128. [Gorodetskaya I. V., Solodovnikova O. I. The evaluation of the level of educational stress in the students of VSMU. *Vestnik Vitebskogo gosudarstvennogo meditsinskogo universiteta*, 2016, 15(2): 118–128. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vurgnh>
- Иванова О. Ю., Николаева Л. П. Эмоциональный стресс как фактор нарушения психического здоровья у студентов в процессе учебной деятельности. *Вестник Российского нового университета. Серия: Человек*

- в современном мире. 2013. № 1. С. 39–43. [Ivanova O. Yu., Nikolaeva L. P. Emotional stress as a factor of students mental health abnormalities in the process of learning activity. *Vestnik of the Russian New University. Series: Man in the Modern World*, 2013, (1): 39–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qaipfp>
- Ильина И. Ю. Профессиональное выгорание преподавателей вузов: факторы возникновения и способы предотвращения. *Экономика. Социология. Право*. 2022. № 3. С. 22–27. [Irina I. Yu. Professional burnout of university teachers: Factors of occurrence and ways of prevention. *Ekonomika. Sotsiologiya. Pravo*, 2022, (3): 22–27. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yynbdu>
- Калинина З. Н., Декина Е. В., Пазухина С. В., Панферова Е. В., Филиппова С. А. Психологическая служба вуза: функционирование в современных условиях развития высшего образования (опыт ТГПУ им. Л. Н. Толстого). Гродно: ЮрСаПринт, 2019. 244 с. [Kalinina Z. N., Dekina E. V., Pazukhina S. V., Panferova E. V., Filippova S. A. *Psychological service at university: Functioning in modern conditions of higher education development in the Tula State Pedagogical University*. Grodno: IurSaPrint, 2019, 244. (In Russ.)]
- Канина Е. Н., Глазков А. В., Подлиняев О. Л. Стили педагогических коммуникаций в образовательной среде современного вуза. *Современное педагогическое образование*. 2020. № 6. С. 4–7. [Kanina E. N., Glazkov A. V., Podlinyaev O. L. The styles of pedagogical communications in educational environment of a modern university. *Modern Pedagogical Education*, 2020, (6): 4–7. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/snqrwi>
- Котова Г. Н. Социально-гигиенический мониторинг влияния стрессогенных факторов на распространенность учебных стрессов в молодежной среде. *Фундаментальные исследования*. 2014. № 7-4. С. 728–731. [Kotova G. N. Socially-hygienic monitoring of influence stress factors on prevalence of educational stresses in the youth environment. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2014, (7-4): 728–731. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/smjyeh>
- Котомина О. В., Сажина А. И. Исследование влияния родительской вовлеченности на академическую успеваемость студентов. *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2022. Т. 1. № 4. С. 151–165. [Kotomina O. V., Sazhina A. I. Exploring the impact of parental involvement on students' academic performance. *Domestic and Foreign Pedagogy*, 2022, 1(4): 151–165. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2224-0772-2022-85-151-165>
- Метелькова Е. И. Институционализация психологической помощи в системе высшего образования Российской Федерации. *Вестник практической психологии образования*. 2024. Т. 21. № 1. С. 34–49. [Metelkova E. I. Institutionalization of psychological assistance in the higher education system of the Russian Federation. *Bulletin of Psychological Practice in Education*, 2024, 21(1): 34–49. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/bppe.2024210103>
- Никулина И. В. Профессиональное выгорание преподавателей вуза. *Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки*. 2023. Т. 25. № 90. С. 32–37. [Nikulina I. V. Professional burnout of university teachers. *Izvestiya of the Samara Science Centre of the Russian Academy of Sciences. Social, Humanitarian, Biomedical Sciences*, 2023, 25(90): 32–37. (In Russ.)] <https://doi.org/10.37313/2413-9645-2023-25-90-32-37>
- Рыбакова И. М., Гарифуллина Г. Х. Анализ первичной обращаемости студентов за психологической помощью. *Современные проблемы науки и образования*. 2016. № 5. [Rybakova I. M., Garifullina G. Kh. Analysis of primary referral of students for psychological help. *Modern problems of science and education*, 2016, (5). (In Russ.)] URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=25299> (accessed 8 Jan 2025). <https://elibrary.ru/upisxi>
- Салихова Н. Р., Фахрутдинова А. Р. Трудности адаптации первокурсников к обучению в вузе. *Вестник РГГУ. Серия «Психология. Педагогика. Образование»*. 2021. № 1. С. 97–113. [Salikhova N. R., Fakhrutdinova A. R. A first-year students' adaptation to difficulties at high educational establishments. *RSUH / RGGU Bulletin. "Psychology. Pedagogics. Education" Series*, 2021, (1): 97–113. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lvroir>
- Самсонова Е. А. Профессиональное выгорание преподавателей вузов как следствие деструктивного управления образовательной деятельностью. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2022. № 1. С. 63–70. [Samsonova E. A. Professional burnout of university professors as a consequence of destructive educational activities management. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2022, (1): 63–69. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/spp.2022.1.9>
- Ташёва А. И., Валеева Г. В., Гриднева С. В., Арпентьева М. Р. Психологическая служба вуза: основные задачи и направления функционирования. *Гуманитарий: актуальные проблемы гуманитарной науки и образования*. 2022. Т. 22. № 2. С. 201–215. [Tashcheva A. I., Valeeva G. V., Gridneva S. V., Arpentieva M. R. Psychological service

- of the university: Main objectives and directions of functioning. *Gumanitarian: aktual'nye problemy gumanitarnoi nauki i obrazovaniia*, 2022, 22(2): 201–215. (In Russ.)] <https://doi.org/10.15507/2078-9823.058.022.202202.201-215>
- Хайрова З. Р., Брель Е. Ю., Гани С. В. Классификация запросов обучающихся в психологическую службу образовательной организации высшего образования. *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. 2024. № 214. С. 161–168. [Khayrova Z. R., Brel E. Yu., Gani S. V. Classification of presenting concerns in students contacting the psychological service of a university. *Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences*, 2024, (214): 161–168. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/1992-6464-2024-214-161-168>
- Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г., Цацулин Т. О. Динамика показателей перфекционизма и симптомов эмоционального неблагополучия в российской студенческой популяции за последние десять лет: когортное исследование. *Культурно-историческая психология*. 2019. Т. 14. № 3. С. 41–50. [Kholmogorova A. B., Garanyan N. G., Tsatsulin T. O. Dynamics of indicators of perfectionism and symptoms of emotional distress in the Russian student population over the past ten years: Cohort study. *Cultural-Historical Psychology*, 2019, 14(3): 41–50. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/chp.2019150305>
- Цымбалюк А. Э., Мишучкова Е. Ю., Сидорова С. С. Психологическая структура учебно-профессиональной адаптации студентов педагогического вуза. *Ярославский педагогический вестник*. 2017. № 6. С. 233–237. [Tsymbalyuk A. E., Mishuchkova E. Yu., Sidorova S. S. Psychological structure of educational and professional adaptation of pedagogical university students. *Yaroslavl Pedagogical Bulletin*, 2017, (6): 233–237. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/zxyzqzv>
- Ященко Е. Ф., Казначеева Н. Б., Бажанова Е. В. Склонность к депрессивным состояниям, тревожность и стратегии совладающего поведения у юношей и девушек. *Вестник университета*. 2023. № 4. С. 222–230. [Yashchenko E. F., Kaznacheeva N. B., Bazhanova E. V. Tendency to depressive states, anxiety and strategies of coping behavior for boys and girls. *Vestnik universiteta*, 2023, (4): 222–230. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26425/1816-4277-2023-4-222-230>
- Estrela C., Oshita M. G. B., Perazzo M. F., Alencar A. H. G., Silva J. A., Estrela L. R. A., Cintra L. T. A., Estrela C. R. A. Quality of communication between professors and university students in the process of learning. *Brazilian Dental Journal*, 2024, 35. <https://doi.org/10.1590/0103-6440202406081>
- Fauzi M. F., Anuar T. S., Teh L. K., Lim W. F., James R. J., Ahmad R., Mohamed M., Bakar S. H. A., Yusof F. Z. M., Salleh M. Z. Stress, anxiety and depression among a cohort of health sciences undergraduate students: The prevalence and risk factors. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2021, 18(6). <https://doi.org/10.3390/ijerph18063269>
- Gonta I., Bulgac A. The adaptation of students to the academic environment in university. *Revista Romaneasca Pentru Educatie Multidimensionala*, 2019, 11(3): 34–44. <https://doi.org/10.18662/rrem/137>
- Hope V., Henderson M. Medical student depression, anxiety and distress outside North America: A systematic review. *Medical Education*, 2014, 48(10): 963–979. <https://doi.org/10.1111/medu.12512>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fiqnrm>

Особенности альтернативной и дополнительной коммуникации в образовательном процессе школьников с нарушением интеллектуального развития

Защирина Оксана Владимировна

Русская христианская гуманитарная академия

имени Ф. М. Достоевского, Россия, Санкт-Петербург

Санкт-Петербургский государственный университет,

Россия, Санкт-Петербург

Российский государственный педагогический университет

имени А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 9722-1537

<https://orcid.org/0000-0002-2666-3529>

Scopus Author ID: 57203567704

Белимова Полина Андреевна

Русская христианская гуманитарная академия

имени Ф. М. Достоевского, Россия, Санкт-Петербург

Национальный исследовательский университет ИТМО,

Россия, Санкт-Петербург

eLibrary Author SPIN: 6534-8326

<https://orcid.org/0000-0001-8581-4924>

Scopus Author ID: 57221104137

belimova_polina@mail.ru

Аннотация: Рассмотрены особенности восприятия графических и текстовых символов детьми с интеллектуальными нарушениями, с акцентом на синдром олигофрении. Актуальность исследования обусловлена увеличением числа детей с первичной инвалидностью в России, что подчеркивает необходимость эффективных средств коммуникации в инклюзивном образовании. Цель – выявить особенности восприятия графических и текстовых стимулов при нарушениях интеллекта. Задачи: выявить основные затруднения в реализации инклюзивного подхода в системе образования; описать основные характеристики, влияющие на восприятие графических и текстовых стимулов у детей с нарушениями интеллекта; описать основные недостатки в существующих исследованиях альтернативной коммуникации. Основным методом стал системный анализ научных источников, расположенных на платформах электронных библиотек и поисковиков: PubMed, eLibrary, КиберЛенинка, ResearchGate, Google Scholar. Анализ научных публикаций отечественных и зарубежных авторов за период 2018–2024 гг., освещающих вопросы альтернативной и дополнительной коммуникации детей с нарушениями развития, отражает основные когнитивные особенности учащихся с интеллектуальными нарушениями и подчеркивает необходимость использования средств альтернативной и дополнительной коммуникации в повседневной деятельности в качестве основы для формирования спонтанной речи и повышения социальной активности. Обзор научных исследований позволяет сделать выводы о специфике восприятия стимульного материала при интеллектуальных нарушениях. Результаты показали, что дети с нарушением интеллекта сталкиваются с серьезными трудностями в восприятии визуальных символов из-за когнитивных и сенсорных нарушений. Сформулированы основные требования к стимульному материалу альтернативной и дополнительной коммуникации для детей с олигофренией.

Ключевые слова: нарушение интеллекта, окулография, импрессивная речь, умственная отсталость, альтернативная и дополнительная коммуникация, когнитивные нарушения, айтрекинг

Цитирование: Защирина О. В., Белимова П. А. Особенности альтернативной и дополнительной коммуникации в образовательном процессе школьников с нарушением интеллектуального развития. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 345–361. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-345-361>

Поступила в редакцию 14.07.2024. Принята после рецензирования 16.10.2024. Принята в печать 21.10.2024.

full article

Alternative and Augmentative Communication in Class for Children with Intellectual Disabilities

Oksana V. Zashchirinskaia

Russian Christian Academy for Humanities, Russia, St. Petersburg

Saint-Petersburg State University, Russia, St. Petersburg

Herzen State Pedagogical University of Russia, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 9722-1537

<https://orcid.org/0000-0002-2666-3529>

Scopus Author ID: 57203567704

Polina A. Belimova

Russian Christian Academy for Humanities, Russia, St. Petersburg

ITMO University, Russia, St. Petersburg

eLibrary Author SPIN: 6534-8326

<https://orcid.org/0000-0001-8581-4924>

Scopus Author ID: 57221104137

belimova_polina@mail.ru

Abstract: Children with intellectual disabilities often find it difficult to interpret graphic images and textual symbols. As the number of children with primary disabilities in Russia keeps growing, specialists in inclusive education need more effective communication tools. The authors described the specificities of graphic and textual perception in children with intellectual impairment, focusing on oligophrenia. They identified the main challenges of inclusive schooling, described the key factors that affect the perception of graphic and textual stimuli, and outlined the gaps in contemporary studies on alternative communication methods. The review relied on Russian and foreign publications registered in PubMed, eLibrary, CyberLeninka, ResearchGate, and Google Scholar in 2018–2024. All sources stated the need for alternative and augmentative communication tools in daily activities as a foundation for the development of spontaneous speech and social activity. Children with intellectual disabilities have significant difficulties in perceiving visual symbols as a result of cognitive and sensory challenges. The article summarizes the basic requirements for stimulus materials used in alternative and augmentative communication in class for children with oligophrenia.

Keywords: intellectual disabilities, oculography, impressive speech, mental retardation, alternative and augmentative communication, cognitive impairment, eye tracking

Citation: Zashchirinskaia O. V., Belimova P. A. Alternative and Augmentative Communication in Class for Children with Intellectual Disabilities. *SibScript*, 2025, 27(2): 345–361. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-345-361>

Received 14 Jul 2024. Accepted after peer review 16 Oct 2024. Accepted for publication 21 Oct 2024.

Введение

Несмотря на медико-социальную значимость и наличие социального запроса на инклюзивное школьное обучение, проблема доступных и эффективных средств коммуникации детей с интеллектуальными нарушениями не является в полной мере реализованной, что приобретает особую значимость в связи с ростом первичной инвалидизации детей, подтверждаемым открытыми данными Росстата, Министерства просвещения¹ и Министерства здравоохранения.

Согласно открытым данным, опубликованным Росстатом², с 2009 г. отмечается увеличение количества детей с первично выставленной инвалидностью в связи с психическими расстройствами и расстройствами поведения. Регистрация детского аутизма и инвалидизации в официальной статистике ведется с 2015 г., на указанный год детям в возрасте 0–17 лет было установлено 4,4 случая инвалидизации на 10 тыс. населения. Согласно данным Министерства

¹ Сведения по форме федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» на начало 2023/24 учебного года. Министерство просвещения РФ. URL: <https://docs.edu.gov.ru/document/dd4cf021660425786495d744405367f0/> (дата обращения: 12.04.2024).

² Здравоохранение. Федеральная служба государственной статистики. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13721> (дата обращения: 12.04.2024).

здравоохранения³, в 2018 г. инвалидизация населения в целом составила 8,36 на 10 тыс., а инвалидизация детей в возрасте 0–17 лет – 31,7 случая на 10 тыс. При этом наибольшее количество детей-инвалидов приходится на возраст 10–14 лет (199743) и на 5–9 лет (186590). В 2022 г. официально зафиксировано 24506 случаев первичной инвалидности детей в возрасте до 18 лет в связи с психическими расстройствами и расстройствами поведения. За прошедшие 19 лет данный показатель увеличился практически в 3 раза (2005 г. – 8878 случаев), а с 2014 г. он занимает первое место среди причин инвалидизации детей.

Психическое развитие детей с нарушениями интеллектуального развития отличается смещением сенситивных периодов, сглаженностью этапов и возрастных кризисов, задержкой возрастных новообразований, ведущих к эмоциональным расстройствам и проявлению патологических черт личности [Закрепина, Стребелева 2023]. Отставание развития познавательных процессов у детей с умственной отсталостью связано с диффузным поражением коры головного мозга [Диневиц, Дунаевская 2019], сочетающимся с более локальными нарушениями, в том числе с подкорковыми, возникающими в первые годы жизни [Смирнова 2021], или с органическим поражением центральной нервной системы [Шаповалова 2019], обусловленным как врожденными, там и рано приобретенными причинами, проявляющимися в общем психическом недоразвитии (согласно МКБ-10).

В соответствии с МКБ-10, для умственной отсталости характерны моторные, социальные, когнитивные и речевые особенности⁴. До принятия Федерального закона об образовании от 21 декабря 2012 г. обучение детей с умственной отсталостью проходило либо в коррекционных школах, либо в рамках общеобразовательной программы обучения⁵. Основными причинами выбора родителями неадаптированной общеобразовательной программы обучения для детей с интеллектуальными нарушениями являются отрицание наличия особенностей развития и заблуждения, сформированные на базе социальных ярлыков. Обучение по общеобразовательной программе для людей даже с легкой степенью умственной отсталости является фундаментом для формирования невротических

расстройств и роста частоты госпитализаций в психоневрологические диспансеры.

В исследовании С. А. Далимовой и др. отражены сведения о росте частоты госпитализаций до 3–4 раз в год для 60 % и увеличении частоты наблюдения у психиатра более 5 раз в год для 64 % выпускников общеобразовательных учреждений, имевших установленный диагноз легкой умственной отсталости. Практически у половины развиваются невротические расстройства, в том числе эндогенные депрессии, признаки дезадаптации. Наличие расстройств личности у выпускников коррекционных и общеобразовательных школ примерно равнозначно (40 и 38 %). Для выпускников коррекционной школы более характерны истерические расстройства личности (22 %), а общеобразовательной – эмоционально-неустойчивые расстройства импульсивного типа (24 %) [Далимова и др. 2020]. В связи этим остается актуальным вопрос баланса дифференциации детей по учебным классам в зависимости от состояния здоровья с условием сохранения социальной включенности.

С принятием закона об образовании дети с нарушениями развития получили возможность обучения в общеобразовательных школах на основе адаптированной общеобразовательной программы (АООП). Исходя из открытых данных Министерства просвещения РФ, на начало учебного 2023/2024 года в России по программам обучения для детей с умственной отсталостью обучается 1,6 % учеников (282526 человек), а в рамках адаптированных программ обучения для разных особенностей развития практически 3 % (539588 человек). При наличии существующих возможностей обучения детей в рамках адаптированных программ обучения сохраняется желание родителей обучать детей в общеобразовательных классах.

В исследовании А. О. Беляевой сделан важный акцент на различиях детей, имеющих интеллектуальные нарушения и обучающихся по общеобразовательной программе обучения, и детей, обучающихся в коррекционной школе [Беляева 2020]. В частности, у них отмечаются неадаптированность, менее сформированные навыки письма и чтения в сравнении с детьми, посещающими специализированную школу. По данным Министерства просвещения РФ, переход в другое

³ Статистический сборник 2018 год. *Министерство здравоохранения РФ*. URL: <https://minzdrav.gov.ru/ministry/61/22/stranitsa-979/statisticheskie-i-informatsionnye-materialy/statisticheskiy-sbornik-2018-god> (дата обращения: 12.04.2024).

⁴ Умственная отсталость (F70–F79). МКБ-10 – Международная классификация болезней 10-го пересмотра. URL: <https://mkb-10.com/index.php?pid=4380> (дата обращения: 10.03.2024).

⁵ Об образовании в РФ. ФЗ № 273-ФЗ от 29.12.2012. *ИПП Гарант*.

образовательное учреждение для продолжения программы обучения для детей с ограниченными возможностями составляет 0,8 %, возможность продолжения обучения по адаптированной программе обучения в рамках данного учебного заведения повышает процент перевода ребенка в специализированный класс в 10 %. Наличие специальных условий в образовательном учреждении с адаптированными программами обучения для детей с интеллектуальными нарушениями не всегда является основным фактором для его перевода, всецело это зависит от волеизъявления родителей или законных представителей.

Реализация адаптированной программы обучения в рамках общеобразовательной школы наиболее актуальна в обучении чтению и выражается в повышении уровня когнитивных процессов и коммуникации [Диневич, Дунаевская 2019]. Между тем проблема обучения навыкам чтения и счета не является единственной в рамках обучения детей с умственной отсталостью, для которых типична гипокинезия, тормозящая развитие ребенка, являющаяся фундаментом для развития заболеваний и относящаяся к моторным особенностям. Коммуникативные особенности, речевые навыки и моторные особенности очевидно находят отражение в социальном взаимодействии детей с умственной отсталостью, что влечет сложности адаптации. В соответствии с требованиями нормативных документов по адаптированным программам обучения, в общеобразовательной школе могут учиться дети с легкой умственной отсталостью, а дети с умеренной и тяжелой степенью должны обучаться в рамках коррекционных школ. Для таких детей коммуникация и социальное взаимодействие проявляются в иных формах. Особенно это касается детей с тяжелой умственной отсталостью в силу отсутствия навыков межличностного взаимодействия с нормативными детьми, несформированности такой потребности, негативного восприятия людей в сочетании с деструктивной самооценкой и социальным иждивенчеством [Рафикова 2024].

Социальное взаимодействие детей с интеллектуальными нарушениями имеет свою специфику по причине инертности и плохой произвольной регуляции воображения: они не могут поставить себя в позицию другого человека [Шаповалова 2019]. Во взрослом периоде лица с легкой умственной отсталостью, посещавшие массовую школу, отмечают у себя низкую самооценку, отрицательное представление о себе как результат буллинга со стороны нормативно развивающихся детей. В результате может

формироваться дезадаптация с проявлениями тревоги, депрессии и алкоголизации [Далимова и др. 2020].

Системы альтернативной и дополнительной коммуникации (АДК) часто используются людьми с нарушениями развития (в том числе с нарушениями интеллектуального развития разной степени тяжести) для компенсации коммуникативных нарушений, а также для поддержки и развития коммуникативного репертуара [Carnett et al. 2023; Dada et al. 2020]. Альтернативная и дополнительная коммуникация имеет широкий спектр методов и технологий. Методы АДК могут включать в себя жесты, системы символов и компьютерные устройства, генерирующие речь [Lorah, Griffen 2023; Lorah et al. 2024; Sigafos et al. 2021]. В частности, символьные системы альтернативной коммуникации используют визуальные графические символы для помощи людям, испытывающим трудности в освоении навыков устной и письменной речи [Abad et al. 2021; Arias-Flores et al. 2023; Kudo 2022].

Среди базовых предпосылок для понимания символьной альтернативной коммуникации лицами с нарушением интеллекта выделяются сформированность зрительного восприятия и импрессивной речи. Для определения готовности обучающегося к использованию графических средств коммуникации предлагается применять наборы заданий, направленных на понимание простых и высокофункциональных предметов и действий с опорой на наглядность [Артемьева и др. 2018]. Наиболее популярными системами пиктографической коммуникации в российской коррекционно-педагогической практике являются PECS и Макатон [Козлова 2018]. Данные инструменты представляют собой набор цветных или черно-белых изображений, которые помещаются в коммуникативную книгу и используются в соответствии с определенной методологией развития коммуникативных навыков. Обширные методические рекомендации по внедрению систем АДК в коррекционную практику приводятся Л. Б. Баряевой и Л. В. Лопатиной [Баряева, Лопатина 2018].

За последние десятилетия эта область быстро развивалась благодаря эмпирическим достижениям и технологическим разработкам [Wilkinson, Wolf 2021]. Вмешательство АДК в коррекционно-педагогический процесс очень индивидуализировано и должно учитывать двигательные, сенсорные, учебные и коммуникативные потребности каждого ребенка, а также его окружение и предпочтения [Langarika-Rocafort et al. 2021].

Исходя из актуальности проблемы социальной включенности детей с умственной отсталостью, цель настоящего исследования – выявить особенности восприятия графических и текстовых символов в системе АДК детьми с интеллектуальными нарушениями, с акцентом на детях и подростках с синдромом олигофрении. Задачи: выявить основные затруднения в реализации инклюзивного подхода в системе образования; описать основные характеристики, влияющие на восприятие графических и текстовых стимулов у детей с нарушениями интеллекта; описать основные недостатки в существующих исследованиях АДК и сформулировать требования к стимулам АДК для детей с олигофренией.

Методы и материалы

Основным методом настоящего исследования выступил системный анализ научных источников, опубликованных в период 2019–2024 гг. в зарубежных и отечественных изданиях, расположенных на платформах электронных библиотек и поисковиков: PubMed, eLibrary, КиберЛенинка, ResearchGate, Google Scholar.

На первом этапе нами были выделены слова и словосочетания в качестве ключевых для поиска подходящей научной литературы, что позволило сформировать массив публикаций, в заголовках или аннотациях которых содержались значимые для исследования слова. На данном этапе нами была отвергнута часть источников, требовавших взимание оплаты для ознакомления с содержанием эмпирических данных. Преимущество было отдано работам, опубликованным в научных изданиях в течение последних пяти лет. В силу особенностей нашего исследования, акцентирующего внимание на детях с умственной отсталостью, также было отклонено значительное количество исследований зарубежных авторов, посвященных описанию особенностей детей с расстройствами аутистического спектра (РАС), тяжелыми множественными нарушениями развития (ТНМР) и другими диагнозами.

Результаты

В отечественном подходе сохраняется дифференциация умственной отсталости для описания детей с олигофренией, при этом можно наблюдать тенденцию к коморбидности умственной отсталости при описании синдрома Дауна, детей с РАС, ТНМР и другими диагнозами. Под интеллектуальными нарушениями в отечественном подходе преимущественно

определяют олигофрению и деменцию, а также задержку психического развития как отдельную пограничную форму. Для детей с легкой умственной отсталостью и задержкой психического развития типичны поражения идентичных участков мозга, но в разной степени их выраженности [Смирнова 2021]. При наличии сомнений в установлении диагноза олигофрении одним из инструментальных и аппаратных методов, используемых в отечественной психиатрии и неврологии, является электроэнцефалография (ЭЭГ).

В исследованиях последних пяти лет, описывающих нейрофизиологические особенности людей с установленным синдромом олигофрении, подтвержденные результатами электроэнцефалограммы, приводятся результаты на основании взрослых выборок. Единично представлены современные исследования с детьми с нарушениями интеллектуального развития, в основном в поле зрения исследователей находятся дети с РАС. Малое количество исследований с участием детей и подростков с использованием электроэнцефалограммы объясняется ее нестабильностью на протяжении взросления, что отражается на частоте, амплитуде альфа- и тета-волн. К возрасту 13–16 лет на электроэнцефалограммах можно отметить некоторую редукцию. Считается, что стабильными результаты становятся к 18-летнему возрасту [Дадаева и др. 2021]. Вместе с этим знание данного обстоятельства позволяет проводить сравнения электрической активности мозга методом ЭЭГ детей и подростков с нарушениями интеллекта с нормативно развивающимися детьми и подростками, выделяя нейрофизиологические особенности детей с особенностями развития [Рябчикова 2022]. Исследования, проводимые среди лиц с установленным синдромом олигофрении, достигших 18 лет, в сравнении со сверстниками, позволяют сделать выводы о нарушениях нейродинамики и изменении функциональных состояний мозга [Виноградова, Кипятков 2021], нарушениях приспособительных психофизиологических функций [Кайсманова, Колядина 2020].

Применение метода ЭЭГ при исследованиях биоэлектрической активности у детей и подростков с умственной отсталостью может ответить на вопросы о зрелости мозговых структур [Дадаева и др. 2021; Рябчикова 2022], о нейрофизиологических механизмах нарушения интеллекта и внимания, выявить корреляционные связи электроэнцефалограммы в покое и в процессе деятельности, определить характеристики ЭЭГ для конкретной группы посредством многократного проведения ЭЭГ в различных

функциональных состояниях [Рябчикова 2022]. Имеющиеся исследования последних пяти лет людей с олигофренией старше 18 лет свидетельствуют о достоверных различиях частоты колебаний альфа-ритмов у людей с установленной олигофренией (8,5 Гц) в сравнении с нормативной выборкой (10,5 Гц) [Виноградова, Кипятков 2021], что по генезису близко к волновой активности младенцев [Дадаева и др. 2021]. Для 85 % людей с умеренной умственной отсталостью гипервентиляция при открытых и закрытых глазах снижает частоту альфа-ритмов в затылочной доле, при этом яркие вспышки света не оказывают значительного влияния на рост или снижение частоты альфа-ритмов. При тяжелой умственной отсталости изменения частоты отмечается только у 25 % [Кайсманова, Колядина 2020]. Коэффициент межполушарной когерентности в группе людей с олигофренией достоверно отличается от нормативной группы респондентов и остается на показателях коэффициента 0,4–0,6 [Виноградова, Кипятков 2021].

Исследования речи и языка у лиц с нарушениями интеллекта выявляют сложные связи между нейрофизиологией и коммуникацией. Расстройства речевого развития рассматриваются как сложный нейропсихологический синдром, при котором задержки в развитии речи объясняются другими нейропсихологическими дефицитами [Shevchenko et al. 2023]. Многие люди с нарушением интеллекта испытывают трудности как в рецептивных, так и в экспрессивных языковых навыках. Эти трудности могут возникать из-за неврологических состояний, влияющих на языковые центры в мозге [Ollomani, Imeri 2020]. У людей с нарушением интеллектуального развития когнитивные нарушения могут проявляться в трудностях с вниманием, памятью и исполнительными функциями, которые являются важными для эффективного общения. Более тяжелая степень интеллектуального нарушения коррелирует с более низкими показателями в когнитивных задачах, что влияет на коммуникационные возможности [Olsen 2022].

Исполнительные функции, вероятно, играют ключевую когнитивную роль в регуляции связи между интеллектуальными способностями и адаптацией в повседневной жизни. Термин *исполнительные функции* относится к когнитивным процессам, которые лежат в основе поведения, направленного на достижение цели. За последние несколько десятилетий был достигнут большой прогресс в изучении исполнительных функций в области детского развития, нейропсихологии, неврологии и психопатологии.

Ведущие ученые, занимающиеся изучением данной проблемы, предположили, что дисрегуляция исполнительных функций настолько распространена среди клинических популяций, что само по себе может быть показателем наличия проблем с нейроразвитием [Zelazo 2020].

Нейропсихологические факторы могут значительно влиять на коммуникативные способности, в то время как эффективные стратегии общения могут улучшать когнитивные функции. Связь между языком и психологией является одной из самых сложных и тесных, как и сама человеческая природа. Язык как идентифицирующий феномен человека и единственное средство осуществления человеческого общения является как биологическим, так и психологическим, а также социальным феноменом [Ollomani, Imeri 2020].

При очевидных достоинствах ЭЭГ в исследовательской и диагностической работе с детьми и подростками с нарушениями интеллекта, в том числе при изучении процесса декодирования визуальной и текстовой информации с возможностью определения особенностей восприятия стимулов с учетом ограниченных возможностей здоровья, невозможно отрицать требования его проведения исключительно врачами функциональной диагностики, что не всегда возможно реализовать в рамках исследовательской и диагностической деятельности медицинских психологов в силу требований к количеству выборки, соблюдения единых условий эксперимента и диагностических методов, которые может реализовать медицинский психолог в рамках нейропсихологического обследования.

Исследования прежних лет подтверждают наличие существенных проблем в освоении знаний и обучении, сопровождающихся нестабильностью мотивации и аффективной сферы при развитии и поддержании взаимоотношений у детей с когнитивными нарушениями. Им свойственны нарушение вербального понимания и перцептивного мышления, снижение скорости обработки информации [Elshani et al. 2020], разное соотношение словесно-логического и наглядно-действенного мышления, задержка физического развития, сниженный интерес к окружающему миру [Торкунова и др. 2023], узость зрительного восприятия при достаточной зрительной памяти, затруднения наглядно-образного мышления [Цветова, Кряжевских 2021] при сохранении потенциальных возможностей его развития наравне с наглядно-действенным мышлением в условиях коррекционно-педагогической работы [Закрепина, Стребелева 2023].

Для детей с легкой умственной отсталостью характерно нарушение оперативной слухоречевой памяти [Смирнова 2021]. Особенности нарушения памяти обусловлены ослаблением замыкательной функции коры больших полушарий, отвечающей за формирование новых рефлексов и их систем. Запоминание нового материала или информации происходит медленно и быстро забывается, в связи с чем для запоминания простых действий и операций данным детям требуется значительно больше времени в сравнении с нормативно развивающимися сверстниками [Каляскина 2021].

Игра в сочетании с учебной деятельностью имеет формирующее значение для детей с интеллектуальными нарушениями периода младшей школы [Цветова, Кряжевских 2021]. Использование АДК во время учебно-игровой деятельности позволяет развить более сложные коммуникативные навыки на ранних этапах социального взаимодействия [Chapin et al. 2022].

Отмечается, что определяющую роль в эффективности альтернативных и дополнительных средств коммуникации играет не только мотивация пользователя, но и окружение, ежедневное участие партнеров по общению: родителей, учителей [Rensfeld Flink et al. 2024]. Использование АДК в рамках системы обучения позволяет повышать навыки общения и проявления спонтанной речи [Srinivasan et al. 2022].

Особенности речевой и коммуникативной активности детей и подростков с умственной отсталостью

Для детей с умственной отсталостью фундаментальными характеристиками являются недоразвитие психики, сниженные интерес и мотивация к речевому общению, недоразвитие речи разной степени тяжести [Кузнецова, Хмелькова 2023]. Практически 25 % детей в возрасте 4 лет страдают речевыми нарушениями. Отсутствие превентивных мер ведет к усугублению проблем и появлению новых, особенно в период школьного обучения. Например, у 30 % детей с РАС речь не отвечает их коммуникативным потребностям, что отражается в более активной позиции партнера по общению [Babb et al. 2021]. Аналогичные трудности в коммуникативных актах отмечаются у детей с умственной отсталостью, в первую очередь связанные с недоразвитием артикуляционного аппарата и фонематического слуха: язык ребенка с умственной отсталостью не отвечает одной из главных функций –

общения [Торкунова и др. 2023]. Для них характерны плохая сформированность спонтанной, автоматизированной речи, речевой инициативы, затруднения при воспроизведении нужного слова [Смирнова 2021]. Ограниченность импрессивной речи и отсутствие экспрессивной наблюдаются у детей с глубокой умственной отсталостью [Ларина 2023].

Дети с легкой умственной отсталостью отличаются скудностью и свернутостью речевой продукции, испытывают затруднения при воспроизведении многосложных предложений, не понимают сложных грамматических конструкций [Смирнова 2021]. Для детей с тяжелыми и умеренными интеллектуальными нарушениями декодирование устной информации, относящейся к другим людям, содержащей причинно-следственные связи, временные рамки и переносный смысл, вызывает существенные затруднения. При умеренных интеллектуальных нарушениях дети способны понимать простые требования и бытовые вопросы, идентифицировать и сопоставлять имена других людей. В случае владения речью речевая продукция односложная, однако они могут выступать инициаторами общения [Филиппова 2021], в то время как дети с тяжелыми и глубокими интеллектуальными нарушениями зависят от инициативы в установлении общения от партнера в силу сформированного досимволического уровня (типа) развития навыков коммуникации [Rensfeld Flink et al. 2024].

В целом для младших школьников с интеллектуальными нарушениями характерен бедный словарный запас, ограниченное применение в активном словаре глаголов, вербальные замены и ошибки в употреблении слов [Кузнецова, Хмелькова 2023]. Для детей с умственной отсталостью характерны нарушения грамматической, фонетической и лексической сторон речи, свойственно нарушение письма и чтения, что обусловлено трудностями звукобуквенного анализа, восприятия и понимания речи [Цветова, Кряжевских 2021].

У старших дошкольников с умеренной умственной отсталостью импрессивная речь отличается ограниченностью словарного запаса, трудностями в определении обобщающих понятий, в понимании приставочных глаголов, предлогов, обозначений пространственных отношений, дифференциации уменьшительно-ласкательных суффиксов, понимании целого или частей в редко произносимых словах, восприятии простых предложений с содержанием объективного отношения, трудностями изменений

по числам существительных и глаголов [Столярова, Агаева 2021]. Компенсация и коррекция могут осуществляться лишь в условиях развивающего обучения с учетом индивидуальных и возрастных особенностей развития ребенка [Закрепина, Стребелева 2023]. Обучение в коррекционной школе способно оказывать положительное влияние на уровень речевого развития детей с умственной отсталостью, что доказывается в исследовании состояния импрессивной речи у младших школьников с легкой и умеренной степенью умственной отсталости. Навыки чтения детей начальной школы с умственной отсталостью сильно отличаются от нормативно развивающихся детей [Беляева 2020]. В данном возрастном периоде у детей с умственной отсталостью только формируются навыки слогового чтения [Диневич, Дунаевская 2019]. Основными нарушениями импрессивной речи у школьников младших классов с легкой и умеренной умственной отсталостью, обучающихся в коррекционной школе, являются затруднения понимания сложных лексико-грамматических конструкций и сложноподчиненных предложений, сопровождающиеся плохой дифференциацией предложно-падежных конструкций и приставочных глаголов [Беляева 2020]. Недоразвитие и особенности речи у умственно отсталых детей проявляются также в монотонности высказываний, бедном словарном запасе, неполных конструкциях высказываний, непонимании смысловых значений, что проявляется в воспроизведении шаблонных или заученных образов [Шаповалова 2019].

Для детей с умеренной и тяжелой умственной отсталостью, воспитывающихся в условиях интерната, в коммуникативном поведении характерно использование звукокомплексов при общении со взрослым, в то время как жесты применяются преимущественно для выражения недовольства. При умеренных интеллектуальных нарушениях использование звукокомплексов отмечается как в общении со взрослыми, так и со сверстниками: можно наблюдать воспроизведение как слов, так и отдельных фраз. В социальном взаимодействии дети с умеренной умственной отсталостью сохраняют зрительный контакт, обращают внимание на других людей и интересные объекты. Детям как с умеренными, так и с тяжелыми нарушениями интеллекта свойственно испытывать затруднения в выражении своих эмоций посредством мимики и понимании мимики других [Филиппова 2021].

Ограниченные возможности у детей с умственной отсталостью как вербальной, так и невербальной коммуникации ведут к аутсайдерской позиции во взаимоотношениях со сверстниками [Торкунова и др. 2023]. При этом использование средств альтернативной коммуникации позволяет ребенку с различными нарушениями овладеть речью на доступном уровне [Ларина 2023]. Несмотря на это, в неоднородных ситуациях детям с умеренными и тяжелыми интеллектуальными нарушениями свойственны затруднения применения средств альтернативной коммуникации [Филиппова 2021].

На современном этапе выделяют три вида альтернативной и дополнительной коммуникации: нетехнологичные, или досимволические (язык жестов, движения тела, взгляд, мимика, звуки), низкотехнологичные (книги, доски, картинки и иные средства) и высокотехнологичные (технические) средства. Пользователи АДК часто совмещают досимволические, низкотехнологичные и высокотехнологичные способы коммуникации, что определяется контекстом и ситуацией взаимодействия. Пользователями альтернативной коммуникации являются и взрослые, и дети, которым необходимо данное средство общения на определенный период. В целом группу пользователей АДК представляют люди, испытывающие трудности с речью: ее пониманием и воспроизведением [Elsahar et al. 2019].

При работе с детьми с умственной отсталостью оптимально сочетание разных средств альтернативной коммуникации. Так, при умеренной умственной отсталости наиболее эффективными являются жесты, картинки, пиктограммы, карточки глобального чтения. Для детей с умеренной и тяжелой умственной отсталостью, имеющих трудности в импрессивной и экспрессивной речи, оптимальными являются жесты и фотографии, а в некоторых случаях карточки для глобального чтения. Для детей с глубокой умственной отсталостью применимы жесты и предметы [Ларина 2023]. На начальных этапах внедрения альтернативной и дополнительной коммуникации обязателен учет текущего развития ребенка с заделом на дальнейший рост в сфере общения. По мнению большинства логопедов, ограниченные интеллектуальные способности не должны исключать использование более продвинутых и технологичных средств альтернативной коммуникации при работе с детьми с глубокими интеллектуальными нарушениями [Rensfeld Flink et al. 2024].

Особенности оculoмоторной активности при предъявлении графических и текстовых объектов

Внимание младших школьников с умственной отсталостью отличается своей дефицитарностью, неустойчивостью, трудностями в концентрации, легкой отвлекаемостью на любые объекты, предметы, шумы, не относящиеся к выполнению заданий. Темп деятельности в процессе выполнения заданий имеет тенденцию к снижению [Исанова 2022]. Для детей с легкой степенью умственной отсталости свойственно нарушение пространственных представлений, обусловленное особенностями произвольного зрительного восприятия [Никишина и др. 2021] и конструктивной апраксией [Смирнова 2021].

При использовании айтрекинга на нормативной группе сформулированы основные принципы отслеживания когнитивной нагрузки, выражающейся в длительности фиксаций и саккад [Еременко, Залата 2020]. Для младших школьников с легкой степенью умственной отсталости при предъявлении стимульных материалов (графических изображений) свойственно фиксировать внимание в области головы. Данное обстоятельство отмечается как при предъявлении изображений людей, так и животных, а фиксации взгляда в области второстепенных объектов единичные [Никишина и др. 2021]. Гиперсоциальность и ориентация фиксации взгляда при выполнении социально-когнитивных задач зафиксированы и у детей с синдромом Уильямса и синдромом Дауна. Противоположные ориентации взгляда наблюдаются у детей с расстройством аутистического спектра. Недостаток фиксаций в области лиц отмечается у детей с РАС. Применение айтрекинга для измерения социально-когнитивных способностей выявило, что людям с гиперактивностью достаточно сложно поддерживать внимание при выполнении заданий [Jenner et al. 2023].

Использование айтрекинга не ограничивается отслеживанием оculoмоторной активности. Выдвигаются тезисы о возможности формирования способностей к социальным навыкам и распознаванию эмоций при предъявлении стимульного материала с изображением людей. Наравне с этим есть положительные эффекты развития когнитивных функций у детей с РАС, синдромом дефицита внимания и гиперактивности (СДВГ), синдромом Ретта: улучшение устойчивости, переключения, избирательности и торможения внимания [Ребрейкина, Левкович 2023] описываются в рамках метакогнитивного подхода (осознанности), базирующегося на систематической тренировке.

Метакогнитивные стратегии позволяют оптимизировать навыки чтения и письма, самоэффективности, эмоционального благополучия у детей со сложностью в обучении. В частности, зафиксировано снижение количества сердечных сокращений, свидетельствующее о менее выраженном беспокойстве при сформированной рефлексивности во время декодирования [Keller et al. 2019]. При декодировании письменной речи важным условием является знание букв и их звуков, способность объединения их в слово, отраженное последовательностью букв. В связи с этим навыки чтения являются важным фундаментом для формирования импрессивной речи.

Исследование навыков зрительного восприятия текстов у детей с умственной отсталостью начальной школы с применением айтрекинга выявило наличие положительного влияния коротких текстовых сообщений, цветовых выделений слогов, а также бежевого шрифта на черном фоне на снижение длительности, количества фиксаций взгляда и амплитуды саккад [Диневич, Дунаевская 2019].

Использование метода пиктограмм в качестве альтернативной коммуникации в работе со старшими дошкольниками с умеренной умственной отсталостью способно формировать импрессивную речь. При использовании пиктограмм старшим дошкольникам без особых сложностей удается выделять части пиктограммы или пиктограмму, обозначающую слово, находящееся в их активном словаре [Столярова, Агаева 2021], что обусловлено особенностями зрительной памяти, выступающей как компенсация плохого понимания материала через запоминание внешних признаков [Каляскина 2021]. Трудности возникают при выделении пиктограмм, обозначающих единственные и множественные числа существительных и глаголов, при сопоставлении значения предлогов и приставных глаголов [Столярова, Агаева 2021].

Показано, что эффективность интерпретации графических изображений в целом зависит от уровня интеллектуального развития индивида, а также от системы альтернативной коммуникации и графической представленности пиктограмм [Защиринская, Белимова 2022]. Результаты исследования восприятия пиктограмм в вербальном контексте свидетельствуют о пассивности мышления и нарушении когнитивного компонента мышления у лиц с нарушением интеллектуального развития. При этом анализ глазодвигательной активности показал меньшую длительность процесса активации лексической

обработки по сравнению с нормотипичной выборкой [Белимова 2024]. Подтверждается более низкая способность учащихся с нарушением интеллекта к правильному декодированию навигационных знаков, при этом отмечается общая адекватность их понимания, обусловленная изучением правил графической навигации в рамках образовательного процесса [Белимова 2023].

Ученики начальной школы с легкой и умеренной степенью умственной отсталости выполняют инструкции взрослых, но испытывают затруднения при трехступенчатых инструкциях, при одновременном предъявлении трех разных картинок [Беляева 2020]. У детей с легкой степенью умственной отсталости распределение внимания осуществляется равномерно при условии одновременного предъявления рисунков, не превышающих шести объектов. Показано, что одновременное предъявление текста и графического образа ведет к игнорированию текстовой части [Никишина и др. 2021]. Так, иллюстрированный текст при чтении вызывает у детей с умственной отсталостью большие временные затраты [Диневиц, Дунаевская 2019]. Для подростков с умственной отсталостью при предъявлении рисуночных образов (комиксов) сохраняется фиксация внимания на лице и частях тела, совершающих более интенсивные действия, при этом они дольше рассматривают стимулы по сравнению с подростками с нормативным уровнем интеллектуального развития [Белимова, Щеглова 2020].

Обсуждение

Внедрение в практику педагогической деятельности закона об образовании нивелировало проблему социальной изоляции детей, имеющих особенности в развитии. Однако, в силу отрицания со стороны родителей наличия особенностей в развитии ребенка и / или страха социальной оценки и стигматизации, отмечаются случаи обучения детей с умственной отсталостью в общеобразовательных классах, что может привести к формированию невротических расстройств и дезадаптации во взрослом периоде. Наличие в общеобразовательной школе классов, реализующих адаптированную программу обучения, является важным фактором для перевода ребенка в такой класс. Анализ показал, что адаптированные образовательные программы могут значительно улучшить когнитивные процессы и навыки общения у детей с нарушением интеллекта. Но несмотря на существующие возможности, многие родители продолжают выбирать общеобразовательные

программы, что может негативно сказаться на психическом здоровье и социальной адаптации детей.

В ходе исследования была подтверждена важность комплексного подхода к обучению детей с интеллектуальными нарушениями, который учитывает как нейропсихологические аспекты, так и особенности коммуникации. Установлено, что дети с нарушением интеллектуального развития часто сталкиваются с трудностями в восприятии и использовании графических и текстовых символов, что затрудняет их социальное взаимодействие и адаптацию в инклюзивной образовательной среде.

Восприятие графических и текстовых стимулов у детей с интеллектуальными нарушениями определяется множеством факторов, которые могут влиять на их способность к обучению и коммуникации. Сформированность зрительного восприятия играет критическую роль в способности детей распознавать и интерпретировать графические стимулы [Диневиц, Дунаевская 2019; Каляскина 2021; Ребрейкина, Левкович 2023; Столярова, Агаева 2021; Цветова, Кряжевских 2021]. Исследования показывают, что дети с нарушениями интеллекта могут испытывать затруднения в различении форм, цветов и пространственных отношений, что влияет на их способность к чтению и пониманию визуальной информации [Никишина и др. 2021]. Наличие нарушений в речевом развитии также влияет на восприятие текстовых стимулов, что выражается в трудностях как в понимании (рецептивная речь), так и в выражении своих мыслей (экспрессивная речь) [Кузнецова, Хмелькова 2023; Ларина 2023; Смирнова 2021; Торкунова и др. 2023; Shevchenko et al. 2023]. Моторные особенности, такие как гипокинезия или недостаточная координация движений, могут затруднять манипуляцию с учебными материалами (например, при использовании книг или планшетов). Дети с нарушением интеллекта часто испытывают трудности в межличностных отношениях, что может препятствовать их участию в совместной деятельности, связанной с обучением [Рафикова 2024; Шаповалова 2019]. Эмоциональное состояние ребенка, включая уровень тревожности и самооценку, может оказывать значительное влияние на его способность воспринимать информацию [Keller et al. 2019]. Дети с низкой самооценкой или высоким уровнем тревожности могут быть менее восприимчивы к обучающим материалам.

Таким образом, восприятие графических и текстовых стимулов у детей с интеллектуальными нарушениями является сложным процессом, который зависит

от множества взаимосвязанных факторов, в том числе от графических свойств символов [Белимова 2023; Защирина, Белимова 2022]. Понимание этих особенностей может помочь педагогам и специалистам разрабатывать более эффективные стратегии обучения и поддержки для данной категории детей, способствуя их развитию и социальной интеграции.

В ходе исследования были выявлены ключевые аспекты использования систем АДК в образовательном процессе для детей с интеллектуальными нарушениями, а также практическая значимость использования АДК в коррекционно-педагогической работе. Альтернативная и дополнительная коммуникация представляет собой важный инструмент, позволяющий компенсировать коммуникативные дефициты и поддерживать развитие навыков общения у данной категории школьников. Внедрение АДК требует индивидуального подхода к каждому ребенку, учитывающего его уникальные когнитивные, сенсорные и моторные потребности. Это позволяет адаптировать методы коммуникации под конкретные условия обучения и окружение ребенка, что значительно повышает эффективность образовательного процесса. Использование АДК в обучении способствует формированию более устойчивых социальных навыков и повышению уровня социальной включенности детей с нарушениями интеллекта [Carnett et al. 2023; Dada et al. 2020; Rensfeld Flink et al. 2024; Srinivasan et al. 2022]. Эффективная коммуникация помогает им лучше взаимодействовать со сверстниками и взрослыми, что снижает риск социальной изоляции и способствует формированию положительной самооценки. Коммуникативные доски, а также программы и устройства, такие как PECS, Макатон и современные приложения для мобильных устройств (Proloquo2Go, TouchChat), предоставляют разнообразные возможности. Эффективное использование данных средств требует индивидуального подхода к каждому ребенку.

Несмотря на очевидные преимущества, существует ряд проблем в реализации АДК в образовательном процессе. К ним относятся недостаток подготовки педагогов, ограниченные ресурсы для внедрения технологий АДК и отсутствие единой методологической базы для работы с детьми с различными уровнями интеллекта.

Обзор научных источников позволил выявить основные недостатки в существующих исследованиях АДК.

1. Большинство исследований сосредоточено на детях с расстройствами аутистического спектра или тяжелыми множественными нарушениями

развития, что приводит к недостаточному пониманию специфических потребностей детей с олигофренией. Это ограничивает возможность адаптации методов АДК для данной группы.

2. Существующие исследования часто основаны на малом количестве участников или ограниченных выборках, что затрудняет обобщение результатов и применение их в практике. Например, многие исследования используют взрослые выборки, что не позволяет учитывать особенности развития детей.

3. В исследованиях недостаточно внимания уделяется разработке и внедрению стандартизированных методов оценки эффективности АДК для детей с олигофренией. Это приводит к вариативности в подходах и затрудняет сравнение результатов.

4. Многие исследования не учитывают индивидуальные различия в когнитивных и сенсорных способностях детей, что может влиять на восприятие графических и текстовых стимулов. Это приводит к созданию универсальных решений, которые могут быть неэффективными для отдельных детей.

Проведенное исследование позволило выявить разницу в электрической активности мозговых структур, а также окуломоторной активности у детей в зависимости от категории ограниченных возможностей и нормативно развивающихся детей. В частности, нами были выявлены особенности у детей с синдромом олигофрении, позволившие сформулировать требования к АДК для данных детей, которые необходимо учитывать при исследованиях или разработке стимульного материала для работы с ними (без учета детей с синдромом Дауна, РАС, СДВГ, ТНРП). К таким особенностям мы можем отнести следующие:

- Стимулы должны быть гибкими и адаптируемыми к индивидуальным потребностям ребенка, учитывая его уровень развития, интересы и предпочтения, что позволит обеспечить более эффективное взаимодействие и обучение.
- Графические стимулы должны быть простыми и понятными, с использованием четких изображений и минимального количества деталей, что поможет детям легче воспринимать информацию и избегать перегрузки.
- Использование контрастных элементов поможет привлечь внимание детей с олигофренией, улучшая их восприятие графических стимулов.
- Стимулы должны включать элементы интерактивности, позволяя детям активно участвовать в процессе обучения через игры, приложения или другие формы взаимодействия.

- Необходимо предусмотреть постепенное увеличение сложности стимулов по мере развития ребенка. Это позволит поддерживать мотивацию и интерес к обучению.

- Стимулы должны быть связаны с реальными жизненными ситуациями и социальными взаимодействиями, что поможет детям лучше понимать контекст использования АДК в повседневной жизни.

- Оптимальное количество одновременного отражения графических объектов на одном стимуле – 1–5 объектов.

- Допускается предъявление не более 3 картинок одновременно, вместе с этим картинки не должны быть излишне яркими, с множеством деталей или изображением людей, что увеличивает когнитивную нагрузку и отвлекает внимание ребенка. Особенности фиксации внимания на лицах и голове при предъявлении стимульного материала с изображением животных и людей свидетельствуют о допустимости использования графических рисунков только при условии отсутствия детализированности таких изображений, рисунки в данном случае могут быть в форме символов или пиктограмм.

- При одновременном присутствии в стимульном материале графического объекта и текста игнорируется текст, а внимание сосредоточено лишь на объекте. В связи с этим оптимальным является поочередное предъявление графического и текстового материала.

- Текстовые стимулы должны быть короткими, особенно это относится к текстовым стимулам, написанным черным цветом. Оптимальным является использование бежевых текстовых выражений на черном фоне. Слоговые текстовые стимулы оптимально выделять разными цветами.

- Особенности декодирования текстовой информации детьми с нарушениями интеллекта позволяют сформулировать требование об учете в инструкциях простых лексико-грамматических конструкций, исключении сложноподчиненных предложений. Инструкции к текстовым заданиям должны быть четкими, короткими, при проведении исследования допускаются одно- и двухступенчатые инструкции.

Заключение

Системы дополнительной и альтернативной коммуникации представляют собой важный компонент образовательного процесса для детей с интеллектуальными нарушениями. Их эффективное использование может значительно улучшить качество жизни, способствуя социальной интеграции и развитию необходимых

навыков для успешного взаимодействия в обществе. Для повышения социальной включенности детей с интеллектуальными нарушениями требуется дальнейшее развитие инклюзивных практик в образовании, а также активное сотрудничество специалистов из различных областей – нейропсихологии, логопедии и педагогики. Для повышения эффективности систем АДК для детей с нарушениями интеллекта необходимо учитывать существующие недостатки в исследованиях и разрабатывать стимулы, соответствующие специфическим нуждам этой категории школьников.

К ограничениям теоретического исследования мы относим тот факт, что в обзорах не отражены данные относительно окулomotorной активности у детей с легким уровнем умственной отсталости на эмотивных фотографиях и картинках. Исследования проводятся преимущественно на основе графических рисуночных образов. Также мы отмечаем недостаток в исследованиях, описывающих особенности окулomotorной активности среди детей и подростков с умеренной и тяжелой умственной отсталостью.

К важному ограничению исследования мы относим тот факт, что в исследованиях авторами используется только один метод сбора физиологических реакций.

Не менее важным замечанием в рамках изучения физиологических реакций является отсутствие учета половых различий при восприятии визуальных и текстовых образов. Исследования, проводимые на взрослой выборке, не имеющей существенных ограничений и особенностей развития, указывают на существенную разницу в восприятии визуальных образов между мужчинами и женщинами, а также отражают разницу в зависимости от культурных различий.

Вышеуказанные обстоятельства, на наш взгляд, являются значимыми для проектирования и проведения дальнейших эмпирических исследований.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: Авторы в равной степени участвовали в подготовке и написании статьи.

Contribution: All the authors contributed equally to the study and bear equal responsibility for information published in this article.

Финансирование: Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-28-01653 «Психофизиологические показатели декодирования графических средств коммуникации у лиц с нарушением интеллекта», <https://rscf.ru/project/24-28-01653/>

Funding: The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 24-28-01653: Psychophysiological indicators of decoding graphic means of communication in persons with intellectual disabilities, <https://rscf.ru/en/project/24-28-01653/>

Литература / References

- Артемьева Н. В., Задорожная Т. В., Мамаева А. В. Мониторинг сформированности базовых предпосылок для понимания пиктографических изображений у обучающихся 1–2 классов с тяжелой умственной отсталостью. *Гуманитарные науки (г. Ялта)*. 2018. № 2. С. 168–172. [Artemyeva N. V., Zadorozhnaya T. V., Mamaeva A. V. Monitoring the formation of basic prerequisites for understanding pictographic images in students with severe mental retardation. *The Humanities (Yalta)*, 2018, (2): 168–172. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rtknrl>
- Баряева Л. Б., Лопатина Л. В. Методические аспекты работы с неговорящими детьми с использованием системы альтернативной коммуникации. *Специальное образование*. 2018. № 4. С. 5–20. [Baryaeva L. B., Lopatina L. V. Methodological aspects of support for non-speaking children using alternative communication system. *Special Education*, 2018, (4): 5–20. (In Russ.)] <https://doi.org/10.26170/sp18-04-01>
- Белимова П. А. Пиктограммы как метод невербальной коммуникации для подростков с нарушением интеллектуального развития. *Общество: социология, психология, педагогика*. 2024. № 2. С. 34–40. [Belimova P. A. Pictograms as a method of non-verbal communication for adolescents with impaired intellectual development. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2024, (2): 34–40. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24158/spp.2024.2.3>
- Белимова П. А. Способность лиц с нарушением интеллекта к интерпретации общественных знаков. *Психология и психотехника*. 2023. № 2. С. 101–109. [Belimova P. A. The ability to interpret social signs by individuals with intellectual disturbance. *Psychology and Psychotechnics*, 2023, (2): 101–109. (In Russ.)] <https://doi.org/10.7256/2454-0722.2023.2.40902>
- Белимова П. А., Щеглова Н. А. Восприятие и роль познавательного интереса в понимании сюжетных картинок подростками с интеллектуальной недостаточностью. *Актуальные проблемы современного образования: опыт и инновации*: Всерос. науч.-практ. конф. (Ульяновск, 21–22 декабря 2020 г.) Ульяновск: Зебра, 2020. С. 85–90. [Belimova P. A., Shcheglova N. A. Perception and the role of cognitive interest in understanding of narrative pictures by adolescents with intellectual disturbances. *Relevant issues of modern education: Experience and innovations*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Ulyanovsk, 21–22 Dec 2020. Ulyanovsk: Zebra, 2020, 85–90. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/jdmlyu>
- Беляева А. О. Особенности состояния импрессивной речи младших школьников с легкой и умеренной степенью умственной отсталости. *Молодой ученый*. 2020. № 48. С. 397–401. [Belyaeva A. O. Features of the state of impressive speech of primary school children with mild to moderate mental retardation. *Molodoi uchenyi*, 2020, (48): 397–401. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/emsytw>
- Виноградова Д. О., Кипятков Н. Ю. Особенности биоэлектрической активности мозга у пациентов с синдромом «олигофрении». *Forcipe*. 2021. Т. 4. № S1. С. 585. [Vinogradova D. O., Kipyatkov N. Yu. Bioelectrical activity of brain in patients with oligophrenia. *Forcipe*, 2021, 4(S1): 585. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rkunlm>
- Дадаева Х. Х., Исаева А. Р., Уматгириева Х. М. Биоэлектрическая активность коры головного мозга в различные возрастные периоды. *Современные проблемы биологии и химии*: Всерос. науч.-практ. конф. (Грозный, 27 мая 2021 г.) Грозный: ЧГУ им. А. А. Кадырова, 2021. С. 43–48. [Dadaeva Kh. Kh., Isaeva A. R., Umatgirieva H. M. Bioelectrical activity of the cerebral cortex in different age periods. *Contemporary issues of biology and chemistry*: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Grozny, 27 May 2021. Grozny: Kadyrov ChSU, 2021, 43–48. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vgiryrm>
- Далимова С. А., Аграновский М. Л., Муминов Р. К. Сравнительный анализ уровня качества жизни и клинической картины у лиц с легкой степенью умственной отсталости при семейном характере олигофрении. *Экономика и социум*. 2020. № 6. С. 580–587. [Dalimova S. A., Agranovsky M. L., Muminov R. K. Comparative analysis of the level of quality of life and clinical picture in persons with a light degree of mental device with family character of oligophrenia. *Ekonomika i sotsium*, 2020, (6): 580–587. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/klffzy>

- Диневич К. В., Дунаевская Э. Б. Исследование зрительного восприятия текстов разного визуального формата у детей с умственной отсталостью. *Комплексные исследования детства*. 2019. Т. 1. № 2. С. 114–121. [Dinevich K. V., Dunaevskaya E. B. Visual perception of texts in different visual format: A study of children with mental disability. *Comprehensive Child Studies*, 2019, 1(2): 114–121. (In Russ.)] <https://doi.org/10.33910/2687-0223-2019-1-2-114-121>
- Еременко Ю. А., Залата О. А. Психофизиологические подходы к проектированию образовательного контента в иммерсивной среде. *Вопросы образования*. 2020. № 4. С. 207–231. [Eremenko Yu. A., Zalata O. A. Psychophysiological approaches to instructional design for immersive environments. *Voprosy Obrazovaniya*, 2020, (4): 207–231. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2020-4-207-231>
- Закрепина А. В., Стребелева Е. А. Теоретико-методические ориентиры для разработки содержания коррекционно-развивающих занятий с обучающимися с умственной отсталостью I–IV классов (АООП вариант 9.1). *Специальное образование*. 2023. № 2. С. 16–34. [Zakrepina A. V., Strebeleva E. A. Theoretical and methodological guidelines for developing the content of rehabilitation classes for students with intellectual disability of grades I–IV (ABGEP variant 9.1). *Special Education*, 2023, (2): 16–34. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/peiotd>
- Защиринская О. В., Белимова П. А. Нарушение интерпретации пиктографических систем подростками с лёгкой умственной отсталостью. *Российский психиатрический журнал*. 2022. № 1. С. 46–54. [Zashchirinskaia O. V., Belimova P. A. Interpretive impairment: How adolescents with mild mental retardation understand pictorial systems. *Rossiiskij Psihiatricheskij Zhurnal*, 2022, (1): 46–54. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47877/1560-957X-2022-10106>
- Исанова Н. А. Изучение произвольного внимания младших школьников с нарушением интеллекта. *Молодежные исследования и инициативы в науке, образовании, культуре, политике*: XVII Всерос. молодежная науч.-практ. конф. (28–29 апреля 2022 г.) Биробиджан: ПГУ им. Шолом-Алейхема, 2022. С. 356–359. [Isanova N. A. Study of arbitrary attention of junior schoolchildren with intellectual disability. *Youth research and initiatives in science, education, culture, politics*: Proc. XVII All-Russian Youth Sci.-Prac. Conf., 28–29 Apr 2022. Birobidzhan: Sholom-Aleichem PSU, 2022, 356–359. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/nidrti>
- Кайсманова М. П., Колядина А. А. Особенности ЭЭГ коррелятов при умственной отсталости. *Forcipe*. 2020. Т. 3. № S1. С. 851–852. [Kaismanova M. P., Kolyadina A. A. Features of EEG correlates in mental retardation. *Forcipe*, 2020, 3(S1): 851–852. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/mosynp>
- Каляскина М. А. Изучение особенностей нарушения памяти у детей младшего школьного возраста с умственной отсталостью. *Достижения науки и образования*. 2021. № 2. С. 52–54. [Kalyaskina M. A. Memory impairment in primary school children with mental retardation. *Dostizheniya nauki i obrazovaniya*, 2021, (2): 52–54. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/shdjck>
- Козлова К. М. Обзор способов альтернативной коммуникации, применяемых в отечественной практике специального образования. *Проблемы современного педагогического образования*. 2018. № 58-4. С. 120–127. [Kozlova K. M. A review of alternative methods of communication used in the Russian practice of special education. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2018, (58-4): 120–127. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/yuzhkhk>
- Кузнецова М. Н., Хмелькова Е. В. Использование альтернативных средств коммуникации в развитии словаря младших школьников с тяжелыми и множественными нарушениями. *Концепт*. 2023. № 12. С. 278–285. [Kuznetsova M. N., Khmelkova E. V. The use of alternative means of communication in the development of the vocabulary of primary school children with severe and multiple disabilities. *Concept*, 2023, (12): 278–285. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24412/2304-120X-2023-12017>
- Ларина А. В. Развитие коммуникативных возможностей обучающихся с умеренной, тяжелой, глубокой умственной отсталостью через использование различных систем альтернативной коммуникации. *Изучение и образование детей с различными формами дизонтогенеза*: XVIII Междунар. науч.-практ. конф. (Екатеринбург, 12–13 апреля 2023 г.) Екатеринбург: УрГПУ, 2023. С. 141–146. [Larina A. V. Development of communicative capabilities of students with moderate, severe, deep mental retardation through the use of various alternative communication systems. *Studying and educating children with different forms of dysontogenesis*: Proc. XVIII Intern. Sci.-Prac. Conf., Ekaterinburg, 12–13 Apr 2023. Ekaterinburg: USPU, 2023, 141–146. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/sddzkk>

- Никишина В. Б., Природова О. Ф., Петраш Е. А., Севрюкова И. А. Глазодвигательные реакции при восприятии изображений младшими школьниками с легкой степенью умственной отсталости. *Вестник РГМУ*. 2021. № 1. С. 54–63. [Nikishina V. B., Prirodova O. F., Petrash E. A., Sevryukova I. A. Oculomotor response to images in primary school children with intellectual disability. *Vestnik RGMU*, 2021, (1): 54–63. (In Russ.)] <https://doi.org/10.24075/vrgmu.2021.008>
- Рафикова Р. А. Теоретические аспекты социализации детей подросткового возраста с лёгкой степенью умственной отсталости. *Science and Education*. 2024. № 5 (3). С. 566–577. [Rafikova R. A. Theoretical aspects of socialization of adolescent children with mild mental retardation. *Science and Education*, 2024, 5(3): 566–577. (In Russ.)]
- Ребрейкина А. Б., Левкович К. М. Развитие когнитивных функций детей с помощью методик, использующих видеоокулографию. *Современная зарубежная психология*. 2023. Т. 12. № 4. С. 51–61. [Rebreikina A. B., Liaukovich K. M. Training children's cognitive functions using eye-tracking technology. *Sovremennaya zarubezhnaya psichologiya*, 2023, 12(4): 51–61. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/jmfp.2023120405>
- Рябчикова Н. А. Особенности пространственно-временной синхронизации биопотенциалов головного мозга в прогностической деятельности человека. *Бионика – 2022: II Междунар. науч.-практ. конф.* (Москва, 23–24 декабря 2022 г.) М.: Ассоциация технических университетов, 2022. С. 89–99. [Ryabchikova N. A. Features of brain biopotentials spatial-temporal synchronization in human prognostic activity. *Bionics – 2022: Proc. II Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Moscow, 23–24 Dec 2022. Moscow: Technical Universities Association, 2022, 89–99. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ltvlsw>
- Смирнова Ю. Е. Нейропсихологические маркеры интеллектуальных нарушений. *Молодой ученый*. 2021. № 1. С. 135–147. [Smirnova Yu. E. Neuropsychological markers of intellectual disabilities. *Molodoi uchenyi*, 2021, (1): 135–147. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wdxovv>
- Столярова О. В., Агаева И. Б. Формирование импрессивной речи у старших дошкольников с умеренной умственной отсталостью средствами альтернативной коммуникации. *The Newman in Foreign Policy*. 2021. Т. 6. № 63. С. 41–43. [Stolyarova O. V., Agaeva I. B. Formation of impressionistic speech in older preschoolers with moderate mental retardation by means of alternative communication. *The Newman in Foreign policy*, 2021, 6(63): 41–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/wfyise>
- Торкунова О. И., Нефедов П. В., Деркачева Д. Л. Психологические особенности развития детей с ограниченными возможностями здоровья. *Наследие В. И. Лубовского и современные тенденции развития специального и инклюзивного образования: XVI Междунар. науч.-практ. конф.* (Курск, 28 февраля – 1 марта 2023 г.) Курск: КГУ, 2023. С. 436–441. [Torkunova O. I., Nefedov P. V., Derkacheva D. L. Psychological characteristics of the development of children with disabilities. *Legacy of V. I. Lubovsky and modern trends in the development of special and inclusive education: Proc. XVI Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Kursk, 28 Feb – 1 Mar 2023. Kursk: KSU, 2023, 436–441. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/fritoy>
- Филиппова М. В. Особенности коммуникации детей с умеренными и тяжелыми нарушениями интеллекта. *Приоритетные направления развития науки образования: XVIII Междунар. науч.-практ. конф.* (Пенза, 10 мая 2021 г.) Пенза: Наука и просвещение, 2021. С. 82–85. [Filippova M. V. Communication features of children with moderate and severe intellectual disabilities. *Priority directions of development of science of education: Proc. XVIII Intern. Sci.-Prac. Conf.*, Penza, 10 May 2021. Penza: Nauka i prosveshchenie, 2021, 82–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rcngbv>
- Цветова О. А., Кряжевских Е. Г. Развитие импрессивной речи у детей с умственной отсталостью младшего школьного возраста через глобальное чтение. *Альманах научно-исследовательских работ студентов и молодых ученых: Всерос. (с междунар. уч.) студенч. науч.-практ. конф.* (Пермь, 19–20 мая 2021 г.) Пермь: ПГПУ, 2021. Вып. 9. С. 334–337. [Tsvetova O. A., Kryazhevskikh E. G. Developing impressive speech in primary schoolers with mental retardation through global reading. *Almanac of students and young scientists' research: Proc. All-Russian (with Intern. participation) Student Sci.-Prac. Conf.*, Perm, 19–20 May 2021. Perm: PSHPU, 2021, iss. 9, 334–337. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/pvvkso>
- Шаповалова О. Е. Изучение воображения умственно отсталых детей. *Наука и школа*. 2019. № 5. С. 179–184. [Shapovalova O. E. Studying the imagination of mentally retarded children. *Nauka i shkola*, 2019, (5): 179–184. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/tiuivj>

- Abad F., Cuvi J., Cedillo P., Prado D., Collaguazo C., Sánchez W. usability model of augmentative and alternative communication systems and pictographic systems in people with disabilities. *2021 Eighth International Conference on eDemocracy & eGovernment (ICEDEG)*, Quito, Ecuador, 2021, 95–102. <https://doi.org/10.1109/ICEDEG52154.2021.9530909>
- Arias-Flores H., Zapata M., Sanchez-Gordon S., Cedillo P. Communication support for older adults through pictograms. *International Conference on Human-Computer Interaction*, eds. Stephanidis C., Antona M., Ntoa S., Salvendy G. Cham: Springer Nature Switzerland, 2023, 411–417. https://doi.org/10.1007/978-3-031-35992-7_56
- Babb S., McNaughton D., Light J., Caron J. "Two friends spending time together": The impact of video visual scene displays on peer social interaction for adolescents with autism spectrum disorder. *Language, Speech, and Hearing Services in Schools*, 2021, 52(4): 1095–1108. https://doi.org/10.1044/2021_LSHSS-21-00016
- Carnett A., Devine B., Ingvarsson E. T., Esch B. A systematic and quality review of augmentative and alternative communication interventions that use core vocabulary. *Review Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2023, 1–17. <https://doi.org/10.1007/s40489-023-00399-x>
- Chapin S. E., McNaughton D., Light J., McCoy A., Caron J., Lee D. L. The effects of AAC video visual scene display technology on the communicative turns of preschoolers with autism spectrum disorder. *Assistive Technology*, 2022, 34(5), 577–587. <https://doi.org/10.1080/10400435.2021.1893235>
- Dada S., Flores C., Bastable K., Schlosser R. W. The effects of augmentative and alternative communication interventions on the receptive language skills of children with developmental disabilities: A scoping review. *International Journal of Speech-Language Pathology*, 2020, 23(3): 247–257. <https://doi.org/10.1080/17549507.2020.1797165>
- Elsahar Y., Hu S., Bouazza-Marouf K., Kerr D., Mansor A. Augmentative and alternative communication (AAC) advances: A review of configurations for individuals with a speech disability. *Sensors (Basel)*, 2019, 19(8). <https://doi.org/10.3390/s19081911>
- Elshani H., Dervishi P. E., Ibrahim S., Nika A., Kuqi M. M. The impact of cognitive impairment in children with intellectual disabilities. *Journal of International Cooperation and Development*, 2020, 3(2): 25–36. <https://doi.org/10.36941/jicd-2020-0013>
- Jenner L. A., Farran E. K., Welham A., Jones C., Moss J. The use of eye-tracking technology as a tool to evaluate social cognition in people with an intellectual disability: A systematic review and meta-analysis. *Journal of Neurodevelopmental Disorders*, 2023, 15(1). <https://doi.org/10.1186/s11689-023-09506-9>
- Keller J., Ruthruff E., Keller P. Mindfulness and speed testing for children with learning disabilities: Oil and water? *Reading & Writing Quarterly*, 2019, 35(2): 154–178. <https://doi.org/10.1080/10573569.2018.1524803>
- Kudo M. Graphic design of pictograms focusing on the comprehension of people with intellectual disabilities – the next step in standardization: Pictogram design and evaluation methods. *Visible Language*, 2022, 56(3): 58–85.
- Langarika-Rocafort A., Mondragon N. I., Etxebarrieta G. R. A systematic review of research on augmentative and alternative communication interventions for children aged 6–10 in the last decade. *Language, Speech, and Hearing Services in Schools*, 2021, 52(3): 899–916. https://doi.org/10.1044/2021_LSHSS-20-00005
- Lorah E. R., Griffen B. Teaching children with autism traveling skills for using a speech-generating device for manding. *Journal of Developmental and Physical Disabilities*, 2023, 35(3): 509–522. <https://doi.org/10.1007/s10882-022-09863-8>
- Lorah E. R., Holyfield C., Griffen B., Caldwell N. A systematic review of evidence-based instruction for individuals with autism using mobile augmentative and alternative communication technology. *Review Journal of Autism and Developmental Disorders*, 2024, 11(3): 210–224. <https://doi.org/10.1007/s40489-022-00334-6>
- Ollomani F., Imeri Y. Psycho-linguistic development of children with disabilities. *International Journal of Business and Applied Social Science*, 2020, 6(7): 51–54. <https://doi.org/10.33642/ijbass.v6n7p6>
- Olsen M. I., Halvorsen M. B., Søndena E., Strand B. H., Langballe E. M., Årnes A., Michalsen H., Larsen F. K., Gamst W., Bautz-Holter E., Anke A. Factors associated with non-completion of and scores on physical capability tests in health surveys: The North health in intellectual disability study. *Journal of Applied Research in Intellectual Disabilities*, 2022, 35(1): 231–242. <https://doi.org/10.1111/jar.12942>
- Rensfeld Flink A., Thunberg G., Nyman A., Broberg M., Åsberg Johnels J. Augmentative and alternative communication with children with severe/profound intellectual and multiple disabilities: Speech language pathologists' clinical practices and reasoning. *Disability and Rehabilitation: Assistive Technology*, 2024, 19(3): 962–974. <https://doi.org/10.1080/17483107.2022.2137252>

- Shevchenko Y., Dubiaha S., Kovalova O., Varina H., Svyrydenko H. Neuropsychological peculiarities of cognitive functions of speech-impaired junior pupils. *Conhecimento & Diversidade*, 2023, 15(40): 322–339. <https://doi.org/10.18316/rcd.v15i40.11252>
- Sigafoos J., Roche L., Tait K. Challenges in providing AAC intervention to people with profound intellectual and multiple disabilities. *Augmentative and alternative communication: Challenges and solutions*, ed. Ogletree B. T. San Diego, 2021, 229–252.
- Srinivasan S., Patel S., Khade A., Bedy G., Mohite J., Sen A., Poovaiah R. Efficacy of a novel augmentative and alternative communication system in promoting requesting skills in young children with autism spectrum disorder in India: A pilot study. *Autism & Development Language Impairments*, 2022, 7. <https://doi.org/10.1177/23969415221120749>
- Wilkinson K. M., Wolf S. J. An in-depth case description of gaze patterns of an individual with cortical visual impairment to stimuli of varying complexity: Implications for augmentative and alternative communication design. *Perspectives of the ASHA Special Interest Groups*, 2021, 6(6): 1591–1602. https://doi.org/10.1044/2021_PERSP-21-00111
- Zelazo P. D. Executive function and psychopathology: A neurodevelopmental perspective. *Annual Review of Clinical Psychology*, 2020, 16: 431–454. <https://doi.org/10.1146/annurev-clinpsy-072319-024242>

оригинальная статья

<https://elibrary.ru/fiypvr>

Страхи и тревоги студентов разного профиля обучения в контексте базисных убеждений и когнитивных искажений

Юсупов Павел Рафаэлевич

Алтайский государственный медицинский университет,

Россия, Барнаул

eLibrary Author SPIN: 3950-1946

<https://orcid.org/0000-0002-8158-8250>yusupovpr@gmail.com

Межина Ангелина Сергеевна

Алтайский государственный медицинский университет,

Россия, Барнаул

<https://orcid.org/0009-0005-9166-2433>

Аннотация: Подготовка к будущей профессиональной деятельности начинается с попыток решения важных задач в период обучения, с совладанием с целым рядом серьезных вызовов и стрессов, страхов и тревог. Цель – выявить взаимосвязь страхов и тревог студентов вузов разного профиля обучения с базисными убеждениями и когнитивными искажениями. Выборку составили 87 человек в возрасте 19–23 лет. Для оценки базисных убеждений студентов использовался опросник «Шкала базисных убеждений» (Р. Янов-Бульман), адаптированный О. В. Кравцовой. С помощью опросника дисфункциональных отношений А. Бека и А. Вейсмана оценивались когнитивные искажения испытуемых. Использовались методы факторного, корреляционного анализа, методы многомерной дисперсии, многомерной регрессии. Возникновение и развитие страхов и тревог студентов рассматривается в рамках когнитивно-поведенческих моделей тревожности, а также в контексте интегративной многофакторной психосоциальной модели расстройств аффективного спектра. Предложено авторское определение страхов и тревог студентов как состояний ожидания и внутреннего напряжения, требующих поиска решения в условиях неопределенности и трудных жизненных ситуациях учебного процесса. Представляется корректным говорить не о тревожности личности или склонности к тревожным переживаниям, а о возникновении страхов и тревог студентов, вынужденных решать актуальные задачи обучения и адаптации в вузе. Возникновение страхов / тревог студентов обусловлено сформированными когнитивными убеждениями, установками, искажениями. Для исследования содержательных характеристик страхов и тревог студентов разработана авторская анкета, включающая 41 утверждение. Факторный анализ пунктов авторской анкеты позволил выделить 5 факторов страхов и тревог студентов: тревога успеваемости; тревога остаться без социальной поддержки; страх профессиональной несостоятельности; страх выбрать не ту специальность; красный диплом и стипендия как ориентиры обучения. Подтверждена гипотеза о том, что выраженность страхов и тревог студентов разного профиля обучения значительно различается. Показаны наиболее ресурсные базисные убеждения, которые повышают возможность контроля над страхами и тревогами, возникающими в учебном процессе: *ценность собственного Я, доброта людей и благосклонность мира* оказывают положительное влияние на снижение тревожности, способствуя академической и социальной адаптации студентов.

Ключевые слова: страх, тревога, студенты, профиль обучения, учебная адаптация, базисные убеждения, когнитивные искажения

Цитирование: Юсупов П. Р., Межина А. С. Страхи и тревоги студентов разного профиля обучения в контексте базисных убеждений и когнитивных искажений. *СибСкрипт*. 2025. Т. 27. № 2. С. 362–374. <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-362-374>

Поступила в редакцию 14.08.2024. Принята после рецензирования 20.01.2025. Принята в печать 27.01.2025.

full article

Fears and Anxieties in Students of Different Majors: World Assumptions and Dysfunctional Relationships

Pavel R. Yusupov

Altai State Medical University, Russia, Barnaul

eLibrary Author SPIN: 3950-1946

<https://orcid.org/0000-0002-8158-8250>yusupovpr@gmail.com

Angelina S. Mezhdina

Altai State Medical University, Russia, Barnaul

<https://orcid.org/0009-0005-9166-2433>

Abstract: University environment means coping with a number of serious challenges, stresses, fears, and anxieties. This article describes correlations between anxieties, world assumptions, and cognitive distortions in university students of different majors. The sample consisted of 87 university students aged 19–23. They were subjected to R. Yanov-Bulman's Basic Assumptions Scale adapted by O. V. Kravtsova, as well as to A. Beck and A. Weissman's Dysfunctional Attitude Scale (DAS). The research involved the methods of factor and correlation analysis, multivariate dispersion, and multivariate regression. The emergence and development of fears and anxieties were considered within the framework of cognitive-behavioral models of anxiety and the integrative multifactorial psychosocial model of affective spectrum disorders. Fears and anxieties were defined as states of expectation and internal tension that require a solution in conditions of uncertainty and adverse life situations at university. They emerged not as personality traits, but as a result of the need to solve urgent academic problems and adapt to the university environment. Fears and anxieties developed in students as a result of cognitive attitudes and distortions. The author's own questionnaire of 41 statements revealed five factors of fear and anxiety development: performance anxiety; anxiety of being left without social support; fear of professional failure; fear of choosing the wrong specialty; cum laude graduation and scholarship as academic benchmarks. Their severity depended on the major. The most resourceful world attitudes that contributed to fear control included Self-value, kindness of people, and benevolence of the world. They could reduce anxiety, promote academic performance, and improve social adaptation.

Keywords: fear, anxiety, students, educational profile, academic adaptation, basic attitudes, cognitive distortions

Citation: Yusupov P. R., Mezhdina A. S. Fears and Anxieties in Students of Different Majors: World Assumptions and Dysfunctional Relationships. *SibScript*, 2025, 27(2): 362–374. (In Russ.) <https://doi.org/10.21603/sibscript-2025-27-2-362-374>

Received 14 Aug 2024. Accepted after peer review 20 Jan 2025. Accepted for publication 27 Jan 2025.

Введение

Эффективность будущей профессиональной деятельности начинается еще на этапе студенчества, активного обучения человека, когда он встречается с целым рядом серьезных проблем, вызовов и стрессов. Образовательная среда предъявляет довольно высокие требования к возможностям и ресурсам личности, а неспособность справиться с требованиями и вызовами может приводить к истощению ресурсов, нарушению мотивации у студентов в процессе овладения профессией, невозможности личностного и профессионального самоопределения, негативно сказывающихся на жизнеспособности [Богомазова, Байгузина 2022].

В исследовании выделено несколько категорий страхов и тревог, возникающих у студентов в учебном

процессе. В рамках данного исследования термины *страхи и тревоги* рассматриваются как синонимичные, характеризующиеся личностной значимостью и фокусом на потенциально неблагоприятных исходах, которые, в отличие от волнения или азарта, несут в себе негативные ожидания, связанные с рисками и неопределенностью. Таким образом, страхи и тревоги студентов мы определяем как состояния ожидания и внутреннего напряжения, требующие поиска решения в условиях неопределенности и трудных жизненных ситуациях учебного процесса.

Первая группа страхов и тревог непосредственно связана с учебным процессом. Сюда можно отнести проблему учебной успеваемости и страхи не справиться с задачами образовательной программы,

с задачей планирования времени и организации усилий и ресурсов в решении учебных задач. К этой же группе отнесем страхи и тревоги перед сессией, экзаменами, академической задолженностью.

Другие студенческие страхи связаны с фактором социальной коммуникации со студенческим коллективом и преподавателями, когда актуальным становится самопрезентация и поиск / установление деловых, социальных отношений в образовательном сообществе. Существенно осложнить коммуникацию способен фактор социальной тревожности и негативной самооценки. Поэтому для студентов с повышенным уровнем социальной тревожности коммуникация со студентами и преподавателями осложняется неспособностью установить эмоционально безопасный и продуктивный контекст общения и взаимодействия.

Актуальность социально-фобической симптоматики в юном и молодом возрасте связывают с необходимостью широкого социального взаимодействия, становлением личностной идентичности, начальными шагами в профессиональной деятельности, созданием семьи и построением длительных отношений [Дутчина, Щербакова 2024; Краснова, Холмогорова 2011; Павлова, Холмогорова 2011]. С низкой самооценкой и социальной тревожностью может быть связан страх одиночества и отвержения группой, выходящий за рамки учебного процесса. Ближе к этому располагается страх не найти близких по духу людей, друзей или партнера для жизни.

Следующая категория страхов и тревог связана с личностным и профессиональным самоопределением, поиском своего пути и ценностей, задачей правильного выбора профессии, вероятностью разочарования в выбранной профессии или учебном заведении. Еще одна проблема совмещения обучения и работы частично может быть связана со страхом не суметь спланировать время и оптимально переключаться между учебной и работой (насколько это возможно).

Ряд авторов, исследующих адаптацию студентов, используют термин *трудная жизненная ситуация* для описания объективных событий и условий, требующих от человека значительных ресурсов для преодоления. Примерами таких ситуаций для студентов могут служить смерть близкого человека, тревога из-за болезни членов семьи, проблемы с проживанием, риск потери имущества или финансовой поддержки и т.д., что оказывает влияние не только на эмоциональную сферу, но и на повседневное функционирование личности [Авраменко 2015; Алипханова, Сердюкова

2016; Каргина и др. 2021; Полякова, Бонкало 2024; Шабанова, Лебедева 2015].

Другими трудными жизненными ситуациями для студентов в процессе обучения могут выступать переживания относительно различных стартовых возможностей в профессиональной сфере (у кого-то условия были лучше, у кого-то хуже), тревога неопределенности будущего, сожаления по поводу упущенных возможностей и бессмысленных усилий, страх не адаптироваться к постоянно меняющимся условиям [Каргина и др. 2021].

Мы опирались на когнитивно-поведенческие и социально-когнитивные теории в понимании тревожности. Когнитивно-поведенческая модель фокусируется на когнитивных процессах, таких как негативные мысли и убеждения, которые приводят к тревожности. Поведенческие компоненты помогают понять, как работает избегающее поведение и стратегии совладания [Сагалакова, Труевцев 2007; 2009]. Когнитивно-поведенческие модели объясняют возникновение тревожности в контексте субъективных представлений человека о возникшей проблеме и о собственных возможностях справиться, пережить, разрешить трудную жизненную ситуацию. С точки зрения классиков когнитивной психологии и терапии, мысли и суждения человека могут оказывать решающее влияние на его эмоциональные реакции и поведение; совладание со стрессовыми ситуациями зависит от оценки собственных ресурсов и возможностей.

Анализируя встречу обучающихся с трудными жизненными ситуациями, Н. В. Калинина справедливо подчеркивает, что критическими они становятся, когда присутствует негативная оценка собственного Я [Калинина 2013], т.е. когда негативный когнитивный фон оценки ситуации, негативные личностные суждения, установки не дают возможности опосредованного объективного анализа проблемы и поисков ее решения.

В качестве исследовательских конструктов, помогающих обозначить когнитивные суждения и установки, ответственные за возникновение страхов и тревог у студентов в контексте обучения, а также за возможность / невозможность рационального объективного анализа стрессовой ситуации, проблемы и поисков ее решения, мы остановились на понятиях базисных убеждений и когнитивных искажений.

Базисные убеждения можно определить как фундаментальные, глубинные убеждения о себе, других людях и мире в целом, формирующиеся в детстве

и влияющие на восприятие и поведение человека. Изучение таких убеждений призвано помочь с идентификацией когнитивных факторов, способствующих формированию тревожности и страхов у студентов, с последующей разработкой целевых интервенций в психологической работе с этими состояниями [Кравцова 2003; Beck 1967; Beck et al. 1987].

Когнитивные искажения, согласно концепции А. Бека и А. Вейсмана, представляют собой устойчивые искаженные убеждения и установки, с помощью которых индивид оценивает себя, других людей и свои перспективы. Эти убеждения формируют основу когнитивных искажений, которые могут быть тесно связаны с тревогой и страхами, поскольку определяют характер восприятия и интерпретации значимых событий, включая межличностные и академические вызовы, эмоциональные и поведенческие проблемы [Weissman, Beck 1978]. В случае студентов такие установки могут проявляться в усиленной тревожности и страхах, связанных с учебным процессом, профессиональной реализацией и личностным самоопределением. Диагностика когнитивных искажений поможет исследовать иррациональные мысли и убеждения, которые могут способствовать тревожности и страхам у студентов.

Современные модели возникновения и протекания тревожных и фобических состояний акцентируют внимание на сложном взаимодействии целого ряда факторов. Невозможно объяснить различие людей по шкале тревожности, опираясь только на фактор научения или генетической сензитивности, predisposedности. Представляется корректным говорить не о тревожных чертах личности и склонности человека к фобическим переживаниям, а о возникновении тревожно-фобических переживаний в определенных условиях при взаимодействии разнообразных факторов.

Весьма удобной в этом контексте представляется интегративная многофакторная психосоциальная модель расстройств аффективного спектра [Холмогорова и др. 2009], в которой авторы предлагают описание социально-психологических факторов эмоционального неблагополучия человека, разделяя их на 4 уровня: макросоциальные, семейные, интерперсональные и личностные, что хорошо перекликается с приведенной условной классификацией страхов и тревог студентов [Павлова, Холмогорова 2011].

К макросоциальным факторам в данной модели относятся культурные ценности и ориентиры современного общества, такие как культ успеха и достижений, культ силы и сдержанности, ориентация на конкурентность,

индивидуализм [Там же]. Мы к ним добавим феномен культивации обязательной уверенности в себе, когда, не имея значимых достижений или не прикладывая достаточных усилий, молодой человек считает само собой разумеющимся демонстрировать уверенность и ожидать успеха в учебе и жизни (высоких оценок, престижной должности, высокой зарплаты и т.д.).

Неспособность соответствовать этим культурным стандартам и ориентирам может вызывать тревожные и фобические состояния. Названные культурные ценности и ориентиры могут быть связаны с формированием таких дисфункциональных личностных черт, как импульсивность, враждебность, перфекционизм, которые в исследованиях часто обозначаются как личностные факторы возникновения эмоциональных расстройств [Васильева, Голова 2023; Павлова, Холмогорова 2011].

К семейным факторам эмоционального неблагополучия относят конфликты, отсутствие понимания и поддержки, дисфункциональные отношения в семье, что может провоцировать эмоциональные проблемы, такие как тревожность и депрессия.

Интерперсональные факторы содержат сложности в установлении доверительных, сотрудничающих отношений с друзьями, коллегами, преподавателями. Сюда же относят социальную тревожность, страх быть отвергнутым в группе, что в совокупности может значительно влиять на эмоциональное благополучие студента.

Личностные факторы эмоционального неблагополучия включают низкую самооценку, когнитивные искажения, перфекционизм, импульсивность, эмоциональную нестабильность, пессимистический взгляд на будущее.

Исследуя эмоциональную устойчивость студентов (будущих педагогов) к негативным влияниям информационной среды, С. А. Филиппова с соавторами отмечает, что для личности учащегося, с одной стороны, необходимо развивать потенциал преодоления негативных воздействий, психической зрелости и гибкости в решении проблем, с другой – препятствовать появлению таких свойств, как импульсивность, инфантильность, ригидность и т.д. [Филиппова и др. 2019].

Исследователи выделяют важные ресурсы, свойства и навыки, которые рассматриваются как предикторы активного стиля совладания с жизненными трудностями, стрессами, направленные на выявление, изучение и решение проблемы. Речь идет о личностной готовности к риску, способности и толерантности к переживанию неопределенности [Калинина 2013].

Ряд авторов, работая с выборкой студентов, пришли к выводам, что толерантность к неопределенности может изменяться под влиянием образовательных модераторов, таких как учебная среда и методы преподавания [Mahmoud et al. 2020; Stephens et al. 2021]. Мы считаем верной и перспективной идею о специальном включении аспектов толерантности к неопределенности в учебные программы для улучшения адаптации студентов к профессиональной деятельности и учебному процессу.

Негативные когнитивные убеждения могут существенно затруднять объективную оценку трудной жизненной ситуации и своих ресурсов, вызывать возникновение тревожных и фобических переживаний разного рода [Забара и др. 2021; Никитина, Холмогорова 2010]. Это могут быть убеждения о собственной неполноценности: студенты могут считать себя недостаточно умными, красивыми или успешными, что может привести к социальной тревожности и страху неудач. Студенты могут иметь пессимистические взгляды на будущее или чувствовать устойчивое недоверие к миру, верить, что окружающий мир опасен и враждебен, все это может способствовать развитию фобий и избегающего поведения.

Кроме того, восприятие стрессовой ситуации, оценка собственных ресурсов могут значительно осложняться наличием нереалистичных требований к себе и другим, перфекционизмом, черно-белым мышлением или склонностью видеть ситуации в крайностях (все или ничего) и целым рядом других негативных убеждений [Забара и др. 2021].

Таким образом, актуальность исследования студенческих страхов и тревог заключается в необходимости решения учащимися вопросов адаптации, связанной с макросоциальными, семейными, межличностными, личностными факторами эмоционального неблагополучия, которые становятся значимым вызовом в условиях современной нестабильности и неопределенности, что требует обновленных подходов в профилактической и коррекционной работе психологов, педагогов.

Теоретическая значимость исследования раскрывается в необходимости понимания механизмов формирования тревожных и депрессивных состояний у студентов и роли когнитивных установок в их адаптации к учебной среде. Результаты позволяют расширить представления о значимых когнитивных искажениях, влияющих на тревожность и профессиональную самоидентификацию. Исследование также способствует развитию теоретических моделей,

объясняющих взаимосвязь между базисными убеждениями, академическими стрессорами и эмоциональным благополучием студентов.

Цель – выявить взаимосвязь страхов и тревог студентов вузов разного профиля обучения с базисными убеждениями и когнитивными искажениями. Основные этапы:

- анализ концепций и исследований страхов и тревог у студентов;
- создана анкета, позволяющая изучить страхи и тревоги студентов, актуальные в процессе обучения в вузе;
- определена выборка, спланированы этапы исследования и соответствующие методы анализа статистических данных;
- проведен статистический анализ данных;
- сформулированы результаты и выводы.

Первая гипотеза: профиль обучения (переменная вуз) может иметь значимое влияние на студенческие страхи / тревоги. Ожидалось, что студенты медицинского вуза, в сравнении с другими, имеют менее выраженные страхи выбрать не ту специальность и оказаться профессионально несостоятельными.

Вторая гипотеза: выраженность когнитивных искажений (опросник дисфункциональных отношений А. Бека и А. Вейсмана) значимо обуславливает страхи и тревоги студентов в процессе обучения. Предполагалось, что высокий балл по шкале когнитивных искажений значимо связан с учебными страхами и тревогами студентов.

Методы и материалы

Выборку составили 87 человек из трех вузов в возрасте 19–23 лет: медицинский вуз – 32 студента (институт клинической психологии); финансовый вуз – 38 студентов (менеджмент и маркетинг); аграрный вуз – 17 студентов (агроинженерия / биологический факультет).

Для оценки базисных убеждений студентов использовался опросник «Шкала базисных убеждений» (Р. Янов-Бульман), адаптированный О. В. Кравцовой [Кравцова 2003]. В данной версии опросника присутствуют 8 шкал базисных убеждений: благосклонность мира, доброта людей, справедливость мира, контролируемость мира, случайность происходящего, ценность собственного Я, степень самоконтроля, степень удачи.

С помощью опросника дисфункциональных отношений (Dysfunctional Attitude Scale, DAS) [Weissman, Beck 1978] оценивались когнитивные искажения испытуемых [Захарова 2013]. Методика состоит

из 40 пунктов и предлагает обобщенную оценку дисфункциональных когнитивных искажений. Интерпретация результатов проводится на основе расчета общего суммарного балла по шкале выраженности дисфункциональных отношений (в нашем исследовании это приравнивается к выраженности дисфункциональных когнитивных искажений) и рассчитанных статистических норм.

Для исследования страхов и тревог студентов была разработана анкета, включающая 41 утверждение. Пункты анкеты представляют разные категории страхов и тревог учащихся вузов и формулировались на основании интервью авторов статьи с отдельными представителями выборки. Испытуемый должен был по шкале Лайкерта от 1 до 5, где 1 – совершенно не согласен, а 5 – совершенно согласен, оценить свое согласие со следующими пунктами:

- Я боюсь быть неуспешным в профессии.
- Меня тревожит то, что я могу не закончить университет с красным дипломом.
- Я боюсь не найти работу после университета.
- Я боюсь, что выбрал профессию, которая не даст мне хороший доход в будущем.
- Я боюсь разочаровать родителей.
- Меня тревожит то, что я не успеваю получать и понимать учебный материал в том же темпе, как мои одногруппники.
- Я боюсь провалиться на любой из стадий обучения.
- Я боюсь не встретить «своего» человека и т. д.

Для сбора данных использовалась онлайн-форма. Анализ данных реализован с помощью статистического пакета IBM SPSS v.22 и R-Studio. Использовались методы факторного, корреляционного анализа, методы многомерной дисперсии, многомерной регрессии.

Результаты

На первом этапе с помощью факторного анализа (метод вращения Varimax) анкеты получены 5 факторов, или 5 обобщенных категорий страхов и тревог студентов. Корректность выделения 5-факторной структуры страхов и тревог подтверждена тестом КМО ($p = 0,80$) и тестом сферичности Бартлетта ($p < 0,01$).

1 фактор. **Тревога успеваемости.** В него с наибольшими нагрузками вошли такие пункты анкеты, как:

- Я боюсь, что недостаточно хорошо справлюсь с научной / курсовой работой (0,75).
- Я испытываю тревогу, что придется выступать на конференциях (0,72).
- Я боюсь быть непонятой / непонятым преподавателями (0,71).

2 фактор. **Тревога остаться без социальной поддержки:**

- Я боюсь потерять поддержку своих родных и близких (0,75).
- Я боюсь не встретить «своего» человека (0,64).
- Я боюсь потерять поддержку и понимание друзей (0,64).

3 фактор. **Страх профессиональной несостоятельности:**

- Я боюсь не найти работу после университета (0,79). Мне тревожно от мысли о том, что карьерного роста может не быть (0,77).
- Я боюсь быть неуспешным в профессии (0,73).

4 фактор. **Страх выбрать не ту специальность:**

- Меня тревожит, что я выбрал неинтересную для меня профессию (0,63).
- Я боюсь запустить учебу в связи с дополнительным заработком (0,60).
- Я боюсь, что мое образование нигде мне не пригодится (0,52).

5 фактор. **Красный диплом и стипендия как ориентиры обучения:**

- Мне тревожно от одной мысли, что я могу потерять стипендию (0,69).
- Меня тревожит то, что я могу не закончить университет с красным дипломом (0,62).

В результате факторного анализа были вычислены значения факторов для каждого респондента. Таким образом, были введены новые переменные – факторы страхов и тревог студентов, и последующий анализ проводился с этими переменными.

После первичной интерпретации факторной структуры страхов / тревог студентов мы предположили, что профиль обучения (переменная вуз) может иметь значимые эффекты на выделенные страхи / тревоги. Ожидалось, что студенты медицинского вуза, в сравнении с другими, будут иметь менее выраженные страхи выбрать не ту специальность и оказаться профессионально несостоятельными. Чтобы проверить эти предположения и понять, как страхи и тревоги студентов могут быть обусловлены профилем обучения (учеба по программе в соответствующем вузе: медицинский, финансовый, аграрный), реализован многомерный дисперсионный анализ (MANOVA). В нем были использованы тесты Pillai's Trace и Roy's Largest Root. Эти тесты позволяют определить, оказывает ли профиль обучения значимое влияние на несколько факторов тревожности и страхов одновременно. Тест Pillai's Trace продемонстрировал значимость различий ($p = 0,04$), указывая на общий эффект влияния профиля

обучения на тревоги студентов. Тест Roy's Largest Root подтвердил значимость и результаты анализа.

Тест Ливена показал, что для 2 и 5 факторов предположение о равенстве дисперсий между группами нарушается. Значит дальнейший анализ и достоверность выводов может распространяться только на 1, 3 и 4 факторы. Однако значимость тестов эффектов между группами (Between-Subjects Effects) вывели из анализа 1 фактор и позволили выявить достоверное влияние независимой переменной (профиля обучения) только на 3 и 4 факторы тревог и страхов.

Таким образом, обнаружены статистически значимые различия в уровне страха профессиональной несостоятельности (3 фактор) между студентами из трех разных вузов. Показатель частной эта-квадрат ($\eta^2_{\text{partial}} = 0,11$) означает, что около 11 % дисперсии в уровне этого страха объясняется различиями в профиле обучения, что указывает на умеренный, но значимый эффект.

Для 4 фактора обнаружена только хорошая статистическая тенденция в различиях уровня страха выбрать не ту специальность. Показатель частной эта-квадрат ($\eta^2_{\text{partial}} = 0,05$) демонстрирует, что примерно 5 % дисперсии в уровне этого страха объясняется различиями в профиле обучения. На следующем шаге анализа конкретизируем эффекты переменной *профиль обучения* (вуз) на 3 и 4 факторы страхов / тревог студентов.

Множественные сравнения по методу Шеффе в оценке парных различий между группами студентов разного профиля обучения показали наличие значимых различий для 3 и 4 факторов (табл. 1). Статистически

значимые различия по 3 фактору обнаружены между студентами медицинского и финансового вузов, а также между студентами финансового и аграрного вузов, по 4 фактору (на уровне хорошей статистической тенденции) – между студентами медицинского и аграрного вузов.

На рисунке 1 представлена визуализация статистических различий по 3 фактору. В большей мере страхи и тревоги по поводу профессиональной несостоятельности характерны для студентов финансового вуза. Вероятно, довольно популярный финансовый профиль обучения не дает сам по себе уверенности стать успешным профессионалом в своей области, учитывая современные тенденции нестабильности в финансово-экономической сфере. Для студентов медицинского и аграрного вузов характерен примерно одинаковый уровень этой группы страхов.

Сравнение страхов / тревог по 4 фактору показал, что, для студентов медицинского вуза в меньшей степени свойственны тревожные размышления об оправданности своего выбора специальности, в сравнении с учащимися аграрного вуза (хоть и на уровне статистической тенденции). Студенты финансового вуза занимают срединную позицию в данной группе страхов и тревог (рис. 2).

Многомерный дисперсионный анализ позволил подтвердить гипотезу о том, что студентам медицинского вуза, в сравнении с другими, в меньшей степени свойственны страхи выбрать не ту специальность и оказаться профессионально несостоятельными. Так, студенты-медики имеют значимо менее выраженные

Табл. 1. Результаты сравнительного анализа по методу Шеффе между группами студентов разных профилей обучения по выраженности 3 и 4 факторов (страх профессиональной несостоятельности, страх выбрать не ту специальность)

Tab. 1. Scheffe's analysis of students with different majors: fear of professional failure and fear of choosing the wrong specialty

Вузы	Ср. различия	Станд. ошибка	p	95 % ИД
3 фактор. Страх профессиональной несостоятельности				
Медицинский – финансовый	-0,59	0,23	0,04*	от -1,17 до -0,03
Медицинский – аграрный	1,52	0,29	0,87	от -0,56 до 0,87
Финансовый – аграрный	0,74	0,28	0,03*	от 0,05 до 1,44
4 фактор. Страх выбрать не ту специальность				
Медицинский – финансовый	-0,35	0,24	0,35	от -0,93 до 0,24
Медицинский – аграрный	-0,62	0,29	0,09*	от -1,39 до 0,11
Финансовый – аграрный	-0,28	0,29	0,63	от -0,99 до 0,44

Прим.: * – обнаружены статистически значимые различия; ИД – интервал доверия.

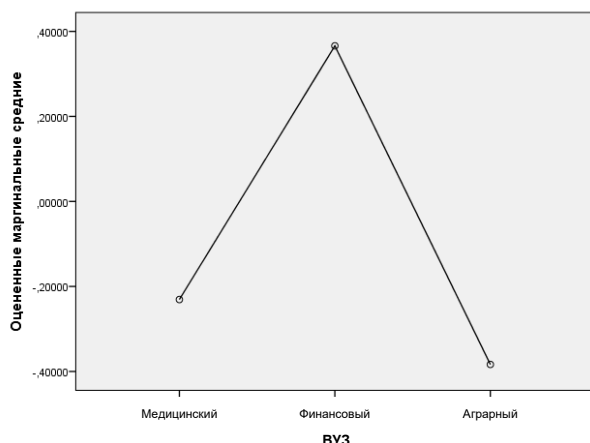

Рис. 1. Оцениваемые маргинальные средние для студентов разных вузов по фактору 3 – страх профессиональной несостоятельности

Fig. 1. Factor of Fear of professional failure in students of different universities, marginal means

тревоги по поводу профессиональной несостоятельности, в сравнении со студентами финансового вуза. Кроме того, студенты медицинского вуза в меньшей степени обеспокоены страхом выбора не той специальности, в сравнении со студентами-аграриями.

Для анализа взаимосвязи между выделенными факторами страхов и тревог студентов и базисными убеждениями реализован корреляционный анализ (коэффициент корреляции Спирмена). В анализе корреляций рассматривались связи между шкалами опросника О. В. Кравцовой и факторами страхов и тревог, а не отдельными пунктами анкеты. В результате получен ряд статистически значимых корреляций. Например, в таблице 2 представлены значимые обратные корреляции для 1, 2 и 4 факторов страхов и тревог студентов и шестого базисного убеждения *ценность собственного Я*.

Табл. 2. Значимые корреляции (по Спирмену) для факторов страхов, тревог и базисного убеждения *ценность собственного Я* (опросник О. В. Кравцовой)
Tab. 2. Spearman's significant correlations for the factors of fears, anxieties, and Self-value: O. V. Kravtsova's questionnaire

Фактор страхов и тревог	R	p
Тревога успеваемости	$r = -0,29$	0,02
Тревога остаться без социальной поддержки	$r = -0,40$	0,01
Страх выбрать не ту специальность	$r = -0,27$	0,02

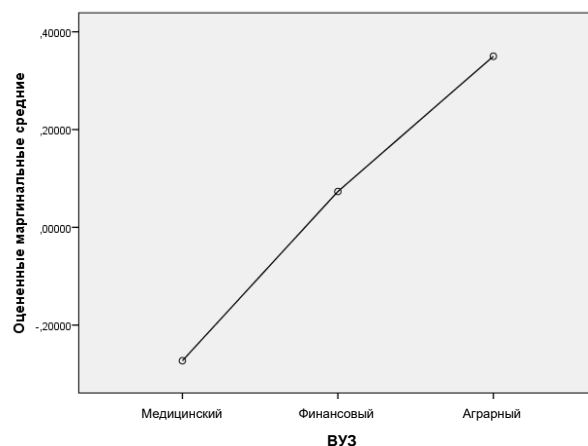

Рис. 2. Оцениваемые маргинальные средние для студентов разных вузов по фактору 4 – страх выбрать не ту специальность
Fig. 2. Factor of Fear of choosing the wrong specialty in students of different universities, marginal means

Сразу три фактора страхов и тревог студентов показали значимые обратные корреляции с убеждением *ценность собственного Я*. Более значимую и выраженную связь наблюдаем между убеждением в *ценности собственного Я* и вторым фактором *тревога остаться без социальной поддержки*. Выявлены чуть менее значимые и выраженные связи между *ценностью собственного Я* и *тревогой успеваемости* и *страхом выбрать не ту специальность*.

Можно предположить, что высокие оценки собственной значимости и ценности могут заметно снижать присутствие страхов и тревог, связанных с одиночеством, покинутостью, социальной тревогой, тревогой не успеть в учебном процессе, страхом выбрать не ту специальность; человек, уверенный в своих способностях и возможностях, может легче справиться с ситуациями одиночества, предательства, социальными вызовами, противостоянием другим людям, с ситуацией отстающего, например в учебном процессе. Убежденность в собственной ценности и значимости может рассматриваться как главное основание и ресурс адаптации и сопротивления воздействиям негативных факторов.

Кроме этого, есть еще одна значимая обратная корреляция между страхом профессиональной несостоятельности (3 фактор) и вторым базисным убеждением *доброта людей* ($r = -0,24$; $p = 0,05$), а также одна обратная корреляция на уровне хорошей статистической тенденции между тревогой остаться без социальной поддержки и первым базисным убеждением *благосклонность мира* ($r = -0,23$; $p = 0,06$).

Эти взаимосвязи позволяют предположить, что человек с убеждениями о доброте людей и окружающего мира не будет иметь больших проблем с тревогой не состояться профессионально. Возможно, людям с верой в доброту людей и благосклонность мира свойственна более позитивная надежда найти свое призвание, дело, место. Убежденность в благосклонности мира должна помочь контролировать страхи остаться без социальной поддержки. К главным ресурсам личности в выживании и адаптации, кроме убежденности в ценности и значимости собственного Я, можно причислить веру в благосклонность мира и доброту людей.

Для проверки гипотезы о том, что выраженность когнитивных искажений (опросник дисфункциональных отношений А. Бека и А. Вейсмана в адаптации М. Л. Захаровой) может значимо обуславливать учебные страхи и тревоги студентов, был проведен многомерный регрессионный анализ (табл. 3). Целью исследования было проследить эффекты влияния шкалы когнитивных искажений на выделенные в результате факторного анализа 5 факторов страхов и тревог студентов. Значимые эффекты влияния выраженности когнитивных искажений на факторы страхов и тревог были получены для всех факторов, кроме четвертого.

Наиболее значимый эффект шкалы когнитивных искажений выявлен для 1 фактора (тревога успеваемости). Высокие баллы по шкале когнитивных искажений значимо предопределяют наличие тревог студентов, связанных с учебной деятельностью. Это означает, что такие когнитивные искажения, составляющие содержание шкалы, как перфекционизм, склонность к катастрофизации, свержобобщению и эмоциональное мышление, могут быть основой для страхов не справиться с написанием курсовой работы, переживаний о возможном выступлении на конференции, опасений остаться непонятым

преподавателями или не разобраться с учебным материалом. Шкала когнитивных искажений значимо и умеренно объясняет 13,6 % дисперсии первого фактора учебных страхов, что является существенным показателем.

Вторым по значимости является эффект влияния шкалы когнитивных искажений на 2 фактор (тревога остаться без социальной поддержки). Высокий уровень когнитивных искажений, таких как черно-белое мышление, чрезмерная самокритичность и катастрофизация, значимо обуславливает страхи не найти или потерять поддержку друзей и родных, не встретить «своего» человека в жизни, остаться одному или не найти общий язык с одногруппниками. Результаты показывают, что выраженность когнитивных искажений значимо, но с умеренной силой объясняет порядка 9,4 % дисперсии второго фактора страхов, связанных с отсутствием социальной поддержки.

3 фактор (страх профессиональной несостоятельности) продемонстрировал значимый эффект когнитивных искажений. Высокие показатели по шкале когнитивных искажений связаны со страхами не реализоваться в выбранной профессии, не соответствовать профессиональным ожиданиям или требованиям рынка труда. Шкала когнитивных искажений объясняет 7,2 % дисперсии этого фактора, что свидетельствует о значимом влиянии когнитивных искажений на профессиональные тревоги студентов.

5 фактор (красный диплом и стипендия как ориентиры обучения) показал значимый, но менее выраженный эффект когнитивных искажений. Стремление к высоким академическим достижениям и внешним признакам успеха может быть связано с перфекционизмом и другими когнитивными искажениями. Шкала когнитивных искажений объясняет 6 % дисперсии этого фактора, указывая на влияние когнитивных искажений на мотивацию к формальным признакам успеха в обучении.

Табл. 3. Результаты многомерного регрессионного анализа между шкалой когнитивных искажений (опросник DAS) и факторами страхов и тревог студентов вузов

Tab. 3. Cognitive distortions scale (DAS) vs. fear and anxiety factors in university students: multivariate regression analysis

Факторы	Коэффициент b (Unstandardized)	Станд. ошибка (SE)	Стандартизованный коэффициент β (Beta)	P	R-квадрат (коэффициент детерминации), %
1 фактор	11,1791	2,5099	0,3881	0,001	13,6
2 фактор	8,9896	2,4978	0,3136	0,001	9,4
3 фактор	7,9809	2,4993	0,2782	0,002	7,2
5 фактор	7,3786	2,5017	0,2570	0,004	6

Для 4 фактора (страх выбрать не ту специальность) значимого эффекта когнитивных искажений обнаружено не было.

Таким образом, гипотеза о том, что высокий уровень когнитивных искажений значимо обуславливает страхи и тревоги студентов, была подтверждена для большинства факторов. Наиболее сильное влияние когнитивные искажения оказывают на учебные тревоги, связанные с успеваемостью, и социальные страхи, связанные с поддержкой окружения. Менее выраженные, но значимые эффекты наблюдаются для страхов профессиональной несостоятельности и ориентации на внешние показатели успеха. Отсутствие значимого влияния на страх выбрать не ту специальность указывает на необходимость дальнейшего исследования других факторов, влияющих на данный страх.

Полученные результаты подчеркивают важность работы с когнитивными искажениями в психологической поддержке студентов. Коррекция этих искажений может способствовать снижению уровня тревог и страхов, связанных с учебной деятельностью, социальными отношениями и профессиональным самоопределением.

Практическое применение результатов исследования. На основе полученных результатов нашего и ряда других исследований [Агапов и др. 2023; Филиппченкова, Балакшина 2022] можно предложить несколько направлений для применения выводов в работе психологической службы вуза с тревожными и депрессивными состояниями студентов. Прежде всего, может оказаться полезным создание диагностического инструмента, анкеты изучения факторов психоэмоционального неблагополучия у учащихся вузов. Данные о распространенности, выраженности тревожных и депрессивных симптомов и связи с когнитивными искажениями и убеждениями, полученные в исследовании, могут стать важным компонентом программы регулярного психологического скрининга, включающего использование валидизированных диагностических методик (например, методика диагностики академической адаптации, предназначенной для оценки процесса и результата адаптации студентов к условиям и требованиям академической среды [Шамионов и др. 2022]).

Кроме того, результаты исследования могут быть полезны для разработки программ психолого-педагогической поддержки, ориентированных на профилактику тревожных и депрессивных расстройств и повышение устойчивости к стрессу у студентов вузов.

Заключение

Проведенное исследование позволило выделить 5 ключевых факторов страхов и тревог студентов, связанных с учебной деятельностью, социальной поддержкой и профессиональной идентичностью. Эти факторы могут быть использованы как диагностические индикаторы в работе психологических служб вузов.

Выраженность страхов и тревог студентов варьируется в зависимости от профиля их обучения. Наименьшие уровни профессиональных страхов наблюдаются у студентов медицинских вузов, что, вероятно, связано с высокой социальной значимостью профессии и уверенностью в ее востребованности.

Базисные убеждения, такие как ценность собственного Я, доброта людей и благосклонность мира, оказывают положительное влияние на снижение тревожности, способствуя академической и социальной адаптации студентов.

Выраженность когнитивных искажений усиливает учебные и социальные тревоги. Это подчеркивает необходимость их коррекции в рамках психологической поддержки студентов.

Разработанные методы диагностики страхов и тревог студентов могут быть интегрированы в программы психолого-педагогической поддержки для профилактики эмоционального неблагополучия и повышения устойчивости к стрессу.

Подготовка к профессиональной деятельности начинается с решения важных задач в период обучения, связанных с формированием личностной и профессиональной идентичности студента, пониманием собственных мотивов и целей деятельности, учебным процессом, участием в научно-исследовательской работе, с умением формулировать и отстаивать собственную позицию по актуальным вопросам, формированием навыков публичного выступления, организацией своей работы и планированием времени, поиском способов эффективной коммуникации. Не справляясь с этими требованиями образовательной среды, студент часто теряет веру в свои возможности, что приводит к эмоциональной пассивности и накоплению негативного опыта, который может затруднить дальнейшее профессиональное становление.

Переживание невозможности справиться с учебными и жизненными вызовами проявляется в форме разнообразных страхов и тревог. Эти состояния, несмотря на их негативный эмоциональный окрас, выполняют важную психологическую функцию, сигнализируя о проблемах адаптации и указывая на необходимость развития стратегий совладания.

Исследование этих сигналов через анализ когнитивных процессов, убеждений и искажений позволяет глубже понять психологические механизмы адаптации студентов и факторы, способствующие эмоциональному благополучию.

В результате выявлены 5 ключевых факторов тревог студентов: учебные тревоги, страх остаться без социальной поддержки, страх профессиональной несостоятельности, страх выбора неправильной специальности и тревожность, связанная с достижением формальных успехов в образовании (красный диплом, стипендия). Эти категории отражают разнообразные аспекты взаимодействия студентов с образовательной средой и требованиями общества.

Учебные страхи и тревоги указывают на когнитивные перегрузки, трудности с планированием, усилимые выраженными когнитивными искажениями. Социальные страхи подчеркивают важность проблемы развития отношений внутри коллектива, студенческой группы. Было показано, что страх профессиональной несостоятельности связан с сомнениями студентов в своих карьерных перспективах, с возможностью не реализовать в профессии, не соответствовать профессиональным ожиданиям и требованиям рынка труда. Базисные убеждения, такие как ценность собственного Я и доброта людей, играют роль защитных факторов, в то время как когнитивные искажения усугубляют тревожность. Это подчеркивает необходимость психологической поддержки для улучшения адаптации студентов.

Результаты исследования могут быть использованы для создания программ психологической помощи, направленных на профилактику и коррекцию тревожных состояний студентов. Эти программы должны включать элементы диагностики и индивидуальной работы с когнитивными искажениями, такими как

перфекционизм и катастрофизация. Особое внимание следует уделить развитию базисных убеждений, например уверенности в собственной ценности и доброте окружающих, которые оказывают значительное влияние на снижение тревожности.

Практическое значение заключается в разработке тренингов и образовательных мероприятий, направленных на повышение толерантности к неопределенности, укрепление навыков управления временем и эмоциональной устойчивости. Такие меры могут способствовать успешной адаптации студентов к учебной среде и созданию условий для личностного и профессионального роста.

Результаты подчеркивают необходимость создания комфортной образовательной среды, в которой студенты могут не только справляться с академическими и социальными вызовами, но и развивать уверенность в своих силах. Данное исследование также вносит вклад в развитие теоретических моделей, описывающих взаимосвязь когнитивных процессов, убеждений и тревожных состояний. Оно отвечает на практические вопросы педагогов и психологов, связанные с оптимизацией образовательного процесса и поддержкой студентов в период их профессионального становления.

Конфликт интересов: Авторы заявили об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.

Conflict of interests: The authors declared no potential conflict of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Критерии авторства: П. Р. Юсупов (80 %), А. С. Межина (20 %).

Contribution: P. R. Yusupov (80%), A. S. Mezhdina (20%).

Литература

- Авраменко Н. Н. Представления студентов о трудных ситуациях и стратегиях совладающего поведения в них. *Вестник КСУ им. Н. А. Некрасова. Сер.: Педагогика. Психология. Социальная работа. Ювенология. Социокинетика*. 2015. Т. 21. № 4. С. 147–152. [Avramenko N. N. Representations of students on difficult situations and on coping strategies in them. *Vestnik KSU im. N. A. Nekrasova. Ser.: Pedagogika. Psikhologiya. Sotsialnaya rabota. Iuvenologiya. Sotsiokinetika*, 2015, 21(4): 147–152. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vkdyaal>
- Агапов М. А., Скалин Ю. Е., Бочарова Н. Н. Скрининговая диагностика психоэмоционального состояния обучающихся в системе высшего образования. *Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Филология, педагогика, психология*. 2023. № 1. С. 90–101. [Agapov M. A., Skalin Yu. E., Bocharova N. N. Screening diagnostics of the psycho-emotional state of students in higher education system. *Vestnik of Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Philology, Pedagogy, Psychology*, 2023, (1): 90–101. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/lwiriv>

- Алипханова Ф. Н., Сердюкова Е. Ф. Теоретические основы проблемы поведения человека в трудных жизненных ситуациях в рамках психолого-педагогической науки. *Проблемы современного педагогического образования*. 2016. № 53-9. С. 3–9. [Aliphanova F. N., Serdukova E. F. Theoretical foundations of human behavior problems in difficult situations within the psychological science teaching. *Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia*, 2016, (53-9): 3–9. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/xuyohv>
- Богомазова К. О., Байгужина О. В. Социальная тревога и психологическая атмосфера в группе как корреляты жизнеспособности студентов различных профилей подготовки. *Психология. Психофизиология*. 2022. Т. 15. № 1. С. 5–15. [Bogomazova K. O., Baiguzhina O. V. Social anxiety and psychological climate as indicators of vitality in students of different education fields. *Psikhologiya. Psikhofiziologiya*, 2022, 15(1): 5–15. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ojungz>
- Васильева О. С., Голова В. С. Связь эмоционального интеллекта с особенностями переживания счастья у студентов-психологов. *Инновационная наука: психология, педагогика, дефектология*. 2023. Т. 6. № 2. С. 15–27. [Vasileva O. S., Golova V. S. The relation of emotional intelligence with the peculiarities the experiencing happiness in psychology students. *Innovative Science: psychology, pedagogy, defectology*, 2023, 6(2): 15–27. (In Russ.)] <https://doi.org/10.23947/2658-7165-2023-6-2-15-27>
- Дутчина О. Б., Щербаклова В. И. Особенности эмоциональной сферы личности у студентов в период экзаменов. *Актуальные проблемы, достижения и перспективы научной и практической психологии в современном обществе: Всерос. науч.-практ. конф. (Хабаровск, 7–12 декабря 2023 г.)* Хабаровск: ТОГУ, 2024. С. 106–110. [Dutchina O. B., Shcherbakova V. I. Features of the emotional sphere of personality in students during exams. *Current problems, achievements and prospects of scientific and practical psychology in modern society: Proc. All-Russian Sci.-Prac. Conf., Khabarovsk, 7–12 Dec 2023*. Khabarovsk: PNU, 2024, 106–110. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/gvpynf>
- Забара Л. И., Лебедева Ю. В., Шабанова Н. А. Социально-психологическая адаптация к вузу студентов-психологов. *Педагогическое образование в России*. 2021. № 6. С. 185–194. [Zabara L. I., Lebedeva Ju. V., Shabanova N. A. Socio-psychological adaptation to the university for students of the department of psychology. *Pedagogical Education in Russia*, 2021, (6): 82–93. (In Russ.)] https://doi.org/10.26170/2079-8717_2021_06_22
- Захарова М. Л. «Шкала дисфункциональных отношений» как метод исследования когнитивных искажений. *Личность, семья и общество: вопросы педагогики и психологии*. 2013. № 29. С. 55–65. [Zakharova M. L. "Dysfunctional Attitudes Scale" as a method of the cognitive distortions' research. *Lichnost, semia i obshchestvo: voprosy pedagogiki i psikhologii*, 2013, (29): 55–65. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/qcpwbd>
- Калинина Н. В. Трудные жизненные ситуации с позиции современных школьников: содержание и преодоление. *Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Акмеология образования. Психология развития*. 2013. Т. 2. № 3. С. 245–250. [Kalinina N. V. Difficult real-life situations from the position of modern school children: Content and overcoming. *Izvestiia of Saratov University. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2013, 2(3): 245–250. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rsfehn>
- Каргина А. Е., Морозова И. С., Крецан З. В. Особенности представлений обучающихся выпускных курсов о трудных жизненных ситуациях в будущей профессиональной деятельности и о способах их преодоления. *Психолого-педагогические исследования*. 2021. Т. 13. № 1. С. 117–130. [Kargina A. E., Morozova I. S., Kretsan Z. V. Peculiarities of ideas of graduate students about coping difficult life situations in their future professional activity and about ways to overcome them. *Psychological-Educational Studies*, 2021, 13(1): 117–130. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/psyedu.2021130108>
- Кравцова О. В. Опросник базисных убеждений. М.: ИП РАН, 2003. [Kravtsova O. V. *Questionnaire of Basic Attitudes*. Moscow: IP RAS, 2003. (In Russ.)]
- Краснова В. В., Холмогорова А. Б. Социальная тревожность и студенческая дезадаптация. *Психологическая наука и образование*. 2011. № 1. С. 140–150. [Krasnova V. V., Kholmogorova A. B. Social anxiety and student disadaptation. *Psychological-Educational Studies*, 2011, (1): 140–150. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/noratb>
- Никитина И. В., Холмогорова А. Б. Социальная тревожность: содержание понятия и основные направления изучения. Часть 1. *Социальная и клиническая психиатрия*. 2010. Т. 20. № 1. С. 80–85. [Nikitina I. V., Kholmogorova A. B. Social anxiousness: Content of concept and main directions of investigation. Part 1. *Sotsial'naya i klinicheskaya psikhiatriya*, 2010, 20(1): 80–85. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/msrrol>

- Павлова Т. С., Холмогорова А. Б. Психологические факторы социальной тревожности в студенческом возрасте. *Консультативная психология и психотерапия*. 2011. № 1. С. 29–43. [Pavlova T. S., Kholmogorova A. B. Psychological factors of social anxiety in students. *Counseling Psychology and Psychotherapy*, 2011, (1): 29–43. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/rndzgp>
- Полякова О. Б., Бонкало Т. И. Самочувствие как компонент субъективной оценки здоровья студентами. *Здоровье мегаполиса*. 2024. Т. 5. № 2. С. 24–32. [Polyakova O. B., Bonkalo T. I. Well-being as a component of subjective health assessment in students. *City Healthcare*, 2024, 5(2): 24–32. (In Russ.)] <https://doi.org/10.47619/2713-2617.zm.2024.v.5i2;24-32>
- Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Социальные страхи и социофобии. Томск: ТГУ, 2007. 210 с. [Sagalakova O. A., Truvtsev D. V. *Social fears and sociophobia*. Tomsk: TSU, 2007, 210. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/swnelv>
- Сагалакова О. А., Труевцев Д. С. Социальные страхи студентов. *Психология обучения*. 2009. № 3. С. 33–41. [Sagalakova O. A., Truvtsev D. V. Social fears of students. *Psikhologiya obucheniia*, 2009, (3): 33–41. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/kgwrsb>
- Филиппова С. А., Пазухина С. В., Куликова Т. И., Степанова Н. А. Эмоциональная устойчивость будущих педагогов к негативному влиянию современной информационной среды. *Психологическая наука и образование*. 2019. Т. 24. № 5. С. 80–90. [Filippova S. A., Pazukhina S. V., Kulikova T. I., Stepanova N. A. Emotional resistance to negative impacts of modern information environment in future teachers. *Psychological-Educational Studies*, 2019, 24(5): 80–90. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/pse.2019240508>
- Филиппченкова С. И., Балакшина Е. В. Особенности психоэмоционального состояния студентов технического вуза: векторы исследования. *Вестник ТвГТУ. Серия «Науки об обществе и гуманитарные науки»*. 2022. № 1. С. 70–74. [Filippchenkova S. I., Balakshina E. V. Peculiarities of the psycho-emotional state of technical university students: Research vectors. *Vestnik TvGTU. Seriya "Nauki ob obshchestve i humanitarnye nauki"*, 2022, (1): 70–74. (In Russ.)] <https://doi.org/10.46573/2409-1391-2022-1-70-74>
- Холмогорова А. Б., Гаранян Н. Г., Евдокимова Я. Г., Москова М. В. Психологические факторы эмоциональной дезадаптации у студентов. *Вопросы психологии*. 2009. № 3. С. 16–26. [Kholmogorova A. B., Garanyan N. G., Evdokimova Ya. G., Moskova M. V. Psychological factors of emotional maladjustment in students. *Voprosy Psikhologii*, 2009, (3): 16–26. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/ndakbh>
- Шабанова Т. Л., Лебедева И. В. Психолого-педагогические условия формирования эмоциональной зрелости у студентов в процессе обучения в вузе. *Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований*. 2015. № 12-9. С. 1710–1713. [Shabanova T. L., Lebedeva I. V. Psychopedagogical conditions for the development of emotional maturity in students during the university studies. *International Journal of Applied and Fundamental Research*, 2015, (12-9): 1710–1713. (In Russ.)] <https://elibrary.ru/vjfwph>
- Шамионов Р. М., Григорьева М. В., Гринина Е. С., Созонник А. В. Академическая адаптация студентов: разработка и валидизация новой методики. *Психологическая наука и образование*. 2022. Т. 27. № 2. С. 53–68. [Shamionov R. M., Grigorieva M. V., Grinina E. S., Sozonnik A. V. Evaluating academic adaptation in students: A new technique. *Psychological-Educational Studies*, 2022, 27(2): 53–68. (In Russ.)] <https://doi.org/10.17759/pse.2022270205>
- Beck A. T. *Depression: Clinical, experimental, and theoretical aspects*. NY: Harper & Row, 1967, 370.
- Beck A. T., Rush A. J., Sha B. F., Emery G. *Cognitive therapy of depression*. NY: Guilford Press, 1987, 425.
- Mahmoud N. E., Kamel S. M., Hamza T. S. The relationship between tolerance of ambiguity and creativity in architectural design studio. *Creativity Studies*, 2020, 13(1): 179–198. <https://doi.org/10.3846/cs.2020.9628>
- Stephens G. C., Rees C. E., Lazarus M. D. Exploring the impact of education on preclinical medical students' tolerance of uncertainty: A qualitative longitudinal study. *Advances in Health Sciences Education*, 2021, 26(1): 53–77. <https://doi.org/10.1007/s10459-020-09971-0>
- Weissman A. N., Beck A. T. Development and validation of the Dysfunctional Attitude Scale: A preliminary investigation. *Proceedings of the 62nd Annual Meeting of the American Educational Research Association*. Toronto, 1978. URL: <https://files.eric.ed.gov/fulltext/ED167619.pdf> (accessed 10 Jul 2024).

СибСкрипт = SibScript

Контакты для сотрудничества:

Серый Андрей Викторович, главный редактор, КемГУ
(Кемерово, Россия), avgrey@yahoo.com
Васютин Сергей Александрович, заместитель главного
редактора по направлению «История», КемГУ
(Кемерово, Россия), vasutin2012@list.ru
Сатучина Татьяна Юрьевна, ответственный редактор
по направлению «Филология», КемГУ (Кемерово, Россия),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Старикова Людмила Семеновна, ответственный секретарь,
КемГУ (Кемерово, Россия), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Contacts for co-operation:

Andrey V. Seryy, Editor-in-Chief, Kemerovo State University
(Kemerovo, Russia), avgrey@yahoo.com
Sergey A. Vasyutin, Vice Editor-in-Chief for History,
Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
vasutin2012@list.ru
Tatiana Yu. Satuchina, Executive Editor for Linguistics and Literary
Studies, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia),
tatianakuznetsova86@mail.ru
Lyudmila S. Starikova, Executive Secretary, Kemerovo State
University (Kemerovo, Russia), vestnik@kemsu.ru,
vestkemsu@gmail.com

Над выпуском работали:

Литературный редактор, корректор –
Старикова Людмила Семеновна.
Литературный редактор (английский язык) –
Рабкина Надежда Владимировна.
Верстка и дизайн – Митько Наталья Викторовна.

Editorial team:

Literary editor, proof-reader – Lyudmila S. Starikova.
Literary editor (Eng.) – Nadezhda V. Rabkina.
Layout and design – Natalia V. Mitko.

Подписано к печати 13.05.2025.

Дата выхода в свет __.05.2025.

Печать офсетная. Бумага Sveto Copy.

Формат А4. Усл. печ. л. – 27,2. Уч.-изд. л. – 23.

Тираж 500 экз.

Цена свободная.

Адрес типографии: Россия, Кемеровская область – Кузбасс, 650000, г. Кемерово, пр. Советский, 73.

sibscript.ru

